

Фрэнк Херберт

МУРАВЕЙНИК ХЕЛЛСТРОМА

M&SF

НОВИНКИ
SF & F

Это... поразительный, таинственный
и... страшный роман...

"Эмезинг сториз"

Н О В И Н К И SF & 7

«AMEX Ltd» — АО «ЛОРИС»

Москва — 1993

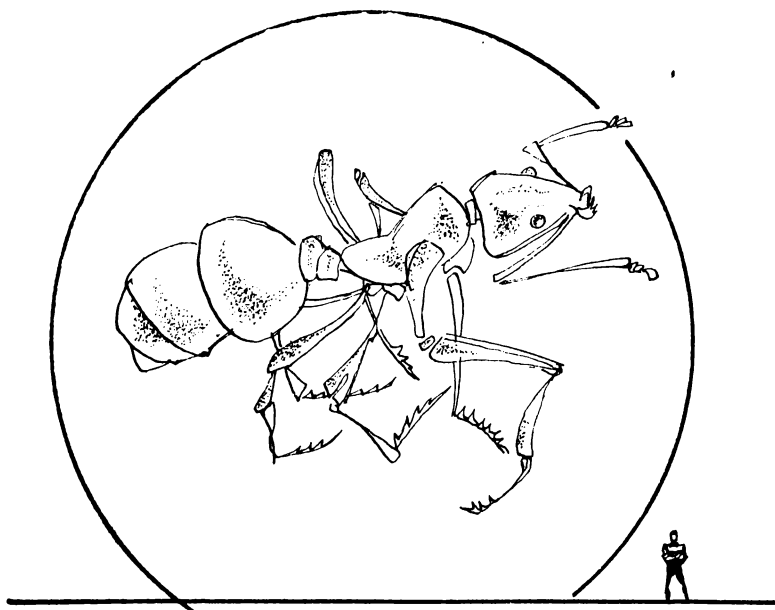

Frank Herbert

Hellstrom's

WAVE

Фрэнк Херберт

**МУРАВЕЙНИК
ХЕЛЛСТРОМА**

**ББК 84(0)6
М91**

Перевод с английского
Ю. Копцова

Художественное оформление
В. Стахеева

Редактор
Л. И. Моргун

Корректор
М. И. Кононова

Технический редактор
А. Болотников

Серия: Новинки Science Fiction & Fantasy

В книгу вошли: научно-фантастический роман видного американского фантаста Фрэнка Херберта, рассказывающий о невероятном и успешном эксперименте по превращению людей в муравьев, а также разноплановые фантастические рассказы Говарда Фаста.

- © «AMEX Ltd». Подготовка макета, составление серии. 1993.
- © Ю. Копцов. Перевод. 1993.
- © В. Стахеев. Художественное оформление. 1993.

ISBN 5-85689-009-4

Сдано в набор 12.01.93. Подписано в печать 14.09.93. Бумага офсетная.
Формат 60х88/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Печ. л. 27.
Уч.-изд. л. 23,3. Тираж 50 000 экз. Зак. 860.

АО «Лорис».
Покровский бульвар, 14/5.

Отпечатано в Московской типографии № 8 Мининформпечати РФ.
101898, Москва, Хохловский пер., 7.

Слова праматери, Тровы Хеллстром: «Я жду с радостью день, когда мне предстоит войти в Котел и стать единым целым со своим народом». (Октябрь, 26, 1896.)

Мужчина с биноклем полз на животе сквозь нагретую солнцем коричневую траву. В траве было много насекомых, досаждавших ему, но он не замечал их. Он стремился добраться до тени, отбрасываемой кроной дуба, и при этом старался как можно меньше тревожить скрывавшую его растительность. Он не делал лишних движений, даже когда на его голую кожу падали веточки или что-то живое и ползающее.

Узкое лицо, загорелое и в глубоких морщинах, выдавало его возраст — сорок один год, но волосы, черные и блестящие, выбившиеся из-под шляпы цвета хаки, могли и оспорить этот вывод. Так же, как и его движения, быстрые и уверенные.

На гребне холма мужчина, несколько раз глубоко вздохнув, протер линзы бинокля чистым льняным носовым платком. Затем, раздвинув сухую траву и сфокусировав бинокль, стал внимательно рассматривать ферму внизу в долине, у подножия холма. Дымка жаркого осеннего дня затрудняла наблюдение даже с помощью бинокля специальной конструкции. Мужчина пользовался техникой, которая применяется при стрельбе из ружья: задерживал дыхание, быстро двигал глазами, сохраняя неподвижным дорогостоящий инструмент, позволяющий различать во всех деталях удаленные объекты.

Перед его внимательным взором лежала ферма, расположенная в странном уединении. Долина была длиной примерно в пять миль и шириной по большей части ярдов пятьсот, сужаясь к горловине, где тонкий ручеек пробивал

себе дорогу среди черных скал. Строения фермы стояли на свободном от растительности дальнем берегу узкого потока. Его извивающееся, обрамленное ивами русло служило слабым напоминанием весеннего разлива. Заплатки зеленого мха покрывали торчащие из воды валуны, а в нескольких мелких заводях вода, казалось, была неподвижной.

Строения располагались в некотором удалении от потока. Потрепанные непогодой, с глухими окнами, они контрастировали с аккуратно убранными грядками, тянувшимися параллельными рядами внутри ограды, которая четким прямоугольником охватывала остальную часть долины. Здесь же стоял главный дом старой постройки с двумя крыльями, в одном из них ниша с окном выходила на ручей. Справа от дома находился сарай с большими дверями на верхнем уровне и выступающими куполами по всему коньку крыши: не было ни единого окна, но по всей длине и на торце виднелись вентиляционные башенки. За этим сараем вверх по склону холма стояли обветшавшие навесы, потом строение поменьше, за ним еще одно — выше на холме, позади жилого дома, — возможно старая насосная станция. В северной части долины рядом с высокой основной оградой находился приземистый бетонный блок длиной в двадцать футов с плоской крышей — можно было предположить, что это новая насосная станция, хотя он больше напоминал оборонительное сооружение в виде старинного форта.

Наблюдатель, которого звали Карлос Дюпо, отметил, что долина соответствует описаниям. Но описания касались того, чего здесь нет: не видно следов хозяйственной деятельности людей (хотя из сарая доносился отчетливо слышимый гул машин), нет дороги, ведущей от северных ворот к хозяйственным постройкам (ближайшая проселочная дорога в одну колею подходила к долине с севера, но обрывалась у ворот за жилым домом). Узкая тропинка, по всей видимости след от тачки, вела от ворот к жилому дому и сараю.

Вверх по долине ее склоны становились круче и делались почти отвесными в местах, где проступали коричневые скалы. Такой же скалистый выброс находился в сотне футов справа от Дюпо. Редкие следы животных змеились пыльными лентами среди дубов и земляничных деревьев, растущих на

склонах долины. Черная скала с миниатюрным водопадом перекрывала южный край долины, где тонкий светло-коричневый прочерк воды вливался в речушку. К северу земля становилась более плоской, расширяясь в поляны-пастбища и группы сосен, смешанных с земляничными деревьями и дубами. В отдалении паслись коровы. Рядом с фермой ограждений не было. Тем не менее высокие травы свидетельствовали о том, что дикие животные не рискуют приближаться к долине. Это тоже соответствовало имеющимся сообщениям.

Удовлетворившись осмотром, Дюпо повернулся и пополз назад за гребень, в тень дуба. Здесь он лег на спину и расположил небольшой рюкзачок так, чтобы можно было заглянуть в него. Дюпо знал, что его одежда сливается с травой, но сесть не рисковал, предпочитая ждать и слушать. В рюкзаке были бинокль в футляре, замусоленный журнал «Узнать птицу с первого взгляда», хорошая тридцатипяти-миллиметровая камера с длинными линзами, пара сэндвичей, апельсин и пластиковая бутылка с теплой водой.

Вынув сэндвич, он полежал немного, глядя вверх сквозь ветви дуба, не останавливая светло-серых глаз на чем-либо в особенности. Задумчиво выдернул черный волосок, вылезший из ноздри. Все кругом выглядело весьма странно. Вот уже середина октября, а за время сбора урожая Агентство не засекло ни единого фермера в этой долине. Урожай, однако, был снят. В этом сомнений не было. Дюпо не сельский житель, но разбросанные кукурузные охвостья узнать мог, хотя все стебли отсутствовали.

Зачем понадобилось убирать стебли, удивился он. Поля других ферм, которые он проезжал по пути сюда, никто так не подчищал. Дюпо не знал наверное, но, похоже, этот факт, касающийся так сильно интересующей Агентство долины, был из серии ее загадок. Эта неясность беспокоила его, и он решил все уточнить. Сожгли они стебли, что ли?

Вскоре, не обнаружив ничего подозрительного, Дюпо сел, прислонившись спиной к стволу дуба, съел сэндвич и запил его теплой водой. С рассвета это была первая его трапеза. Апельсин и второй сэндвич он решил пока оставить. От того места под соснами, где он спрятал свой велосипед,

до этой выгодной для наблюдения точки ему пришлось добираться долго. Еще полчаса надо ехать на велосипеде до вагончика и вехи, у которой осталась Тимена. Дюпо решил не возвращаться до темноты и понимал, что проголодается еще до того, как доберется до вагончика. Не впервые на такой работе. Необычный характер этого предприятия становился для него все более отчетливым по мере приближения к ферме. Впрочем, его предупреждали. Местность оказалась гораздо более плоской и лишенной естественных укрытий, чем он ожидал, судя по фотографиям, полученным с помощью аэрофотосъемки, хотя в докладах Портера об этом упоминалось особо. Дюпо решил подойти к долине с другой стороны и поискать укрытие здесь. Только высокая коричневая трава прикрывала его движение через широкое пастбище и подъем на холм.

Покончив с сэндвичем и утолив жажду, Дюпо закрыл наполовину опустевшую бутылку и спрятал ее и остатки еды обратно в рюкзак, после чего внимательно посмотрел назад вдоль проторенной им тропы. Никто не крался вслед за ним, но странное ощущение, что за ним наблюдают, не покидало его. Заходящее солнце подчеркнуло тенью его след. Но с этим уж ничего не поделаешь: смятая трава отметила его путь.

Он проехал Фостервилль в три часа ночи, думая о спящих людях этого городка, — как ему сказали, они обычно отказывались отвечать на вопросы, касающиеся фермы. На окраине имелся новый мотель, и Тимена должна переночевать там, прежде чем знакомиться с фермой. Но Дюпо это не нравилось. Что, если кто-то сообщит о них на ферму.

Да, Ферма.

Ее писали с прописной буквы во всех отчетах Агентства последнего времени, начав незадолго до исчезновения Портера. Перед рассветом Дюпо оставил Тимену за несколько миль до долины. Сейчас он играл роль орнитолога, хотя птиц нигде не было.

Дюпо вернулся на место и вновь посмотрел на долину. Она прославилась в конце 60-х годов прошлого столетия массовым избиением индейцев — фермеры уничтожали остатки «дикого» племени, чтобы обезопасить свои стада. О тех забытых днях говорило сейчас только название долины — «Неприступная». Как выяснил Дюпо, индейцы называли долину «Бегущая вода». Поколения белых фермеров истощили водные запасы, и теперь вода тут уже не бежала.

Разглядывая долину, Дюпо подумал о человеческой натуре, отраженной в подобных названиях. Случайный путник, ненароком попавший в эти места, мог бы подумать, что все дело в ее расположении и рельефе. Неприступная долина представляла собой закрытое место с одной проезжей дорогой. Крутые склоны, нависающие скалы, и только с севера возможен доступ. «Внешность может быть обманчива», — напомнил себе Дюпо.

Он легко достиг намеченной точки. Его бинокль — сильное оружие, в некотором смысле даже грозное, нацеленное на разрушение Неприступной долины. А процесс разрушения начался, когда Джозеф Мерривейл, ответственный в Агентстве за планирование операций, вызвал Дюпо к себе. Мерривейл, родом из Чикаго, начал с того, что, ухмыльнувшись, сказал с резким английским акцентом:

— Ну, никто не рассердится на тебя, если даже кем-то придется пожертвовать в этом дельце.

Все знали, конечно, как сильно Дюпо ненавидел насилие.

Из руководства Хеллстромского Муравейника:

«Важным эволюционным достижением насекомых более ста миллионов лет назад явилось бесполое, но репродуктивное насекомое. В результате колония стала элементом естественной селекции, свободным от всех предыдущих ограничений на число специализаций (выражаемых в кастовых различиях), допускаемых колонией. Ясно, что если мы, позвоночные, сможем встать на этот путь, то наши отдельные члены при гораздо более высоком уровне мозгового развития станут специалистами

несравнимо более высокого уровня. Никто никогда не сможет противостоять нам, — даже СТАРЫЕ люди, с помощью которых мы создадим наших новых людей».

Коротышка с обманчиво юным лицом внимательно слушал краткие инструкции, даваемые Мерривейлом Дюпо. Было раннее утро, около девяти часов, и коротышку, Эдварда Джанверта, немало удивила столь ранняя встреча при столь кратком инструктаже. Что-то не ладилось в самом Агентстве, подумалось ему.

Джанверт, которого большинство его коллег так и звали Коротышкой, умевший прятать свою ненависть к этому прозвищу, был ростом всего четыре фута девять дюймов и играл за тинэйджера на многих заданиях Агентства. Мебель в офисе Мерривейла была ему не по росту, и он неуютно чувствовал себя в большом, обитом кожей кресле все полчаса наставлений.

Дело деликатное, вскоре понял Джанверт, а такие дела он не любил. Целью был энтомолог, доктор Нильс Хеллстром, и не вызывало сомнений, судя по тщательному подбору Мерривейлом слов, что у Хеллстрома имелись могущественные друзья в правительственных сферах. Слишком много углов, которые надо обойти. Здесь трудно отделить политику от концепции Агентства касательно традиционного расследования в интересах национальной безопасности, и подобное расследование неизбежно приобретает экономическое звучание.

Приглашая Джанверта, Мерривейл сказал только о необходимости резервной вспомогательной команды в этом деле. Кто-то должен быть готов вступить в игру по первому сигналу.

Ожидаются потери, подумал Джанверт.

Скрытно он посмотрел на Кловис Карр, чья почти мальчишечья фигура утопала в другом большом кресле. Джанверт подозревал, что Мерривейл декорировал свой офис специально в духе респектабельного английского клуба, под стать его поддельному английскому акценту.

Известно ли им о нас с Кловис, думал Джанверт. Для Агентства любовь являлась оружием, используемым при первой необходимости. Джанверт старался не смотреть на Кловис, но это ему плохо удавалось. Она была тоже невысокого роста, всего на полдюйма выше него, гибкая брюнетка с овальным лицом и бледной северной кожей, вспыхивающей от капли солнечного света. Иногда Джанверт ощущал свою любовь к ней как физическую боль. Мерривейл описывал то, что он называл «Прикрытием Хеллстрома» — снятие документальных фильмов о насекомых.

— Чертовски любопытно, не правда ли? — спросил Мерривейл.

Уже не в первый раз за четыре года своей работы в Агентстве Джанверт желал не иметь с ним ничего общего. Он попал сюда студентом третьего курса юридического факультета, работая летом клерком в департаменте Юстиции. Тогда же он нашел папку, случайно оставленную на столе в библиотеке. Из любопытства он проглядел документы и обнаружил один весьма деликатный, касающийся переводчика некоего иностранного посольства.

Его первой реакцией на содержимое документа был гнев, смешанный с печалью, на правительства, до сих пор не брезгающие подобными формами шпионажа. Что-то в этом документе говорило ему, что речь идет о какой-то сложной операции, проводимой его собственным правительством.

Джанверт уже прошел период «студенческих волнений» и всерьез занялся изучением закона. Закон поначалу представлялся ему способом решения многих мировых дилемм, но все оказалось обманом. Закон сумел привести его только в библиотеку с проклятой забытой папкой. Одна вещь цеплялась за другую без четко определенной причинно-следственной связи. Немедленный результат состоял в том, что владелец папки застиг его за ее чтением.

Все последовавшее оказалось банально и безвкусно. Временами на него давили, иногда мягко, иногда жестко, с целью заставить его работать на Агентство, произведшее документ. Джанверт происходит из хорошей семьи, объясняли они. Его отец был известным бизнесменом. Поначалу ему это казалось забавным.

Затем предлагаемая оплата (плюс расходы) неожиданно возросла, что слегка озадачило его. Оценка его способностей удивила Джанверта, подозревавшего, что Агентство действовало наобум, поскольку он не узнавал себя в его представлениях.

Наконец маски были сброшены. Джанверту объяснили, что у него возникнут проблемы с поступлением на государственную службу. Это его подкосило, так как все знали, что он связывал свои планы с департаментом Юстиции. В конце концов он сказал, что попробует, если сможет продолжить свое юридическое образование. В настоящее время он работал с правой рукой Шефа Дзулой Перуджи, и Перуджи выказывал свое удовольствие этим обстоятельством.

— Агентство нуждается в людях, знающих право, — сказал Перуджи. — Мы временами просто не можем без них обойтись.

Следующая фраза Перуджи заставила Джанверта вздрогнуть.

— Говорили вам когда-нибудь, что вы легко можете сойти за тинэйджера? Это может оказаться крайне полезным, особенно учитывая ваше юридическое образование. — Эти слова не выходили у него из головы.

Дело заключалось в том, что Джанверт всегда был слишком занят, чтобы закончить свое юридическое образование.

— Может быть, в следующем году, Коротышка. Сам видишь обстановку. Сейчас я хочу, чтобы ты и Кловис...

Так он впервые встретился с Кловис, у которой тоже был подходящий юный вид. Иногда она была его сестрой, иногда они играли роль беглецов-любовников, чьи родители их «не понимали».

Понимание того, что найденный и прочитанный им документ не мог привести к иному результату, кроме как к вступлению его в Агентство, и что вероятной альтернативой могла быть только безымянная могила в южном болоте, пришло в голову Джанверту не скоро. Он никогда не участвовал в «поселении на болоте», как называли это ветераны Агентства, но знал о нем точно.

Так делались дела в Агентстве.

Агентство.

Никто не называл его иначе. Экономические операции Агентства, разные формы шпионажа только укрепили ранний цинизм Джанверта. Он увидел мир без прикрас, сказав себе, что большинство его знакомых не понимают, что живут в государстве, которое, несмотря на декларируемые цели и намерения, по сути своей является полицейским. Это было неизбежным после формирования первого полицейского государства, достигшего определенного положения в мире. Единственный очевидный способ противостоять этому заключается в создании другого такого государства. Это условие мимикрировало во всех социальных сферах (Кловис и Джанверт согласились в этом). Все в обществе приобретало полицейский характер. Джанверт как-то заметил:

— Время полицейских государств.

Они сделали это основой своего решения покинуть Агентство при первой возможности. У них не было сомнений, что их взаимные чувства и принятое соглашение крайне опасны. Чтобы покинуть Агентство, необходимо изменить свою личность и вести жизнь, характер которой они себе хорошо представляли. Покидали Агентство только через смерть на задании, или выходя в тщательно подготовленную отставку, или иногда агенты просто исчезали, а всех их товарищей просили не задавать вопросов. В связи с отставкой в Агентстве ходил смутный слух о ферме, но определенно не о ферме Хеллстрома. Фермой в данном случае являлся тщательно охраняемый дом отдыха, никак не связанный с конкретным географическим названием. Упоминалась, правда, северная Миннесота. Что-то говорилось о высокой ограде, охранниках, собаках, гольфе, теннисе, плавании, рыбной ловле на закрытом озере, шикарных коттеджах для «гостей», даже кварталах для семейных пар, но без детей. Иметь детей в их деле означало смертный приговор.

Карр и Джанверт очень хотели иметь детей. Побег необходимо совершить на совместном задании по другую сторону океана, решили они. Подделка документов, изменение внешности — все находилось в пределах доступного, за исключением одного — удобного случая. Но когда-нибудь он представится, и они убегут.

Дюпо что-то возражал Мерривейлу, и Джанверт попытался уловить суть их разговора: что-то о молодой девушке, пытавшейся убежать с фермы.

— Портер положительно уверен, что они ее не убили, — сказал Мерривейл. — Они просто затащили ее обратно в сарай, называемый ими главной студией.

Из доклада Агентства по поводу «Проекта 40»:
«Бумаги выпали из папки человека, называвшего себя помощником Хеллстрорма. Инцидент имел место в главной библиотеке МТИ в начале марта текущего года. Пометка «Проект 40» стоит вверху на каждой странице документа. Изучив записи и диаграммы (см. дополнение А), наши эксперты пришли к выводу, что документ касается планов развития, как они выражаются, тороидального поля — дезинтегратора (ТПД), под которым они понимают электронную помпу, способную влиять на материю на расстоянии. Бумаги, однако, неполны. Нельзя извлечь целостной картины перспективных исследований, хотя в наших лабораториях изучаются некоторые рабочие гипотезы. Очевидно, все же, что кто-то из Хеллстромовской организации работает над действующим прототипом. Мы не можем знать: 1) будет ли он работать; 2) если будет, то какая практическая польза может быть из этого извлечена. Тем не менее, согласно мнению доктора Зинстрорма (см. дополнение Г), нам следует исходить из худшего. Зинстром уверил нас частным образом, что теория вполне здравая и ТПД, достаточно большой, достаточно мощный и корректно настроенный, способен потрясти земную кору с катастрофическими последствиями для жизни на Земле».

— Лакомый кусок, а не дело мы отдали Карлосу, — сказал Мерривейл. Он коснулся верхней губы, уцепившись за воображаемые усы.

Карр, сидевшая немного позади Дюпо лицом к Мерривейлу, отметила, как внезапно налилась кровью шея Дюпо. Он не любил подобных заявлений. Лучи утреннего солнца отражались от поверхности стола желто-коричневым отблеском, придававшим лицу директора мрачное выражение.

— Фасад их кинокомпании, по-моему, так напугал Перуджи, что он сдрейфил и дал деру, — сказал Мерривейл. (Дюпо передернуло по-настоящему.)

Карр кашлянула, чтобы скрыть внезапное истерическое желание громко засмеяться.

— При данных обстоятельствах мы не можем просто прийти к ним и вытащить их за ушко. Полагаю, всем это понятно, — сказал Мерривейл. — Нет достаточных оснований. Дело за вами. Эта киношirma — лучший для нас повод провести их.

— О чем они снимают фильмы? — спросил Джанверт. Все повернулись в его сторону, и Карр подумала, с чего бы это Эдди вздумалось вступать. Он редко делал подобные вещи необдуманно. Хотел выудить информацию, скрытую за разъяснениями Мерривейла?

— Мне казалось, что я уже сказал об этом, — ответил Мерривейл. — Насекомые! Они снимают фильмы об этих чертовых насекомых. Поначалу я думал, что они снимают порнуху и... шантажируют тех, кого удалось заснять.

Дюпо, вспотевший от глубокого отвращения, которое у него вызывали акцент и манеры Мерривейла, заерзал в кресле, недовольный вмешательством. «Скорее бы кончить со всем этим!» — подумал он.

— Я не уверен, что понял деликатную ситуацию, сложившуюся в этом деле, — сказал Джанверт, — и полагаю, что ключом к ней может стать снимаемый фильм.

Мерривейл вздохнул. «Блохолов чертов!» Затем он сказал:

— Хеллстром помешан на экологии. Тебе ведь известно, насколько политически деликатен этот предмет. Также следует принять во внимание, что он является консультантом нескольких, повторяю, нескольких крайне влиятельных лиц. Могу назвать одного сенатора и, по крайней мере, трех конгрессменов. При фронтальной атаке на Хеллстрома нас ожидают серьезные неприятности.

— Значит, экология, — сказал Дюпо, пытаясь вернуть Мерривейла к основной теме.

— Да, экология! — Мерривейл постарался с таким нажимом произнести слово, чтобы оно попало в такт со словом содомия. — Человек имеет доступ к значительным суммам денег, и нам следует об этом помнить.

Дюпо кивнул и предложил:

— Вернемся к долине.

— Да, да, — согласился Мерривейл. — Вы все видели карту. Эта маленькая долина принадлежала семье Хеллstromа, начиная с бабки. Трова Хеллstrom — пионер, вдова и тому подобное. — Джанверт потер рукой глаза. По описанию Мерривейла, Трову Хеллstrom следовало представить маленькой вдовушкой, отбивающей атаку краснокожих на горящий дом, пока его тушит ведрами бригада ее отпрысков.

— Вот карта, — сказал Мерривейл, извлекая ее из бумаг на столе. — Юго-восток, Орегон, вот здесь... — Он коснулся карты пальцем. — Непрístupная долина. Ближайший очаг цивилизации — этот городок с глупым названием Фостервилль.

«Почему с глупым?» — подумала Карр и незаметно посмотрела на Джанверта, но тот был занят изучением ладони своей правой руки, словно обнаружил на ней что-то интригующее.

— И они снимают свои фильмы в этой долине? — спросил Дюпо.

— О, нет! — ответил Мерривейл. — Бог мой, Карлос. Вы не читали дополнения W?

— У меня нет таких дополнений, — сказал Дюпо.

— Дьявольщина! — воскликнул Мерривейл. — Иногда меня удивляет, как вообще что-то делается в нашей организации. Ладно. Я дам вам свои. Коротко, Хеллstrom и его съемочные группы и кто там еще были везде: Кения, Бразилия, Юго-Восточная Азия, Индия — здесь все это есть, — он постучал по бумагам на столе. — Вы сможете ознакомиться с материалами позже.

— И этот «Проект 40»? — спросил Дюпо.

— Именно он привлек наше внимание, — объяснил Мерривейл. — Бумаги были скопированы, и оригиналы воз-

вращены на старое место. Помощник Хеллстрема вернулся за бумагами, нашел их там, где и ожидал, взял их и ушел. Значение бумаг в то время осознано не было. Рутинная операция. Наш человек в библиотеке проявил любопытство, не более, но любопытство стало горячим, когда бумаги попали наверх. К несчастью, в поле нашего зрения этот помощник с тех пор более не попадал. Он, очевидно, находится на ферме. Мы, однако, полагаем, что Хеллстром не знает о том, что документы скопированы нами.

— Предположение о цели проекта звучит, скорее, как научная фантастика, а не просто фантастика, — сказал Дюпо.

Джанверт кивнул, соглашаясь. Были ли эти подозрения реальной причиной любопытства, проявленного Агентством к делам Хеллстрема? Или, возможно, Хеллстром просто разрабатывал нечто, таящее в себе угрозу для тех, кто оплачивает значительную часть расходов Агентства? Никогда ничего нельзя знать наверняка в подобного рода делах.

— Вы раньше слышали об этом Хеллстреме? — спросила Карр. — Это не тот энтомолог, что выступил против ДДТ, когда...

— Тот самый! — ответил Мерривейл. — Фанатик. Да, вот план его фермы.

«И все с моим вопросом», — подумала Карр. Она скрестила ноги под стулом и посмотрела в открытую на Джанверта, ответившего ей улыбкой. Он просто играет с Мерривейлом, догадалась она, и считает, что я ему подыгрываю.

Мерривейл разворачивал на столе карту, показывая детали длинными чувствительными пальцами.

— Сарай, здесь — строения — главный дом. Мы считаем, и это подтверждается наблюдениями, что сарай является студией. Любопытное бетонное сооружение рядом с воротами. Неясно, для каких целей оно служит. Ваша задача это выяснить.

— Но вы не хотите, чтобы мы действовали напролом? — спросил Дюпо, нахмурившись. Такой подход его смутил. — Молодая девушка, пытавшаяся бежать...

— Да, второго марта, — сказал Мерривейл. — Портер видел, как она выбежала из сарая. Она добежала до северных ворот, где была перехвачена двумя мужчинами, появившимися из-за ограды. Кто они, установить не удалось, но они вернули ее в сарай-студию.

— В отчете Портера говорится, что эти люди не носят никакой одежды, — сказал Дюпо. — Мне кажется, что отчет, предназначенный для официальных лиц, в котором описываются...

— И надо будет объяснять, почему мы туда попали, послали одного нашего человека против многочисленной Хеллстромовской братии, и все это перед лицом новой морали, пропитавшей наше общество.

«Проклятый лицемер! — подумала Карр. — Знаешь ведь, как Агентство использует секс в собственных интересах».

Джанверт наклонился вперед и сказал:

— Мерривейл, вы недоговариваете. Я хочу знать что. У нас есть отчет Портера, но нет его самого, чтобы дать пояснения. Можно поговорить с Портером? — Он откинулся назад. — Простого «да» или «нет» будет достаточно.

«Опасный ход, Эдди», — подумала Карр. Она внимательно посмотрела на Мерривейла, пытаясь оценить его реакцию.

— Не могу сказать, что мне нравится твой тон, Коротышка, — сказал Мерривейл.

Дюпо прикрыл глаза ладонью.

— Я тоже не скажу, что мне нравится ваша секретность, — вздохнул Джанверт. — Хотелось бы знать то, чего нет в этих отчетах.

Дюпо уронил руку и кивнул:

— Да, в этом деле не все чисто...

— Нетерпение не есть достоинство хороших агентов, — сказал Мерривейл. — Однако я понимаю ваше любопытство, и правило, надо полагать, неприменимо для этого случая. Перуджи особо это подчеркнул. Нас интересует не только «Проект 40», а весь комплекс фактов. Есть подозрения, что кинодеятельность Хеллстрема в действительности имеет серьезную и опасную политическую подоплеку.

«Дерьмо!» — подумал Джанверт.

— Насколько серьезную? — спросила Карр.

— Ну, Хеллстром сует свой нос в дела атомного полигона штата Невада. Он также ведет энтомологические исследования. Его фильмы считаются документальными. У него есть радиоактивные материалы для так называемых исследований и...

— Почему так называемых? — спросил Джанверт. — Разве не возможно, что он просто...

— Невозможно! — отрезал Мерривейл. — Все это заключено в этих отчетах. Обратите особое внимание на место, где говорится о том, что Хеллстром и его люди заинтересованы в создании общества нового типа. Весьма любопытно. Он и его команда живут именно такой жизнью у себя. А их нездоровый интерес к возникающим африканским нациям, бесчисленные посещения зоны полигона, экология, к которой столь чувствительно общество...

— Коммунист? — прервала его речь Карр.

— Это... э-э... не исключено.

— Где Портер? — снова спросил Джанверт.

— Это... э-э... — Мерривейл потянул себя за подбородок. — Это скользкий вопрос. Уверен, вы понимаете деликатность нашего положения в...

— Не понимаю, — настаивал Джанверт. — Что случилось с Портером?

— Это один из вопросов, ответить на который должен Карлос, — сказал Мерривейл.

Дюпо задумчиво поглядел на Джанверта, снова обратил внимание на Мерривейла, погрузившегося в глубокое раздумье над картой.

— Портер исчез? — спросил Дюпо.

— Где-то в районе фермы, — неохотно выдавил Мерривейл. Он взглянул вверх, словно только что увидев Дюпо. — Предположительно.

Из записанных комментариев матери семьи Тровы: *«Наличие слабой угрозы — добро для особей. Она стимулирует особь размножаться, тренирует чувство опасности. Слишком сильная угроза, однако, может иметь парализующий эф-*

фект. Одна из задач руководителей Муравейника заключается в поддержании оптимального уровня стимулирующей угрозы».

По мере того как солнце позади него опускалось ниже, Дюпо внимательно следил за тем, чтобы образуемая тень не выдавала его. Такое освещение одновременно имело как недостатки, так и преимущества. Оно делало некоторые детали на ферме более рельефными: ограду, тропинки на склоне противоположного холма, старые доски на западной стороне сарая.

По-прежнему не было видно никаких признаков жизни вне строений и никаких явных проявлений жизнедеятельности людей внутри. Раздражающий гул исходил из сарая, и Дюпо напрягал свое воображение в попытках определить его источник. Решив наконец, что это гудит установка кондиционирования воздуха, он еще острее ощутил жаркий полдень в пыльной траве.

«Хороший глоток холодной воды, вот что мне нужно», — сказал он себе.

Дюпо вновь осмотрел долину в бинокль. В ее пустынности присутствовало какое-то ожидание, словно готовились силы, которые вскоре наполнят долину жизнью.

«Интересно, — подумал Дюпо, — что Хеллстром делал с готовыми изделиями? Почему не заметно никакой человеческой активности? Не видно ни туристов, ни отдыхающих на пыльной дороге, ведущей в долину, хотя местность кажется привлекательной. Почему жители Фостервилля словно воды в рот набирают, когда речь заходит о ферме? Портера, должно быть, это тоже заинтриговало. Здесь можно охотиться, но не видно ни одного оленьего следа и ни одного охотника. Речка, вероятно, не представляет интереса для рыбаков, но все же...»

Сойка села на дерево сзади Дюпо, затем вспорхнула и полетела через долину к деревьям на дальнем склоне.

Дюпо наблюдал за полетом птицы с особым интересом, понимая, что видит первого представителя высших форм жизни в долине. Одна сойка! Можно внести в отчет. Но

ведь он и камуфлировался под любителя птиц. Обычный старый отпускник, торговец из балтиморской корпорации «Все для фейерверков». Вздыхнув, он отполз назад в тень дуба. Он изучил карты, фотографии, отчеты Портера и других. Каждая деталь отложилась в памяти. С помощью бинокля он осмотрел оставленный им след. Ничто не двигалось ни в высокой траве, ни дальше под деревьями. Ничего. Эта странность все сильнее его беспокоила.

Одна чертова сойка?

Эта мысль медленно проникала в его сознание и теперь полностью завладела им. Одна птица. Словно всю живность вымело из окрестностей Непрístupной долины. Почему Портер не упомянул об этом? И коровы, пасущиеся там, к северу, ближе к Фостервиллю... Никакая ограда не мешала им приблизиться к ферме.

Почему?

В этот момент Дюпо понял, почему поля фермы выглядели так странно.

Они были чистыми.

С них не убирали урожай. Их вымели, очистив от каждого листочка, каждого стебля. Верхнюю часть долины занимал сад. Дюпо слегка отполз назад, чтобы рассмотреть его повнимательнее. Ни одного гнилого фрукта на земле, никаких листьев или сучьев — ничего.

Чисто.

Лишь высокая трава покрывала холмы по всему периметру долины.

Собственное дополнение Хеллстрема к заметкам о диете: «Ключевые рабочие должны, конечно, получать дополнительное питание по норме руководителей, но равно важным является получение ими питания из Котлов. Именно здесь закладывается фундамент нашего осознания взаимной тождественности. Без химического **ТОЖДЕСТВА**, обеспечиваемого Котлами, мы станем похожими на тех, из Внешнего мира: изолированными, одинокими, бесцельно плывущими по течению».

Ближе к вечеру Дюпо обуяла навязчивая идея найти хоть что-нибудь живое в проклятой долине. Но ничто не шевелилось, и солнце уже зацепило край горизонта.

Может быть, еще один удобный момент.

Чем дольше он оставался на холме, тем все меньше нравилась ему его легенда. «Любитель птиц, ха! Почему Портер не упомянул об отсутствии всякой живности? Насекомые — да, трава кишела ими, ползающими, жужжащими, прыгающими».

Дюпо пополз назад, вниз с гребня, затем встал на колени. Спина ныла от неестественных движений. Травяные охвостья попали за воротник, под ремень, в носки, рукава. Он усмехнулся собственному положению, почти услышав комментарий Мерривейла: «Часть цены, которую приходится платить в нашем деле, старина».

Сукин сын!

В подробных отчетах Портера отмечалось отсутствие наружной охраны, но все это отчет только одного человека. Дюпо спросил себя, как ему нравится его позиция на открытом месте. Живым на этой работе можно остаться, доверяя только себе. Ведь Портер исчез. Это тоже важная информация — невинная или зловещая, но лучше думать о плохом. В худшем случае Портер мертв, и ответственные за это люди с фермы. Так считал Мерривейл, так, во всяком случае, он дал понять. Но эта скрытная свинья могла бы и поделиться информацией, которая наверняка имелаась у него.

— Действуйте с предельной осторожностью. Необходимо точно узнать, что же случилось с Портером.

Сукин сын, наверное, и так знает.

Что-то в пустынности района говорило о таящихся опасностях. Дюпо напомнил себе, что агенты, слишком сильно полагавшиеся на отчеты других, часто погибали, иногда в страшных муках. В чем же тайна этой местности?

Он вновь посмотрел на оставленный им след, вновь не увидел никакого движения или чьих-то бдительных глаз. Взглянув на часы, он понял, что до захода солнца осталось чуть больше часа. Время подойти с другой стороны к долине и понаблюдать.

Дюпо поднялся и, низко пригнувшись и часто перебирая ногами, быстро побегал в южном направлении. Дыхание легко углубилось, и он успел подумать, что находится не в такой уж плохой форме для мужчины сорока с небольшим лет. Плавание и длительные прогулки — не худшее в мире лекарство, но сейчас он предпочел бы плыть. Было сухо и жарко, трава полна щекочущей нос пыли. Желание плавать не слишком ему мешало. Такие желания часто посещали его после того, как он перешел работать в Агентство. Обычно он понимал быстро преходящее желание находиться в другом месте как подсознательное признание опасности, но иногда за этим ничего не было, кроме как остро испытываемого физически чувства дискомфорта.

Когда Дюпо был простым клерком, он часто представлял себя агентом. Заполняя отчет об агентах, «погибших при исполнении», он уверял себя, что если ему доведется стать в их ряды, то он будет чрезвычайно осторожен. Выполнять это обещание для него было не слишком сложно из-за свойственной ему природной внимательности и усердия — кто-то из коллег называл его «идеальный клерк». Но именно эти черты помогали ему запомнить ферму во всех подробностях, мысленно пометить возможные (немногочисленные!) укрытия и звериные тропы в высокой траве, заметные на полученных с самолета фотографиях.

«Следы есть, но нет самих диких животных, — напомнил он себе. — Кто протоптал эти тропинки?» Еще одна зарубка на его чувстве осторожности.

Дюпо однажды подслушал, что о нем сказал другому агенту Мерривейл:

— Беда Карлоса в том, что он играет в выживание.

«Будто сам, старый прохвост, не занят тем же! — подумал Дюпо. — Достиг бы он своего нынешнего положения, не угадывая желания руководства».

Дюпо услышал слабое журчание воды. Группа земляничных деревьев расположилась в линию на мысленной карте Дюпо, отмечая северную оконечность долины. Задержавшись в тени, Дюпо вновь огляделся, обращая особое внимание на свой след. Ничто не двигалось, но Дюпо решил подождать темноты, прежде чем идти дальше.

До сих пор все шло не так уж плохо. Только слабое беспокойное ощущение неизвестной опасности. Повторный осмотр долины с другой точки не займет много времени. Может быть, ему следует изменить решение и вернуться днем за велосипедом, оставив Тимену у вагончика. Может быть... Его решение подождать до темноты окрепло.

«Осторожно, — напомнил он себе. — Играй в выживание».

Повернув налево, он снял бинокль и скользнул взглядом через группу деревьев к зарослям кустов за скалистым фасадом верхнего предела долины. Перед кустами Дюпо опустился на четвереньки, засунув бинокль под рубашку и плотно прижав футляр к правому боку. Затем, забирая немного влево, он пробрался через уже знакомую поросль так, чтобы не повредить бинокль. Кусты скоро кончились коротким выступом скалы, с которого открывался вид на Неприступную долину.

Вынув бинокль, Дюпо подумал о месте, где были убиты «дикие» индейцы. Шум водопада явственно слышался футах в пятидесяти справа. Опершись на локти, он приставил к глазам бинокль.

На этот раз строения фермы были дальше от него и сарай-студия скрывал за собой все, кроме западного крыла дома. Отсюда ясно виделась подкова речушки. Ее поверхность была зеркально-гладкой, словно течение ее остановилось, и в ней отражались деревья и кустарник, растущие на берегу. Открылся вид на дальний конец долины с разрозненными группами деревьев и заплатами пасущихся стад.

Дюпо увидел машину, поднявшую столб пыли за пасущимся скотом. Машина следовала по дороге, которой приехал он с Тименой. Кто бы это мог быть? Заметят ли они вагончик на колесах? Тимена сейчас должна рисовать здешний глупый пейзаж. Конечно, но все же... Дюпо навел свой бинокль на пыльный столб и вскоре разглядел большой крытый грузовик. Он ехал по извилистой дороге, и ехал быстро. Дюпо попытался увидеть Тимену, но холм слева закрывал ему обзор, а они поставили вагончик в тени деревьев. Приближающийся грузовик не должен проезжать близко от нее. Впрочем, какая разница. Странное возбуждение охватило его.

Он вновь перенес свое внимание на ферму. Кто-то, конечно, должен выйти навстречу. Он наконец-то увидит обитателей этого странного места. Дюпо внимательно наблюдал за развитием событий.

Но ничего не происходило.

Они должны были слышать шум мотора. Он его слышал с гораздо большего расстояния даже сквозь шум водопада.

Где обитатели фермы?

Стекла бинокля снова покрыла пыль. Протирая линзы льняным платком, Дюпо обдумывал ситуацию. Как это ни могло показаться нелепым со стороны, но отсутствие зримой активности при столь многих свидетельствах того, что люди здесь жили и работали, наполняло его беспокойством. Нестественно! Все было так неподвижно в этой долине. Он кожей чувствовал, что за ним наблюдают тысячи глаз. Повернувшись назад и посмотрев сквозь кусты, он не увидел никакого движения. Откуда же беспокойство? Неспособность объяснить его возникновение вызвала раздражение. Что здесь прятали?

Несмотря на попытки Мерривейла представить это дело подарком судьбы для избранного агента, Дюпо с самого начала ощутил неприятный кислый привкус. Коротышка Джанверт, очевидно, разделял его чувство. Не кислота незрелого фрукта или слабого маринада, а ощущение, идущее от сознания чего-то перезрелого и гнилого, чего-то слишком долго тушившегося в кислом соусе.

Грузовик как раз подъехал к долине, делая последний легкий подъем у северной ограды. Снова направив на него бинокль, Дюпо увидел две фигуры в белом, сидящие в кабине. Их было плохо видно сквозь отражавшие солнце ветровые стекла.

И никто так и не вышел их встретить.

Грузовик повернул и поехал близко к северной ограде, открыв большие буквы на белом плоском боку: *Н. Х. Инк.* Машина, сделав широкий разворот, остановилась и подала назад к воротам. Два молодых блондина выскочили из кабины и, обежав машину, опустили задний борт, образовавший скат. Затем, ловко забравшись внутрь, они вытолкнули серо-желтый ящик. Судя по усилиям, которые они прилагали,

ящик был очень тяжелым. Они опрокинули его на наклоненную поверхность борта, и он быстро заскользил вниз.

Что может быть в этом ящике? Он достаточно велик для гроба.

Мужчины прыгнули и поставили ящик в вертикальное положение. Немного отодвинув его, они подняли и закрыли борт, вернулись в кабину и уехали.

Ящик остался футах в десяти от северных ворот.

Дюпо осмотрел ящик в бинокль. Он был выше, чем люди из грузовика, и очень тяжел. Сделан как будто из дерева и стянут плоскими металлическими полосами.

«Посылка, — подумал Дюпо. — Что, черт возьми, могут прислать на ферму в ящике такой формы?»

У Хеллстрома имелся свой грузовик, но он не беспокоился по поводу груза, ждущего под солнцем за внешней оградой. Хотя в этом может и не быть ничего необычного. В собранном Агентством досье имелась основная информация о кинокомпании Хеллстрома, который был одновременно ее владельцем и менеджером. Он делал документальные фильмы о насекомых. Иногда компания участвовала в крупных проектах совместно с Голливудом. Все было понятно до тех пор, пока не увидишь ферму своими глазами, как Дюпо сейчас, а Портер раньше. Что случилось с Портером? И почему Мерривейл не предпримет открытое расследование?

Какая-то загадочность была в действиях Хеллстрома. Его бездействие.

Из руководства Муравейника: *«Связь между экологией и эволюцией исключительно тесная, неотделима от органических изменений в популяции животных и крайне чувствительна к плотности заселения региона особями данной популяции. Наша цель состоит в повышении порога терпимости, увеличения плотности проживания людей в десять — двенадцать раз в сравнении с величиной, которая сегодня считается предельной».*

Дзула Перуджи вошел в конференц-зал и занял место председателя во главе длинного стола. Он посмотрел на наручные часы, кладя на стол дипломат: было 5.14 вечера. Несмотря на воскресный день, все присутствовали, все из несущих ответственность за Агентство мужчин и даже одна женщина.

Без обычных предваряющих слов Перуджи сел и сразу приступил к делу.

— У меня был крайне напряженный день. Два часа назад меня вызвал к себе Шеф и просил передать вам его сообщение. Кое-какие вещи ему пришлось согласовывать с правительством.

Перуджи открыл дипломат и извлек его содержимое — три тонкие папки. Затем он сказал:

— Вы все ознакомились с документами, касающимися Хеллстрома. Шеф сказал мне, что он отдал их для прочтения три недели назад. Вам будет приятно узнать, что нам удалось расшифровать запись на странице семнадцать исходного документа. Код, использованный при шифровке, довольно интересен и основан на четырехмерной конфигурации, извлеченной, по утверждению наших специалистов, из кода ДНК. Весьма изобретательно.

Прочистив горло, он взял один лист бумаги из верхней папки и пробежал его глазами.

— Опять-таки эта запись относится к «Проекту 40», но в этот раз использована военная терминология. Точные слова следующие: «...жало, которое поставит наших рабочих над остальным миром». Довольно красноречиво.

Мужчина по левую руку от Перуджи произнес:

— Чепуха! Хеллстром снимает фильмы. Этот кусок скорее всего из сценария какого-то фильма.

— Здесь есть кое-что еще, — сказал Перуджи. — Речь идет об инструкциях, касающихся схемы обмена информацией, которую наш человек в Вашингтоне называл весьма близкой к жизни. Он был крайне взволнован сообщением. Он называл ее «другим ключом к загадке», хотя и признался, что ключ этот неполный. Неясно, какое место эта схема занимает в общем плане. Однако в документе есть еще одно зашифрованное место. — Перуджи выдержал эффектную

паузу и оглядел собравшихся. — Сообщение не допускает двойного толкования. В нем предлагается обладателю документов в дальнейшем передавать информацию через человека в Вашингтоне. И названо его имя. Это сенатор, чью деятельность нам необходимо проверить.

Перуджи хотелось смеяться. Реакция аудитории была в точности такой, какую предсказывал Шеф. Он полностью овладел их вниманием, что редко случалось в этом зале.

Человек, первый слева от него, спросил:

— Здесь не может быть ошибки?

— Исключено.

Из докладной записки Дзулы Перуджи, характеризующей Джозефа Мерривейла: «Субъект не проявляет заветных теплых чувств в отношении своих сотрудников, но симулирует их достоверно. Его административные способности адекватны решаемым задачам, но ему недостает решительности и инициативы. Он делает точно то, что думает, и способен поддерживать работу своего подразделения на должном уровне и, в случае приказа сверху, пошлет своих людей на смерть не задумываясь. Повышение по службе может быть рекомендовано».

Покинув конференцию, Перуджи позволил себе испытать некоторое чувство триумфа. Было несколько острых моментов из-за этой суки, но он справился. Все-таки он не мог уразуметь, почему введена в руководство эта женщина.

Шел дождь, освежая вечерний уличный воздух, но и неся с собой запах сырости, который Перуджи не любил. Он остановил такси.

Шофером — вот уж не везет — была женщина. Перуджи устроился на сиденье с чувством покорности судьбе и сказал:

— Статлер.

«Невозможно предвидеть, где на твоём пути может встрять женщина, — подумал он. — Из-за хрупкости не следует позволять им заниматься такими делами». Он вынес это

суждение, наблюдая за своей матерью, разрывающей всю жизнь противоречиями между своим происхождением и требованиями пола. Насколько она знала, в крови у нее текла негритянская, ирокезская и португальская кровь. Иногда она гордилась своими предками:

— Никогда не забывай, мальчик, что твои предки жили здесь раньше, чем первый белый вор ступил на эту землю.

В другой раз напоминала:

— Мы были моряками Генри Навигатора, когда большинство моряков не возвращалось из плавания.

Но эти вспышки горькой гордости она смягчала осторожными предупреждениями:

— Дзула, ты достаточно похож на белого, так что никто не заметит в тебе негритянскую кровь. Играй белую игру, мальчик. Это единственный способ выиграть в этом мире.

И он выиграл, в этом не приходилось сомневаться. Сегодня эта сука пыталась устроить ему перекрестный допрос по поводу деятельности корпорации Хеллстром и поймать его на противоречиях. Шеф предупреждал его об этом.

— Они попытаются перехватить инициативу и нападут на Агентство. Я вам доверяю, и потому отвечайте ударом на удар. — Таким был Шеф: отец для тех, кому доверял.

Перуджи не знал своего отца, который был первым в длинной череде мужчин, заслуживших благосклонность Хуаниты Перуджи. Ее девичья фамилия была Браун, банальность, которую не жалко было сдать в утиль в обмен на более таинственную — Перуджи. Отец оставался с Хуанитой достаточно долго, чтобы назвать ребенка Дзулой в честь полузабытого дяди. Однажды он отправился на коммерческую рыбную ловлю в плавание, которое могло оправдать худшие страхи Навигатора. Его суденышко погибло в шторме где-то у берегов Чили.

Трагедия только закалила характер Хуаниты. Она дала ей шанс искать романтическую и недостижимую любовь на протяжении всего отпущенного ей жизненного срока. А для Дзулы она сочинила миф о могучем Джоне (вообще-то Хуане) Перуджи: высоком, бронзовокожем, способном на

великие поступки. Ревнивый Бог забрал его к себе, и это не слишком хорошо его характеризовало.

Именно эта трагедия, увиденная в фантазиях Хуаниты, заставила его простить все ее споры с нравственностью. Его ранние и самые сильные впечатления о женщинах говорили об их неспособности противостоять жестоким жизненным коллизиям иначе, как через постельные утехи. Такими они были, и оставалось с этим смириться. Можно не соглашаться, но несогласные, очевидно, просто не хотели замечать такого поведения в собственных женщинах.

Естественный ход вещей привел Перуджи в Агентство. Здесь находили свое место только сильные. Сюда неумолимо влекло осмелившихся снять шоры со своих глаз. И, что более важно, здесь для них было последнее прибежище. В Агентстве могла исполниться любая мечта при условии, если вы признавали хрупкость большинства людей, и в первую очередь женщин.

Сука с конференции не являлась исключением. В ней была слабость, должна быть. Она была умной, несомненно, и по-своему безжалостной.

Перуджи смотрел сквозь стекло окна на вымытые дождем улицы, вспоминая стычку в конференц-зале. Она начала атаку, имея на руках свою копию документов Хеллстром. Найдя нужный абзац, она цитировала его и бросалась в атаку:

— Вы объясняете нам, что компания Хеллстром частная, зарегистрированная в 1958 году. Один главный держатель акций — он сам, и три офицера — Хеллстром, мисс Фэнси Калотерми и мисс Мимека Тиченам. — Положив папку, она пристально посмотрела на Перуджи. — Станным кажется многим из нас, что две женщины поставили свои подписи под документами о регистрации перед свидетелями, нотариально заверенные, а вы никаких данных о них более не представляете.

Ответ Перуджи, похоже, отразил атаку. Пожав плечами, он сказал:

— Это верно. Мы не знаем, откуда они, где получили образование, ничего. Судя по всему, они иностранцы, но нотариус в Фостервилле был удовлетворен документами, удо-

стоверяющими их личность, и стряпчий не возражал против того, что они офицеры в корпорации, делающей бизнес в этой стране. Мимека, похоже, восточное имя, как некоторые из вас указали, а другое — скорее греческое. Мы просто не знаем. Этот пробел предполагаем восполнить в ближайшем будущем. Мы работаем в этом направлении.

— Они живут на ферме? — спросила она.

— Вероятно.

— Есть их описания?

— Нечеткие: темные волосы и общие черты, характерные для женщин.

— Общие, — задумчиво произнесла она. — Интересно, как бы вы описали меня. Впрочем, не важно. Как они связаны с Хеллстромом?

Перуджи вложил в ответ все, зная, какое впечатление производит на женщин. Он был высокого роста, шесть футов и четыре дюйма, внушительных размеров и весом в двести двадцать один фунт*. В его песочного цвета волосах был заметен рыжий оттенок, гораздо более темный — в бровях. Темно-карие, почти черные глаза, глубоко посаженные над несколько коротковатым носом, широкий рот и квадратный подбородок. В целом доминировало мужское начало. Неожиданно он улыбнулся.

— Мадам, я не буду вас описывать ни для кого-либо, ни даже для себя. Такова моя обязанность перед Агентством. Вы останетесь безымянной и безличной. Что же касается этих женщин, Хеллстром верил им достаточно, чтобы назначить офицерами в своей корпорации. Это крайне нас интригует. Мы предполагали удовлетворить свое любопытство. Обратите внимание, что по документам Калотерми является вице-президентом, а другая женщина секретарем-казначеем, и в то же время каждая из них владеет лишь одним процентом акций.

— Каков их возраст? — спросила она.

— Совершеннолетние.

— Они путешествуют вместе с Хеллстромом?

* 1 фунт равен 0,454 килограмма.

— Не имеем сведений.

— И вы даже не знаете, есть ли у этих женщин мужа или привязанности? — добавила она.

Сдерживая голос, чтобы не выдать своего разочарования этим обстоятельством, он ответил:

— Мы не знаем этого, пока.

Однако она догадалась о его состоянии, потому что задала тот же вопрос о Хеллстроме:

— А Хеллстром, он женат или в связи с кем-нибудь?

— У нас нет сведений. В папках, переданных вам, имеется все, известное нам на текущий день.

— Все? — фыркнула она. — Сколько лет Хеллстрому?

— Предположительно тридцать четыре. Он жил на ферме и первые семь лет получал образование дома. Его бабка, Трова Хеллстром, была дипломированной учительницей.

— Я закончила с обязательной программой, — сказала она, постукивая пальцами по папке. — Только тридцать четыре. Я задала этот вопрос, чтобы подчеркнуть молодость человека, сумевшего доставить такие хлопоты.

— Не так уж и молод.

— Вы сказали, что он читает лекции и время от времени проводит семинары и коллоквиумы и что он учился на нескольких факультетах разных университетов. Как сумел он получить столь ответственные назначения?

— Репутация.

— Хм-м. Что мы еще знаем о его помощниках?

— Его технический персонал, связи в деловом мире — вы читали обо всем в переданных вам документах.

— И его банк в Швейцарии. Любопытно. Какие данные о его состоянии?

— Только те, что в документах.

— Рассматривали вы возможность осторожного наведения справок через его адвокатов?

— Вы принимаете нас за кретингов? — спросил Перуджи.

Посмотрев на него, она тихо произнесла:

— Я сказала осторожного.

— Его законный адвокат, как вы могли убедиться, уроженец Фостервилля — маленького городка, — объяснял тер-

пеливо Перуджи. — Связь между двумя собаками не может быть осторожной, как вы изволили выразиться здесь.

— Хм-м...

Перуджи посмотрел на лежащие перед ним папки. Она знала, конечно, как и остальные, что он не говорил всего. Это естественно, но у нее не было четких данных, а только случайные подозрения.

— Встречался ли кто-нибудь из наших людей с этим Хеллстромом? — спросила она.

Перуджи посмотрел на нее, внутренне удивляясь: «Почему остальные позволяют ей быть их представителем? Более чем удивительно».

— Как вы возможно знаете, у Шефа имеются связи с вице-президентом банка, ведущим финансовые дела кинокомпании, обычно занимающейся продажей фильмов Хеллстрома. Этот вице-президент встречался с Хеллстромом, и у нас есть его отчет, который вскоре вам будет представлен.

— Этот напрямую не связан с компанией Хеллстрома?

— Нет.

— Может быть, прощупать наши связи в Швейцарии?

— Здесь нет мошенничества, и мы не можем получить доступ к банковским счетам. Но мы не упускаем из виду этот путь.

— Какое впечатление произвел Хеллстром на вице-президента?

— Способный человек, спокойный, со спорадическими выбросами концентрированной энергии, если затронуты его интересы — особенно, когда дело касается экологических вопросов.

— Сколько платит Хеллстром своим сотрудникам?

— По шкале профсоюза гильдии, но конкретных данных о налогах мы не имеем.

— А две женщины?

— Похоже, они работают на него за что-то еще, а не за деньги. Мы полагаем, что они живут на ферме, но не отсылают деклараций о доходах. Высказывается предположение, что Хеллстром не так уж щедр, или — мошенничество. К сожалению, мы пока не можем сказать. Из виденных нами записей следует, что кинокомпания не

приносит дохода. Весь доход поглощается деятельностью, очевидно легальной, носящей образовательный характер.

— Может ли ферма быть подпольной школой?

— Некоторая часть молодых людей, как утверждается, находится там с целью обучения производству фильмов и изучения экологических проблем. Детали — в имеющихся у вас документах.

— Детали, — повторила она. — Можем ли мы считать, что его ферма была подвергнута инспекции, скажем, строительной или что-то в этом роде? В Орегоне должны быть приняты соответствующие законы.

— Инспектировалась ферма местными жителями, и аккуратность информации, полученной таким образом, остается под вопросом. Мы обновим наши данные при первой возможности.

— Технический персонал, операторы и так далее, являются ли они профессионалами?

— Они делают работу, заслуживающую высокой оценки.

— Но сами люди, как относятся к ним?

— Можно сказать, хорошо.

— А что скажете вы?

— Вопрос не имеет особого смысла, кроме как указателя направления дальнейших вопросов. Наше мнение заключается в том, что достигшие успеха в этой сфере люди стремятся добиться внешнего признания от своих коллег, но часто за восхищением кроется глубокая ненависть. О восхищении в обычном смысле здесь вряд ли уместно говорить, оно может лишь указывать на компетентность и доход.

— Как много путешествовал Хеллстром со времени получения нами документов?

— Один полет в Кению и два дня в Станфорде.

— Он сейчас тоже может находиться в другом месте?

— Да. Надо просмотреть последние отчеты, чтобы дать точный ответ. Мы только что ввели в дело новую команду. Вас будут держать в курсе, разумеется.

— Из ваших предыдущих отчетов следует, что вне фермы в среднем он проводит две недели каждый месяц. Кто его замещает?

— Нет информации.

— Насколько тщательно велось наблюдение за ним во время его более доступных поездок?

— Мы просмотрели его багаж и нашли только камеру, фильм, бумаги и прочее. Наиболее частым описываемым субъектом в его бумагах являлись насекомые. Он очень педантичен во всем, что касается его специальности. Мы не нашли ничего подозрительного.

— Провокация?

— Противопоказано из-за его авторитета в научных кругах. Слишком многие поверят его протестам.

Она откинулась назад и секунду молчала. Затем сказала:

— Сообщите Шефу, что здесь можно извлечь выгоду. Мы не удовлетворены.

«Не удовлетворены! — думал Перуджи, барабанив в нетерпении пальцами по пластиковому сиденью такси. — Но они испугались, и для начала этого довольно. Если выгорит все дело, связанное с «Проектом 40», если оно пойдет в направлении, о котором они с Шефом решили не упоминать, выгоду можно извлечь колоссальную. Всем хватит, включая Дзулу Перуджи. Конечно, не оружие. Вещь выделяла слишком много тепла. Но при низких температурах это тепло можно использовать в производстве. В самом скромном варианте следует ожидать коренной модернизации металлургии, ведущей к фантастическому падению стоимости. Да, выгода здесь — не то слово!»

Семейные инструкции для избранных рабочих:

«Мы используем язык Внешнего мира, имея в виду при этом собственные цели. Этого требует необходимость маскировки. Поскольку мы практически беззащитны против лучших сил Внешнего мира, нашей основной защитой остается их незнание того, что мы живем среди них».

День уходил, и Дюпо начал обдумывать краткие инструкции Мерривейла. Может быть он слегка заиклился, но вопрос о том, сколько же агентов погибло при разработке этого проекта, снова и снова приходил ему на ум. Мерривейл

был тем еще типом — чертов акцент и все такое. Иногда казалось, что он восхищается Хеллстромом. В духе Мерривейла восхищаться только успехом, но это восхищение всегда имело привкус страха. Чем ближе к Мерривейлу подступал успех, тем сильнее был его страх.

В замкнутой долине жара не спадала. Дюпо начал чувствовать сонливость, и были моменты, когда его веки смыкались.

Он заставил себя сконцентрировать внимание на строениях фермы. Если верить последним донесениям, то сам Хеллстром должен быть где-то в одном из этих строений. Ничто, однако, не служило этому подтверждением.

Почему Мерривейл восхищался Хеллстромом?

Резкий хлопок сбил с Дюпо остатки сонливости. Он увидел движение в дальнем левом углу сарая-студии. В поле зрения появилась тележка на колесах. Довольно странное средство передвижения, напоминающее о стародавних вокзальных тележках для перевозки багажа, на больших колесах со спицами и с высокими бортами. Пронзительный голос отдал команду, но Дюпо не мог разобрать слов. Что-то вроде «погрузить». Смысла в этом он не видел.

Молодая женщина вышла из-за сарая и встала перед тележкой. Поначалу она показалась голой. В бинокль Дюпо заметил шорты телесного цвета, но не было ни лифчика, ни блузки. На ногах у нее были сандалии.

Сильное увеличение позволило Дюпо увидеть ее совсем близко, когда она опускала рулевую перекладину, поднятую вертикально впереди тележки. У нее были твердые груди с темными сосками. Он так увлекся ее разглядыванием, что чуть не упустил из виду приближение другой девушки, одетой по той же моде, заметив ее только тогда, когда странная третья рука попала в поле его зрения. Молодые женщины могли сойти за сестер, но они не соответствовали описанию женщин-офицеров в корпорации Хеллстрома. Их волосы были светло-желтые.

Молодые женщины взялись за перекладину и потащили тележку в направлении северных ворот. Они двигались быстро и решительно, что Дюпо нашел несоответствующим долгому ожиданию, которому подвергся ящик за воротами. Он не

видел иной причины появления тележки. Они собирались забрать ящик. Что было в этой чертовой штуковине? И почему они почти голые? Он вспомнил, как напрягались посыльные, двигая ящик, и удивился, как же эти две девушки поднимут такую тяжесть на тележку. Ясно, им должны будут помочь другие.

С возрастающим удивлением он наблюдал за тем, как женщины открывают ворота, выкатывают тележку, открывают задний борт и наклоняют ящик. Они подняли тяжелый ящик с поразительной легкостью, проделав все быстрее и четче, чем двое посыльных. Закрыв борт, они рысцой направились к сараю с той же целеустремленностью, с какой торопились к ящику. Гораздо быстрее, чем он ожидал, они добежали до сарая и скрылись за ним. Снова раздался хлопок. Дверь закрылась?

Дюпо прикинул, что вся операция заняла не более пяти минут. Поразительно! Амазонки! Но на первый взгляд они казались всего лишь хорошо развитыми девушками, достигшими брачного возраста. Не является ли ферма Хеллстрома убежищем помешанных на здоровье? Отсутствие одежды говорило в пользу такого предположения. Однако Дюпо отбросил его. Все было слишком по-деловому. Девушки не были фанатками-культуристками. Они больше походили на двух работниц, знающих свою работу настолько, что им не требовалось произносить лишних слов. Но почему женщины выполняют такую работу?

Снова нет ответа!

Дюпо посмотрел на часы: менее часа до захода солнца. Долина и ферма снова погрузились в зловещее спокойствие. Место теперь казалось еще более пустынным после всплеска энергии двух женщин.

Что, черт возьми, могло быть в ящике?

Лучи низкого солнца над гребнем образовали тени в глубине долины, но свет, отражаемый золотой травой и листьями на противоположных склонах, освещал их. Дюпо знал, что темный кустарник служит хорошим укрытием, но долина и вся местность вновь обрели оттенок зловещего спокойствия. Глубоко вздохнув, он твердо решил дожидаться темноты, прежде чем уходить из долины. Это место про-

питано атмосферой западни. Дюпо отполз назад, глубже в тень, и посмотрел влево на открытое пространство, которое ему предстоит пересечь. Низкие лучи солнца окрасили поле в золотисто-оранжевый цвет. И на нем четкой тенью обозначилась нитка помятой им на пути сюда травы.

«Я сделал ошибку, выбрав этот путь, — подумал он. — В чем, интересно, была ошибка Портера?»

Чувство полного изнеможения охватило его. Неожиданная сила, проявленная полуголыми женщинами, настойчивое раздражающее гудение из сарая-студии, невысказанные предупреждения в отчетах и на инструктажах Мерривейла, пустынная долина на фоне дальнего движения рогатого скота (почему так далеко?) — все говорило за то, что надо дожидаться ночи. Он лежал почти час, наблюдая и переживая свои предчувствия.

День угасал. Низко на западе небо лиловело на оранжевом фоне. Склоны долины темнели, и трудно было понять, действительно он видел детали ландшафта или просто помнил их. Ни в сарае, ни в доме свет не зажигался. Видимость упала почти до нуля, но когда он выполз из кустов, то различил звезды и слабый свет на северном горизонте. «Там Фостервилль, — подумал он. — И ни единого пятна света на ферме».

Дюпо провел руками вокруг себя, убедился в отсутствии кустов и встал на ноги. Болела спина. Сунув руку в рюкзак, он нащупал сэндвич в шуршащей бумаге, развернул ее и стал есть, восстанавливая ориентировку. Отсвет Фостервилля помог ему в этом. Сэндвич подкрепил его. Запив сэндвич водой, Дюпо приготовился в обратный путь.

Чувство опасности не проходило.

Умом он понимал его нелогичность, но Дюпо привык ему доверять. Опасностью пахло все, что он узнал, услышал, увидел — точнее, не узнал, не услышал, не увидел. Все в нем кричало — *опасность*.

Надо убираться отсюда. Повернув часы, чтобы видеть светящийся циферблат компаса, он выверил направление и двинулся в путь. Видимость немного улучшилась. Когда он вышел из-под деревьев, то ощутил впереди длинный

склон, покрытый сухой травой, который ему пришлось преодолеть утром.

Земля под травой была неровной. Он часто спотыкался, неизбежно взбивал пыль, и несколько раз ему пришлось остановиться, чтобы подавить желание чихнуть. Его движение в траве казалось ему неестественно громким в ночной тишине, нарушаемой лишь слабым ночным бризом, вздохи которого в деревьях впереди себя он слышал при остановках. Замедлив шаг, Дюпо попытался использовать сходство между двумя звуками. Он набрал достаточно травяной шелухи, царапающей кожу. Вдобавок его раздражало медленное движение. Он поймал себя на том, что неосознанно ускоряет шаг. Что-то внутри него говорило: *«торопись»*.

Светящийся циферблат компаса и слабый небесный свет позволяли ему ориентироваться. Он уже различал отдельные деревья в поле и спокойно их обходил. Впереди вырисовывалась темная линия крупных деревьев, которые он однажды уже проходил. Там будут тропы животных, и они помогут ему. Дюпо ожидал напасть на тропу задолго до того, как его ноги ступили на жесткую, без травы землю. Нагнувшись, он ощупал поверхность руками. Следы копыт почти стерлись, уже давно ни один олень не проходил тут. Эти старые следы он заметил еще утром, и сейчас они дополнили картину тотального «нет» этого места.

Выпрямившись и собираясь двигаться дальше, он услышал слабый шелест в поле позади себя. Дюпо замер, прислушиваясь. Источником шелеста не был ни ветер, ни человек, идущий в траве. И определенного места источник не имел — просто где-то сзади. Звездный свет не позволял различить ничего, кроме теней, которые могли быть деревьями или неровностями ландшафта. Звук становился громче, и в нем нарастала угроза. Звук даже более походил на шепот, чем на шелест. Дюпо повернул прочь от него и почти побежал по тропе. Он заметил, что видит тропу, если смотрит вниз под острым углом.

Вскоре он достиг линии земляничных деревьев и широких сосен. Деревья закрыли слабый свет звезд, и Дюпо был вынужден перейти на шаг. Несколько раз теряя след, он находил его ногами на ощупь. Ему хотелось вынуть фонарик

из рюкзака, но странный звук все усиливался за его спиной. Сейчас это был уже почти свист. Шум, издаваемый тысячами фижм*, если их протащить сквозь траву, не был бы столь металлическим. Сравнение позабавило его на секунду, пока он не вспомнил полуголых амазонок с фермы. Как-то они не выглядели забавными, даже одетые в воображаемые фижмы.

Он оставил велосипед в кустах, где тропа пересекала узкую грязную дорогу. Эта дорога огибала низкий холм и спускалась затем по длинному склону к проселочной дороге, где Дюпо припарковал вагончик. На руле у велосипеда имелся фонарь, и он решил включить его и гнать что есть мочи.

Стал ли звук позади громче? Что, черт возьми, может быть источником этого звука? Что-то неестественное? Шепот уже слышался в траве по обе стороны от него, как будто его охватывали фаланги наступающей армии. Дюпо попытался увеличить скорость, но мешала темнота, и он натывался на деревья.

Что это был за звук?

Тело его покрылось испариной, страх сдавил грудь.

Снова он попытался ускорить шаг, но споткнулся и упал. Шепот погони смолк. Дюпо лежал тихо, вслушиваясь. Ничего. Что за черт! Тишина пугала не меньше, чем звук. Медленно он поднялся на ноги, и тотчас звук появился снова — с боков и сзади. Испытывая ужас, Дюпо кинулся вперед, спотыкаясь, проламываясь сквозь заросли, иногда теряя тропу, иногда снова попадая на нее.

Где же эта проклятая дорога, на которой он спрятал велосипед?

Область охватывающего его шума переместилась уже вперед. Шум был кругом и становился все ближе. Тяжело дыша и спотыкаясь, Дюпо пытался нащупать фонарь в рюкзаке. Почему он не взял с собой оружие? Хотя бы автоматическое? Небольшой пистолет, как у Тимены? Черт! Что это за шум? Хватит ли у него смелости включить

* Фижмы — женская пышная юбка, поддерживаемая каркасом, в модах XVIII и начала XIX вв.

фонарик, который он наконец нашел, и описать лучом круг. Он не мог взять с собой пистолет! Нет! Его легенда любителя птиц не позволяла этого! Ноги налились свинцом, он хватал том воздух.

Дорога была уже у него под ногами, когда он наконец понял это. Дюпо резко остановился, пытаясь сориентироваться в темноте. Сошел ли он с тропы только что? Он не думал, что находится далеко от места, где спрятан велосипед. Оно где-то поблизости. Может, все-таки включить фонарик? Шелест-свист окружил его. Велосипед должен быть справа. Должен быть. Он на ощупь двинулся в более густую среди других тень, споткнулся и упал на раму велосипеда.

Ругаясь, Дюпо вскочил на ноги, поднял велосипед и оперся на него. Сейчас он видел дорогу лучше: светлая полоса в темноте. Неожиданно он подумал, как приятно будет оседлать велосипед и отправиться назад, к вагончику и Тимене. Но свист становился громче и все теснее охватывал его. Черт с ним! Схватив фонарик, он нажал на кнопку. Луч света выхватил из темноты трех молодых женщин, одетых так же, как амазонки на ферме, но их носы и глаза были скрыты за темными блестящими масками, похожими на маски для подводного плавания. У каждой из них в руках был продолговатый предмет с раздвоенным, как у бича, концом. Сначала это навело на мысль о странной антенной системе, но раздвоенные концы были угрожающе направлены прямо на него.

Из дневника Нильса Хеллстрорма: «Иногда я осознаю, что имя мое неважно. Сочетание звуков могло быть иным, но это все равно был бы я. Имена не важны. Хорошая мысль. Именно так говорили мать семьи и мои первые учителя. Имя, используемое мной, – случайность. Мне могли дать другое имя, если бы я был рожден в семье Внешних со всем их индивидуализмом. Их сознание – не мое сознание; их временная линия – не моя. Мы, дети Муравейника, когда-нибудь распрощаемся с именами. Слова Праматери переда-

ют глубокий смысл этого. Наше совершенное общество не может себе позволить индивидуальные имена. Одни метки, в лучшем случае, — не имена. Они полезны только в преходящем смысле. Возможно, в различные периоды жизни у нас будут разные метки. Или номера. Номера ближе по смыслу намерению, выраженному Праматерью столь удачно».

Было 2.40 ночи, и вот уже почти десять минут Кловис наблюдала, как Эдди ходит взад-вперед по маленькой гостиной ее квартиры. Телефон пробудил их ото сна, и Эдди поднял трубку. Он открыто пришел к ней в квартиру. Агентство, в общем-то, не имело ничего против. Определенные сексуальные шалости от своих людей даже ожидалось и ценились, если эти отношения оставались в определенных рамках. Ничего глубокого, просто здоровые, энергичные телесные наслаждения.

Повесив трубку, Эдди сказал только:

— Звонил ДТ. Мерривейл просил его позвонить. Они потеряли контакт с Карлосом и Тименой.

— О Боже!

Она встала с постели и запахнулась в халат. Эдди пошел прямо в гостиную.

— Мне следовало ответить на звонок, — сказала она, надеясь вывести его из задумчивости.

— Почему? ДТ искал меня.

— Здесь?

— Да.

— Откуда он узнал, что ты здесь?

— Он позвонил ко мне, там никто не ответил.

— Эдди, мне это не нравится.

— Чушь!

— Эдди, что еще сказал ДТ?

Он остановился перед ней и посмотрел вниз на ее ноги, которые она поджала, плюхнувшись в кресло.

— Он сказал, что нам предстоит сыграть брата и сестру еще раз. Ник Мэрли будет нашим дедом, и мы проведем прекрасно отпуск в Орегоне!

Из дневника Нильса Хеллстрорма: «Фэнси обнаруживает явные признаки недовольствия своей жизнью в Муравейнике. Может быть, она привыкла к жизни Снаружи. Иногда это случается. Боюсь, она вновь попытается бежать. В этом случае, как мне кажется, лучше просто уничтожить ее, чем отправлять в Чан. Ее первенец, Салдо, оправдал все наши ожидания. Я не хочу, чтобы Муравейник терял бридинг*-потенциал. Плохо, что у нее так ладится с насекомыми. Следует наблюдать за ней вплоть до завершения этого фильма. Что бы ни случилось, мы не можем больше посылать ее во Внешний мир с поручениями, пока не убедимся в ее надежности. Возможно, следует возлагать на нее большую ответственность во внутренних делах при съемках фильмов. Может быть, она разделяет мое видение фильма, и это излечит ее от нестабильности. Этот фильм так нужен нам. Начало нового этапа. С ним и с теми, которые преследуют, мы подготовили мир к нашему ответу на проблему выживания человека. Я знаю, что Фэнси разделяет схизматическую веру. Она верит, что насекомые нас переживут. Даже Праматерь этого боялась, но ее ответ в моей обработке следует развивать. Мы должны походить на тех, кому собираемся подражать».

— Это вас шокирует? — спросил Хеллстром.

Блондин среднего сложения, по внешнему виду не более тридцати четырех лет, таким было его описание, имеющееся в Агентстве. В нем ощущалось чувство внутреннего досто-

* Breeding (англ.) — способность биологических организмов рожать и выкармливать потомство.

инства, целеустремленность, проявлявшаяся в цепкости его взгляда, если что-то или кто-то был ему интересен. Чувствовался в нем заряд внутренней энергии.

Хеллстром стоял в лаборатории напротив пленника, привязанного к пластиковому стулу. Лаборатория представляла собой смесь полированного металла, блестящих белых поверхностей, стекла и инструментов, освещенных молочным светом, идущим по всему периметру потолка.

Дюпо здесь пришел в сознание. Он не знал, сколько прошло времени, но в голове все еще был туман. Хеллстром стоял перед ним с двумя обнаженными женщинами по бокам. Дюпо понимал, что слишком много внимания обращает на женщин, другую пару амазонок, но ничего не мог с собой поделать.

— Вижу, шокирует, — сказал Хеллстром.

— Положим, так, — согласился Дюпо. — Я не привык видеть так много обнаженной женской плоти.

— Женской плоти, — сказал Хеллстром и щелкнул языком.

— Их не обижает то, как мы о них говорим? — спросил Дюпо.

— Они не понимают нас, — ответил Хеллстром. — Даже если бы и понимали, то не поняли бы ваш вопрос. Это типично для Внешних, но мне всегда такой подход казался странным.

Дюпо осторожно попытался проверить крепость веревок, привязывающих его к стулу. Он очнулся с головной болью, и она не проходила. За глазами пульсировала боль, и он не имел ни малейшего понятия, сколько прошло времени. Дюпо вспомнил, как начал говорить с тремя женщинами, освещенными его фонариком, затем умолк, увидев, что многие фигуры заполняли темноту вокруг него. Затем неразбериха и туман. Господи, голова у него до сих пор кружилась. Он вспомнил свой глупый и жалкий выкрик, вызванный страхом и внезапностью:

— Я оставил здесь свой велосипед.

Боже праведный! Дюпо стоял там, держась за проклятый велосипед, и эти непроницаемые маски для ныряния окружали его. Подрагивающие двойные усики, нацеленные на него, мог-

ли означать только угрозу. У Дюпо не было ни малейшего представления, что это за оружие, но оружие — всегда оружие. Усики отходили от коротких ручек, которые женщины держали уверенно. Концы усиков издавали низкий гул, который Дюпо мог слышать, если задерживал дыхание, прикидывая шансы прорваться через круг. Пока он размышлял, ночная птица устремилась вниз к рою насекомых, привлеченных светом. Когда она миновала его, темная фигура подняла свой прибор. Раздался сухой свист, тот самый, что Дюпо слышал вокруг себя, пересекая поле. Птица в воздухе сложила крылья и камнем рухнула на землю. Женщина сделала несколько шагов вперед и запихнула птицу в мешок у себя на плече. Тут он заметил, что многие женщины имели такие мешки и эти мешки были полны.

— Я... я надеюсь, я не нарушаю частных владений, — рискнул Дюпо. — Мне сказали, что здесь неплохое местечко для моего хобби. Я люблю... наблюдать за птицами.

Сказав это, Дюпо сам понял, как глупо прозвучали его слова.

Что это за чертовы приборы? Эта птица даже не трепыхнулась. Свист-бэнг! Мерривейл ничего такого не упоминал. Может быть, это и есть «Проект 40»? Почему эти спятившие девки ничего не говорят? Словно они его не слышали или не понимали? Говорят они вообще на каком-либо языке?

— Эй, — попытался еще раз Дюпо, — меня зовут...

И это все, что он помнил, не считая нового резкого свиста слева и болезненного ощущения расколотой головы. Дюпо вспомнил: взрывная боль под черепом. Его голова все еще болела, когда он смотрел на Хеллстрому. Это чертовы усики, без сомнения. Две женщины, стоявшие за Хеллстромом, имели то же оружие, хотя и не носили масок женщин из группы, окружившей его ночью.

«Плохо дело, — подумал Дюпо. — Сыграть под дурачка?»

— Зачем это вы меня привязали?

— Не тратьте даром времени, — сказал Хеллстром. — Мы вынуждены, пока не решим, как будем от вас извлекаться.

С внезапно пересохшей глоткой и ушедшим куда-то сердцем Дюпо проговорил:

— Плохое слово — избавиться. Мне оно не нравится.

Хеллстром вздохнул. Да, выбор слов в данной ситуации был небогатым. Он устал от бесконечной ночи, и она еще не закончилась. Проклятые соглядатаи! Что им надо? Он сказал:

— Прошу прощения. Я не хотел причинять вам ненужных беспокойств или неудобств. Но вы не первый, пойманный нами при подобных обстоятельствах.

Дюпо испытал резкое ощущение уже однажды происходившего. Ему показалось, что он заново переживает опыт кого-то знакомого, близкого ему. Портер? Он не был близок с Портером, но все же...

— И вы избавились от них тоже? — спросил Дюпо.

Хеллстром проигнорировал вопрос. Такая безвкусица. Он сказал:

— Согласно вашим документам, вы являетесь торговым агентом компании по фейерверкам. Один из тех, других, тоже работал на эту компанию. Это не кажется вам странным?

Дюпо с трудом выталкивал из сухого горла слова:

— Если его звали Портер, то нет. Он мне рассказал об этом месте.

— Без сомнения, тоже любитель птиц, — сказал Хеллстром и повернулся спиной к Дюпо.

Дюпо вспомнил птицу, сбитую женщиной в ночном небе. Что это за оружие? Было ли оно ответом на тайну «Проекта 40»? Он решил подойти с другой стороны:

— Я видел, как одна из ваших женщин убила птицу прошлой ночью. Не следует этого делать. Птицы являются важной частью...

— О, помолчите! — произнес Хеллстром, не оборачиваясь. — Конечно, они убили птицу, и насекомых, кроликов, мышей, и всех других тварей тоже. Мы не можем тратить ночную чистку лишь на вашу поимку.

Дюпо встряхнул головой. *Ночная чистка?*

— Зачем они это делают? — спросил он.

— Чтобы есть, разумеется.

Хеллстром посмотрел на пленника.

— Мне необходимо время на обдумывание проблемы, возникшей в связи с вашим присутствием. Не рассчитываю на вашу откровенность.

— Не представляю, о чем вы хотите узнать, — упрямо стоял Дюпо, но обильный пот — и Дюпо это понимал — выдавал его с головой.

— Понятно, — сказал Хеллстром. В голосе его звучала печаль. — Не пытайтесь убежать. Два работника получили задание убить вас в случае чего. Говорить с ними нет смысла. Они не говорят. Кроме того, они легко выходят из себя, и они носом чуют в вас Чужого. Вы Чужой среди нас, и их обучили избавляться от вам подобных.

Хеллстром вышел из комнаты, оттолкнув в сторону скользящую дверь. Прежде чем она закрылась, Дюпо успел увидеть широкий коридор, залитый молочным светом и полный людей — мужчин и женщин, абсолютно обнаженных. Двое из них проходили мимо двери, заставив Хеллстрома задержаться на секунду. Эти двое, обе женщины, несли обнаженное тело мужчины с обвисшими головой и руками.

Из дневника Нильса Хеллстрома: *«Тщеславие побуждает меня писать эти строки в надежде, что они будут прочитаны специалистами. Действительно вы есть в этом будущем мире или вы плод моего воображения? Я уверен, что Муравейнику понадобятся способности к чтению еще долгое время, может быть всегда. Мысли мои потеряют значение. Ты, читающий эти строки, если разделяешь мои сомнения, должен понять, что твой талант читателя вскоре может быть отброшен и забыт. Это актуальный вопрос, служит ли он бесконечной цели. Может наступить время, когда эти слова останутся, но никто не сможет их прочесть. Практически это маловероятно, поскольку материал, на котором записаны мои слова, будет признан полезным для использования в других целях. Поэтому тщеславию, может быть, следует приписать*

мое обращение к будущим читателям. Причина, скорее всего, объясняется инстинктом близких целей. Я поддерживаю подход Праматери к решению проблемы Внешних. Мы не должны им противостоять, но должны искать компромисс и постоянно вводить их в наше сообщество. Это мы делаем сейчас, и, если вы переменяли точку зрения, полагаю, это поможет вам понять, что мы можем оказаться полезными в планировании вами будущего».

Хеллстрома разбудила от дневного сна молодая девушка-наблюдатель. На ее мониторе появился Чужак, вторгшийся на территорию Муравейника. Комната Хеллстрома была закрыта, обеспечивая ему уединение, на которое мог рассчитывать ключевой рабочий, и девушка вошла к нему лично и потрясла его за плечо, чтобы разбудить. Она сообщила ему об увиденном быстрым и тихим языком жестов, принятым в Муравейнике.

Чужак находился на холме над основными строениями и изучал местность в бинокль. Его приближение задолго до этого было зафиксировано сенсорами окружного тоннеля. Он оставил компаньона около дороги на Фостервилль.

Передача сообщения заняла три секунды.

Тяжело вздохнув, Хеллстром выскользнул из тепла постели и жестом показал, что сообщение принято. Девушка вышла из комнаты. Хеллстром пересек ровный кафельный пол, прохлада которого способствовала окончательному пробуждению, и вошел в контакт с сенсорами системы безопасности Муравейника. Он сфокусировался на квадрате, указанном девушкой-наблюдателем.

Поначалу Хеллстром никак не мог обнаружить Чужака в высокой траве. В этот час обзору в этом направлении всегда мешали солнечные лучи. Он подумал, уж не ошиблась ли наблюдатель при указании квадрата. Наблюдатели временами нервничали, но никто из них еще ни разу не вызывал ложную тревогу и не допускал серьезной ошибки.

Хеллстром изучил высокую траву более внимательно. Панорама ее в жарком полуденном свете казалась ненару-

шенной. Внезапно он уловил какое-то движение в траве на гребне. И, словно движение это создало новую сцену, он увидел непрошеного гостя: Чужак — мужчина, в одежде под цвет травы, что явно не было случайным.

Более чем семьдесят лет жизни в Муравейнике развили у Хеллстрома маскировочный рефлекс. Чувство осторожности появилось у него задолго до того, как он, подделав возраст, вышел за границы Муравейника для строительства Внешнего образа. Сейчас, глядя на прячущегося Чужака, он сунул ноги в сандалии и накинул на тело белый лабораторный халат. Одеваясь, он бросил взгляд на часы, висящие на стене: 2 часа 49 минут. Часы с точностью хода четыре секунды в год сконструировала команда, чьи воспитание и предназначение обрекли ее всю жизнь провести в лабораториях.

Хеллстром подумал о Чужаке. Если он так же будет выжидать, как и другие, то его лучше взять в темноте. Хеллстром решил начать ночную чистку пораньше, учитывая новое обстоятельство. Необходимо узнать, почему Внешние стали совать нос в дела долины.

Прежде чем выйти из комнаты, Хеллстром изучил внешний периметр Муравейника и увидел далеко в долине домик на колесах и женщину, сидящую рядом и что-то рисующую на табличке у себя на коленях. При большом увеличении он увидел нервное напряжение в плечах женщины, произвольное движение головы и взгляд вверх по склону в сторону Улья. Ее следует взять тоже. Почему они подозревают ферму?

Кто за этим стоит? Явный профессионализм в поведении Чужаков заставил быстрее биться сердце Хеллстрома.

Он задумчиво пожевал губами, внутренне прощупывая свои инстинкты, реагирующие на эту угрозу. Муравейник хорошо скрыт, чтобы не привлекать внимания, но он понимал всю его теперешнюю уязвимость, понимал, насколько мало значит его сила против разбуженной подозрительности Внешних.

Отсутствующим взглядом он оглядел комнату. Это было одно из самых больших помещений в сложном комплексе, расположенном под фермой и окружающими холмами. Его

одним из первых построили колонисты, завершившие здесь свою многовековую миграцию под руководством Праматери.

Слова Праматери: *«Время остановиться, мои возлюбленные рабочие. Мы, кто жил скрытной двойной жизнью среди Внешних свыше трехсот лет, всегда готовы бежать при малейшем подозрении, пришли на место, которое приютит нас и даст нам силу».*

Она сказала, что провидение направило ее, явление во сне благословенного Менделя, «чьи слова говорят о том, что избранный нами путь — правильный путь».

Первое образование Хеллстрома, полученное до его выхода во Внешний мир поддельным тинэйджером с целью «обучения по книгам», дало ему понимание многих мыслей Праматери.

Мысли Праматери: *«Лучшие должны спариваться с лучшими. Так мы произвели лучших работников для решения тех задач, с которыми может столкнуться Муравейник».*

Холодным апрельским днем 1876 года, когда начали копать дальше естественные полости под фермой, приступая к строительству первого Муравейника, она сказала им:

— Мы устремимся к совершенству и через это станем «смирненными», коих земля однажды примет в свое лоно.

Комната, занимаемая им сейчас, была выкопана именно тогда, хотя тех копателей и Праматерь давно приняли в себя Чаны. В шестнадцать футов шириной, двадцать два длиной и восемь футов от потолка до пола. Она была не квадратной в заднем конце, следуя форме исходной естественной полости. Поначалу предполагалось устроить здесь дверь, но затем решили смонтировать служебный водопровод. По естественному известняковому лабиринту Муравейник уходил вниз более чем на милю и вширь по

кругу почти двух миль в диаметре на трехтысячефутовом уровне. В этом садке жили почти пятьдесят тысяч рабочих (куда больше, чем смела надеяться Праматерь), в плотном сплетении со своими фабриками, садами на гидропонике, лабораториями, воспитательными центрами и даже подземной рекой, помогавшей вырабатывать требующуюся им энергию. Все стены исходной пещеры были покрыты серым, предвзвешенно напряженным бетоном.

В комнате Хеллстрома серые стены за многие годы покрылись различными планами и набросками, связанными с развитием Муравейника. Он никогда их не снимал — особенность характера, которую Муравейник прощал очень малому числу рабочих.

Хотя у него была более просторная комната, чем у других, обстановка соответствовала стандартам, принятым в Муравейнике: кровать из бетонных плит с необработанной обшивкой, стулья той же конструкции, стол с керамической подставкой, двенадцать ящичков Внешнего изготовления (ящички Муравейника были более крепкими, но он предпочел эти, служившие ему напоминанием о прошлой жизни), консоль с экранами и линией прямой связи с центральным компьютером. Шкаф с Внешней одеждой в одном из углов говорил о том, что он является одним из ключевых работников, представляющих Муравейник вне его границ перед лицом угрожающего мира. Кроме двух переносных ламп, одна над столом и другая над консолью, комнату освещали трубчатые лампы, располагающиеся по периметру потолка на стыке со стенами, — стандартная практика для всех галерей, тоннелей и комнат Муравейника.

Он мог занять одну из более новых и усовершенствованных комнат на нижних уровнях, но Хеллстром предпочитал эту, занимаемую им с того дня, как Чан принял Праматерь — «ставшую частью каждого из нас».

Хеллстром шагал взад-вперед по кафельному полу, думая о Чужаке. Кого он представляет? Ясно, он здесь не из случайного любопытства. Хеллстром чувствовал, как мощь Внешней силы медленно обращает свое внимание на Муравейник.

Он понимал, что не может более оттягивать свой ответ. Наблюдатели потеряют покой. Им необходима твердая рука и чувство, что предпринимаются конкретные действия. Хеллстром наклонился над консолью, закодировал инструкции и послал их в систему. Эти инструкции будут переданы по всему подземелью. Ключевые работники предпримут предписанные действия. Каждый работник, выбранный системой через центральный компьютер, увидит жесты-команды на экране. Молчаливый язык Муравейника включит их в общую систему защиты.

Как и многие из ключевых работников, Хеллстром знал, как тонка в реальности защита Муравейника. Это знание наполнило его страхом, и ему захотелось знать столько, сколько знают обычные рабочие, мало интересующиеся тем, что выходит за рамки их прямых обязанностей.

Преследуемый страхом, Хеллстром открыл ящик стола и извлек папку с пометкой «Джулиус Портер». Обычная метка, представляемая при поступлении в Чан, наклеивалась на папке с информацией о том, что случилось с плотью Портера, словно он являлся отбракованным бридинг-материалом, данные на который сохранялись для оценки потомства, хотя у Портера в Муравейнике такового и не имелось. Он просто принес с собой чувство неосознанной угрозы и оставил ее неразгаданной. Что-то в новом Чужаке заставило Хеллстрома вспомнить о Портере. А он верил таким инстинктам. Он просмотрел убогий текст, записанный в коде Муравейника. У Портера имелись документы, удостоверяющие его работу в Балтиморской компании. Под конец он что-то такое промямлил об «агентстве». Это агентство представлялось в его мозгу чем-то, что жестоко отомстит за него.

Агентство.

Хеллстром пожалел сейчас, что они так скоро отправили Портера в Чан. Неосмотрительно с его стороны.

Идея использовать боль против живого создания шла, однако, вразрез с идеологией Муравейника. Боль была знакома. Когда боль поражала работника и его не удавалось вылечить, он отправлялся в Куб. Внешние так не поступали. Но так была устроена жизнь Муравейника. Убивают, чтобы

есть, чтобы выжить. Убийство может причинить боль, но быстро проходящую. Да, выживание может заставить действовать по-иному, но Муравейник этого избегал.

Вскоре Хеллстром отложил папку в сторону и нажал на кнопку консоли. Он попросил одного из наблюдателей, находившихся в караульной комнате сарая-студии. Устройство передачи голоса было изобретено в Муравейнике, и Хеллстром восхитился его функциональной лаконичностью, пока ждал ответа. Вскоре на экране над устройством появилось изображение старины Харви. Его голос слегка дрожал. Время идти в Бак для Харви давно настало, подумал Хеллстром, но с этим следовало подождать, поскольку его таланты требовались Муравейнику, особенно сейчас. Харви был одним из первых бридеров. Его семя разнесено по всему Муравейнику. Он также знал обычаи Внешних, и его помощь в организации защиты Муравейника трудно было переоценить.

Они открыто говорили по внутренней сети. Не было ни малейшего шанса, что Внешние могли вскрыть электронную защиту Муравейника. В этой области специалисты Муравейника намного опередили Внешних.

— Вы знаете о Чужаке, конечно? — спросил Хеллстром.

— Да.

— Вы наблюдали за ним лично?

— Да. Я послал женщину предупредить тебя.

— Что он делает?

— Просто наблюдает. В основном в бинокль.

— Кто-нибудь из наших снаружи?

— Нет.

— Запланированы внешние работы?

— Только посылка — алмазы для буров пятьдесят первого уровня.

— Не принимайте без меня.

— Хорошо.

— Есть вероятность того, что у него имеются датчики, позволяющие следить за его местонахождением?

— У Портера не было.

Хеллстром подавил раздражение, но заметил, что Харви тоже обдумывал эти различия.

— Я хотел узнать, мы это проверили? — спросил Хеллстром.

— Нет еще, проверка пока не завершена.

— Вы ничего не упускаете из виду?

— Разумеется.

— Скажите, когда закончите.

— Хорошо.

— Как насчет воздушных средств? — спросил Хеллстром.

— Два реактивных самолета прошли на большой высоте более часа назад.

— Какие-либо признаки зондирования?

— Никаких. Коммерческие полеты, без сомнения.

— Похоже, что Чужак устроился основательно?

— У него в рюкзаке завтрак. Мы полагаем, что он дождется темноты. Мы регулярно облучаем его на низкой частоте, чтобы он испытывал беспокойство.

— Отлично, — Хеллстром кивнул сам себе. — Продолжайте. Если он нервничает, значит, делает ошибки. Но не переборщите, не то спугнете до темноты.

— Понятно, — ответил Харви.

— А что насчет женщины на внешнем периметре?

— Глаз с нее не спускаем. Чужак пришел оттуда. Мы думаем, они связаны. — Он прочистил горло с громким хриплым звуком, выдающим его преклонные годы. Хеллстром вдруг осознал, что старине Харви должно быть более двухсот лет и это очень пожилой возраст для первых колонистов, не испытавших преимущества всю жизнь прожить под управлением Муравейника.

— Разумеется, они связаны, — сказал Хеллстром.

— Могут они случайно забрести в эти места? — спросил Харви.

— Вы допускаете это?

Последовала долгая пауза:

— Вряд ли, но совсем я бы не исключал такой возможности.

— Я думаю, они пришли оттуда же, откуда и Портер, — сказал Хеллстром.

— Следует нашим людям на Востоке прощупать, что собой представляет корпорация Голубых поджигателей? — спросил Харви.

— Нет. Это может выдать сферу нашего влияния. Полагаю, нам требуется соблюдать предельную осторожность, особенно если эта парочка пришла сюда, чтобы прояснить судьбу Портера.

— Возможно, с ним мы поторопились.

— У меня свои дурные предчувствия на этот счет, — признал Хеллстром.

— Что за агентство представлял Портер?

Хеллстром задумался над вопросом. Он касался его собственных переживаний. Портер разговорился под конец. Это выглядело отвратительно и ускорило его отправку под нож и далее в Котел. Все же необходимость этого акта могла затуманить суть. Никто из Муравейника не позволил бы себе вести себя так, даже обычный работник, хотя они и умеют говорить на понятном Внешним языке. Портер сказал: «Агентство до них доберется. Агентство всемогуще. Мы знаем о вас! Мы до вас доберемся!» Портер был первым взрослым Внешним, видевшим внутреннее устройство Муравейника, и его истерическое отращивание при виде самых обычных для жизни Муравейника вещей поразило Хеллstroma.

«На его истерику я ответил своей, — подумал Хеллстром. — Я никогда не должен этого допускать».

— Мы допросим эту парочку более тщательно, — сказал Хеллстром. — Может быть, они нам расскажут про агентство?

— Вы думаете, правильно будет захватить их? — спросил Харви.

— Думаю, это необходимо.

— Возможно, вначале следует рассмотреть другие решения?

— Что вы предлагаете? — спросил Хеллстром.

— Осторожное зондирование нашими людьми на Востоке, пока мы пытаемся ввести в заблуждение этих Чужаков. Почему бы нам не пригласить их к нам сюда и не дать им понаблюдать за внешней стороной нашей деятельности.

Они не смогут доказать нашей ответственности за исчезновение их приятеля.

— Мы не можем быть в этом уверены, — сказал Хеллстром.

— Почему? Их реакция была бы иной, если бы они знали об этом.

— Они знают, — сказал Хеллстром. — Они не знают только как или почему. Никакой маскарад их не убедит. Они набросятся на нас, как мухи на сладкое. Мы должны делать вид, да, но мы должны вывести их из равновесия в то же время. Я проинформирую наших людей Снаружи, но инструкции прежние — максимальная сдержанность и осторожность. Лучше пожертвовать Муравейником, чем потерять все.

— При принятии решений помните о моих возражениях, — сказал Харви.

— Ваше замечание я запомнил и буду его учитывать.

— Они пришлют других, — сказал Харви.

— Согласен.

— И каждая новая команда будет квалифицированное предыдущей, Нильс.

— Не сомневаюсь. Но квалификация, как мы видим на примере собственных специалистов, сужает обзор. Сомневаюсь, что в этих первых попытках участвовали представители ядра их агентства, желающие знать о нас. Скорее всего, они пошлют кого-то, кто знает все о тех, кто рыщет в окрестностях и сует нос в наши дела.

Колебание Харви выдавало то, что он не рассматривал этой возможности. Он сказал:

— Вы попытаетесь захватить одного из них и заставить его работать на нас?

— Мы должны попытаться.

— Опасная игра, Нильс.

— Обстоятельства диктуют правила игры.

— Не согласен еще в большей степени, Нильс. Я жил во Внешнем мире, Нильс, я знаю их. Вы выбираете крайне опасный путь.

— Вы можете предложить альтернативу с меньшим потенциальным риском? — спросил Хеллстром. — Но прежде

чем отвечать, глубже продумайте последствия. По всей цепочке событий, вытекающих из нашей реакции. Мы ошиблись с Портером. Мы полагали, что он один из Внешних, которых мы захватывали раньше и отправляли в Котел. Мудрость лидера чистки обратила на него мое внимание. Ошибку здесь допустил я, но последствия касаются всех нас. Мои собственные сожаления ни на йоту не меняют ситуацию. Наша проблема осложняется тем, что мы не можем стереть все следы, оставленные Портером на пути к нам. Мы могли это делать раньше без исключений. Наши предыдущие успехи притупили мою бдительность. Черета успехов не гарантирует корректность принимаемых решений. Я знал об этом и все же ошибся. Я не буду возражать против моего смещения, но не меняю прежнего решения о дальнейших действиях, действиях в условиях признания прошлой ошибки.

— Нильс, я не говорил о смещении...

— Тогда выполняйте мои инструкции, — сказал Хеллстром. — Хотя я мужского пола, я возглавляю Муравейник по желанию Праматери. Она признавала важность своего выбора, и до сих пор реальные события не слишком расходятся с ее предсказанием. При санарном зондаже этой женщины и машины проверьте, не беременна ли она.

Харви ответил по-военному лаконично:

— Я помню о необходимости притока новой крови, Нильс. Ваше замечание будет учтено.

Хеллстром отключил связь, и лицо Харви исчезло с экрана. Старина Харви мог быть очень старым, с несколько притупленным жизнью во Внешнем мире сознанием Муравейника, но он умел слушаться, несмотря на внутренние страхи. В этом отношении он заслуживал полного доверия, большего, чем большинство людей Внешнего мира, воспитанных в условиях жестких ограничений, свойственных «диким», как называли их в Муравейнике. Старина Харви был хорошим работником.

Хеллстром вздохнул от сознания ноши, взваленной ему на плечи, — почти пятьдесят тысяч работников, делающих свое дело в Муравейнике. Он вслушался в себя, пытаясь настроиться на внутреннюю волну Муравейника, которая бы сказала ему, что в Муравейнике все в порядке. Волна

ощущалась ровным гудением пчел, собирающих нектар в жаркий полдень. Ему нужно было ощущать ее покой иногда, чтобы восстановить свои силы. Но сегодня Муравейник не дал ему успокоения. Хеллстром ощутил, как тревога передавалась в Муравейник вместе с его командами и возвращалась назад к нему. Не все было в порядке.

Муравейник нес на себе печать осторожности, как и каждый его обитатель. Он имел свою долю врожденной осторожности, заботливо отрегулированной Праматерью и теми, кого она выбрала ему в воспитатели. Вначале Хеллстром возражал против производства документальных фильмов — слишком близко к дому. Но афоризм: «Кто может больше знать о насекомых, чем рожденные в Муравейнике?» — оказался сильнее его возражений, и, в конечном счете, он сам проникся духом фильмопроизводства без всяких огорок. Муравейник всегда нуждался в символе энергии — деньгах. Фильмы изрядно пополняли их счета в швейцарских банках. Эти деньги расходовались на Внешние ресурсы, в которых Муравейник испытывал нужду — алмазы для буров, например. В отличие от диких обществ, однако, Муравейник искал гармонии с окружающей средой, кооперации с ней, покупая таким путем услуги среды для Муравейника. Эта глубокая внутренняя связь всегда поддерживала Муравейник в прошлом и поддерживает их сейчас. «Фильмы — не ошибка!» — говорил себе Хеллстром. В этом было что-то даже слегка поэтически-забавное — испугать Внешних в таком обличье, показать им реальность через фильмы о различных популяциях насекомых, в то время как гораздо более глубокая реальность из этой изложницы взойдет на дрожжах страха, который она же и взрастила.

Хеллстром напомнил себе строки, на внесении которых в сценарий их последнего фильма он настоял: «В совершенном обществе нет места ни эмоциям, ни жалости; жизненное пространство не может быть истрачено на переживших свою полезность».

Новое вторжение Внешних заставило Хеллстрома вспомнить о пчелином муравьином волке, чьи хищнические рейды в Муравейник должно отражать со всей возможной энергией.

В кооперативном обществе судьба каждого будет судьбой всех.

«Я должен подняться наверх немедленно, — решил он. — Я должен принять личное командование над всеми защитными ресурсами».

Быстрым шагом Хеллстром подошел к ближайшей общей ванной комнате, принял душ вместе с несколькими химически нейтральными женщинами-работницами, убрал щетину из-готовленным в Муравейнике средством удаления волос и вернулся в свою комнату. Здесь он переоделся в тяжелую одежду Внешних: коричневые брюки, белая хлопчатая рубашка, темно-серый свитер и поверх светло-коричневый пиджак. Носки и пара кожаных ботинок дополнили костюм. Затем Хеллстром вынул маленький пистолет из ящика стола и сунул его в карман. Оружие Внешних имело больший радиус поражения, чем их приборы, и будет знакомо Чу-жакам, признаваемо в качестве угрозы.

Хеллстром вышел, прошел знакомыми галереями и коридорами, полными гула привычной активности. Комнаты с гидропоникой были на его пути, их двери открыты для свободного доступа собирающих урожай. Он посмотрел внутрь, проходя мимо, отметив, как быстро выполнялись все операции. Корзины наполнялись соевыми бобами, по два работника на корзину. Внешнему могло бы показаться, что в этих комнатах царит полный беспорядок, но не было слышно ни споров, ни разговоров, не видно ни столкновений, ни рассыпанных корзин. Полные корзины подавались в лифтные отверстия для подачи их вверх на обработку. Все необходимые сигналы подавались молча, с помощью жестов. Огромные помещения давали массу свидетельств предельно эффективной организации Муравейника: химически кондиционированные работники, эффективно нейтрализованные, никто из них не голодный (пищевые конвейеры располагались всего в нескольких шагах в главной галерее), и они работали с сознанием важности выполняемой ими работы для всего Муравейника.

Движение Хеллстрома в этом месте напоминало эл-гантный танец между входящими и выходящими работниками. Точный график здесь не требовался. Одни работники вы-

ходили, проголодавшись или почувствовав усталость. Другие заступали на их место. Все знали, что от них требуется.

У лифта — одной из самых старых моделей, заметно держащихся при прохождении открытых дверей, — он задержался на секунду, пережидая, пока пройдет мимо группа работников в сторону комнат с гидропоникой для замены старых посадок новыми. Не должно быть задержки в производственном цикле, лежащем в основе самого их выживания.

Хеллстром стал в открытый проем на пол идущего вверх лифта. Тяжелый животный запах Муравейника, который очистные системы удаляли из поступающего снаружи воздуха, сильно чувствовался в лифте, свидетельствуя об утечке где-то далеко внизу в шахте, требующей ремонта. Текущий ремонт нельзя забывать даже сейчас. Хеллстром сделал пометку в своей памяти о текущем ремонте шахты. Через две минуты он был в подвале сарая-студии, вновь концентрируя свое внимание на непосредственной угрозе.

«Мы не должны слишком быстро отправлять этих Чужаков в Котел», — сказал он себе.

Из дневника Нильса Хеллстрёма: *«В устных преданиях, на сто лет более древних, чем первые записи, сделанные нашими предками, говорится, что отказ от любой потери протеина, вырабатываемого колонией, восходит к ее зарождению. Я сомневаюсь в этом. Реакция Внешних указывает на то, что это не более чем приятный миф. Праматерь сравнивала его с открытостью, существующей между нами, живущими в Муравейнике. Котел для нее был красивой метафорой свободного внутреннего единения, и, как она часто говорила: «Таким образом, когда кто-то умирает, его секреты не умирают вместе с ним: знания каждого будут вложены в успех целого». Ничто в более чем двухсотлетней нашей письменной истории не ставит под сомнение исходный миф, и я этого не делаю на наших открытых совещаниях.*

Итак, я скрываю нечто во имя укрепляющего нас мифа. Возможно, так начинаются религии».

В нижнем подвале осторожность становилась осязаемой вещью. Стальная лестница была вмонтирована в пол в одном углу открытой площадки под поглощающими звуки перегородками и амортизаторами опорных стоек. Лестница вела вверх, через перегородки в замаскированный люк, ведущий в помещение коммунального туалета в подвале сарая. Спрятанный экран наверху лестницы выходил из стены, когда работник поднимался до этой точки, показывая, занято или нет помещение. Систему удаленной блокировки запирала дверь помещения, когда в нем появлялся работник снизу.

У основания лестницы располагались вспомогательные экраны, за которыми постоянно следили дежурные. Работник махнул Хеллстрому рукой, говоря, что в студии не было никого из Внешних. Лестница соединялась со стеной одной из гигантских вентиляционных труб, выходящих на крышу сарая. Поднимаясь, он ощущал легкую вибрацию. Через пустую комнату для умывания он прошел в настоящий подвал студии со шкафами, складами фильмов, оборудованием для редактирования фильмов, раздевалками и гримерными. По стандартам Внешних, все было как положено. Работники занимались своими делами и не обращали на него никакого внимания. Обычная лестница в конце длинного зала вела через систему поглощения звуков, через проход с двойными дверями в главную студию, занимавшую большую часть сарая.

С постоянного заседания Совета Муравейника:
«Последние расчеты показывают, что Муравейник будет испытывать давление перенаселенности тогда, когда его численность перейдет рубеж шестидесяти тысяч. Без защиты, которую сможет дать «Проект 40», мы не можем этого допустить. Несмотря на все достижения наших специалистов, мы беспомощны против объединенного могущества Внешнего мира, чье оружие уничтожит нас. Пат-

риотизм наших работников заставит их гибнуть тысячами в самоубийственной попытке обеспечить будущность вида. Но нас мало, а Внешних много. На нынешнем этапе следует отложить реализацию плана ввиду его непродуманной жестокости. В будущем, когда мы будем обладать мощным оружием, таким, какое может дать «Проект 40», мы выйдем наружу, и если наши работники в этот день погибнут, то они погибнут из самоотвержения, но не от жадности».

— Они, как всегда, тверды и вежливы, но уклончивы, — сказал Джанверт, поворачиваясь от телефона.

Был день за окнами квартиры Кловис. Она одевалась в ожидании особого приглашения, которое, как они оба знали, скоро последует.

— Они велели тебе проявлять терпение. — Кловис вновь приняла свою излюбленную позу на длинной кушетке и поджала под себя ноги.

— И еще одно, — сказал Джанверт. — Перуджи определенно собирается возглавить команду. Старому Джолио это совсем не нравится.

— Думаешь, он сам метил на это место?

— О, нет конечно! Но он директор по планированию операций. Когда в игре Перуджи, он не может отдавать приказы. Он, по сути, больше не планирует операции. Это ему не нравится.

— Это точно, насчет Перуджи?

— Без сомнения.

— Это объясняет, почему он неохотно делился информацией.

— Да, похоже. — Джанверт подошел к кушетке и сел рядом с Кловис, взяв ее за руку и поглаживая мягкую кожу. — Мне страшно, — сказал он. — Мне по-настоящему страшно за все время в этом грязном бизнесе. Я всегда знал, что им абсолютно на нас наплевать, но Перуджи... — Джанверт конвульсивно сглотнул. — Я думаю, он горд тем, скольких

людей он может израсходовать, и ему все равно, чьи это люди, наши или их.

— Не дай ему догадаться о своих чувствах, ради Бога! — сказала Кловис.

— Ну конечно! Я буду счастливым Коротышкой — всегда готов!

— Думаешь, отправляться придется сегодня?

— В крайнем случае, ночью.

— Я часто думала о Перуджи, — сказала она. — Я думала, кто он в действительности. Странное имя и все такое.

— По крайней мере у него есть имя, — сказал Джанверт. — Шеф...

— Даже не думай об этом, — предупредила она.

— Ты никогда не сомневалась, а действительно ли мы работаем на правительство? — спросил он. — Или... наши боссы представляют теневое правительство?

— Если ты хочешь узнать, что я думаю о том, что тебя интересует, знай: я вообще не хочу об этом что-нибудь слышать, — ответила она.

— Хорошая, безопасная позиция.

Джанверт отпустил ее руку, встал и вновь зашагал по комнате. Кловис, конечно, права. Это место прослушивается. Они знали точно, куда ему звонить. Тут ничего не поделаешь: если работаешь над тем, как превратить мир в аквариум, то и сам живешь в аквариуме. Хитрость в том, как стать рыбаком.

Из руководства Муравейника: «Через отбор работников, производителей и различных специалистов, через развитие общего сознания Муравейника и с помощью всех имеющихся у нас химических и механических средств план нашего кооперативного общества вырисовывается с той степенью неуклонности, которую необходимо контролировать с величайшей ответственностью. Каждое поколение вступает в мир продолжателем

предыдущих, где каждый индивидуум — протяжение других. Именно в силу этого обстоятельства мы должны строить наше конечное место во Вселенной».

Как только Хеллстром появился в студии, занимавшей большую часть северной половины сарая, молодая женщина — помощник по производству, работавшая неподалеку с пчелиным ульем в стеклянном ящике, увидела его и помахала рукой, стараясь привлечь его внимание. Хеллстром заколебался, разрываясь между желанием немедленно подняться на командный пост и признанием необходимости поддерживать вид ничем не нарушаемого рабочего ритма. Он, конечно, узнал женщину: одна из низшего управленческого персонала, имеющего право на ограниченный контакт с Внешними. Пришла проконтролировать работу над фильмом на законном основании. Она принадлежала генетической ветви Найлс-8, явно неудачной и требующей корректировки в бридинг-процессе. Они также проявляли вкусы Внешних, как и ФЭНСИ-линия.

Он отметил для себя, что члены второй съемочной группы стояли вокруг, сложив руки. Вся сцена говорила о сбое в рабочем процессе. Это может дорого стоить. Хеллстром взвесил проблемы. На Харви безусловно можно положиться, он выполнит все его указания. Деньги за прокат фильма представляли собой значительную сумму. Хеллстром изменил направление и зашагал в сторону ассистентки и ее скучающей съемочной группы. У нее было некрасивое лицо, которое не исправляли большие очки и светлые волосы, стянутые на затылке в пучок. Но у нее было полное и, очевидно, плодовитое тело. Хеллстром лениво подумал, проходила ли она тест на бридинг-потенциал.

Он обратился к ней по Внешнему имени:

— Что случилось, Стелла?

— У нас возникли неожиданные затруднения, и я хотела позвать Фэнси на помощь, но мне сказали, что вы дали ей другое задание, с которого ее нельзя отозвать.

— Да, это так, — сказал Хеллстром, понимая, что кто-то понял буквально его инструкции о жестком надзоре за Фэнси. — Что случилось с пчелами?

— Они набрасываются на матку всякий раз, когда мы пытаемся подготовить ее к фотографированию. В последний раз, когда это случилось, Фэнси велела нам позвать ее. Она думает, что сможет помочь.

— Предложила она вам альтернативу ее вызову?

— Она предложила добавить транквилизатор в питатель и воздух.

— Вы пробовали это?

— Нам бы хотелось, чтобы они проявляли большую активность.

— Понятно. Упомянула Фэнси возможную причину?

— Она полагает, дело в воздухе. — может быть, атмосферное электричество или запахи наших тел.

— Можем мы пока снимать пчел?

— Эд думает, что да. Он хотел обратиться к вам раньше, чтобы узнать, сможете ли вы участвовать в одной из съемок в лаборатории.

— Когда он хотел снимать?

— Сегодня вечером, часов в восемь.

Хеллстром задумался, прикидывая первоочередные проблемы.

— Полагаю, что к восьми часам я смогу освободиться. Скажи Эду быть готовым. Я посплю и смогу работать всю ночь, если понадобится.

Он повернулся и пошел прочь, спокойный за этот участок. Но пчел он увидел сразу метафорой собственного Муравейника. Если Муравейник взбудоражится, то сможет выйти из-под контроля. Работники станут действовать по своему усмотрению. Он сделал знак оператору крана в центре студии, показав на себя и на хоры, ведущие в рубку управления.

Клеть, подвешенная на стреле, опустилась на пол студии со всем изяществом богомола, настигающего свою добычу. Хеллстром вступил в нее, и она подняла его вверх и в сторону по широкой дуге, приземлив на краю пола хоров. Выходя из клетки, Хеллстром подумал, как удачно это ус-

тройство отвечает требованиям как безопасности, так и прикрытия. Никто сюда не мог подняться без помощи надежного оператора, и в то же время казалось естественным думать о кране как о лифте и использовать его в качестве отговорки об отсутствии иного доступа в секцию службы безопасности.

Хоры обходили по периметру центральный колодец в половину длины сарая. Другая половина скрывала отдушины вентиляторов с проходами для визуального наблюдения за верхними подступами к долине. Канаты были аккуратно сложены витками и лежали на полу через равные промежутки, каждый канат прикреплялся к одной из перекладин перил. Канаты предназначались для аварийного спуска на пол студии, и работники Муравейника регулярно тренировались на них, хотя этого еще ни разу не потребовалось. Ни канаты, ни внутренняя стена за дорожкой, ни двери, ведущие в различные службы безопасности, не были видны с пола студии.

Хеллстром пошел вдоль перил, и сразу почувствовал слабый запах пыли, что встревожило его — напомнить бригаде уборщиков о недопустимости пыли в студии.

Он зашагал вдоль звуконепроницаемой стены, глядя вниз на работающих организованно и без суеты людей, пока не дошел до последней двери со звуко- и светонепроницаемой перегородкой.

Хеллстром вошел в станцию Харви через проем в перегородке. Внутри было темно и пахло Внешними запахами, доносящимися через открытые вентиляционные башенки в дальнем конце. Арка экранов густо-зеленого цвета была смонтирована вдоль внутренней стены напротив системы теплового разрушения, способной выжечь весь сарай до нестеряемых бетонных пробок, которыми можно быстро запечатать вход в Муравейник сверху. В складывающейся критической ситуации Хеллстром кожей стал ощущать защитные приготовления, входившие в координаты общего сознания популяции Муравейника.

Старина Харви оторвался от консоли и взглянул вверх на входящего Хеллстрома. Старик был сед, с большим, выдвинутым вперед лицом. Карие глаза широко расставлены и обманчиво приветливы. Хеллстром однажды видел, как

Харви обезглавил впавшего в истерику работника одним ударом тесака для рубки мяса, но это было давно, в его детстве, и эту ветвь истеричек уже вытравили из бридинг-процесса.

— Где наш Внешний? — спросил Хеллстром.

— Он немного поел, затем сполз с гребня вниз, — сказал Харви. — Сейчас он в верхней части долины. Если он остановится там, где я думаю, мы сможем посмотреть через башенки с другого края и разглядеть его напрямую в бинокль. Внутри весь свет выключен, конечно, чтобы уменьшить вероятность того, что он здесь что-то увидит.

Правильная, осторожная мысль.

— Просмотрели вы материал по Портеру вновь? Я заметил раньше, что...

— Я просмотрел его.

— Каково ваше мнение? — спросил Хеллстром.

— Тот же подход, покрой и цвет одежды, маскирующий его в траве. Держу пари, выдает себя за любителя птиц.

— Думаю, вы выиграете.

— Слишком много профессионализма. — Он посмотрел на один из экранов над плечом наблюдателя, кивнул и сказал: — А вот и он, там где и ожидалось.

На экране виднелся Чужак, ползущий под кустарником, чтобы взглянуть на долину в другом ракурсе.

— У него есть оружие? — спросил Хеллстром.

— Судя по показаниям наших датчиков, нет. Полагаю, у него есть карманный фонарик и нож в дополнение к его биноклю. Взгляните: там букашки, и они ему досаждают. Видите, как он стряхивает их со своей руки.

— Букашки? Как давно мы чистили эту зону?

— Около месяца назад. Уточнить?

— Не надо. Просто пометьте, что эта зона, может быть, требует очередной чистки небольшой бригадой.

— Хорошо. — Харви кивнул и повернулся передать инструкции жестами одному из своих помощников. Затем вновь повернулся к Хеллстрому и задумчиво сказал:

— Портер вел себя все-таки странно. Я просмотрел все, что он сказал. А сказал он немного.

— Он совал нос не в свое дело, — согласился Хеллстром сухо.

— Что, по-вашему, ему было нужно?

— Мы чем-то привлекли внимание официального Агентства, — сказал Хеллстром. — Они не ищут ничего, кроме как удовлетворения своей паранойи.

Харви пожал плечами:

— Мне не нравится это, Нильс.

— Мне тоже.

— Вы уверены в правильности вашего решения?

— Лучшего я не вижу. Сначала надо взять эту парочку.

Один из них должен знать больше, чем покойный Портер.

— Надеюсь, вы правы, Нильс.

Из дневника Нильса Хеллстрема: «Трое из наших молодых генетиков были сегодня снова среди маток, что вызвало возражения со стороны нескольких более старых генетиков. Я должен был объяснить им еще раз, что это не важно. Бридинг-импульс нельзя подавлять в активных ключевых работниках, которым требуется в работе включение всех умственных способностей. Я испытываю эту потребность сам время от времени, и старые генетики отлично об этом знали. Они, конечно, жаловались на меня. Когда они наконец поймут, что генетика существует в жестких рамках, обуславливаемых уровнем ее развития? К счастью, старые умирают. Здесь применим наш трюизм. «В Котел старый, из Котла новый». Каждый результат последнего набега будет взят под наблюдение, разумеется. Рождение таланта непредсказуемо. А все мы знаем, как отчаянно Муравейник нуждается в талантах».

Мерривейлу не понравился тон Перуджи по телефону, но он не показал виду, давая аргументированные ответы. Перуджи был недоволен и не пытался этого скрыть. Для Мерривейла Перуджи представлял собой главное препятствие, мешающее повышению. Мерривейлу казалось, что он хорошо

понимал Перуджи, но его оскорбляла реакция последнего, говорившая о его более высоком положении в Агентстве.

Мерривейла отозвали с дневного брифинга, где определялись новые команды для отправки в Орегон. Он покинул совещание неохотно, но без промедления. Нельзя заставлять ждать Перуджи. Перуджи был одним из немногих, кто ежедневно лицом к лицу встречался с Шефом. Он, может быть, даже знает настоящее имя Шефа.

На ровной серой поверхности стола Мерривейла лежал нож для разрезания писем в форме кавалерийской сабли. Он взял его и уколол им стопку промокательной бумаги; слушаая, втыкал глубже, когда беседа принимала крутой оборот.

— Это было в начале месяца, Дзула, — сказал Мерривейл, зная, что объяснение недостаточно, — и мы не знали тогда столько, сколько знаем сейчас.

— Что мы знаем сейчас? — вопрос звучал резко и осуждающе.

— Мы знаем, что где-то там есть некто, кто не колеблясь заставляет наших людей просто исчезнуть.

— Мы уже об этом знали!

— Но мы не измерили глубину решимости, готовой бросить нам вызов.

— У нас так много людей, что мы можем терять их для выяснения столь важных фактов?

«Лицемер! — подумал Мерривейл. — Никто не потерял больше агентов, чем Перуджи. Сам отдавал мне недвусмысленные приказы, стоившие нам целых команд!»

Мерривейл еще глубже воткнул нож.

— Дзула, никто из наших агентов не считает, что дело безопасное. Они знают, на что идут.

— Но знают они, на что вы идете вместе с ними?

— Это нечестно, — вырвалось у Мерривейла, и он подумал о подоплеке слов Перуджи. Чем вызвана такая резкая атака? Что случилось там, наверху?

— Вы дурак, Мерривейл, — сказал Перуджи. — Вы потеряли трех опытных агентов.

— Полученные мною инструкции были точными, вы это знаете.

— И, получив их, вы сделали то, что считали правильным.

— Естественно. — Мерривейл ощутил пот под воротничком и потер пальцем в том месте. — Мы не знали точно, что случилось с Портером. Вы велели мне послать его одного. Это ваши слова.

— И тогда Портер... просто исчез?

— Вы сказали, что у него имелись личные причины, чтобы исчезнуть!

— Какие личные причины? Послужной список Портера — один из лучших.

— Но вы сказали, что он поссорился с женой.

— Я это сказал? Не помню.

«Вот так», — подумал Мерривейл. Живот у него стянулся в тугую узел боли.

— Вы предложили это в качестве возможной причины послать команду из двух человек, но с теми же инструкциями.

— Я ничего такого не помню, Мерривейл. Это вы послали Джанверта и Гринелли в эту орегонскую крысиную нору и теперь сидите здесь с извинениями. Когда Портер пропал, вы сделали официальный запрос об отпускнике, пропавшем предположительно в этом районе.

«Новый поворот, — подумал Мерривейл. — Если он пройдет, Перуджи получит выгоду. Если нет, вся вина падет на меня. Ловко придумано!»

А вслух сказал:

— Я полагаю, именно этот шаг вы предпримете, когда прибудете в Орегон.

— Вы чертовски догадливы!

«Сам Шеф, вероятно, слушает, — подумал Мерривейл. — О Боже! Зачем я влип в это дело?»

— Сообщили вы новым командам, что я лично буду руководить? — спросил Перуджи.

— Я говорил им об этом, когда вы меня вызвали.

— Очень хорошо. Я вылетаю самое позднее через час и встречу новые команды в Портленде.

— Я сообщу им об этом, — выговорил Мерривейл с миной покорности судьбе.

— И скажите им следующее: скажите им, и я хочу чтобы это было подчеркнуто, что операцию необходимо вести с предельной осторожностью. Ничего показного, понятно? У Хеллстрона влиятельные друзья, и хочу напомнить, что экология — взрывоопасная штука. Хеллстром сказал правильные слова правильным людям, и они считают его экологическим мессией. К счастью, есть и другие, кто понимает, что он просто сумасшедший фанатик, и я уверен в успехе. Все понятно?

— Да. — Мерривейл не пытался скрыть горечи. Шеф прислушался к Перуджи, в этом не было сомнений. Представление, подготовка козла отпущения. Имя козла, разумеется, Мерривейл.

— Сомневаюсь, и весьма сильно, что вы меня правильно поняли, — сказал Перуджи, — но, вероятно, вы поняли достаточно, чтобы следовать моим инструкциям, не допуская более постыдных ошибок.

На линии раздался щелчок.

Мерривейл вздохнул и положил трубку. Признаки очевидны. В случае неудачи пальцы будут показывать только в одном направлении. Ладно, ему случалось попадать и не в такие переделки, как, впрочем, и других подставлять таким же образом. Есть только один выход. Необходимо переложить ответственность, но сделать это надо мягко, чтобы казалось, будто все по-прежнему в его руках. Естественным кандидатом казался Джанверт. Сначала следует назвать Коротышку номером два в том проекте, сразу после самого Перуджи. Перуджи не сказал, кого он хочет видеть номером два. Здесь он допустил ошибку. Если Перуджи изменит это назначение, что весьма вероятно, тогда он станет ответственным за действия нового второго. Коротышка представлялся удобным выбором. Перуджи несколько раз давал понять, что не полностью доверяет Джанверту. Но этот маленький человек отличался изобретательностью и находчивостью. Выбор следует отстаивать.

Из руководства Муравейника: «Стерилизованный работник является источником свободы в

любом обществе. Даже дикое общество имеет своих стерилизованных работников, причем стерилизация проводится под прикрытием действительной плодовитости, дающей новые побеги. Но эти побеги не имеют своей доли в свободной творческой жизни общества и, таким образом, действительно стерилизуются. Такие работники легко распознаются. Они не обременены интеллектом, эмоциями или индивидуальностью. Они затеряны в массе подобных себе созданий. В этом отношении ни наш Муравейник, ни насекомые не приносят во Вселенную ничего нового. Что есть у насекомых и что мы копируем, так это общество, где работники упорно работают вместе над созданием Утопии — совершенного общества».

Второй съемочной группе Хеллстрому потребовалось напряженных шесть часов для того, чтобы снять в лаборатории эпизод с мышами и осами. Но Хеллстром все же не был удовлетворен результатом. Он стал весьма чувствителен к художественным достоинствам снимаемых ими фильмов. Требования к качеству, которые он теперь предъявлял, проистекали далеко не только от большей прибыльности хорошо отснятого фильма. Ему хотелось качества ради качества, так же, как он хотел видеть его в каждом элементе Муравейника.

Качество специалистов, качество жизни, качество созданий — все было взаимосвязано.

Когда закончилась съемка, Хеллстром вновь поднялся в клетки наверх, пытаясь на время спрятать свою обеспокоенность, вызванную последними сообщениями о ночной чистке. Поскольку он был занят в эпизоде, ему пришлось находиться на площадке в наиболее важные моменты чистки. До рассвета оставалось еще много часов, и проблема пока не была решена: женщина, сопровождавшая Чужака, все еще находилась на свободе.

Одна из главных и постоянных забот Муравейника состояла в производстве работников, способных «представлять»

его во Внешнем мире, неподкупных работников, неспособных даже случайно выдать то, что находится под Непрístupной долиной и окружающими холмами. Хеллстром подумал, не могли ли они пропустить скрытый бридинг-дефект персонала, занятого чисткой. Чужака-мужчину захватили быстро за гранатными деревьями западной поляны. Чистка охватила домик на колесах почти сразу после этого, но женщина как-то смогла уйти. Спаситься, казалось, невозможно, но никто из чистящих не напал на ее след.

На командном пункте находилось много ключевых работников службы безопасности, когда туда вошел Хеллстром. Они заметили его приход, но продолжали заниматься каждый своим делом. Хеллстром осмотрел тускло освещенную комнату с аркой экранов-усилителей, группками работников, обсуждающих свои проблемы. Салдо был здесь, темный, как и его родительница Фэнси, но с резкими, ястребиными чертами своего Внешнего отца (это Фэнси умела делать, напомнил себе Хеллстром. Она спаривалась во Внешнем мире при первой же возможности, и Муравейник по достоинству оценивал новые гены). Место Харви за консолью занял молодой парень из ветви Фэнси. Его звали Тимоти Ханнсен во Внешнем мире. Ханнсена избрали представлять Муравейник во Внешнем мире из-за его пронзительной внешности, неотразимо действовавшей на Внешних девушек. Он обладал также острым умом, что делало его особенно ценным в кризисных ситуациях. То же относилось ко многим из ветви Фэнси, но особенно сильно выразилось в Салдо. Хеллстром возлагал на Салдо большие надежды, и его взял под свою опеку Харви.

Хеллстром подождал в дверях, пытаясь ощутить царящую здесь атмосферу. Следует взять на себя руководство? Они подчинятся ему при малейшем проявлении им такого желания. Решение Тровы никогда не оспаривалось. Они всегда чувствовали, насколько сильнее его связь с Муравейником, насколько эффективнее его решения. Они могут иногда не соглашаться, иногда даже оказываться правыми, но всегда неумовимо присутствовало уважение, даже когда в Совете голосовали против него. И когда, как это часто случалось, его точка зрения позднее оказывалась верной, его влияние

на остальных усиливалось еще больше. Этой тенденции Хеллстром не доверял.

Нет совершенных работников, говорил он себе. Муравейник сам должен быть совершенством во всех аспектах.

Харви стоял у стены слева от Хеллстрома, сложив руки, с подсвеченным экраном лицом, что делало его похожим на изваяние из зеленого камня. Хотя глаза его двигались. Хеллстром подошел к нему, посмотрел еще раз на его старое лицо с двойным подбородком, затем на консоль.

— Какие-нибудь следы ее?

— Нет.

— Держим мы ее под постоянным инфранаблюдением?

— Радарным и санарным тоже, — пробурчал Харви.

— Есть у нее инструменты для обнаружения нас?

— Она попыталась воспользоваться радио, но мы его заглушили.

— Это встревожило ее?

— Вероятно. — Харви выглядел уставшим и недовольным.

— Другие приборы?

— В машине имелось небольшое устройство предупреждения радарного типа. Думаю, она обнаружила, что за ней наблюдают, с его помощью.

— Но как она смогла просочиться сквозь группу чистки?

— Сейчас просматриваются все пленки. Подозревают, что она пошла искать своего напарника и затерялась в результате помех, создаваемых при чистке.

— Чистка от этого не должна зависеть.

Харви развернулся и посмотрел ему в лицо:

— Именно так я им и сказал.

— Но они отвергли ваши слова?

Харви кивнул.

— Что, по их мнению, произошло?

— Она пошла на неоправданный риск и вошла прямо в гущу наших искателей.

— Но ее бы выдал запах!

— Я им это сказал, и они согласились. Тогда они предположили, что она ушла на север, используя защитное поле. Они думают, что она действовала мягко, скрываясь в фоновом поле. Была временная брешь между наступлением

темноты и временем, когда чистка достигла места ее нахождения. Она могла ею воспользоваться. У нее была альтернатива: уйти назад или пойти на нас по другому направлению. Они думают, что она прячется где-то поблизости.

— И вы согласны с этим? — спросил Хеллстром.

— Не со вторым предположением, — ответил Харви.

— Она не могла пробраться сюда?

— Мы воздействовали на нее низкой частотой в жестком режиме. Она дергалась и нервничала весь день, слишком нервничала, чтобы идти сюда.

— Как вы можете быть уверены относительно резервов ее смелости?

— Нет, только не это. Я наблюдал за ней.

— Она не в твоём вкусе, Харви.

— Шутите, шутите, Хеллстром. Я наблюдал за ней почти весь день.

— То есть это просто твоё мнение, основанное на личном наблюдении.

— Да.

— Почему вы не отстаивали его?

— Я отстаивал.

— Если бы дело вели вы, что бы вы предприняли?

— Вы действительно хотите знать?

— Да, иначе я бы не спрашивал.

— Во-первых, я полагаю, что она ушла на север, стараясь смешаться с пасущимися там коровами. Думаю, она умеет с ними обращаться. Что-то в ней было такое... — Он облизнул губы языком. — Если она знает повадки скота, у нее не возникнет проблем двигаться вместе с ним. Животные перебьют ее запах. Они обеспечат любую маскировку.

— Никто с вами не согласился?

— Они говорят, что она отпугнула бы их своим запахом. И мы бы это заметили.

— Что вы ответили?

— Отпугнет или нет, зависит от того, почувствуют ли животные ее страх. Мы это знаем. Если она не боится их и двигается быстро... ну, мы не можем закрывать глаза на эту возможность.

— Они не хотят...

— Они обеспокоены возможными осложнениями. Если мы пошлем туда работников, они могут потерять над собой контроль и убить нескольких коров. Тогда возникнут проблемы с местными властями, что происходит всякий раз в таких случаях.

— Вы так и не сказали, что бы вы предприняли.

— Я бы послал кого-нибудь из нас. Мы знакомы с Внешним миром. Некоторые из нас жили там. Мы бы лучше справились с ситуацией.

Хеллстром кивнул, высказывая свои мысли вслух:

— Если она здесь так близко от нас, у нее нет ни малейшего шанса уйти. Но если она там, среди коров...

— Вы поняли, что я имею в виду, — сказал Харви.

— Я удивлен, что другие не думают так, — ответил Хеллстром. — Вы поведете группу поиска, Харви?

— Да. Вы не использовали слова «чистка».

— Вы должны вернуться с одной вещью.

— Живой?

— Если возможно. Мы пока мало узнали от первого.

— Я об этом знаю. Я был там, когда они начали допрос, но... такие вещи на меня плохо действуют. Думаю, я слишком долго прожил во Внешнем мире.

— У меня та же реакция, — сказал Хеллстром. — Это лучше оставить более молодым работникам, не знающим понятия жалости.

— Хотелось бы, чтобы цели можно было добиться другим путем, — сказал Харви и глубоко вздохнул. — Я лучше займусь поиском.

— Подберите людей и отправляйтесь.

Хеллстром смотрел, как старик выходил из комнаты, и подумал об испорченности молодых. Старик имел для Муравейника особую ценность, которую нельзя было отрицать. И этот эпизод служил явной демонстрацией его незаменимости. Старик Харви знал, что делать. Молодые работники сами не захотели уходить в ночь, как все рядовые работники, и поэтому решили, что в этом нет необходимости.

Несколько молодых учеников и работников службы безопасности средних лет слышали беседу Хеллстрорма и Харви. Пристыженные, они вызвались добровольцами.

Харви отобрал некоторых из них и кратко проинструктировал, особо выделив при этом, что своим помощником он назначает Салдо. Это было хорошее решение. Салдо выказывал Харви подчеркнутое уважение, и было удивительно, что он не принял сторону своего учителя. Причина выяснилась на брифинге, когда Салдо сказал:

— Я знал, что он прав, но вы бы все равно мне не поверили.

Очевидно, Салдо принял сторону своего учителя, но другие отвернулись от них. Всегда помня о своей роли, Харви упрекнул Салдо за его замечание:

— Если ты так думал, тебе следовало приводить собственные аргументы, а не мои.

Отряд вышел гуськом из комнаты вполне готовым.

Хеллстром улыбнулся. Это хорошая порода, легко усваивающая преподанный урок. Надо только дать им пример. «Возраст дает уравновешенность», — любила говорить Пра-матерь. Молодость для нее служила смягчающим обстоятельством, которое необходимо принимать во внимание.

Слова Нильса Хеллстрема: *«Из миллиардов живых существ на Земле только человек ищет ответа на вопрос о смысле жизни. Его вопросы ведут к мучениям, поскольку он не может, подобно насекомым, принять факт, что смысл жизни состоит в самой жизни».*

Тимене Гринелли это задание не понравилось с самого начала. Работать с Карлосом вместо того, чтобы проводить с ним часы отдыха, она была согласна (им неоднократно доводилось выступать в паре). Карлос был привлекателен в молодости и так и не смог смириться с тем, что с возрастом уже не производил неотразимого впечатления на женщин.

Она знала, что их связь в свободное от работы время превратится в бесконечную череду ссор и примирений. Гринелли не считала себя роковой женщиной, но знала из опыта о своем своего рода магнетизме. У нее было про-

долговатое лицо, которое можно было бы назвать некрасивым, если бы не яркая индивидуальность, сверкающая в огромных и пугающе-зеленых глазах. Она обладала изящной фигурой, белой кожей, и в ее облике ощущалась глубокая чувственность, очаровавшая многих мужчин, и среди них Карлоса. Свои волосы темно-рыжего цвета она обычно прятала под шляпку или берет.

Тимена — было фамильным именем и означало «секрет». Имя ей вполне подходило. Ее характеризовала прежде всего осторожность во всем. Мерривейл встревожил ее чувство опасности уже тем, что назначил только их двоих. Ей не понравилось содержание отчетов Портера и сообщений, собранных в папке с меткой «Хеллстром». Слишком многие из этих сообщений исходили из вторых и третьих рук. Слишком многие из них были полуофициальными. От них за версту пахло любительством. А любительство очень дорого стоило в этом деле.

— Только мы вдвоем? — спросила она. — Как насчет местной полиции? Мы можем...

— Шеф этого не хочет, — прервал ее Мерривейл.

— Он отметил это особо?

Лицо Мерривейла темнело при каждом намеке на его хорошо известное пристрастие к персонализированной интерпретации приказов.

— Он выразился предельно ясно! Это дело ведется со всей возможной осторожностью.

— Осторожный местный запрос вполне удовлетворяет указанному требованию. Портер находился в этом районе. Затем исчез. Сообщения в папке говорят о других исчезновениях в этом районе. Семья с детьми-двойняшками, например, отправилась на пикник и...

— В каждом подобном случае нашлось вполне логичное объяснение, Тимена, — прервал ее Мерривейл. — К несчастью, логика и действительность не всегда совпадают. Нас занимает действительность, и в погоне за ней мы должны использовать наши проверенные ресурсы.

— Мне не нравятся их логические объяснения, — сказала Тимена. — И ломаного гроша не стоит то, во что поверили местные тупицы.

— Только наши ресурсы.

— Это значит, что мы снова ставим на кон наши жизни, — сказала она. — Что говорит Карлос по этому делу?

— Спроси сама. Я назначил брифинг на одиннадцать ноль-ноль. Будут еще Джанверт и Карр.

— Они тоже в этом деле?

— Они в резерве.

— Все равно мне это не нравится. Где Карлос?

— Думаю, он в Архиве. У тебя есть еще час, чтобы ознакомиться с делом вместе с ним.

— Дерьмо! — сказала Тимена и вышла из комнаты.

Карлос оказался не более полезным, чем Мерривейл. Задание показалось ему «рутиной». Но задания всегда казались ему отлитыми в знакомые формы. И приступал он к ним со всеобъемлющей педантичностью подготовки: читал все имеющиеся материалы, изучал все планы. Ее не удивило, что Карлос был в Архиве. У него был архивный разум.

Перелет в Орегон и уютное путешествие по долине в фургоне оправдали ее ожидания. Липкие руки и липкие мысли. В конце концов Тимена сообщила Карлосу, что подхватила серьезную венерическую болезнь во время последнего заседания. Он ей не поверил. Тогда Тимена совершенно спокойно предупредила, что, если он будет настаивать, она всадит в него пулю. При этом она продемонстрировала маленький бельгийский пистолет, который всегда носила с собой. Что-то в ее спокойствии подсказало Карлосу, что она не шутит. Он отступился, выругавшись напоследок.

Работа — другое дело, и Тимена пожелала Карлосу удачи, когда тот уходил в нелепой одежде любителя птиц. В течение всего дня играя роль увлеченной художницы, Тимена испытывала постоянное чувство усиливающейся нервозности. Эта нервозность как будто ни на чем не основывалась, ничто конкретно ее не объясняло. Само место беспокоило ее. Оно источало опасность. Карлос был предсказуемо неточен в оценке времени своего возвращения. Все зависело от того, что он увидит во время наблюдения за фермой.

— В худшем случае, вскоре после темноты, — сказал он. — Будь умницей и рисуй свои картинки, пока я приглажу за птичками. Когда я вернусь, я расскажу тебе все о птицах и пчелах.

— Карлос!

— О-о-х, любовь моя, когда-нибудь я научу тебя про-износить это чудное имя с подлинной страстью. — И эта свинья взял ее за подбородок.

Тимена наблюдала, как он зигзагами поднимался по заросшему коричневой травой склону по направлению к деревьям. Воздух уже был теплым и напоенным тем особым спокойствием, которое предвещало наступление еще большей жары. Вздохнув, она извлекла акварельные краски. Она действительно неплохо рисовала и изредка в течение долгого дня испытывала действительное увлечение, когда удавалось схватить суть осенних полей.

Вскоре после полудня Тимена временно отложила рисование и принялась за легкий ленч, состоящий из ломтиков сваренных вкрутую яиц и йогурта из ящика со льдом. Хотя внутри домика было жарко как в печке, она провела весь перерыв там, проверяя показания приборов. К ее удивлению, стрелка пеленгатора отнюдь не покоилась на нулевой отметке, а показывала сигнал радара со стороны фермы, четкий сигнал, нацеленный на домик.

Радарное слежение за ней с фермы?

Она восприняла это как сигнал опасности и подумала о том, чтобы отозвать Карлоса. Правда, можно было включить радио и сообщить о ситуации в центр. Тимена была инстинктивно уверена, что центр обязательно выяснит, в чем дело. Да и Карлос велел ей оставаться здесь, рядом с домиком. В итоге Тимена не предприняла никаких действий. Собственная нерешительность усилила нервозность, появившуюся у нее с самого утра. Чувство опасности стянулось в тугую узел. Что-то убеждало Тимену покинуть это место. «Выйди из домика и уходи! Домик — большая, крупная цель».

В слабом свете сумерек Тимена сложила мольберт, бросила его и краски на сиденье и села сама. Включив радио, она проверила сигнальный монитор.

По-прежнему Карлос не подавал признаков жизни.

Темнота наступит через несколько минут. Тимена нервно ощупала в кобуре на запястье свой пистолет.

Почему, черт возьми, задерживается Карлос?

Тимена выключила свет в домике и сидела в сгущающейся темноте. Радар со стороны фермы. Они заглушили ее радио. Дело принимало скверный оборот. Тимена встала, мягко ступая подошла к задней двери и вышла на сторону, противоположную ферме. Домик послужит ей щитом от поискового луча. Она опустила на четвереньки и быстро поползла в сторону высокой травы. Она видела коров ниже на пастбище и направилась к ним, подчиняясь инстинкту. Тимена выросла в Вайоминге на ранчо и, хотя предпочитала приближаться к стаду на лошади, не чувствовала с его стороны угрозы. Угроза была позади нее и исходила от фермы. Коровы помогут ей спрятаться, спрятаться от радара. Если Карлос вернется, он включит свет. Она увидит это с безопасного расстояния, находясь на этом пастбище. Но почему-то Тимене не верилось в возвращение Карлоса. Вся ситуация казалась абсурдной, казалась такой с самого начала, и она верила своему чувству самосохранения.

Слова Нильса Хеллстрема: *«Эта первобытная планета Земля является ареной постоянной конкуренции, где выживают самые гибкие и находчивые. На этом испытательном полигоне, где погибли могущественные динозавры, есть один постоянный свидетель. Этот свидетель остается нашим гидом при изучении выживания человека. Этот свидетель, насекомое, появился за триста миллионов лет до возникновения человечества, но мы сумеем наверстать упущенное. Он доминирует на Земле сегодня и хорошо этим пользуется. В каждом новом поколении испытываются новые формы и функции, преобразуя его в спектр столь безграничный, сколь безгранично воображение сумасшедшего. То, что может делать этот свидетель,*

можем делать и мы, поскольку мы свидетели его жизни».

Харви вывел группу через замаскированный выход в северной части Муравейника. Дерн отъехал в сторону, пень с бетонной пробкой выдвинулся на поверхность, и группа вышла в ночь. Они были легко одеты, хотя ночь была холодной. Каждый имел при себе станворд и маску ночного видения с мощным инфракрасным излучением вокруг ее края (производство Муравейника).

Пробка вернулась на место, прежде чем они успели отправиться в путь.

Они перешли поле и направились на север.

Харви отобрал двадцать три ключевых работника, главным образом агрессивных мужчин, и проследил за тем, чтобы женщины приняли гормональные препараты.

Эта Внешняя женщина нужна была им живой. Нильсу требовалась имевшаяся у нее информация. Она, вероятно, скрывается среди коров. Коров можно спугнуть с помощью низкой частоты, но ни одна из них не должна быть убита. Это не чистка, это — поиск. Внешняя женщина пойдет в конце концов в Котел, но только после того, как выдаст всю информацию.

Давно Харви не принимал участия в охоте, и сейчас он чувствовал, как возбуждение все сильнее охватывало его. Кровь вновь заиграла в его жилах!

Он дал знак Салдо перейти на левый фланг, а сам направился вправо. Ночной воздух был полон запахов: скота, пыли в высокой траве, сырой земли и слабых эфиров насекомых. Но среди этих запахов не было того, который бы указывал на Внешнюю женщину. Если она впереди них, то маска ночного видения не даст ей укрыться.

Салдо немедленно занял указанную позицию, и Харви успокоился на этот счет. Хоть и зелен, но с огромным потенциалом. Регулярные отчеты, представляемые им Хеллstromу, радовали их обоих. Салдо входил в двадцатку, или около того, кандидатов, способных занять в будущем место Хеллstromа. Он принадлежал к низкорослой энерго-

сберегающей породе, выведенной недавно, темноволосый и гибкий, полный энергии и желания отличиться, но обладающий и своим умом, с каждым днем все более уверенно заявляющим о себе. Его роль в Муравейнике будет возрастать, и, может быть, он даже отпочкуется и станет Праотцом нового Муравейника.

Группа шла широким веером, открыто спускаясь в направлении пастбища. Харви удовлетворенно отметил, что ночь им благоприятствовала. Тучи начинали закрывать небо, затемняя запоздало поднимающуюся убывающую луну. Стада будут отчетливо видны с помощью масок ночного видения. Он, однако, не сводил глаз с разбросанных групп деревьев, не обращая пока внимания на животных. Они миновали одно небольшое стадо, почти его не потревожив, хотя теплый запах от коров разбудил охотничий инстинкт всей группы. Салдо с двумя помощниками просмотрел стадо, убеждаясь, что животные не прикрыли Внешнюю.

Охотничий азарт, впрочем, нельзя сбрасывать со счетов. Он проявлялся в повышенной нервозности группы и избытке внешних гормонов, начавших беспокоить животных. Отдельные коровы, а затем и целые группы фыркали и отбегали в панике, стуча копытами.

Харви пожалел, что не включил в гормональный спектр компонент подавления селективности. Слабые химические сигналы, посылаемые отдельными животными, иногда могут оказаться полезными, но сейчас они создавали сложности. Он переключил все свое внимание на деревья, оставив контроль за животными Салдо и остальным. Сквозь маску все предметы приобретали серебристое свечение, словно внутри каждого из них горела лампочка.

«При нашем приближении она попытается спрятаться на дереве, — решил он. — Это в ее стиле».

Он не мог сказать, почему у него появилась такая уверенность после всего только одного дня наблюдения, но почему-то был уверен. Она спрячется на дереве.

Харви услышал крик ночной птицы где-то далеко справа и почувствовал, как забилося его сердце. Он еще не стар для чисток. Наверно, ему будет полезно выходить вот так время от времени вместе с работниками.

Слова Нильса Хеллстрема: «В отличие от других живых существ, боровшихся против среды, насекомые, напротив, сумели найти в ней защиту. В искусстве маскировки им нет равных. Они слились со средой в одно целое. Столь артистичными стали их методы обмана, что хищник может ползти по его телу в поисках добычи. Они избирают не одно средство спасения, а великое множество. Не для них выбор между скоростью и вертушкой дерева; они выбирают и то, и другое, и даже больше».

Тимена увидела фланг веера чистки одновременно с тем, как ее увидели первые из поисковой группы. В самом начале своего побега она попала ногой в кроличью нору и подвернула левую лодыжку. Боль вынудила ее взобраться на низкий дуб, где она устроилась как могла удобней, сняв ботинок с поврежденной ноги. Она сидела в развилке на высоте двадцати футов, крепко сжимая пистолет в правой руке. Сильный, размером с авторучку, фонарик был в левой руке, и большой палец лежал на его кнопке.

Лодыжка наливалась болью, мешавшей думать. Тимена сомневалась, не сломана ли кость. Возбуждение животных послужило для нее первым признаком надвигающейся опасности. Она услышала их фыркание, стук копыт. Затем послышался таинственный свист. Этот звук становился все громче, пока не окружил ее дерево и не прекратился. Тимена различала только более темные тени одетых в черное охотников. Они образовали круг вокруг нее.

В панике она включила фонарь и очертила лучом часть опоясавшего ее круга. При виде ночных масок и станвордов в руках окружавших у нее перехватило дыхание от сознания смертельной угрозы. Без раздумий она начала стрелять.

Слова Нильса Хеллстрема: «Возможно, со временем, нам удастся достигнуть функционального уровня тех, кого мы копируем. У нас будут лица без выражения, только глаза и рот; доста-

*точность для поддержания тела в живом состоянии.
Не будет мускулов, чтобы улыбаться, хмуриться,
выдавать скрытые внутри чувства».*

Маленький пистолет явился убийственным сюрпризом для охотников. Пятеро из них были мертвы, прежде чем Тимена свалилась на землю, оглушенная пучком ультразвука. Старина Харви оказался среди убитых, с разбитой маской и пулей в голове. Салдо тоже пострадал, пуля обожгла ему челюсть, но он дал команду, наведшую порядок среди испуганных работников. Они были полны «охотничьего зуда», как говорили ветераны, и атака Внешней женщины привела их в иступление. Они бросились к ней с желанием прикончить ее, но крик Салдо остановил их. В конечном счете их удержала дисциплина.

Салдо подошел к лежащей без сознания женщине, отдавая короткие приказы. Кто-то должен проинформировать Хеллstroma. Мертвых необходимо отправить в Котел. Хорошие работники этого заслужили. Таким путем они становились одними из всех. «В Котел старый, из Котла новый».

Когда его приказы стали исполняться, он встал на колени, чтобы осмотреть женщину. Ее фонарь все еще горел в траве. Он поднял маску на лоб и продолжил обследование уже с помощью фонарика. Да, она все еще жила. С трудом он сохранял спокойствие, обследуя ее тело. Ненависть переполняла его. Она принесла вред Муравейнику. Но Нильсу она требовалась живой. Салдо смог подавить свои чувства и продолжить обследование. Похоже, обошлось без переломов. Очевидно, повреждена лодыжка, она опухла и посинела. Он приказал найти оружие женщины и доставить его в Муравейник.

Смерть Харви ни опечалила, ни обрадовала его. Такие вещи случаются. Лучше, конечно, чтобы он был жив, но что случилось, то случилось. Так случилось, что он возглавил поисковый отряд, и сейчас от него требовались правильные действия. Этому его учил сам старый Харви.

Теперь необходимо позаботиться о Внешней женщине. Он рассудил, что ее можно привести в чувство и допросить.

Это нужно Хеллстрому. И потому сейчас это нужно Салдо. Он ощутил возрастание интереса к этой женщине. От нее приятно пахло. Чувствовались чужие, принадлежащие Внешнему миру шампунь и духи поверх слабого, но знакомого запаха мускуса. Склонившись ближе, он обнюхивал ее, первую Внешнюю женщину, с которой столкнулся на воле. Под доминантой страха угадывались странно волнующие его запахи. Он скользнул рукой ей под блузку, нащупал грудь, ощутил ее полноту и твердость под туго охватывающей одеждой. Его знакомили с такой одеждой при подготовке на роль ключевого работника. Она называлась бюстгалтером и скреплялась на спине металлическими застегками. Это была подлинная женщина, внешне не отличающаяся от женщин Муравейника и, согласно имеющейся информации, готовая к оплодотворению. Как странны эти дикие Внешние. Он сунул руку под пояс, провел по лобку и половым органам, затем вынул руку и понюхал ее. Да, готова. Значит правда, что Внешние женщины, готовые к оплодотворению, разгуливают на свободе. Может быть, они выходят на особую брачную охоту, что, как считалось, любила делать Праматерь. Книги, фильмы и лекции не подготовили его к реальной жизни, хотя все факты он знал назубок. Она возбуждала его, и он подумал, как отнесется Хеллстром к предложению сохранить ее для целей размножения. Спариться с ней будет интересно.

Женщина из его отряда глухо заворчала, и в голосе ее слышалась угроза. Другая воскликнула:

— Внешняя женщина для размножения! На бридинг! Что ты с ней делаешь?

— Изучаю, — ответил Салдо. — Она готова к оплодотворению.

Первая женщина обрела голос:

— Многие из этих диких готовы к оплодотворению.

Другая уверенно заявила:

— Она убила пятерых наших. У нее только одна дорога — в Котел.

— Туда она, вероятно, попадет после того, как мы кончим ее допрашивать, — сказал Салдо. Он говорил медленно, не пытаясь спрятать внезапное чувство печали. Допрос погубит эту Внешнюю женщину, сомневаться не приходится.

Это случалось с пленными мужчинами, и то же произойдет с женщиной. Такая жалость. Ее плоть будет пригодна только на то, чтобы пойти в Котел.

Он поднялся, опустил маску и сказал:

— Свяжите ее и отнесите в Муравейник. Не дайте ей сбежать. Двое отправляйтесь к ее домику и откатите его в Муравейник. Уничтожьте все следы. Не должно остаться ни одного следа пребывания этой женщины и ее напарника в окрестностях Муравейника. Проверю лично.

Приказания слетали с его губ так, как учил его Харви, но он испытывал какое-то отчаяние от необходимости отдавать такие приказы. Ответственность свалилась на него слишком неожиданно. Частично Салдо понимал, что Харви выбрал своим заместителем молодого работника исключительно в учебных целях. Обещающему молодому работнику необходим такой опыт. Но другая часть его сознания уверенно покоилась на фундаменте его компетентности. Салдо был специалистом по обеспечению безопасности Муравейника. Он верил в правильность выбираемых действий. Несмотря на свою молодость, он ощущал соответствие уровня своей подготовки сложности возникшей перед ним задачи, словно весь Муравейник действовал его руками. Харви пережил свое время и заплатил жизнью за совершенную ошибку. Это серьезная потеря для Муравейника. Нильс скоро узнает о его гибели и воспримет новость с сожалением, но сейчас — и Салдо хорошо это понимал — он должен рассчитывать только на себя. Он встал во главе операции.

— Те, кто свободен, — сказал Салдо, — проследите, чтобы были уничтожены все следы. Я не знаю, кто и на что из вас способен, как знал Харви, но вы *это* знаете. Разделитесь в соответствии с вашими способностями. Никто из вас не должен возвратиться в Муравейник, пока не будут уничтожены все следы. Я останусь и проверю, все ли сделано.

Салдо нагнулся, поднял фонарь, оставленный рядом с телом женщины, и, погасив, положил его в свой карман. Работники уже связали ее и были готовы к обратному пути. Салдо опечалило, что он никогда ее больше не увидит. Ему не хотелось присутствовать при допросе. Внезапная

ярость, вызванная глупостью Внешних, поразила его. Такие дураки! Что бы с ней ни случилось, она это заслужила.

Салдо посмотрел на своих людей. Они деловито исполняли его приказания и казались довольными, но он ощущал скрытое чувство неопределенности. Они знали, как он молод и неопытен. Они слушались его по привычке. В действительности, они слушались Харви. Но Харви допустил фатальную ошибку. Салдо пообещал себе, что никогда он такой ошибки не допустит.

— Встаньте на корточки и прочешите все вокруг, — сказал он. — Две маски разбились, и осколки необходимо собрать. Все.

Сквозь высокую траву Салдо отправился туда, где двое из его группы готовили машину и домик на колесах к транспортировке в Муравейник. Она приехала этим путем. Как странно, что они, готовые к оплодотворению, свободно разгуливают по лесу вместо того, чтобы заняться поисками лучшего партнера для спаривания. По правде говоря, они совсем не были похожи на Праматерь. Они просто дикие, готовые к оплодотворению женщины. Когда-нибудь, возможно, когда появится много ульев, таких диких женщин будут захватывать и спаривать оптимально-принудительно или их будут стерилизовать и направлять на полезные работы.

Некоторые из потревоженных животных вернулись, привлеченные, без сомнения, любопытством. Они сбились в кучу на поляне ниже того места, где работала группа, и наблюдали за ее действиями. Запах крови и шум держали их на расстоянии, и угрозы они не представляли. Животные не видели работников, но те видели их. Салдо, держа станворд наготове, занял позицию между животными и группой. Хорошее воображение способно оградить от неожиданного. Если животные попробуют напасть, один залп его станворда отбросит их назад.

Передвигаясь, Салдо смотрел через маску в сторону далекого зарева над городом, его слабого отражения в тучах. Маловероятно, что кто-нибудь на таком расстоянии мог слышать выстрелы, но даже если они и слышали, то, будучи благоразумными, горожане научились сдержанности и осторожности, когда дело касалось Неприступной долины. Кроме

того, Муравейник имел там буфер в лице шерифа Линкольна Крафта. Рожденный в Муравейнике, Крафт был одним из лучших и успешных его представителей во Внешнем мире. Другие наблюдатели в городе маскировались под обычных Внешних. Во Внешнем мире их представляли даже еще более важные лица. Салдо видел двух во время их посещения Муравейника: сенатор и судья. Они занимали высокие посты, которые, придет время, не будут более нужны.

Звуки, порождаемые деятельным исполнением его приказов, успокаивающе действовали на Салдо. Он втянул носом воздух и ощутил запах пороха. Только обитатели Муравейника смогут сейчас распознать этот запах — слабый след среди множества других запахов.

Животные начали успокаиваться, и некоторые из них принялись щипать травку. Это обеспокоило Салдо. Сбитые в кучу, они не вызывали искушения, но он понимал, что его работники были выведены из равновесия. Кто-нибудь мог не выдержать и убить одинокое животное. Этому необходимо воспрепятствовать. Это пастбище когда-нибудь станет собственностью Муравейника, и у них будет собственный скот. Но сейчас нельзя допускать действий, способных привлечь нежелательное внимание.

Салдо вернулся к своим работникам, предупреждая низким голосом, что они не должны убивать животных. Нужно дать время земле спрятать следы, не замеченные ими. Так долго, как возможно, здесь не должны появляться что-то подозревающие Внешние.

В будущем, говорил себе Салдо, возникнут новые Муравейники, многие из них отпочкуются от того, которому он сегодня служит и ради которого он должен скрыть все следы своего пребывания здесь от Внешних. Сейчас они должны проявлять осторожность, чтобы защитить свое будущее. Они обязаны перед лицом поколений еще не родившихся работников.

Слова Нильса Хеллстрорма: *«Наши основные бридинг-ветви следует проектировать с учетом нужд Муравейника. Здесь мы идем по лезвию*

бритвы в отличие от насекомых, давших нам модель выживания. Их жизнь начинается, как и наша, с оплодотворения единственной клетки, но далее чудо рождения у нас и у них отличается. Если у нас развивается один человеческий эмбрион, то насекомые способны к воспроизводству до четырех миллиардов себе подобных. Мы можем увеличить рождаемость во много раз, но нам никогда не достигнуть их плодовитости».

По пробитой тропе со стороны Муравейника спускался работник, знаками пытаясь привлечь к себе внимание Салдо. Признаков рассвета пока не наблюдалось, но становилось, как это часто бывает перед рассветом, холоднее. Работник остановился перед Салдо и заговорил низким голосом:

- Кто-то приближается со стороны Муравейника.
- Кто?
- Думаю, сам Хеллстром.

Салдо обратил свое внимание в направлении, указанном работником, и узнал идущего по походке. Да, это был Нильс. На лице у него была надета маска, но в руках не было оружия. Салдо испытал облегчение и одновременно приступ неудовольствия. Его решения были правильными, но Хеллстром решил прийти сам. Но тут же он упрекнул себя. Он почти услышал упрек в стареющем голосе Харви:

- Разве не так следует поступать?

Руководитель Муравейника не мог поступить иначе. Эта мысль восстановила у Салдо уверенность в себе, и он спокойно приветствовал Хеллстрома.

Хеллстром остановился, не доходя нескольких шагов до Салдо, и осмотрелся, прежде чем задавать вопросы. Он заметил Салдо в ту секунду, когда тот узнал его. Это выразилось в движениях Салдо. Потеря старого Харви глубоко огорчила Хеллстрома, но он отметил с одобрением, что Салдо сделал все необходимое. У Салдо были хорошие защитные инстинкты.

— Расскажи мне, что случилось и какие шаги тобой предприняты, — сказал Хеллстром.

— Вы не получили отчет, переданный мною с одним из работников?

— Мне доложили, но я хочу, чтобы глава поискового отряда дал мне свои оценки. Иногда работники упускают важные вещи.

Салдо кивнул. Да, это так. Он рассказал Хеллстрому об обнаружении Внешней женщины, стрельбе, не упустил ни одной детали, даже о своей раненой челюсти.

— Рана серьезная? — спросил Хеллстром, разглядывая ее. Чертовски неприятно было бы потерять еще и Салдо!

— Нет, — ответил Салдо. — Скорее ожог.

— Позаботься о ней сразу по возвращении.

Салдо ощутил участие в голосе Хеллстрома и был этим тронут.

— Я слышал, Харви выбрал тебя своим заместителем, — сказал Хеллстром.

— Да, — ответил Салдо со спокойным достоинством.

— Кто-нибудь выразил неудовольствие по этому поводу?

— Ничего серьезного.

Хеллстрому понравился ответ. Он свидетельствовал о том, что Салдо отдавал себе отчет о скрытом противодействии, но чувствовал в себе силы с ним справиться. Да, в этом, пожалуй, не приходится сомневаться. Салдо держался хорошо. Он обладал сознанием правоты. В нем ощущалось внутреннее превосходство. Хотя его необходимо регулировать.

— Тебе польстило, когда Харви выбрал тебя? — спросил Хеллстром, не меняя голоса.

Салдо сглотнул. Он что-то сделал неправильно? В этом вопросе сквозил холод. Он подверг Улей опасности? Но Хеллстром слегка улыбался движением губ под линией маски.

— Да, мне это польстило, — признал Салдо, но его голос звучал неуверенно.

Хеллстром услышал полувопросительную интонацию в голосе молодого человека и кивнул. Неуверенность — мать осторожности. Упоение властью может привести в итоге к чрезмерной самоуверенности. Хеллстром объяснил это тихим голосом, слышным только им двоим. Закончив говорить, Хеллстром сказал:

— Перечисли мне все свои инструкции.

Салдо секунду подумал, затем продолжил с того места, где остановился. Он говорил с заметным колебанием, пытаясь найти по ходу свои ошибки, возможные исправления.

Хеллстром прервал его:

— Кто первый увидел ее?

— Харви, — сказал Салдо, вспоминая взмах руки старика, вскинутой в направлении своей находки. Струйка пота прочертила след по щеке Салдо. Он вытер ее раздраженно, задев рану.

— Какие он отдал приказания? — спросил Хеллстром.

— Он еще раньше сказал нам, что нам следует окружить ее, когда мы ее найдем. Мы исполнили это, не дожидаясь приказа.

— Что тогда сделал Харви?

— У него не было ни единого шанса что-нибудь сделать. Женщина включила фонарик и начала стрелять как сумасшедшая.

Хеллстром посмотрел вниз, на землю между ними, затем вокруг себя. Несколько работников, находившихся поблизости, бросили работать и подошли, чтобы послушать.

— Почему вы не делаете то, что приказал ваш руководитель? — спросил Хеллстром. — Ваш руководитель четко вас проинструктировал. Выполняйте.

Он вновь повернулся к Салдо.

— Они устали, — сказал Салдо, защищая своих работников. — Я лично проверю качество их работы перед уходом.

«Этот парень — настоящая находка, — подумал Хеллстром. — Он защищает своих людей, но не чрезмерно. И принимает персональную ответственность без колебаний».

— Где ты был точно, когда она начала стрелять? — спросил Хеллстром.

— Я был с другой стороны веера. Когда мы замкнули кольцо, я оказался рядом с ним.

— Кто сбил ее с дерева?

— Работники напротив нас, куда не попал луч фонаря. Остальные пытались укрыться от выстрелов.

— От Харви больше не было команд?

— Мне кажется, первая пуля попала в него. Я слышал выстрел и... — он заколебался, затем пожал плечами, — на секунду я оцепенел. Затем меня задело, и мы все бросились врассыпную. Я увидел, как валится на землю Харви, и кинулся к нему. Послышались еще выстрелы, а потом вдруг все кончилось. Она полетела с дерева вниз.

— Твоя растерянность понятна, поскольку тебя ранило, — сказал Хеллстром. — Хорошо, однако, что ты сохранил самообладание в достаточной мере, чтобы не убить пленницу. Ты оправдал мои ожидания. Но никогда не забывай того, что здесь случилось. Ты получил наглядный урок. Охота на Внешнего совсем не то, что охота на любого другого зверя. Теперь ты это понял?

Салдо понял, что его и хвалили, и порицали. Его внимание переместилось на дерево, на котором пряталась женщина, затем, неохотно, вернулось на Хеллстрома. Вскоре Салдо заметил легкое искривление рта Хеллстрома, означавшее довольство. Хеллстром сказал:

— Ты захватил женщину живьем, и это самое важное. У нее было оружие, и Харви должен был это предвидеть. Ему следовало сбить ее с дерева сразу, как только он ее увидел. Она была в радиусе поражения. Ты умеешь обращаться с оружием Внешних?

— Да, умею. Меня обучил сам Харви.

— Научись им пользоваться как можно лучше. Нам может это понадобиться. Да, кстати, тебе тридцать два года?

— Да.

— Ты еще сойдешь за молодого среди Внешних. Возможно, мы вскоре пошлем тебя в одну из их школ. Мы можем это сделать. Ты знаешь об этом.

— Я провел мало времени во Внешнем мире, — сказал Салдо.

— Я знаю. Какой характер носило твое пребывание там?

— Только вместе с другими, никогда самостоятельно. В сумме около месяца. Один раз я провел неделю в городе.

— Работа или приобретение навыков?

— Приобретение навыков мною и остальными.

— Хотелось бы тебе еще раз побывать во Внешнем мире?

— Не знаю, готов ли я?

Хеллстром кивнул, удовлетворенный искренностью его ответа. Салдо станет превосходным специалистом службы безопасности. Он уже на голову превосходил наиболее интуитивно аккуратных из нового поколения. Приобретет немного опыта, и ему не будет равных. Он обладал искренностью, свойственной Муравейнику. Он не лжет, даже себе. Это лидер, которого необходимо бережно воспитывать. Традиции Муравейника требовали этого, и обстоятельства вынуждали Хеллстрома этим заняться.

— Ты проявил себя отлично, — сказал громко Хеллстром, чтобы слышали другие. — Когда настоящий кризис разрешится, мы пошлем тебя во Внешний мир для дальнейшего обучения. Когда закончишь здесь, доложишь мне лично.

Хеллстром медленно повернулся и пошел обратно в сторону Муравейника, останавливаясь время от времени, чтобы осмотреться. Каждое его движение говорило, что он вполне доволен тем, что дело находится в руках Салдо.

Секунду Салдо смотрел вслед Хеллстрому. Первый советник Муравейника, лидер при каждой критической ситуации, мужчина в расцвете сил, тот, к кому в трудных ситуациях обращались за советом даже те, кто руководил бридингом, производством кормов и изготовлением средств производства — главный работник среди них всех, — совершил вылазку для ознакомления с ситуацией на месте и одобрил увиденное. Салдо вернулся к надзору за работой с новым чувством подъема, уравновешенным пониманием неограниченности своих возможностей. В этом, как он понял, состояла главная цель визита Хеллстрома.

Протокол Совета Муравейника. Интервью специалиста-философа (перевод с языка жестов):

«Вновь, философ Харл, мы должны разочаровать вас, сказав, что пришли не для того, чтобы отправить вас в благословенный Котел. Ваш возраст, более древний, чем возраст любого работника

Муравейника, искусственные средства, используемые нами для поддержания в вас горения жизни, и прочие аргументы, используемые вашей мудростью с целью доказать целесообразность отправки вас в Котел, – все это трудно отрицать. Мы с уважением просим вас прекратить спор и вспомнить великую потребность Муравейника в вашей мудрости. Мы вновь пришли просить совета в том, как Муравейнику следует использовать результаты, полученные по «Проекту 40». Мы предвидим ваш первый вопрос и отвечаем, что «Проект 40» пока не завершен. Специалисты, осуществляющие проект, убеждены, однако, в его конечном успехе. Они говорят, что его завершение лишь вопрос времени».

Слова специалиста-философа Харла: «Обладание абсолютным оружием, абсолютной угрозой всему живому, разделяющему эту планету, не гарантирует абсолютной власти. Самый акт угрозы использовать такое оружие при определенных условиях передает управление этим оружием в руки тех, кто управляет условиями. Вы сталкиваетесь с проблемой что делать, когда они говорят вам: «Используйте оружие!» В этом смысле оружием владеют многие. Более того, каждый, способный угрожать обладателю такого оружия, сам обладает им. Таким образом, абсолютное оружие бесполезно, если те, кто контролирует его, не могут дозировать его применение. Оружие должно иметь степени применения меньше абсолютного уровня. Возьмите пример с оборонительных механизмов насекомых, дающих нам образец выживания. Шипы и иглы, жала и колючки, бридинговые химикалии и отравленные усики, угрожающе выставленные в воздух, – все они, в первую очередь, приспособления для защиты. Они говорят: «Не угрожай мне».

Тимена постепенно осознала, что ее руки связаны за спиной, а сама она надежно привязана к чему-то, похожему на стул. Поверхность стула была жесткой, и она чувствовала руками холод гладкой поверхности спинки. Мозг Тимены сфокусировался на лодыжке, где в поврежденном месте пульсировала боль. Преодолевая собственное нежелание, она открыла глаза, но не увидела ничего, кроме непроницаемой темноты, густой и зловещей. На секунду Тимена испугалась, не ослепла ли она, но тут глаза ее различили слабый свет где-то впереди прямо перед ней. И он двигался.

— А, я вижу, проснулась.

Глубокий мужской голос, произнесший эти слова, исходил откуда-то поверх перемещающегося света. Слабое эхо, скорее даже намек на эхо, сказало ей, что она находится в комнате, и довольно большой.

С трудом ей удалось подавить ужас и сказать с ложной беззаботностью:

— Как вы узнали? Здесь же абсолютно темно.

Хеллстрому, сидящему в углу лаборатории, откуда он хорошо видел светящиеся приборы, сообщающие ему данные о состоянии женщины, оставалось только восхититься ее мужеством. Они часто были такими смелыми, эти дикие люди.

— Я могу видеть, — сказал он.

— Моя лодыжка ужасно болит, — пожаловалась Тимена.

— Я вам сочувствую. Мы скоро дадим вам какое-нибудь лекарство. Потерпите пока.

В его голосе слышалась странная успокаивающая искренность. Это был мужской голос в диапазоне от минора до мажора. Прекрасное владение им.

— Надеюсь, это не продлится долго, — сказала она.

«Ее необходимо привести хотя бы в некоторое подобие спокойствия», — подумал он. Ночная маска его раздражала в тех местах, где касалась носа и лба. И ему не нравилось серебряное свечение, в котором он видел женщину сквозь маску. Раздражение вызвано утомлением, в этом Хеллстром не сомневался. Иногда Муравейник требовал от него слишком многого. Но эту женщину необходимо допросить, и ему не хотелось передавать ее в безжалостные руки молодых,

с нетерпением ожидавших возможности проявить себя. Он убеждал себя, что мешкал с этой женщиной оттого, что не доверял информации, вырванной из Дюпо. Как Внешние могли узнать о «Проекте 40»? Один из тех, кто допрашивал, должно быть, упомянул о нем! Именно так, конечно. Допрос женщины это подтвердит.

— Итак, я должен задать вам несколько вопросов, — сказал он.

— Почему вы не включите свет? — спросила Тимена.

— Так вы не можете меня видеть.

Внезапно дикая радость охватила ее. Раз они не хотят, чтобы она видела кого-нибудь из них, значит, освободят ее!

Хеллстром прочитал ее реакцию по показаниям приборов и сказал:

— Вы вели себя в лесу истерично. Вы думали, мы собираемся нанести вам вред?

Она попыталась понять, что означает этот вопрос. Если связать его со всем, подобно рождественской индейке, — это не говорит о добрых намерениях.

— Я была испугана, — ответила Тимена. — Я в кого-нибудь попала?

— Вы убили пятерых и ранили двоих, — сказал Хеллстром.

Она не ожидала такого хладнокровно искреннего ответа, и он потряс ее. Пятеро убитых? Смогут ли они освободить ее после этого?

— Мне показалось, я попала в западню, — сказала она. — Мой... мой муж не вернулся, и я осталась... одна. Я ужасно испугалась. Что вы сделали с Карлосом?

— Мы не причинили ему боли, — сказал Хеллстром. «И это правда», — сказал он себе. Трудно лгать в глаза, даже Внешним. Сказанное им соответствовало действительности. Дюпо был без сознания, когда его тело скользнуло под ножи, а оттуда в разлагающие флюиды Котла. Он не страдал от боли, и смерть накрыла его до появления проблесков сознания. Ножи работали быстро.

— Почему вы меня связали? — спросила она.

— Чтобы вы были в одном месте, пока я буду задавать вопросы. Ваше имя?

Они найдут ее фальшивые документы, подумала она.

— Меня зовут Тимена — Тимена Дюпо.

— Расскажите мне о правительственном агентстве, на которое вы работаете.

Ее сердце пропустило удар, но она сумела сохранить видимость самообладания:

— Прав... я не работаю ни на какое правительственное агентство! Мы были в отпуске. Мой муж продает фейерверки.

Хеллстром печально улыбнулся, глядя на показания приборов. Значит, верно. Они оба работают на агентство, и это агентство очень любопытно. Из слов Портера можно было это понять. Но Портер ничего не сказал о «Проекте 40». Может быть, эта женщина что-нибудь скажет? Он ощутил убыстрение пульса. Подобного рода опасность всегда страшила Муравейник, но здесь было нечто, возбуждавшее его охотничьи инстинкты.

— Ваше агентство — это ЦРУ? — спросил Хеллстром.

— Я просто домашняя хозяйка! — возразила она. — Где Карлос? Что вы сделали с моим мужем?

Хеллстром вздохнул. Не ЦРУ — если верить показаниям приборов и при условии, что она знала подлинную цель исполняемой работы. Но, может быть, она не знала. Подобного рода агентства имеют склонность на одну маску надевать другую, и так без конца.

— Не беспокойтесь о своем муже, — сказал он. — Вы скоро соединитесь с ним. Нам, однако, известно, что вы не просто домашняя хозяйка. Просто домашние хозяйки не носят с собой такое оружие. И они не демонстрируют такую профессиональную подготовку.

— Я не верю, что кого-нибудь убила, — заявила она.

— Но это так.

— Карлос настоял, чтобы я носила оружие. Он научил меня стрелять.

Снова ложь, заметил Хеллстром. Он чувствовал себя обманутым. Почему она продолжала увертываться? Могла бы уже понять, что соучастник ее выдал. Его вопросы не могли этого скрыть. Хеллстром заставил себя прочитать

протокол допроса Дюпо, не пропуская ничего. Что сделала эта безжалостная молодежь, она сделала это во имя всего Муравейника. Он подумал, сумеет ли он подвергнуть ее химической редукции личности? Молодые выступали против этой процедуры: хотя и безболезненная, но получаемые результаты ненадежны. Применение метода к Портеру дало рабскую идиотию. Героическая тотальность такой попытки вела к стиранию воспоминаний по мере их извлечения. Он не хотел повторения той попытки с Портером и решил не прислушиваться к чувству внутреннего неприятия. Раз надо, значит надо. Он продолжит допрос, пока она не подозревает, что ее эмоции контролируются, и пока ему удастся получать от нее новую информацию. Магнитные ленты крутились и записывали все происходящее. Позднее их подвергнут всестороннему анализу. Даже центральный компьютер может быть привлечен к анализу, хотя Хеллстром и не верил в такую помощь. У него не было эмоций. Не имея эмоций, компьютер мало чем мог помочь, сталкиваясь с человеческими проблемами.

— Почему вы лжете? — спросил он.

— Я не лгу!

— Является ли агентство, на которое вы работаете, отделением Государственного департамента США?

— Если вы мне не верите, отвечать не имеет смысла. Я просто не понимаю, что происходит. Вы преследуете меня, сбиваете, связываете, и все это...

— И вы убили пятерых моих друзей, — напомнил он ей. — Почему?

— Я не верю вам. Вы меня лучше отпустите. Карлос очень важный человек в компании. Нас будут искать, если я не позвоню.

— Если вы не доложите? — Хеллстром смотрел на приборы. Здесь она говорила правду, впервые.

— Нет, не так!

Значит, она должна давать отчет, может быть, регулярно, подумал Хеллстром. Молодые не извлекли этой информации из Дюпо. Следовательно, они не спрашивали.

— С какой целью вас послали сюда?

— Меня не посылали!

Она ухватила за возможность развить в деталях свою легенду: о долгих часах работы Карлоса, редких отпусках, его интересе к птицам, ее собственном интересе к рисованию. В ее рассказе ощущалась некоторая практичность, нотка реальной семейной жизни. Ей даже почти захотелось, чтобы так было в действительности. Карлос не был таким уж плохим, несмотря на... Она прервала свой рассказ от внезапно пришедшей мысли. Она смутила ее. В ней имелся внутренний смысл. Почему она думала о Карлосе в прошедшем времени? Карлос мертв! Она ощутила уверенность в этом. Что такого сказал этот тип в темноте, что дало ей эту уверенность? Она верила своим инстинктам, и страх охватил ее.

Хеллстром заметил ее состояние по приборам и попытался отвлечь ее.

— Вы голодны? — спросил он.

Ей было трудно говорить, но все же, несмотря на сухой рот, Тимена ответила:

— Нет, у меня ужасно болит лодыжка.

— Мы позаботимся скоро о ней, — успокоил ее Хеллстром. — Скажите мне, миссис Дюпо, если вы были так напуганы, то почему не попытались вернуться на машине в Фостервилль?

«Да, именно это мне и надо было сделать!» — сказала она себе. Но тут же подумала, что этот и его друзья были готовы к такой попытке и ей бы не удалось добраться до города.

— Наверно, я что-то напутала. Она не заводилась.

— Довольно странно, — сказал Хеллстром. — У нас она завелась моментально.

Значит, они увезли и домик на колесах! Они уничтожили все следы пребывания Дюпо и Гринелли — оба мертвы. Слеза покатила по ее левой щеке.

— Вы коммунистический агент? — хрипло спросила она. Неожиданно для себя Хеллстром засмеялся.

— Станный вопрос из уст простой домашней хозяйки! Его веселье наполнило ее гневом.

— Вы тот, кто болтает об агентах и Государственном департаменте! — выпалила она. — Что, в конце концов, здесь происходит?

— Вы не та, за кого себя выдаете, миссис Дюпо, — сказал Хеллстром. — Я даже сомневаюсь, действительно ли вы миссис Дюпо.

«Попал! — заметил он. — Значит, они просто работают вместе и не женаты».

— Подозреваю, вам не было... нет особого дела до Карлоса.

«Не было! — подумала она. — Это он хотел сказать! Он проговорился. Ложь вышла наружу».

Она стала припоминать все замечания, касающиеся Карлоса, сделанные этим невидимкой. Мертвый не испытывает боли. Здесь было чувство «покончено» в каждом упоминании о Карлосе. Она заново оценила свое положение. Темнота могла иметь более важное назначение, отличное от сокрытия личности допрашивающего. Например, поставить ее в непривычные условия, ослабить защитные рефлексy. Она попыталась проверить, насколько надежно ее привязали. Дьявольски крепко!

— Вы не ответили мне, — сказал Хеллстром.

— Не чувствую себя обязанной. Полагаю, вы чудовище!

— Ваше агентство является ответвлением исполнительной власти правительства?

— Нет!

Хеллстром иначе прочитал показания приборов. Вероятно, она сама в это верила, но в глубине души сомневалась. Хеллстром заметил, что она отчаянно извивается, пытаясь освободиться. Неужели она думает, что он ее не видит?

— Почему правительство проявляет к нам интерес? — спросил он.

Женщина отказалась отвечать. Ремни, которыми она была связана, создавали обманчивое впечатление. На ощупь кожаные, они поддавались ее усилиям, но стоило их ослабить даже на мгновение, как они тут же вновь плотно стягивали ее, и не меньше, чем раньше.

— Вы работаете на агентство, связанное с исполнительной властью правительства, — сказал Хеллстром. — Такого рода

агентство просто так не будет совать нос в наши дела. Какой интерес мы представляем для правительства?

— Вы ведь меня убьете, не так ли? — спросила она.

Выбившись из сил, женщина прекратила борьбу. Разум ее балансировал на грани истерии. Они собираются ее убить. Они убили Карлоса и собираются убить ее. Предчувствие ее не обмануло. «Проклятый дурак Мерривейл! Все у него идет не так как надо! И Карлос — идиот из идиотов! Он, вероятно, попался в ловушку. Они поймали его и выбили из него всю его смелость. Это очевидно. Этот, в темноте, знал слишком много. Карлос все им выболтал, и они его убили».

Хеллстром видел, что женщина близка к истерике. Страх охватил его. Он знал, что частично причиной страха была его чувствительность к тонким выделениям ее тела. Она излучала ужас, и каждый в Муравейнике мог его принимать. Все работники обладают такой восприимчивостью. Ему даже не нужно смотреть на приборы. Комнату надо будет продуть, как им пришлось сделать после допроса Дюпо. Любой работник под воздействием таких эманаций может выйти из равновесия. Ему, однако, надо исполнять свой долг. Возможно, под влиянием страха она выдаст то, что он больше всего хочет знать.

— Вы работаете на правительство, — сказал он. — Нам это известно. Вас послали узнать, чем мы тут занимаемся. Что вы ожидали здесь найти?

— Нет! — закричала она. — Нет! Нет! Нет! Карлос просто сказал мне, что мы едем отдохнуть. Что вы сделали с Карлосом?

— Вы лжете, — сказал он. — Я знаю, что вы лжете, и вы должны понять, что вам не удастся меня обмануть. Будет лучше, если вы начнете говорить правду.

— Вы меня убьете в любом случае, — прошептала она.

«Черт!» — подумал Хеллстром.

Праматерь предупреждала его, что в жизни может случиться кризис внутри кризиса. Его работники пытали Внешнего человека, что далеко выходило за рамки концепции милосердия. Такая концепция даже не приходила в голову

работникам, занятым извлечением информации, необходимой для выживания Муравейника. Но такие действия оставляли отметины на теле всего Муравейника. Более не было невинных нигде в Муравейнике. Мы делаем еще один шаг в сторону насекомых, которым подражаем, подумал он. Его удивило, что эта мысль опечалила его. Хеллстром подозревал, что любая жизненная форма, приносящая не необходимую боль, разрушает тем самым свое сознание. Без сознания, отражающегося во Внешней жизни, жизнь может потерять свой смысл и свою цель.

С внезапным раздражением он рывкнул:

— Расскажите мне о «Проекте 40»!

В изумлении женщина открыла рот. Они знали все! Что они сделали с Карлосом, чтобы заставить его рассказать все? Ледяной ужас охватил ее.

— Говорите! — пролаял Хеллстром.

— Я... я не понимаю, о чем вы говорите.

Приборы сказали ему все, что он хотел знать.

— Вам будет очень плохо, если вы будете упорствовать, — пояснил он. — Мне бы не хотелось доводить до этого. Расскажите о «Проекте 40».

— Но я не знаю ничего об этом, — простонала женщина.

Приборы показали, что сказанное близко к правде.

— Вы знаете об этом кое-что, — жестко сказал Хеллстром. — Расскажите, что вам известно.

— Почему бы вам просто не убить меня? — спросила она.

Хеллстром действовал в тумане глубокой печали, почти отчаяния. Могущественные дикие люди Внешнего мира знали о «Проекте 40»! Как это могло случиться? Что им известно? Эта женщина всего лишь пешка в большой игре, но она может дать важный ключ.

— Вы должны мне сказать все, что вам известно. Если выслушаетесь, обещаю не применять крайних мер.

— Я не верю вам, — сказала она.

— Здесь нет больше никого, кому бы вы могли поверить.

— Меня будут искать!

— Но не найдут. Итак, расскажите мне, что вам известно о «Проекте 40».

— Только название, — сказала она, сникая. Какой смысл? Они знали остальное.

— Где вы узнали это название?

— Бумаги. Их забыли на столе в МТИ, и один из наших людей снял с них копию.

Оглушенный, Хеллстром закрыл глаза.

— Что было в этих бумагах? — спросил он.

— Рисунки и формулы, и еще что-то, в чем было не слишком много смысла. Но один из наших людей предположил, что это часть проектной документации нового оружия.

— Поняли они, какого рода оружия?

— Говорилось что-то в том роде, будто это оружие способно входить в резонанс с материей на расстоянии, разрушать стекло и тому подобное. — Она глубоко вздохнула, удивляясь собственной разговорчивости. Все равно они ее убьют. Какое значение имело остальное?

— Э... ваши люди пытаются изготовить такое оружие по этим бумагам?

— Да, пытаются, но я слышала, найденные бумаги неполны. Возникает много вопросов, и вообще идет спор, действительно ли это оружие?

— Нет единого мнения?

— Полагаю, да, — она снова вздохнула. — Это оружие?

— Да, это оружие, — ответил он.

— Вы меня убьете? — спросила она.

Жалостная, умоляющая нота в ее голосе взорвалась в нем яростью. Идиоты! Полные идиоты! Он нащупал свой станворд, который уронил на пол рядом с приборами, и поднял его, устанавливая на полную мощность. Этих Внешних идиотов надо остановить. Он выбросил шокер в сторону женщины, словно желал пронзить ее. Резонирующая в замкнутом пространстве лаборатории энергия оглушила его на мгновение, и когда он пришел в себя, то увидел, что стрелки всех приборов показывали на ноль. Он включил освещение, медленно встал и подошел к женщине, повисшей на ремнях. Она была абсолютно неподвижной. Он понял, что она мертва, еще до того, как склонился к ней. Она

получила заряд, достаточный, чтобы убить лося. Допрос Тимены закончен, как бы ее ни звали.

«Почему я сделал это?» — подумал он. Вспомнил истерзанную плоть Дюпо, идущую в Котел? Или это позыв более высокого порядка, исходящий из сознания Муравейника? А может быть, дело в изломе его психики? Он действовал рефлекторно, не думая. Но дело сделано, возврата нет. Однако его собственное поведение его обеспокоило.

В раздражении он вышел из лаборатории. Когда молодые работники в соседней комнате столпились вокруг него, он сказал им, что захваченная женщина мертва. На их протесты он кратко ответил, что узнал все, что было нужно. Когда один из них спросил, отправлять ли тело в Котел или взять сексуальный штамм, он колебался лишь одно мгновение, прежде чем согласиться на последнее. Возможно, часть женской плоти можно будет оживить и отправить на сохранение. Если удастся оживить матку, она еще послужит Муравейнику. Любопытно будет взглянуть на ребенка.

Другие проблемы, впрочем, занимали его мысли. Он вышел из лабораторного комплекса, все еще сердясь на себя. Внешние знали о «Проекте 40». Работник Муравейника проявил преступную неосторожность. Как можно было допустить вынос подобных бумаг за стены Муравейника? Кто это сделал? Как? Бумаги в МТИ? Кто проводил исследования? Необходимо понять масштабы катастрофы и предпринять эффективные шаги, которые воспрепятствуют повторению чего-либо подобного впредь.

Хеллстром надеялся, что бридер-лаборатория сумеет сделать сексуальный штамм Тимены. Она послужила уже Муравейнику и заслужила сохранность своих генов.

Меморандум, подготовленный Джозефом Мерривейлом: *«Погибли или нет Портер, Дюпо и Гринелли, не является существенным в последующих рассуждениях. Хотя мы полагаем, что они мертвы, ничто не изменится, если окажется, что они живы. Мы узнали, что Хеллстром не разду-*

мывая действует против нас. Ввиду его частых путешествий за океан под предлогом работы над фильмами о насекомых необходима повторная проверка его зарубежных контактов. Внутри страны проблема более сложна. Поскольку мы не можем признать цели нашего расследования, мы не можем действовать по обычным каналам. Любые предложения об альтернативных путях будут внимательно рассмотрены. Это послание должно быть уничтожено по прочтении. Это приказ. Выполните его сейчас».

Комментарий Дзула Перуджи с припиской: Только для Шефа! «Чушь! Я начинаю несколько прямых расследований. Я хочу, чтобы кинокомпания была изучена вдоль и поперек. В Орегоне я начну поиск пропавших людей с помощью всех доступных агентств. Будет запрошена помощь со стороны ФБР. Ваша помощь будет принята с благодарностью. Дзула».

Джанверт не касался роли компаньонов в этом проекте, пока они не сели в самолет, направляющийся на запад. Он выбрал места для себя и для Кловис впереди остальных по левому борту. Из иллюминатора открывался прекрасный вид закатного неба над левым крылом, но он не обращал на него внимания.

Как он и ожидал, ему с Кловис дали задание играть роль тинэйджеров, и Ника Мэрли, которого оба они считали бесплодной задницей, назначили быть их отцом. Но чего никто из них не ожидал, так это того, что Джанверта изберут номером два.

Он и Кловис сблизили головы, говоря едва слышным шепотом.

— Не нравится мне это, — сказал Джанверт. — И потолок головой прошибет, и на месте назначит кого-нибудь другого.

— Какая ему выгода?

- Не знаю. Поживем — увидим. Завтра, самое позднее.
- Может быть, это признание твоих достоинств?
- Ерунда!
- Тебе не хочется быть вторым?
- Только не в этом деле, — его губы сложились в упрямую линию. — Это паршивое дело.
- Думаешь, ищут козла отпущения?
- А ты?
- Возможно. Какие у тебя отношения с Перуджи?
- Неплохие, если не считать...
- Чего?
- Что он не доверяет мне.
- Эдди!

Один из группы как раз проходил мимо в сторону туалета. Это был ветеран Вьетнама (он называл его «Нам») по имени Даниэль Томас Олден, и все звали его ДТ. Джанверт замолчал, ожидая, пока пройдет ДТ, отметив его жесткое молодое лицо, квадратную загорелую челюсть. На переносице замечен был белый шрам в форме V, и он носил легкую кепку с прозрачным зеленым козырьком, отбрасывавшим на его лицо зеленый отсвет. Джанверт подозревал, что он стучал по начальству. Ходили слухи, что он сожительствовал с Тименой, и Джанверт вдруг подумал, что он сейчас может думать.

Проходя мимо, ДТ бросил взгляд на них, но не подал вида, что знает или хотя бы заметил их.

Когда он прошел, Джанверт зашептал:

- Думаешь, ДТ нравится его работа?
 - Почему нет?
 - Меньше свободы, чем на настоящей войне. Не так много шансов убивать людей.
 - Иногда ты довольно жесток.
 - Тебе не надо было заниматься такой работой, — сказал Джанверт. — Почему бы тебе не уйти по болезни или еще как?
 - Но тебе же нужен кто-то, кто будет тебя защищать.
 - Как прошлой ночью?
- Она пропустила замечание мимо ушей и сказала:
- Ты слышал разговоры о ДТ и Тимене?

— Да. Я ему почти сочувствую.

— Ты думаешь, она...

— Не хочется верить, но, похоже, да.

— Но почему? Не могут они все...

— В подобных делах всегда так. Разведка боем.

— Кто тогда мы?

— С Перуджи — не знаю. Скажу, когда выясню, как он нас расставит.

— На переднем крае или в тылу?

— Да.

— Нам подадут здесь когда-нибудь обед? — спросила она.

— Стюардессы заняты спаиванием взрослых.

— Это одна из причин, по которой я ненавижу играть детей, — прошептала она. — Не могу заказать себе выпить.

— Ненавижу косметику, — сказал он. — Держу пари, они не накормят нас до небраски.

— Это специальный фасолево-рыбный рейс. Нам на обед подадут фасоль с икрой трески. У тебя что, плохое настроение?

— Забудь то, что я наговорил тебе ночью. Я себя чувствовал хуже некуда.

— Сказать по правде, у нас обоих было такое настроение. Наверно, Луна не в той фазе.

— Я все еще не могу понять, почему меня назначили номером два?

— Я тоже. — И почти сразу добавила: — Остальные уже в возрасте.

— Также непонятно — почему более молодой агент должен стать руководителем?

— Молодости надо дать себя проявить, — прошептала она и прикусила его ухо. — Помолчи, дорогой. Старый козел позади меня пытается нас подслушать.

Джанверт не стал оглядываться, но вскоре выпрямился и осмотрелся вокруг. Свет уже включили, снаружи было темно, и от этого каждый иллюминатор казался черной заплатой с редкими звездами. Седой старик сидел позади Кловис и читал «Таймс», прихлебывая виски со льдом.

Он посмотрел на Джанверта, но тут же снова уткнулся в журнал. Джанверт не помнил, чтобы ему приходилось видеть его раньше, но кто знает. Его могли послать в качестве наблюдателя.

Раздраженно Джанверт снова погрузился в кресло и нагнулся к Кловис.

— Нам надо сматываться. Найдем безопасную страну. Должно же быть место, где Агентству нас не достать.

— За океаном?

— Ты знаешь, что будет то же самое, только язык другой. Нет, нам нужна небольшая аккуратная страна, где мы можем незаметно смешаться с населением. Она должна существовать где-то на этой грязной планете.

— Ты думаешь о ДТ и Тимене?

— Я думаю о тебе и обо мне.

— Он снова подслушивает, — прошептала она.

Джанверт сложил руки и погрузился в угрюмое молчание. Полет обещал быть паршивым до самого Портленда, и он с этим смирился.

Позднее подошел Ник Мэрли и спросил, нагнувшись над ними:

— Все о'кей, ребятки?

Джанверт только что-то угрюмо пробурчал в ответ.

Муравейник. Внутренний меморандум по «Проекту 40»: «Проблема тепловыделения остается критической. Наша последняя модель расплавилась, не выйдя на расчетный режим. Вторичный резонанс, однако, оценить удалось. Наблюдался подъем к ожидаемым предельным величинам. Если предлагаемая новая система охлаждения окажется жизнеспособной, мы сможем провести первые испытания в полном объеме в пределах месяца. Испытания, безусловно, дадут результаты, которые будут замечены во Внешнем мире. Как минимум в Тихом океане вблизи Японии возникнет новый остров».

Перуджи вылетел последним рейсом из Далласа, испытывая острое неудовольствие от предстоящего совещания с участием Мерривейла. Шеф настаивал на встрече, и Перуджи не видел способа на ней не присутствовать. Они встретились с Мерривейлом в его офисе. Маски были сброшены с самого начала.

Мерривейл посмотрел на Перуджи, входящего в его офис, не меняя выражения лица. В его глазах прятался испуг, и Перуджи подумал: «Знает, что выбран мальчиком для битья».

Перуджи сел напротив Мерривейла в одно из кожаных кресел и показал на папку, лежащую на столе:

— Просматриваете отчеты, как я погляжу. Какие-то дыры?

Очевидно, Мерривейл посчитал, что эти слова ставят его в невыгодное положение, поскольку он немедленно попытался взять инициативу в свои руки.

— Мои отчеты точно соответствуют обстоятельствам, которым они посвящены.

«Напыщенный осел!»

Перуджи понимал, что своим присутствием раздражает Мерривейла. Так всегда было. Перуджи был таким крупным мужчиной. По общему мнению, он станет толстым, если наберет вес. Но он обладал мягкой, зловещей грацией, всегда раздражавшей Мерривейла.

— Шеф просил меня узнать, почему вторым номером вы назначили эту вашу козявку Джанверта? — спросил Перуджи.

— Потому что он давно готов к ответственности такого уровня.

— Он не заслуживает доверия.

— Чушь!

— Почему вам было не подождать и не позволить мне назначить моего собственного заместителя?

— Не видел смысла. Брифинг должен был идти своим чередом.

— Итак, вы допустили еще одну ошибку, — сказал Перуджи. Его голос выражал спокойное высшее знание. Упоминание Шефа говорило об этом.

Мерривейл почувствовал, что его шансы занять более высокое положение в Агентстве уменьшились до нуля. Его лицо потемнело.

— Почему вы сами отправляетесь в Орегон?

— Вынуждают обстоятельства, — ответил Перуджи.

— Какие обстоятельства?

— Потеря троих наших лучших людей.

Мерривейл кивнул.

— Вы хотели обсудить со мной кое-что важное. Что конкретно?

— Несколько вопросов. Во-первых, меморандум, пущенный вами в обращение, говорит о неуверенности в нашем следующем шаге. Шеф разочарован.

Мерривейл побледнел.

— Мы... обстоятельства...

Перуджи перебил его, как будто даже не слыша его слов:

— Во-вторых, мы озабочены инструкциями, данными вами этим трем агентам. Нам кажется странным, что...

— Я следовал приказам до последней буквы! — взорвался Мерривейл и ударил рукой по столу.

«История его жизни», — подумал Перуджи и сказал:

— Ходят слухи, что Тимене не нравилось это задание.

Мерривейл втянул носом воздух, стараясь выглядеть уверенным.

— Они всегда возражают и говорят об этом у меня за спиной. Слухи — это несерьезно.

— Я получил информацию, что у нее имелось существенное возражение против того, как спланирована операция. Высказывала она вам свои возражения?

— Мы разговаривали, да. Она полагала, что нам следует действовать открыто, более официально.

— Почему?

— У нее просто было такое чувство, больше ничего. — Мерривейл произнес слово «чувство» так, чтобы показать, что считает это просто одной из женских слабостей.

— Просто чувство, ничего существенного?

— Да.

— Это чувство как будто ее не обмануло. Вам следовало к ней прислушаться.

— У нее всегда были эти сумасшедшие чувства, — возразил Мерривейл. — Она не любила работать с Карлосом, например.

— Значит, у нее имелись конкретные возражения. Почему она возражала против Карлоса?

— Это только предположение, но, похоже, он когда-то грубо домогался ее благосклонности. Во всяком случае, это не был пустяк из тех, на которые закрывают глаза. Они знают работу, которая им поручена, и что из этого следует.

Лицо Мерривейла напоминало открытую страницу, все его мысли были на нем написаны: «Меня обвиняют в этих потерях. Почему меня? Я только делал то, что мне приказывали».

Прежде чем Мерривейл мог высказать эти мысли, Перуджи сказал:

— Давление исходит сверху, от нас требуют объяснений. Ваша роль в этом деле особая, и разговор с вами будет особый.

Мерривейл мог себе представить всю картину: давление сверху, и кто-то готовится на роль козла отпущения. И козла этого зовут Джозеф Мерривейл. Тот факт, что он сам многократно защищался таким способом, не смягчал отчаяния видеть теперь себя в подобном положении.

— Это нечестно, — просипел Мерривейл. — Это просто нечестно.

— Мне бы хотелось, чтобы вы вспомнили как можно больше из вашей беседы с Тименой, — сказал Перуджи. — Все.

Мерривейл воспользовался моментом, чтобы взять себя в руки.

— Все?

— Все.

— Хорошо.

У Мерривейла был тренированный мозг, и он мог по памяти воспроизвести большую часть беседы. Задача осложнялась, однако, необходимостью процедить каждое слово сквозь аналитическое сито самосохранения. Бессознательно

он утерял при пересказе ложный британский акцент. Перуджи это позабавило.

Вскоре Перуджи его прервал.

— Итак, она пошла искать Карлоса.

— Да, Карлос был в Архиве, я полагаю. — Мерривейл вытер пот, выступивший на лбу.

— Плохо, что мы не можем спросить ее лично, — сказал Перуджи.

— Я рассказал вам все! — запротестовал Мерривейл.

— О, я вам верю, — сказал Перуджи, затем покачал головой. — Но... все же. Она прочитала отчеты... — он пожал плечами.

— Агентам случается погибать при исполнении, — сказал Мерривейл.

— Конечно, конечно, — согласился Перуджи. — Обычная вещь.

Мерривейл нахмурился, очевидно считая, что факты подгонялись с одной целью — потопить его.

— У Карлоса имелись похожие возражения? — спросил Перуджи.

— Нет.

Перуджи сложил губы в задумчивости. Проклятое дело!

Малыш клерк наконец попался. Легендарная осторожность его не спасла. Может быть, Карлос еще жив. Но почему-то Перуджи в это не слишком верил. Первая пешка была побита, затем вторая и третья. Сейчас настал черед более сильной фигуры. Он сказал:

— Карлос и Тимена ругались по поводу этой работы.

— Возможно.

— Что это значит?

— Они часто цапались. Постепенно привыкаешь и уже не обращаешь особого внимания.

— И мы не можем их спросить, — сказал Перуджи.

— Мне не нужно напоминать об этом.

— Вы помните, что сказал Карлос, когда вы видели его в последний раз?

— Помню. Он сказал, что передаст сообщение в течение первых сорока восьми часов по прибытии на место.

— Так долго? У них было радио?

— Да, в долине, в фургоне на колесах, взятом ими в Портленде.

— И от них так и не поступило никаких сообщений?

— Они позвонили, чтобы проверить оборудование. Из Клатат Фаллз. Через Портленд.

— Сорок восемь часов, — пробормотал Перуджи. — Почему?

— Ему требовалось время, чтобы освоиться и выбрать место, откуда он будет вести наблюдение.

— Да, но...

— Это была вполне разумная задержка.

— Но Карлос всегда был так осторожен.

— Это и говорит об осторожности, — возразил Мерривейл.

— Почему вы не приказали ему чаще передавать сообщения?

— Это не казалось нужным.

Перуджи покачал головой. Наваждение какое-то. Любители не оставили бы за собой такой хвост ошибок. Хотя Мерривейл, конечно, ни одну из них не признает. И он действительно получал все те приказы, на которые он постоянно ссылается. Деликатная ситуация. Но отстранить его от дела все равно придется. Отстранить и держать под рукой, готового в любой момент пойти под топор. Мерривейл показал свою полную некомпетентность. Ему нет прощения. Он был как раз тем человеком, который требовался сейчас, на кого можно указать пальцем, когда будут заданы настоящему неприятные вопросы.

С внезапным раздражением Перуджи встал со стула и посмотрел вниз на Мерривейла, казавшегося совсем запуганным.

— Ты осел, Мерривейл, — произнес Перуджи холодным, жестким голосом. — Ты всегда был ослом и таким останешься. У нас есть полный отчет от ДТ с возражениями Тимены. Она хотела команду поддержки. Она хотела частый радио-контакт. Ты специально сказал ей лишний раз не беспокоить станцию в Портленде. Ты сказал ей беспрекословно исполнять приказы Карлоса. Ты приказал ей не делать никаких официальных запросов по поводу исчезновения Портера. Ни при каких обстоятельствах не должна она была выходить за рамки

своей легенды. Это твои инструкции... — Перуджи указал на папку на столе Мерривейла. — И ты читал это!

Потрясенный Мерривейл сидел молча при этом взрыве. На секунду показалось, что он сейчас заплачет. Его глаза блеснули от непролитых слез. Сознание такой возможности охладило его, и он сумел ответить с некоторым подобием обычного акцента.

— Послушайте! Вы и мысли не допускаете, что в чем-то можете ошибаться!

Позднее, звоня по телефону из аэропорта, Перуджи сказал:

— Полагаю, мы должны ему быть благодарны. Во всяком случае, ясно положение, в котором мы очутились.

— Что вы имеете в виду? — спросил Шеф хрипло-раздраженным голосом.

— Я имею в виду, что мы начинали, не зная решимости Хеллстрона. Сейчас мы это знаем. Он готов платить по самым высоким ставкам.

— Как будто мы — нет.

— Ну, во всяком случае, я определился с Мерривейлом. Я отстранил его до нового назначения.

— Он не совершит никаких глупостей?

— Разве он не наделал их уже достаточно?

— Вы знаете, что я хотел сказать, черт возьми!

— Думаю, он подчинится моему приказу до последней буквы, — сказал Перуджи.

— Но вы говорили с ним оскорбительно. — Это было утверждение, не вопрос.

— Нет сомнений.

Непонятный ход, и Перуджи заколебался, задумчиво глядя на телефонный аппарат.

— Он звонил мне, — сказал Шеф. — Он жаловался на вас. Затем он сказал, что спрятал наши письменные приказы в надежном месте. Он также сообщил мне, что передал Джанверту специальный номер и зашифрованные письма, касающиеся наших инструкций для агентов. Он даже прочитал мне выдержки из приказов, отданных ему годы назад.

После долгой паузы Перуджи произнес:

— К нему следует применить более жесткие меры.

— Да, — сказал Шеф, — делать нечего.

Слова Нильса Хеллстрема: *«В отличие от людей, физическая ограниченность которых закладывается в них с момента рождения, насекомые рождаются со способностью действительно усовершенствовать свое тело. Когда насекомые достигают пределов своих возможностей, они чудесным образом преобразуются в новое существо. В этой метаморфозе я вижу фундамент моего понимания концепции Муравейника. Для меня Муравейник представляется коконом, из которого возникнет новый человек».*

Хеллстром сидел в задумчивости в своей комнате. Его отсутствующий взгляд скользил по схемам и диаграммам, развешанным по стенам, но он их не видел. Они пошлют сейчас первую команду, подумал он. Они пока только осторожно присматривались к ним. Сейчас в дело вступят настоящие специалисты, и от них они смогут узнать информацию, необходимую для спасения.

Ночь была длинна, а день будет еще дольше. Он сумел поспать часа два, но Муравейник пронизало напряжение и сознание нарастающего кризиса. Химические реакции организма говорили работникам, что что-то происходит.

Когда он вернулся в свою комнату немногим более двух часов назад, то был настолько измотан, что, сбросив Внешний пиджак, кинулся в остальной одежде на постель. Что-то тяжелое в кармане пиджака стащило его вниз, на пол, рядом со стулом. Хеллстром видел выпирающий из кармана тяжелый предмет и лениво подумал, что бы это могло быть. Внезапно он вспомнил Внешний пистолет, взятый им перед выходом из комнаты — как давно это было. Казалось, целую жизнь назад, в другом мире. Все изменилось с

тех пор. Мощные силы Внешних учуяли что-то, и это что-то ведет их к Муравейнику.

«Проект 40».

Источник утечки оказался столь банальным, что Хеллстром вздрагивал при мысли об этом. Джерри, одному из операторов, было дано задание сделать несколько кадров в МТИ и параллельно изучить некоторые статьи в библиотеке. Он вспомнил, что оставил бумаги на столе «не более чем на полчаса». Когда Джерри вернулся, они лежали на том же месте, и он взял их, не испытывая никакого беспокойства. Как просто! Но Внешним этого оказалось достаточно. Словно они обладали злым гением, только и поджидающим таких оплошностей.

С Джерри случился сердечный приступ. Он выдал любимый Муравейник. И это было так. Но это должно было случиться рано или поздно. Настоящее чудо, что это случилось так поздно. Разве можно было надеяться, что их так никто и не обнаружит? Мирная анонимность имеет свой жизненный цикл, вероятно. Мир любой ценой никогда не срабатывал так, как ожидалось. Цена, которую пришлось платить, постоянно повышалась.

Нервный и раздраженный — эмоции его организма, как он знал, исходят сейчас во все стороны, — но почему-то не заботясь об этом, Хеллстром с внезапной решимостью поднялся. «Проект 40» — он должен ускорить работу над ним! Должен!

Шифрованное сообщение, полученное от Перуджи: *«В настоящее время я не отменяю назначение Джозефа. Мы должны решить деликатную проблему для Мерривейла. Определенные аспекты, связанные с приемом Джозефа на работу в Агентство, заинтересовали меня в этой связи. Мы можем взять его под более надежный контроль. Нет сомнений в сильной привязанности между Джанвертом и Кловис Карр. Это может быть с выгодой использовано. С целью*

*скрытного наблюдения за ними мною направлен Д.
Т. Олден. Его отчет будет вам представлен».*

Перуджи бросил свой саквояж на постель в комнате мотеля, расположенного в пригороде Фостервилля. Он взял с собой только небольшой портфель и сумку от камеры с оборудованием для поддержания связи. Сумку он повесил на ручку стула. Так он любил путешествовать: сумки под сиденьем, никакой суеты в аэропорту, вошел — вышел с привлечением к себе минимального внимания. Несмотря на свои шесть футов и четыре дюйма, он знал, что не слишком бросался в глаза. Давно он овладел умением растворяться в толпе и всегда им пользовался при необходимости.

Все утро он потратил на расположение резервных команд в горах к северу от города, организуя скрытую линию связи от фермы до его комнаты в мотеле. Он проголодался, но дело прежде всего. Он осмотрел комнату. Темное дерево, изношенная драпировка. Все свидетельствовало о минимуме расходов. Он вздохнул и опустил в кресло, застонавшее под тяжестью его двухсот двадцати фунтов. Нашупав рукой телефон на журнальном столике, он набрал номер дежурного.

Да, они знали номер телефона местного шерифа. Какие-нибудь проблемы?

Перуджи объяснил, что компания просила его расследовать несколько случаев исчезновений ее сотрудников. Обычная процедура. Он был вынужден выслушать объяснение, что у них был только один шериф, местный уроженец, но достаточно опытный. Офис шерифа находился в совете округа. Вскоре, отделяваясь от вопросов односложным бурчанием, Перуджи получил нужный номер, и дежурный связался с ним. Двумя минутами позднее он уже обсуждал проблему с шерифом Линкольном Крафтом, мужчиной с невыразительным, каким-то бесцветным голосом.

— Мы уверены в их исчезновении, — настаивал Перуджи. — Карлос должен был вернуться и приступить к работе в понедельник, а сегодня пятница. Это на него не похоже. Он очень пунктуален, наш Карлос.

— Его жена тоже? — Крафт произнес это обвиняюще.

— Мужья часто берут с собой в отпуск своих жен, — сказал Перуджи. Он прислушался, не прозвучало ли это несколько оскорбительно.

Крафт пропустил сарказм мимо ушей. Он сказал:

— Да, возможно. Но все-таки несколько странно, что компания послала именно вас по этому делу.

— Карлос играет ключевую роль в компании, — пояснил Перуджи. — Мы не можем пускать это дело на самотек. Конкуренты поджимают.

— Вероятно. Так каким бизнесом вы заняты?

— Я являюсь вице-президентом... одна из крупнейших в стране. Карлос являлся одним из лучших комиссионеров.

— Являлся? — спросил Крафт. — У вас есть причины, о которых вы умолчали, подозревать худшее?

— Ничего конкретного, — солгал Перуджи. — Просто на него не похоже пропадать, когда он требуется на работе.

— Понятно. Вероятно, причина окажется банальной, но я посмотрю, что можно сделать. Почему вы думаете, что они пропали в этом районе?

— Я получил письмо от Карлоса. В нем упоминается долина неподалеку от Фостервилля, где он намеревался наблюдать за скальным перепелом.

— За кем?

— За скальным перепелом. Птица, обитающая в сухих местах.

— Он охотник? Несчастный случай на охоте и...

— Он не охотится за птицами, чтобы убивать их. Он наблюдает за ними, изучает повадки, нечто вроде любителя-орнитолога.

— А, один из этих, — Крафт сказал об этом, как о чем-то не очень приличном, вроде сексуальных привычек. — Как называется долина?

— Непрístupная. Вы знаете, где она?

Последовала такая долгая пауза, что Перуджи проявил нетерпение.

— Вы слушаете, мистер Крафт? — спросил он.

— Да, да.

— Вы знаете эту долину?

— Да. Это место Хеллстрома.

— Чье место? — Перуджи понравилось, как интонацией ему удалось передать, будто он в первый раз слышит это имя.

— Это место дока Хеллстррома. Его частные владения. Принадлежит его семье и переходит по наследству.

— Ясно. Ну, может быть, этот джентльмен-медик не будет возражать, если мы поищем в окрестностях.

— Он не врач, — сказал Крафт. — Он доктор по жукам. Он их изучает. Снимает о них фильмы.

— Какая разница, — сказал Перуджи. — Вы окажете содействие, мистер Крафт?

— Вам следует прийти ко мне для оформления формального запроса, — сказал Крафт. — Запрос по поводу исчезновения людей. Один из бланков я где-то у себя видел. У нас здесь никто не пропадал после того, как один из сыновей Анилуса заблудился в горах. Хотя, конечно, это не тот случай, что у вас.

Перуджи слушал и удивлялся. В архиве Агентства хранились данные о довольно большом числе пропавших в этом районе за последние пятьдесят лет. Все они имели, казалось бы, разумное объяснение, но все же... Ему показалось, что Крафт нервничал. Он решил, что можно его немного попытать, и сказал:

— Надеюсь, это местечко не опасно? У дока нет там ядовитых насекомых, а?

— Разве что парочка скорпионов, — сказал Крафт с явным облегчением. — По временам они лютуют. У вас есть фотографии пропавших?

— Да, фотография Карлоса и его жены, которую он держал на столе, — сказал Перуджи.

— Отлично. Захватите ее с собой. Вы сказали, они приехали в фургоне?

— Да, у них был небольшой додж. Карлос им очень гордился.

— Ну, ему не так-то просто исчезнуть без следа, — сказал Крафт.

Перуджи согласился с ним и спросил, как найти его офис.

— Вы на машине? — спросил Крафт.

— Да, я ее взял напрокат в Клатам Фоллз.

— Этот Карлос, похоже, очень нужен вашей компании?

— Я уже сказал вам об этом, — Перуджи добавил чуть-чуть горечи в свой голос.

— Вас отправили сюда из Балтимора только для того, чтобы найти его?

Перуджи отстранил трубку от уха и посмотрел на нее. Что случилось с этим полицейским? Затем он вновь приложил трубку к уху и сказал:

— Он объехал для нас все Западное побережье. Нам важно найти его как можно быстрее. Если с ним что-то случилось, ему необходимо срочно подыскать замену. Вскоре начнется сезон. Я уже говорил с Государственным патрулем в Салеме. Они посоветовали мне связаться здесь с местными властями.

— Но вы что-то говорили о Клатам Фоллз? — спросил Крафт.

— Я летал туда чартерным рейсом, — ответил Перуджи и с нарастающим интересом стал ждать реакции Крафта.

— Чартерный рейс? Хе-хе. Но вы могли лететь прямо сюда и садиться на нашей полосе, если бы хотели. Почему вы так не поступили?

Стало быть, оба пытаются выудить информацию, подумал Перуджи. Интересно. Он попытался представить себе реакцию Крафта, если бы в объяснении он добавил, как не сумел встретиться со своими людьми в Портленде и был вынужден встречаться с ними в Клатам Фоллз.

— Мне не нравятся небольшие деревенские аэродромы, — сказал Перуджи.

— Не скажу, что осуждаю вас за это, но у нас не такая плохая полоса. Вы зашифровали запрос в полиции Салема? — голос Крафта звучал настороженно.

Неплохая техника, подумал Перуджи. Этот полицейский не так прост.

— Да. Карлос отправил свой багаж в Портленд морем и взял его уже оттуда. Полиция ведет расследование. Уже есть их фотографии.

— Понятно. Должно быть, крутой бизнес, — недоверчиво сказал Крафт. — Ваши люди тратят много денег — чартерные рейсы и все такое.

Перуджи подумал и решил, что ему следует ответить. Он сказал:

— Мы не бросаем своих людей и готовы нести расходы, мистер Крафт. Надеюсь, вы дадите делу ход так быстро, как это возможно. Как мне до вас добраться?

— Вы сейчас в мотеле?

— Да.

Крафт объяснил, что ему надо выехать с площадки для парковки машин, завернуть направо и ехать в сторону дороги N14.

— Держитесь левой стороны, пока не поравняетесь с новым торговым центром. Вы его увидите с хайвея. У меня небольшой офис на третьем этаже. Вам там всякий скажет.

— Еду немедленно, — сказал Перуджи.

— Одну минуту, мистер Перуджи, — сказал Крафт. — У вас есть с собой сигнальные ракеты, шутихи и прочее?

— Разумеется, нет! — Перуджи имитировал возмущение, отметив про себя, что Крафт правильно записал его имя и действовал вполне официально. Может, подумал, что он не знает федеральные законы? — Мы действуем только по официальным каналам, *шериф* Крафт. У нас есть фотографии, каталоги. Если бы мы не соблюдали законы, то давно бы вылетели из бизнеса. Хотя я нахожу ваш вопрос довольно интересным.

— Хотел быть уверенным, что вы знаете наши законы, — пояснил Крафт. — Нам не понравится, если кто-нибудь скажет, будто мы причинили вред нашему гостю. Вам следует...

— Я не хотел сказать ничего плохого, — прервал его Перуджи. — Мне показалось интересным, что вы упомянули об этом, *шериф* Крафт. Я буду у вас через несколько минут.

— О'кей. Не забудьте фотографию.

— Разумеется.

Перуджи несколько секунд смотрел на телефон, повесив трубку. Затем он позвонил в Салем, сообщил в патруль, что разговаривал по телефону с шерифом Линкольном Крафтом, и спросил, нет ли для него информации. Оказалось, что нет. Он позвонил по коммутатору в Балтимор и попросил соединить его с ФБР. Это служило кодовым сигналом, что он не доверял местным властям, и его офис должен был подтвердить запрос на помощь со стороны ФБР.

Затем он нажал на головку наружных часов и почувствовал слабую пульсацию на коже, означавшую, что группы в горах приступили к работе и контролировали поступающие от него сигналы. Все было в порядке. Время начинать шевелить Хеллстрома в его берлоге.

Слова Нильса Хеллстрома: «Живой прототип компьютера был сконструирован природой задолго до появления на Земле человека. Им является не что иное, как термитник, один из первых экспериментов социальной организации. Это живое напоминание о том, что все может быть не так, как того желает человек, среди жизненных форм, разделяющих с ним эту планету. Мы все знаем, конечно, что в сравнении с человеком насекомые отнюдь не демонстрируют того, что мы называем интеллектом. Но почему мы должны им гордиться? Где нет интеллекта, не обязательно должна быть глупость. И термиты являют собой живое обвинение, указующее пальцем на нашу гордость. Компьютер есть механизм, запрограммированный тысячами крошечных бит информации. Он манипулирует информацией, констатируя логическую форму. Вдумайтесь в это. Не является ли прекрасно функционирующее общество логической формой? Я хочу сказать, что обитатели термитника, каждый бит целого, двигаются по собственным неявным траекториям, тысячи крошечных частиц информации, самоорганизующихся в бесспорную логическую форму. Источник их силы – Прама-

терь-королева. Она представляет огромную пульсирующую энергетическую массу, наполняя все вокруг себя ненасытным желанием. В пульсации ее тела — будущее всей семьи. Внутри наших камер воспроизводства — наше будущее и, без сомнения, будущее всего человеческого рода».

Крафт позвонил на ферму сразу, как только Перуджи повесил трубку. Через минуту на связи с ним был Хеллстром.

— Нильс, тут в мотеле парень по имени Перуджи. Говорит, что он из Голубых Поджигателей... и что он ищет пропавшего комиссионера и его жену. Пропавшего в твоей зоне. Говорит, у него есть письмо от этого комиссионера, где упоминается Неприступная долина. Как нам следует себя вести?

— Я предупреждал тебя, что этого надо ожидать, — сказал Хеллстром.

— Да, я помню, но этот парень не прост. Он уже говорил с патрулем, и меня не удивит, если он свяжется с ФБР.

— Полагаешь, он тебе не по зубам?

— Возможно, я вызвал у него кое-какие подозрения.

— Каким образом?

— Я пытался прощупать на предмет признания того, что это не просто обычный случай исчезновения. Его прибытие сюда, фотографии пропавшей пары. Говорит, что копия имеется и у патруля. ФБР, очевидно, получит свою. Кто-то наверняка их видел, и, скорее всего, они выйдут на ферму.

— На ней они ничего не найдут, — сказал Хеллстром. В его голосе слышалась печаль и усталость, и Крафт ощутил и первые признаки более глубокого беспокойства.

— Надеюсь, что ты прав. Что мне делать?

— Делать? Помогать ему во всем. Возьми фотографию. Приезжай сюда с официальным запросом.

— Нильс, мне это не нравится. Надеюсь...

— Я стараюсь по возможности уменьшить конфликт, Линк. Он доставляет мне наибольшее беспокойство.

— Ну а если парень захочет приехать со мной?

- Я надеюсь на это.
- Но...
- Возьми его с собой!
- Нильс, если он придет со мной, надеюсь, он и вернется назад со мной.
- Это в наших интересах, Линк.
- Нильс, я действительно сильно обеспокоен. Если он...
- Я беру это на себя, Линк. У нас все будет как надо, только приезжайте.
- Надеюсь, что так.
- Каким способом он добирался до Фостервилля, Линк?
- Взял напрокат машину.
- Он один?
- Не думаю. В горах видели несколько новых людей.
- Мы заметили. Машина напрокат, хм...
- Послушай, Нильс, этому парню лучше не попадать в аварию. У меня странное предчувствие. Он нам доставит большие неприятности.
- Нет сомнений, — согласился Хеллстром. — Это первая команда.

Из бридинг-записей: «Эту новую группу следует наблюдать с особым тщанием. Она включает весь бридинг-пакет, названный серией ФЭНСИ (Фракционированный...). Хотя в ней заложен огромный потенциал по нескольким специализациям, предельно необходимым Муравейнику, в них есть элемент нестабильности. Эта нестабильность может проявляться в возросшем бридинг-стремлении и в этом случае способствовать процветанию Муравейника. Однако возможны и другие симптомы, о которых следует докладывать Бридинг-Централу».

Хеллстром сидел в задумчивости после чрезвычайного совещания Совета. Он чувствовал, что весь Муравейник становился похожим на атакуемую субмарину: все подчинено одному — бесшумному ходу. Все силовые системы, включая

вентиляцию, сбрасывали до минимума обороты; система водоснабжения, включая подземную реку, вращающую турбины и являющуюся главным источником воды, переводились в специальный режим контроля с целью предотвращения выноса наружу чего-либо, что может возбудить подозрения Внешних, когда вода достигнет земной речки.

Хеллстром думал, сколько же Перуджи и его команде известно о «Проекте 40»? Этот вопрос остался без ответа и после окончания Совета. Внешние не могли знать всего о «Проекте 40» и вообще ничего о Муравейнике. Хеллстром был в этом уверен. При малейшем подозрении о существовании чего-либо подобного сюда прибыла бы целая армия. Некоторый компромисс требовался с Внешними, прежде чем они узнают слишком много. Смерти достойны сожаления, но они явились неизбежным следствием смерти Портера. В этом заключалась ошибка.

«Мы жили слишком долго в безопасности, — подумал он. — Мы стали слишком смелыми. Фильмы нас сделали такими, необходимое и тесное сотрудничество с Внешними в процессе подготовки фильмов. Мы недооценили Внешних».

Хеллстром подавил усталый вздох. Ему не хватало Харви. Нынешняя группа, обеспечивающая безопасность, была хорошей, но Харви обладал особой, взвешенной мудростью. Муравейник нуждался сейчас в нем более, чем когда-либо, но все, что осталось от него в наследство, был его протеже Салдо. Был ли Салдо тем, кто вышел новым из Котла? Салдо заметно повзрослел после той ночной охоты. Трансформация в некоторых отношениях казалась Хеллстрому настоящей метаморфозой, словно в ту фатальную ночь Салдо действительно унаследовал опыт и мудрость старого Харви. Хеллстром понимал, что ищет в Салдо той же опоры, какую он находил в Харви. Оправдает ли Салдо его ожидания, покажет время. Пока он проявил себя с лучшей стороны, но... Хеллстром встряхнул головой. Трудно полагаться на молодого и неопытного члена из новой ветви во время кризиса, подобного этому. Но на кого еще мог он рассчитывать?

Совет собрался в полдень в экранированной комнате, занимавшей целиком один угол сарая-студии. Внешне вид

у этой комнаты был вполне обычный: овальный стол, окруженный массивными стульями, отделка пластиком, имитирующим тик. Экран во всю стену закрывал один конец комнаты, громкоговоритель с каждого края под потолком и маленькое двойное окно с другого конца, ведущее в проекционную комнату. Стены были драпированы толстой и тяжелой тканью, заглушающей посторонние звуки.

Салдо остался по просьбе Хеллстрорма, когда остальные ушли. Шрам от пули на его челюсти еще не совсем зажил, белея на темной коже. Ястребиные черты расслабились, но решимость горела в его глазах. Хеллстром вспомнил, что Салдо был из той же серии S2a-1 по женской линии. Значит они с Хеллстромом кузены. Молодой человек был выбран из основной ветви и подвергся соответствующей химической обработке. Сейчас Салдо представлял собой превосходное сочетание функциональных характеристик, в которых так сильно нуждался Улей.

— Мы должны быть готовы реагировать быстро, если что-нибудь пойдет не так, как мы планировали, — начал беседу Хеллстром, словно Салдо разделял с ним все его предыдущие раздумья. — Я извещал всех наших представителей во Внешнем мире, что они должны быть готовы действовать самостоятельно в случае нашей гибели. Все записи, касающиеся таких представителей, подготовлены к уничтожению.

— Но все ли случайности предусмотрены? — неуверенно спросил Салдо.

— Этот же вопрос я задаю себе.

— Понятно.

И Салдо подумал: «Наш лидер устал. Ему нужен отдых, но мы не можем его ему позволить». На секунду Салдо почувствовал желание защитить Хеллстрорма.

— Возможно, ты прав, что Перуджи имеет с собой специальное электронное оборудование, — сказал Хеллстром. — Наверняка он будет передавать данные о своем местонахождении на Внешние мониторы. Я уверен в этом.

— Тем людям на горе.

— Им, да. Мы должны узнать характер этого оборудования как можно быстрее.

— Я сделал соответствующие приготовления, — сказал Салдо. — Нильс, тебе следует отдохнуть.

— Нет времени. Перуджи едет сюда, а он только вер-хушка айсберга.

— Чего?

Хеллстром объяснил аллюзию, а затем спросил:

— Сколько людей, по-твоему, сейчас располагается на горе?

— По крайней мере, десять.

— Так много? — Хеллстром покачал головой.

Салдо кивнул, разделяя с Хеллстромом его беспокойство. Мысль о том, что не меньше десяти человек шпионили за Муравейником, тревожила его врожденную осторожность.

— Линк посылал кого-нибудь в горы сыграть туриста? — спросил Салдо.

— Он думает сейчас об этом.

— Линк приведет Перуджи с собой?

— Да. Но мы не должны полагать, что Перуджи ему доверяет.

— Линк в разговоре с Перуджи был не на уровне, это очевидно, — сказал Салдо. — Я слышал его отчет.

— Делай выводы, — сказал Хеллстром. — Неплохо иметь Снаружи своих представителей, включая шерифа, но каждый из них порождает свои проблемы. Чем больше мы открываемся, даже в кажущейся секретности, тем в большей мы опасности.

Салдо отложил в памяти этот урок. За использование агентов приходится платить. Само существование агента говорило о многом в случае его разоблачения. Если Перуджи подозревает в чем-то Линкольна Крафта, это дает ему какую-то информацию о Муравейнике. Салдо решил вспомнить об этом, когда завершится нынешний кризис. У него не было сомнений, что они переселят возникшие перед ними проблемы. Его вера в Хеллстрома была глубокой.

— У Перуджи может иметься устройство слежения за тем, не находится ли он под контролем, — сказал Хеллстром.

— Я дал указания проследить, — ответил Салдо.

Хеллстром кивнул, удовлетворенный. До сих пор Салдо предусмотрел все, чего опасался сам Хеллстром, и даже

кое-что еще. Элитная бридинг-ветвь всегда показывала, чего она стоит в сложных обстоятельствах. Салдо обладал проныцательным умом. Молодой человек приобретет для Муравейника неоценимое значение, когда наберется опыта и уравновесит характер.

— Какое объяснение ты подготовил на случай, если он обнаружит зондаж? — спросил Хеллстром.

— Я хотел бы обсудить это с вами. Положим, в процессе съемок фильма мы делаем звуковую дорожку со сложным микшированием. Это будет прекрасным объяснением электронной активности. Из-за визита Перуджи мы не можем прекращать съемку. У нас график. Любые помехи на оборудовании Перуджи легко можно будет объяснить.

Хеллстром задумчиво кивнул:

— Отлично.

— И я спрошу его, когда он прибудет, есть ли у него радио, потому что оно помешает работе нашего оборудования, — закончил Салдо.

— Можешь приступить к работе, — сказал Хеллстром.

Салдо встал, касаясь кончиками пальцев поверхности стола, и замешкался.

— Да? — спросил Хеллстром.

— Нильс, а у тех, других, не было такого оборудования? Я еще раз изучил магнитные ленты, записи и... — Он пожал плечами, очевидно, не желая критиковать.

— Мы все проверили. Там все чисто.

— Странно, странно то, что у них не было такого оборудования.

— Их не считали важными фигурами, — сказал Хеллстром. — Их послали для того, чтобы посмотреть, будут ли они убиты.

— А-а-а... — Лицо Салдо выражало одновременно понимание и изумление.

— Нам следует лучше узнать Внешних, — сказал Хеллстром, — не очень-то они человечны, эти дикари. Они часто так расходуют своих работников. Те, кто вторгся сюда, были расходуемым материалом. Сейчас я понимаю, что было бы лучше запутать их и отослать прочь с правдоподобной историей.

— Убить их было ошибкой?

— Ошибка — создать ситуацию, когда убить их стало необходимо.

Салдо кивнул, понимая отличие.

— Мы сделали ошибку, — сказал он.

— Я сделал ошибку, — исправил его Хеллстром. — Успехи притупили мою осторожность. Мы всегда должны помнить, что каждый из нас может ошибиться.

Слова Праматери Тровы Хеллстром: «Позвольте мне сказать несколько слов о качестве, называемом нами «осторожность». Там, где мы, по нашему мнению, есть, и там, куда устремлен Муравейник — где-то в таинственном будущем, — существует нечто, отдаленное от того, что мы считаем фактами. Всегда вплетается наша собственная интерпретация. То, что мы, по нашему мнению, делаем, с неизбежностью модифицируется нашим собственным пониманием и его границами. Во-первых, мы фанатики. Мы видим все в терминах Муравейника. Во-вторых, Вселенная имеет тенденцию представляться не тем, что она есть на самом деле. В свете вышесказанного осторожность — это опора на нашу коллективную энергию. Мы должны верить, что Муравейник сам обладает мудростью и проявляет эту мудрость через нас, свои клетки».

Когда они достигли той точки на дороге, откуда Перуджи впервые мог увидеть ферму Хеллстрома, он попросил Крафта остановиться. Шериф затормозил свой зелено-белый пикап, подняв за собой столб пыли, и посмотрел вопросительно на пассажира.

— Что-нибудь не так, мистер Перуджи?

Перуджи просто сжал губы. Крафт интересовал его. Шериф был похож на актера, назначенного на роль. Словно кто-то увидел его и сказал: «Вот этот, мы его сделаем шерифом». Крафт был загорелым, с толстым носом и на-

висающими бровями, бледно-желтыми волосами, скрытыми под широкополой шляпой. Грубо слеппенное лицо венчало столь же грубо сколоченное тело, перемещавшееся дерганой лошадиной походкой. Перуджи видел нескольких людей на главной улице Фостервилля, смутно напоминавших Линкольна Крафта.

Крафт воспринял молчаливую оценку спокойно, зная, что, хотя и является гибридом, выведенным в Муравейнике, его внешний вид не должен вызывать подозрений о его чужеродном происхождении. Отцом Крафта был местный хозяин ранчо, соблазненный в генном рейде женщиной Муравейника. Многие местные жители отмечали его сходство с отцом.

Крафт прочистил горло:

— Мистер Перуджи, я сказал...

— Я помню, что вы сказали.

Перуджи посмотрел на наручные часы: без четверти три. Каждый предлог был использован, чтобы задержать его отъезд — телефонные звонки, внимательное изучение отчета об исчезнувших людях, долгое рассматривание фотографий, вопрос за вопросом и тщательный перенос ответов на бумагу, и все это медленно и скрупулезно. Но всему приходит конец, и вот они здесь, и перед ними открывается вид на ферму. Перуджи почувствовал, как убыстряется его пульс. Воздух был сух и как-то по-особому тих. Даже насекомых не было слышно. Что-то незнакомое чудилось Перуджи в этой тишине. Медленно до его сознания дошло, что здесь нет насекомых, и он спросил Крафта об этом.

Крафт сдвинул шляпу на затылок и вытер рукавом лоб:

— Думаю здесь распылили какую-нибудь гадость.

— Вот как? Неужели это мог сделать Хеллстром? Я слышал, все защитники окружающей среды выступают против этого.

— С чего вы взяли, что док интересуется экологией?

«Внимательней! Внимательней!» — напомнил себе Перуджи и вслух сказал:

— Я и не знал. Думал, что все энтомологи этим интересуются.

— Да? Ну, может быть, и не док. Это еще не его владения.

— Мог кто-то еще?

— Может быть. Или док чем-то еще занимался. Вы меня остановили просто для того, чтобы послушать?

— Нет. Я хочу выйти и побродить здесь. Может быть, мне удастся найти следы машины Карлоса.

— Не вижу в этом смысла, — резко и быстро проговорил Крафт.

— Да? Но почему?

— Если мы решим, что они действительно были здесь, мы прочешем весь район.

— Мне казалось, что я вам сообщил, — сказал Перуджи, — что, по моему мнению, они здесь были. Мне хотелось бы выйти и немного прогуляться.

— Док не любит, когда здесь разгуливают посторонние.

— Но вы же сами сказали, что это не его владения. Разве не так?

— В общем-то...

— Тогда давайте выйдем. — Перуджи положил руку на ручку двери.

— Одну минуту! — приказал Крафт.

Перуджи молча кивнул. Он выяснил, что хотел: Крафт здесь для того, чтобы блокировать любое расследование.

— Хорошо, — сказал Перуджи. — Хеллстром знает о нашем приезде?

Крафт включил зажигание, собираясь продолжить путь, но помедлил. Требование Перуджи смутило его. Первой его мыслью было, что Внешний увидел что-то подозрительное, пропущенное командой чистки. Попытки Перуджи выйти и осмотреть район не сняли возникшее беспокойство. Сейчас Крафту пришла в голову мысль, а не прослушивается ли Перуджи или его людьми телефонная линия, идущая к ферме. Но, впрочем, служба безопасности Муравейника следит за этим особенно строго.

— Знает, если это важно, — сказал Крафт. — Я звонил и попросил его быть на месте. Иногда он находит странные места для своих прогулок. Я хотел подтвердить наше прибытие. Сами знаете, как иметь дело с учеными.

— Нет, не знаю. Как?

— Иногда они заняты своими экспериментами, а посторонние приходят и путают им все.

— Поэтому вы не хотели, чтобы я выходил из машины?

Крафт ответил с видимым облегчением:

— Конечно. Кроме того, док снимает фильмы. Он сильно раздражается, если ему в этом мешают. Зачем портить добрые отношения с соседями?

— Вы полагаете, он может выставить охрану или что-нибудь в этом роде?

— Не-е-ет. Все местные жители знают о его работе. Мы стараемся держаться подальше от этого места.

— В чем проявляется его раздражение, если кто-то помешает эксперименту или съемкам фильма? — спросил Перуджи.— Он что, стреляет?

— Ничего похожего. Док членовредительством не занимается. Но он может быть груб. И у него есть могущественные друзья. Так что с ним лучше не ссориться.

«Это верно, — подумал Перуджи. — И этим может объясняться странное поведение местных властей. Работа Крафта, наверно, чистая синекура. Ему, похоже, совсем не хочется ее терять».

Вслух Перуджи сказал:

— О'кей. Давайте посмотрим, сумеем ли мы с ним не поссориться.

— Да, сэр!

Машина тронулась, и Крафт постарался вести себя по возможности так, словно ничего не происходит. Инструкции Хеллстрома были четкими: это рутинное расследование каких-то пропавших людей. Необходимо оказывать всемерную помощь.

Перуджи восхитили строения фермы, когда они подъехали к северным воротам. Ферму строили в то время, когда материалы тратили, не ведая проблем со снабжением. Ни одного сучка не было заметно в бревнах наружной части жилого дома или сарая, хотя дерево давно потемнело от времени и его следовало бы покрасить. «Кстати, почему это не сделано?» — подумал Перуджи.

Крафт остановился у ограды прямо перед воротами.

— Дальше пешком. Док не любит, когда машины подъезжают к постройкам.

— Почему?

— Что-то связанное с его работой, полагаю.

— Им бы следовало покрасить здесь все, — сказал Перуджи, выходя из машины.

Крафт вышел, закрыл дверцу и ответил поверх машины:

— Я слышал, док пропитал здесь все бревна специальной жидкостью. Дерево стало выглядеть старым. Не так плохо.

— Вот как? — Перуджи подошел к воротам. — Что это за бетонные строения вон там?

Он показал на приземистую конструкцию по левую сторону от ворот.

— Может быть, водокачка, судя по размерам. Или что-то, связанное с работой дока. Я никогда его не спрашивал.

Крафт внимательно посмотрел на Перуджи. Бетонная конструкция вмещала в себя аварийную вентиляционную систему, которую можно было открыть взрывами и которая была рядом с помпой. В этом районе расположено еще несколько подобных конструкций, но они были закомуфлированы.

— Хеллстром женат? — спросил Перуджи.

Крафт открыл ворота, после чего ответил:

— Сказать по правде, я не знаю. — Он посторонился, пропуская Перуджи, и закрыл за ним ворота. — Здесь иногда бывают хорошенькие девочки. Для фильмов, надо полагать. Может быть, он считает, что нет необходимости покупать корову, если молока хоть залейся. — Крафт ухмыльнулся и добавил: — Пойдемте к ферме.

Перуджи передернуло, когда он зашагал вслед за шерифом. Шутка ему показалась грубоватой. Этот шериф не был ни чистым ковбоем, ни просто деревенщиной и никем в частности. Крафт переигрывал, стараясь казаться деревенским парнем. Временами столь явно, что остальное отходило на второй план. Перуджи раньше хотел понаблюдать за шерифом повнимательнее, но сейчас он решил усилить свою осторожность.

— Место выглядит слегка запущенным, — сказал Перуджи, пытаясь подладиться под широкий шаг Крафта. Не-

смотря на дерганость походки, шериф двигался с решимостью, под которой скрывалось его нежелание позволить Перуджи осмотреться по сторонам.

— Мне так не кажется, — сказал Крафт. — Они держат ферму в чистоте.

— Они много занимаются хозяйством?

— Нет, не очень. Кое-кто из тех, кто живет там, сеет кукурузу и что-то сажает по весне, но в общем баловство одно. Большинство из них городские жители. Они приезжают сюда из Голливуда или из Нью-Йорка, тарашат на нас глаза и играют в фермеров.

— У Хеллстрома много посетителей? — Перуджи поддел ногой пучок травы. Сухой, горячий воздух смутно беспокоил его. До его слуха доносился еле слышный гул, чувствовался слабый запах животных, какой бывает в зоопарке. Этот запах так не ощущался за оградой, но становился все сильнее по мере того, как они углублялись в небольшую долину. От ручья справа виднелась только узкая полоска воды. Ручей по большей части состоял из луж и лужиц, соединяемых узкими протоками, полными водорослей, еле колеблемых тихим течением. Где-то выше в долине, однако, находился небольшой водопад.

— Посетителей? — переспросил Крафт после долгой паузы. — Иногда место кишит ими. Куда ни плюнь. А иногда не более десяти-двенадцати человек.

— Что это за запах? — спросил Перуджи.

— Какой запах? — сказал Крафт, затем понял, что Перуджи имеет в виду запах Муравейника, который, несмотря на вентиляцию, все же всегда чувствовался в долине. Крафту этот запах скорее нравился. Он напоминал ему о детстве.

— Запах животных! — повторил Перуджи.

— А, этот. Возможно, связан с занятиями дока. Он держит мышей и всякую живность в клетках. Я видел их однажды. Настоящий зверинец.

— А этот водопад круглогодичный?

— Да. Довольно мило, а?

— Если вам такие вещи нравятся. Куда девается вода? Ручеек довольно слабый внизу.

Крафт посмотрел на него, и Перуджи остановился.

— Наверно, почва впитывает ее, — сказал Крафт. Ему не терпелось двигаться дальше, но не находилось убедительного аргумента. — Часть ее, может быть, использует док для ирригации, охлаждения и тому подобного. Я не знаю. Мы идем, а?

— Одну минуту, — сказал Перуджи. — Вы сказали, мне помнится, что Хеллстром не увлечен сельским хозяйством.

— Да! Но для других его нужд требуется вода. Почему этот ручей вас так интересует?

— Меня здесь все интересует, — сказал Перуджи. — Что-то здесь не *так*, в этом месте. Нет насекомых. Я не видел ни одной птицы.

Крафт нервно сглотнул. Наверно, недавно была проведена ночная чистка. Заметил-таки отсутствие местной фауны!

— В жару птицы часто прячутся в прохладных местах, — рискнул сказать он.

— Неужели это так?

— Разве ваш друг-орнитолог не говорил вам об этом?

— Нет, — Перуджи посмотрел вокруг себя, стараясь не упустить ни единой детали. Быстрое и резкое движение его головы и глаз встревожило Крафта. — Но что он сказал, так это то, что есть животные или птицы на каждое время дня или ночи. Я не верю, что птицы прячутся, их не слышно. Здесь нет ни птиц, ни насекомых.

— Тогда что ваш друг здесь делал? — спросил Крафт. — Если здесь нет птиц, за кем он наблюдал?

«Хм, дружище, не так быстро, — подумал Перуджи. — Мы не готовы еще снимать перчатки». Сейчас он убедился окончательно, что Крафт — в команде Хеллстрома.

— Карлос, вероятно, заметил отсутствие птиц и решил выяснить причину. Если он ее выяснил, то кому-то это могло не понравиться, что и объясняет его исчезновение.

— Вы подозрительны, — сказал Крафт.

— А вы нет? — спросил Перуджи. Он пошел в сторону ив у излучины ручья, вынуждая Крафта следовать за собой. — Кто он такой, этот Хеллстром, *шериф*?

Крафту не понравилось обращение шериф в таком тоне, но он постарался этого не показать.

— О, обычный, ничем не примечательный тип ученого.

Перуджи отметил, что голос Крафта звучал так же спокойно и рассудительно, но что-то в его фигуре, особенно в настороженном повороте головы, глазах, говорило о лживости этой надетой маски. Перуджи кивнул, словно обдумывая его слова, молчанием подталкивая его продолжать.

— Они все немного сумасшедшие, конечно, — сказал Крафт, — но не опасные.

— Я никогда не соглашался с таким портретом безвредного ученого не от мира сего, — сказал Перуджи. — Не думаю, что они все невинные и безвредные. Для меня, ни один физик-атомщик не заслуживает полного доверия.

— О, здесь не тот случай, мистер Перуджи. — Крафт пытался выглядеть веселым и сердечным. — Док делает фильмы о букашках. Образовательные. Думаю, худшие его преступления — это привозить сюда хорошеньких девочек в лунные ночи.

— Даже наркотики не употребляет? — давил Перуджи.

— Вы верите всей этой чепухе о Голливуде? — спросил Крафт.

— Не всему, но...

— Готов поставить последний доллар, что док чист, — сказал Крафт.

— Вот как? — сказал Перуджи. — Сколько случаев пропажи людей в этом районе зарегистрировано за последние, скажем, двадцать пять лет?

Крафта словно током ударило: он видел все старые записи! Нилс был прав насчет него, даже ни разу его не увидел. Внешние на этот раз прислали умного и проницательного человека. Перуджи знал все ошибки, сделанные Муравейником раньше. Плохо, плохо, плохо... Чтобы спрятать волнение, Крафт повернулся и вновь зашагал в сторону построек, теперь уже совсем близких.

— Зависит от того, кого называть пропавшим, — сказал он и добавил, увидев, что Перуджи продолжает стоять в тени, отбрасываемой ивами: — Идемте! Мы не можем заставлять дока ждать.

Перуджи последовал за ним, подавляя улыбку. Шерифа было видно насквозь. Крафта потрясло упоминание о пропавших людях. Да, это совсем не тот, ничем не примечательный тип шерифа. В голове Перуджи вещи стали укладываться на свои места. Здесь были потеряны три агента, пытавшиеся разъяснить подозрение. Выявление шерифа, не бывшего шерифом, придало этому подозрению новую размерность. Все-таки достигнуто какое-то продвижение. Перуджи подумал: Хеллстром понял, что мы готовы дорого заплатить за доступ к «Проекту 40». Сейчас время узнать, сколько готов заплатить он.

— Мне всегда казалось, что пропавший человек — это пропавший человек, — сказал Перуджи в квадратную спину Крафта.

Крафт ответил, не оборачиваясь:

— Не совсем так. Некоторые хотят пропасть. Сбежать от жены, от работы — то есть, они практически пропадают. Я не говорю о вашем приятеле. Когда я говорю «пропавший человек», то имею в виду человека, действительно попавшего в опасное положение.

— И вы не думаете, что в такое опасное положение можно попасть здесь?

— Это же не Дикий Запад, — сказал Крафт. — Здесь спокойней, чем во многих ваших городах. Здесь мало кто двери запирает. С ключами хлопот не оберешься. — Он ухмыльнулся через плечо. — Кроме того, мы любим обтягивающую одежду и для карманов просто мало места.

Они проходили мимо дома. Футах в шестидесяти впереди них за голым пустырем, покрытым грязью, угрожающе нависала громада сарая. Старая ограда, от которой остались одни столбы, разделяла этот пустырь. В эркере выступающего в сторону ручья крыла дома висели пожелтевшие занавески, но само здание, казалось, было давно заброшено. Перуджи оно заинтриговало. Пустое? Почему? Дома принято использовать. Жил ли здесь Хеллстром со своей съемочной группой? Может быть, они здесь обедают? Почему не слышен звон посуды, кастрюль и прочего? Он вспомнил замечание Портера о странностях. Очень точное замечание. На ферме бросалось в глаза не наличие чего-то, а, скорее, его отсутствие.

Впрочем, сейчас имелся и один определенный сигнал — кислый запах. Сначала он подумал о фотохимикалиях, но тут же отбросил это предположение. Запах был слишком резкий и прилипчивый. Может быть, что-то связанное с насекомыми?

Дверь на шарнирах была врезана в старую задвижную дверь. Когда Перуджи и Крафт приблизились, меньшая дверь открылась и навстречу им вышел сам Хеллстром. Перуджи узнал его по фотографиям, имевшимся в Агентстве. На нем была белая рубашка с высоким воротом и серые брюки. Ноги были обуты в открытые сандалии. Его светлые и не слишком густые волосы казались взъерошенными ветром и затем второпях приглаженными рукой.

— Привет, Линк, — сказал Хеллстром.

— Привет, док.

Крафт подошел к Хеллstromу и пожал ему руку. У Перуджи, следовавшего за ним, сложилось странное впечатление отрепетированного действия.

Перуджи стал в сторону, заняв позицию, с которой ему была видна дверь сарая, оставленная слегка приоткрытой. Сквозь щель ничего не было видно, кроме темноты.

Хеллstromа это, казалось, позабавило. Он улыбнулся, когда Крафт представлял его Перуджи. Рука Хеллstromа показалась холодной и сухой. Чувствовалась расслабленная сила. «Он хорошо себя держит», — отметил Перуджи.

— Вас заинтересовала наша студия? — сказал Хеллстром, кивая в сторону двери в направлении взгляда Перуджи.

Перуджи подумал: «Не такой уж ты хладнокровный!» А вслух сказал:

— Я никогда не видел студий, где снимают фильмы.

— Линк передал мне по телефону, что вы ищете одного из своих служащих, который мог затеряться в этом районе, — сказал Хеллстром.

— Да. — Перуджи удивляло, почему он не видит ничего за дверью. Ему доводилось посещать студии в Голливуде, и он помнил впечатление организованного беспорядка: яркий свет, девушки, камеры, суется люди, затем моменты тишины, когда начинались съемки.

— Вы не видели в округе кого-нибудь подозрительного, док? — спросил Крафт.

— Никого, кроме моих людей, — сказал Хеллстром. — Никаких посторонних, во всяком случае, в последнее время. Когда эти люди предположительно пропали?

— С неделю, — сказал Перуджи, вновь обращая свое внимание на Хеллстрома.

— Совсем недавно! — сказал Хеллстром. — Ха. А вы уверены, что они не продолжают свой отпуск где-нибудь еще?

— Абсолютно уверен, — ответил Перуджи.

— Ну что же, можете походить здесь в окрестностях, — сказал Хеллстром. — Мы были сильно заняты в последнее время, но посторонних мы бы заметили. Мы следим, чтобы никто не мог помешать случайно нашей работе. Не думаю, что вам удастся найти следы ваших людей в этом районе.

Крафт заметно расслабился, соображая: если Нильс считает, что чистка была качественной, значит, так оно и есть.

— Вот как? — Перуджи сжал губы. Ему неожиданно пришла в голову мысль, что их беседа имела несколько уровней. Он и Хеллстром об этом знали. По всей видимости, шериф тоже. Различные вплетения в текст предложений были очевидны. Ему предложено побродить по окрестностям, но найти чего-то инкриминирующего ему не удастся. Никто посторонний не может незаметно проникнуть на ферму. Хеллстром был уверен, что его *связи* не позволяли выйти конфликту на поверхность. Перуджи, со своей стороны, дал понять, что ему известны случаи исчезновения людей в непосредственной близости от фермы. Между прочим, Хеллстром этого не отрицал, он просто указал на бесполезность поиска. Какие, однако, будут сделаны ставки в этой игре?

— Шериф Крафт сообщил мне, что вы работаете в компании, занятой изготовлением всякой пиротехники, — сказал Хеллстром.

— У нас разные интересы, мистер Хеллстром. Мы также заинтересованы в металлургии, особенно в новых производственных процессах. Также ищем потенциально ценные изобретения.

Хеллстром пристально посмотрел на него:

— Не хотите ли осмотреть студию? Мы сейчас очень заняты, выбились из графика. — Он повернулся, но в последнюю секунду удержался, словно какая-то мысль только что пришла ему в голову:

— Да, я надеюсь, у вас нет с собой радио или чего-нибудь в этом роде. При получении смешанных звуков мы используем коротковолновые передатчики. Другие устройства могут помешать нашей работе.

«Сукин сын! — подумал Перуджи. Он небрежно сложил руки перед собой, левое запястье в правой ладони, и включил миниатюрный наручный передатчик, подумав при этом: — Если ты думаешь, что сможешь играть со мной в свои детские игры, то ошибаешься. Я здесь, и увижу больше, чем ты ожидаешь».

Хеллстром, заметив движение рук Перуджи и догадываясь о причине, пытался понять смысл странных слов Чужака о разнообразных интересах, металлургии и новых изобретениях. Что общего в этом может быть с «Проектом 40»?

Слова Тровы Хеллстром: *«Что бы мы ни делали в выращивании требуемых нам бридинг-специалистов, мы всегда должны включать в этот процесс людей, предпочитая это хирургическому вмешательству. Сексуальный штамм допускается постольку, поскольку мы включаем в практику природный генетический материал. Ко всему, связанному с генной хирургией и генной инженерией, следует подходить с удвоенной осторожностью. Мы, во-первых и прежде всего, люди, и мы никогда не должны забывать нашего животного происхождения. Кем бы мы ни были, мы не боги. И что бы ни представляла собой Вселенная, очевидно, что основана она на случайности».*

— Он не передает, — сказал Джанверт, манипулируя дисками своих инструментов. Он сидел в зашторенном вагончике перед приемником, стоящим на полке бывшей кухни. Потное тело Ника Мэрли склонилось над ним. Грубые черты лица здоровяка пересекла глубокая морщина.

— Что, по-твоему, могло с ним случиться? — с тревогой спросил Мэрли.

— Думаю, он сам его отключил.

— Черт возьми! Почему?

— Последнее, что я слышал, — Джанверт постучал по магнитофону, находящемуся над радио, — были слова Хеллстрема о нежелательности постороннего радиооборудования в студии.

— Чертовски рискованно отключать передатчик, — сказал Мэрли.

— Я бы сделал то же самое, — сказал Джанверт. — Ему надо попасть внутрь студии.

— Но...

— Заткнись! Кловис все еще снаружи со своим перископом?

— Да, — ответил Мэрли обиженно. Он знал, что Джанверт был заместителем Перуджи в этом деле, но его раздражало такое обращение со стороны карлика.

— Узнай, что она там видит.

— У этой штуковины только двадцатикратное увеличение, да и дымка мешает.

— Неважно. Скажи ей, что случилось.

— Ладно.

Домик заскрипел и слегка подпрыгнул, когда грузное тело Мэрли исчезло за дверью.

Джанверт, приподнявший наушник с правого уха, чтобы слышать Мэрли, опустил его на место и уставился неподвижным взглядом в приемник. Что хотел сказать Перуджи своей последней фразой? Металлургия? Новые изобретения?

Слова Тровы Хеллстром: «Наше будущее состоит в полном приручении людей. Следовательно, все Внешние человеческие формы следует рассматривать дикими. В процессе приручения мы с неизбежностью введем многообразие человеческих типов в нашу социальную схему. Вне зависимости от объема внесенного многообразия никогда не должно быть утеряно осознание важности нашего единства. Праматерь и высшие от-

личаются лишь внешне от работников самого низкого уровня. Если кто-либо из наиболее высокопоставленных среди нас захочет вознести молитву, то в ней он должен вознести благодарность за то, что среди нас есть работники. Похвально, увидев простого работника, подумать, что он, если не считать еду и квалификацию, это я».

Войдя в студию через двойные двери, что объясняло причину, почему он ничего не мог разглядеть со двора, Перуджи ощутил какую-то странность в звуках и движениях. Зловонный животный запах здесь чувствовался очень сильно. Он приписал его странной структуре за стеклом по левую руку, за которой можно было различить животных в клетках. Он узнал мышей, гвинейских свиней и обезьян.

Во всех кинокомпаниях, в которых Перуджи доводилось бывать раньше, он отмечал особую тишину, наступавшую, когда энергия всей группы таинственным каналом направлялась в линзы камеры. Здесь, однако, все было по-иному. Никто не ходил на цыпочках. Все, кто двигался, двигались в непринужденном молчании, говорившем о том, что они считали это нормальным. Дверь глушила непрекращающееся гудение, столь раздражающе заметное снаружи, но здесь ему заменой служил еле слышимый слабый шорох.

Работала как будто только одна съемочная группа. Они сгрудились в углу справа от Перуджи и занимались со стеклянным контейнером со стороны в три фута. Стекло отражало горячие куски света.

Хеллстром просил Перуджи не говорить без предупреждения, но Перуджи указал на группу в углу и поднял брови в немом вопросе.

Нагнувшись, Хеллстром прошептал:

— Мы снимаем артикуляцию частей насекомых в новом ракурсе. Увеличенное изображение. Линзы внутри этого ящика, нужного для установления особого климата для насекомых.

Перуджи кивнул, хотя и не понял, почему надо сохранять при этом тишину. Неужели сейчас они озвучивали фильм? Это казалось сомнительным, но его знания в этом вопросе

были минимальными, в лучшем случае только те, что ему удалось получить при поспешной подготовке к заданию, и он не стал задавать громких вопросов. Хеллстром будет только рад поводу попросить его из студии. Нервозность его стала заметной, когда они вошли в студию.

С Хеллстромом во главе и Крафтом позади они пересекли по диагонали центр студии. Как всегда, когда Внешний находился столь близко к сердцу Муравейника, Хеллстром не мог полностью избавиться от нервозности. Территориальное сознание сидело в нем слишком глубоко. И Перуджи источал запахи Внешнего. Он не принадлежал этому месту. Крафту, идущему сзади, было, наверное, еще хуже. Он никогда не сопровождал Внешнего в эти пределы. Работающие группы вроде бы вели себя нормально. Они не могли не чувствовать присутствие Внешнего как постоянный раздражитель их сознания, но тренинг позволял им скрывать свои реакции. Все шло в ровном темпе.

Перуджи заметил движение людей вокруг них: пересекая их путь по диагонали, рядом с ними, в углах похожей на пещеру студии, каждый как будто занимался своим делом и бросил не более одного спокойного взгляда на трио, но Перуджи не мог отделаться от ощущения, что его буквально просвечивают. Он посмотрел вверх. Яркие лампы располагались в нижней части студии и погружали верх в глубокую тень, где невозможно было ничего разглядеть. Было это сделано умышленно? Прятали ли они что-нибудь наверху?

В этот момент клеть, по крутой спирали пошедшая вниз, отвлекла его внимание, и он споткнулся о сложенный витками в круг кабель. Он бы наверно упал, если бы Крафт не прыгнул вперед и не схватил его за руку. Шериф помог ему обрести равновесие и приложил пальцы к губам. Крафт отпустил руку Перуджи неохотно. Ему казалось более надежным контролировать руку Чужака. Крафта терзали мучительные сомнения. Нильс играл с огнем. Здесь, на студийном полу, были безголосые работники. Разумеется, они настроены на черную работу, но их присутствие могло кончиться взрывом. Что если один из них отреагирует на Внешнего? Запах этого человека провоцировал.

Перуджи, видя, что впереди больше нет препятствий,

вновь посмотрел на клеть. Она опускалась из таинственного мрака, и опускалась при полной тишине, в сторону декорации в углу. В клетке находилась женщина в белом халате. У нее была поразительно бледная кожа, и белизна эта еще подчеркивалась смолянисто-черными волосами, собранными у шеи в простой пучок. Колыхающиеся от быстрого движения клетки складки ее халата говорили о том, что под ним ничего не было.

Крафт подтолкнул Перуджи, заставляя его идти быстрее. Неохотно Перуджи прибавил шаг. Было что-то магнетически-привлекательное в этой бледнокожей женщине, и ее образ не выходил у него из головы. Ее овальное лицо мадонны под копной черных волос. Руки, выходящие из коротких рукавов халата, были слегка полноватыми, но предполагали чувственную мягкость, а не тучность.

Хеллстром стоял сейчас у двери в конструкции, воздвигнутой отдельным блоком с плоской крышей внутри студии. За плоской крышей стена уходила вверх. Перуджи подумал, что эта стена разделяла сарай наполовину по его длине. Хотелось бы ему знать, что там, за этой стеной. Он проследовал за Хеллстромом в тускло освещенную комнату, где толстое стекло с высоты талии уходило вверх под потолок, открывая вид внутрь двух помещений. За одной стеклянной перегородкой располагалась небольшая студия, где насекомые свободно летали и прыгали вперед-назад в голубом свете — белые, большекрылые мотыльки, судя по внешнему виду. За другим окном в полутемной комнате несколько мужчин и женщин работали у длинного изогнутого стола, на котором перед каждым из них располагались небольшие экраны, показывающие мельчайшие движения. Комната напомнила Перуджи телевизионную студию.

Крафт закрыл за ним дверь и сделал три шага вперед, после чего застыл на месте, скрестив руки на груди, словно стоя на страже. В дальнем правом углу находилась другая комната, отметил Перуджи, но она вела в комнату с экранами. Вновь Перуджи ощутил, что обстановка не полностью соответствовала его представлению о том, какой должна быть киностудия.

Здесь тоже был небольшой продолговатый стол с четырьмя

стульями вокруг него, и Хеллстром взял дальний стул и заговорил спокойным голосом.

— Люди, которых вы видите в темной комнате, микшируют несколько источников звука для комбинированной фонограммы. Довольно сложная работа.

Перуджи изучал людей в темной комнате, пытаясь понять причину странного впечатления, которое они на него производили. Внезапно он понял, что шесть мужчин у дуги экранов и три женщины, стоявшие в дальнем конце, настолько походили друг на друга, что казались членами одной семьи. Он снова перебрал взглядом лица, освещенные слабым светом. Пять мужчин и три женщины походили не только белой униформой, но и короткими светлыми волосами, и узкими лицами, на которых выделялись большие глаза. Женщины отличались от них только хорошо развитым бюстом и более мягкими чертами лица. Единственный мужчина, не похожий на остальных, также был блондином и кого-то напомнил Перуджи. А напоминал он, как почти сразу понял Перуджи, самого Хеллстрома.

Пока все это проносилось в голове Перуджи, открылась дверь позади Крафта, и вошла молодая женщина, которую он видел спускающейся в клетки. «Во всяком случае, — предостерег себя Перуджи, — она кажется той самой женщиной».

— Фэнси, — сказал Хеллстром быстро и тревожно. «Почему она здесь?» — спросил он затем себя. Он не посылал за ней, и ему не понравилось вкрадчивое выражение ее лица.

Крафт отступил в сторону, неохотно давая ей пройти. Перуджи смотрел на нее, отмечая овал лица, почти как у куклы, сексуальное тело, которым она управляла с полным осознанием его линий, под тонкой тканью. Ее внимание было обращено на Хеллстрома, с которым она разговаривала, но не было сомнений, что играла она для Перуджи.

— Эд послал меня, — сказала она. — Он просил передать, что кадры с москитами необходимо переснять. Москиты были возбуждены, но вы меня не послушались.

Здесь, как будто впервые обнаружив присутствие Перуджи, она подошла к нему и спросила:

— Кто это?

— Это мистер Перуджи, — сказал Хеллстром с явной нотой предостережения в голосе. «Что задумала Фэнси?»

— Привет, мистер Перуджи, — сказала она игривым тоном. — Меня зовут Фэнси.

Хеллстром внимательно следил за ней. Что она сделала? Он втянул в себя носом воздух, показывая недовольство, и ощутил приятный запах снадобий, которыми себя напичкала Фэнси. Она пыталась возбудить Перуджи. Но зачем? Впрочем, ее усилия даром не пропали. Перуджи взволновала близость этой женщины, и он не мог объяснить неожиданный и странный магнетизм этого влечения. Ни один дикий Внешний не мог распознать простую химическую подоплеку ситуации. Крафт тоже моментально подпал под влияние ее мощной сексуальности, но жест Хеллстрома насторожил его. Крафту, давно исключенному из ежедневных контактов, потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Перуджи, однако, в себя не приходил.

Хеллстром прикидывал, позволить ли этому продолжаться. Она играла в опасную игру и действовала не по инструкции. Хотелось бы, конечно, иметь гены Перуджи, но...

Перуджи находился в полушоковом состоянии. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь сексуальное возбуждение охватывало его так быстро и так пронзительно. Женщина чувствовала это тоже. Она хотела его. Перуджи слабо удивился, а не сделали ли с ним чего-нибудь эти люди, но тут же отбросил эту мысль. До его сознания с трудом дошел ее вопрос, собирается ли он остаться на ночь здесь?

— Я ночую в городе, — с трудом ответил Перуджи.

Фэнси посмотрела на Хеллстрома:

— Нильс, почему бы не пригласить мистера Перуджи заночевать у нас?

— Мистер Перуджи здесь по делу, — сказал Хеллстром. — Думаю, он предпочтет провести ночь у себя.

Перуджи ничего не хотел больше, чем провести ночь с этой соблазнительной женщиной, но начал чувствовать внутреннюю тревогу.

— Вы просто старомодны, — сказала Фэнси Хеллstromу. Она снова посмотрела в глаза Перуджи. — Вы заняты в фильмах, мистер Перуджи?

Он попытался освободиться от окутавшей его ауры сексуальности, попытался думать трезво.

— Нет. Я... я, хм, ищу кое-каких друзей, одного своего служащего и его жену, которые пропали где-то в этом районе.

— О, надеюсь, с ними ничего не случилось, — сказала она.

Хеллстром встал из-за стола и подошел к Перуджи:

— Фэнси, мы *должны* заняться делом, — обратился он к женщине.

Перуджи попытался облизать губы, в горле у него пересохло, во всем теле чувствовалась слабость. Прелестная маленькая ведьма! Уж не по заказу ли она все это сыграла?

Хеллстром посмотрел на Крафта, не зная, как ему избавиться от Фэнси. Она действительно накачалась, сумасшедшая! Что она делает? Он заговорил с ней ровным, но командным голосом:

— Фэнси, тебе лучше вернуться к своим обязанностям. Скажи, что я хочу, чтобы особое внимание было уделено первоочередным задачам, и скажи Эду, что я буду готов к повторной съемке ближе к ночи.

Фэнси расслабилась и отступила на шаг. Она возбуждала Перуджи и знала об этом. Перуджи едва не последовал за ней, когда она отходила от него. Он не сорвется. Фэнси сказала:

— Ты думаешь только о работе. Постороннему может показаться, что ты старый и скучный рабочий, тянувший свою лямку изо дня в день.

Хеллстром понял, что она насмехается над ним.

Но все-таки Фэнси послушалась, возобладало воспитание Муравейника. Она медленно повернулась, пошла к двери, бросив один быстрый взгляд на Крафта, открыла ее и задержалась на секунду, чтобы еще раз посмотреть на Перуджи. Затем Фэнси ему улыбнулась, робко и приглашающе, и вышла, мягко закрыв за собой дверь.

Перуджи прокашлялся.

Хеллстром изучающе смотрел на Перуджи. Он явно с трудом приходил в себя, что не было удивительно: так вооружила себя Фэнси для этой атаки. Это была атака,

понял Хеллстром. Чистая атака. Фэнси хотела заполучить Перуджи, спариться с ним.

— Она... очень привлекательная женщина, — сказал Перуджи хриплым голосом.

— Не зайти ли нам в дом и не выпить ли чашечку кофе? — Хеллстром испытал внезапную симпатию к Перуджи. Бедняге неоткуда было знать, что с ним случилось.

— Хорошее предложение, — сказал Перуджи, — но мы собирались взглянуть на студию.

— Разве вы ее уже не видели?

— Это вся студия?

— Ну, конечно, у нас есть обычное технологическое оборудование, — сказал Хеллстром. — Кое-что из него слишком специального характера, чтобы показывать обычным посетителям, но у нас есть костюмерная и одна из лучших лабораторий. Наша коллекция редких насекомых не имеет себе равных в мире. Мы могли бы вам показать что-нибудь из нашей продукции, если хотите, просто, чтобы вы имели представление о характере нашей деятельности, но только не сегодня. Очень плотный график. Надеюсь, вы нас поймете.

Крафт подхватил намек:

— Мы вас задерживаем, док? Я знаю, насколько важна ваша работа. Мы приехали просто узнать, не видел ли кто-нибудь из ваших людей друзей мистера Перуджи.

— Я обязательно расспрошу их, — заверил Хеллстром. — Почему бы вам не заглянуть к нам завтра, мистер Перуджи, на ленч? Может быть, у меня будут для вас новости к этому времени.

— Благодарю за предложение, — сказал Перуджи. — Когда?

— Часов в одиннадцать вас устроит?

— Да. Может быть, кто-то из ваших людей захочет узнать о моей компании? У нас *исключительный* интерес к металлургии и новым изобретениям.

«Опять!» — подумал Хеллстром и сказал:

— Если вы будете здесь в одиннадцать, то у вас в запасе будет целый час до ленча. Я попрошу кого-нибудь показать вам, что у нас есть интересного — костюмерную, насекомых.

Он любезно улыбнулся.

«Может быть, моим гидом будет Фэнси?» — подумал Перуджи, чувствуя, как забилося его сердце.

— Жду с нетерпением этого момента. Ну а пока, надеюсь, вы не будете возражать, если я позову кого-нибудь на помощь и осматриву сам?

Хеллстром отметил, как напрягся Крафт, и быстро проговорил:

— Надеюсь, все-таки, не на ферме, мистер Перуджи. Мы готовимся снимать на открытом воздухе, пока позволяет погода. Не очень-то приятно, когда кто-нибудь спотыкается о декорации и задерживает съемки. Думаю, вы понимаете, сколь дорогостоящи подобные задержки.

— О, да, конечно, — сказал Перуджи. — Я хотел только осмотреть некоторые районы вокруг вашей фермы. В письме Карлоса было указано именно это место. Может быть, нам что-нибудь удастся найти.

Чувствуя нарастающую у Хеллстрома тревогу, Крафт произнес начальственным тоном:

— Мы не хотим, чтобы вы мешали официальному расследованию, мистер Перуджи. Любители могут уничтожить все следы...

— О, у меня будут лучшие профессионалы, каких только можно себе пожелать, — сказал Перуджи. — Можете на меня положиться. Они никак не помешают официальному расследованию. И я вас уверяю, они не помешают съемкам. Вам не останется ничего, кроме как восхититься их профессионализмом, мистер Крафт.

— Похоже, вы не считаетесь с расходами, — пробормотал Крафт.

— Расходы не служат в данном случае препятствием, — легко согласился Перуджи. Ему неожиданно стало весело. Эта парочка попала на крючок. Они это знали тоже. — Мы собираемся узнать, что же все-таки случилось с нашими людьми.

«Довольно откровенный вызов», — подумал Хеллстром, а вслух сказал:

— Конечно, мы сочувствуем вам. Но наши непосредственные проблемы отодвигают остальное на второй план. Мы отключаемся от всего второстепенного, когда под угрозой план съемок.

Перуджи ощутил, что начинает освобождаться от впечатления, произведенного на него Фэнси, и теперь им начали овладевать тревога и гнев. Хотели купить его на этой шлюхе! Он сказал:

— Я понимаю ситуацию, Хеллстром. И я собираюсь просить руководство задействовать все наличные людские ресурсы на нахождение наших людей.

Крафт посмотрел на Хеллстрома, ища подсказки.

Хеллстром заговорил, однако, ровным голосом:

— Мы понимаем друг друга, не так ли, мистер Перуджи? — Он бросил взгляд на Крафта. — Проследите, чтобы нарушители границ частных владений нас не беспокоили.

Крафт кивнул. Что хотел сказать Хеллстром? Как он мог остановить армию ищек? Перуджи собирался обращаться в ФБР. Эта сволочь ясно сказал об этом, только не называя имена.

— Тогда до завтра, — сказал Перуджи.

— Линк знает дорогу, — сказал Хеллстром. — Надеюсь, вы простите меня, если я вас не провожу. У меня действительно очень много работы.

— Конечно, — согласился Перуджи. — Я уже заметил, как хорошо шериф Крафт ориентируется на ферме.

Глаза Хеллстрома сверкнули, когда он посылал предупреждающий сигнал Крафту.

— Мы всегда приветствовали посещение фермы представителями местных властей, — сказал Хеллстром. — Увидимся завтра, мистер Перуджи.

— Я уверен в этом.

Перуджи в сопровождении Крафта направился к двери, открыл ее и буквально столкнулся с Фэнси. Он обхватил ее рукой, удерживая от падения. Не было сомнений, что халат был надет на голое тело. Она прижалась к нему, когда он отбросил руку от неожиданности.

Крафт оттащил ее в сторону.

— С тобой все в порядке, Фэнси?

— *Со мной*, да, — ответила она, улыбаясь Перуджи.

— Прошу прощения за мою неловкость, — сказал Перуджи.

— Вам не за что извиняться, — не растерялась Фэнси.

— У нас уже достаточно суматохи, Линк. Проводите мистера Перуджи, — тихо проговорил Хеллстром.

Они выходили торопливо, Перуджи в явном замешательстве. У него сложилось безошибочное впечатление, что Фэнси была готова опрокинуть его на спину и оседлать прямо на месте!

Хеллстром подождал, пока закроется дверь за Крафтом и Перуджи, затем повернулся и вопрошающе посмотрел на Фэнси.

— Он готов, — сказала она.

— Фэнси, что ты делаешь?

— Домашнюю работу.

Хеллстром неожиданно отметил, как пополнели ее щеки, как растянули ее плечи ткань халата. Он сказал:

— Фэнси, ты собираешься стать Праматерью?

— После Тровы у нас не было ни одной, — ответила она.

— И ты знаешь почему!

— Вся эта чепуха о том, что Праматерь возбуждает!

— Это не чепуха, и тебе это известно!

— Некоторые из нас думают иначе. Мы полагаем, что Муравейник способен роиться и без Праматери, и это может привести к катастрофе.

— Фэнси, ты полагаешь, мы плохо знаем свое дело? Муравейник должен воспроизвести еще по меньшей мере десять тысяч работников, прежде чем результаты станут заметными.

— Они заметны уже сейчас, — сказала она и потерла рукой об руку. — Кое-кто из нас уже чувствует их.

Комментарий к фильму: «В фильме показана клетка насекомого, развитие яйца и, наконец, появление гусеницы. Какая поразительная метафора. Мы появляемся из тела родителя, дикие создания, называемые людьми. Смысл метафоры, однако, гораздо глубже. Она говорит о том, что мы должны готовиться к нашему появлению. Мы незрелые на этой стадии, наши нужды подавляются подготовкой к зрелости. И мы появляемся, чтобы

занять свое место на поверхности Земли. Когда мы достигаем зрелого возраста, то мы едим, чтобы жить, а не для того, чтобы расти.

Телефон звонил долго, прежде чем Шеф взял трубку.

Перуджи сидел на краю постели, возвратившись в мотель после совместного с Хеллстромом ленча. Ленч был крайне разочаровывающим: никаких признаков Фэнси, все предельно формально и скучно, в гостиной старого здания, и никакого проявления интереса к его наживке, касающейся изобретений. Шефу не понравился отчет.

Голос Шефа звучал тревожно и четко, несмотря на долгую задержку. Старик не спал, но, будучи занят, не хотел прерываться даже для того, чтобы ответить тому, что он часто называл как «этот инструмент из преисподней».

— Я говорил вам, что позвоню, как только вернусь, — сказал Перуджи.

— Откуда вы звоните? — спросил Шеф.

— Из мотеля, а что?

— Вы уверены, что линия не прослушивается?

— Да, я проверял.

— Все-таки шифровать надежнее.

Перуджи вздохнул и включил устройство. Вскоре он услышал голос Шефа, измененный шифровальным устройством.

— Так что вам удалось выяснить? — спросил Шеф.

— Они не реагируют на мой намек о металлургии и новых изобретениях.

— Вы высказали предложение?

— Я сказал, что знаю кое-кого, кто заплатит миллион за обещающее новое изобретение в этой области.

— Они не клюнули?

— Нет.

— Совет начинает на меня давить, — сказал Шеф. — Мы скоро должны начать действовать.

— У Хеллстрома должна быть цена! — сказал Перуджи.

— Вы полагаете, что, если поднять ставку, он клюнет?

— Полностью не уверен. Но что бы мне хотелось, так это послать Джанверта и, может быть, Мэрли в южную

часть долины Хеллстрема и поискать там следы Карлоса и Тимены. У меня предчувствие, что они могли пойти с юга. Там много деревьев, а вы знаете, каким осторожным был Карлос.

— Вы никого туда не пошлете.

— Шеф, если мы...

— Нет.

— Но если мы надавим на Хеллстрема с этой стороны, то сможем заполучить его за меньшую цену. Мы можем все это проделать быстро и быть готовы к действию, как того желает Совет — ну, вы же знаете, какими они бывают, если что-либо кажется им подозрительным.

— Я сказал *нет*!

— Тогда что вы хотите от меня?

— Что вы видели на ферме Хеллстрема?

— Не многим больше, чем вчера.

— Уточните.

— В определенном смысле все обычно. Слишком обычно. Ни смеха, ни улыбок; все очень серьезные и, скажем, *преданные*. Да, это слово самое точное — *преданные*. Это необычно. Они напомнили мне коммуны на ферме Чикомы, трудящуюся в предвкушении сбора хорошего урожая.

— Не думаю, что мы найдем коммунистов на этом дровяном складе, — сказал Шеф, — но об этом следует помнить, если нам потребуется покрыть себя славой. Однако дело гораздо более серьезно, чем вы себе представляете.

— Да? — Перуджи испытал внезапную тревогу и сосредоточился на голосе, доходящем до него по телефону.

— Мне звонили сегодня из самых верхов, — сказал Шеф. — Специальный помощник Самого. Они хотят знать, не мы ли суем свой нос в дела Хеллстрема.

— О-го! — Перуджи кивнул. Это объясняло, почему Хеллстром чувствовал себя хозяином ситуации. Как мог этот блошинный доктор пролезть так высоко?

— Что вы ответили? — спросил Перуджи.

— Я солгал, — произнес Шеф спокойно. — Я сказал, что, наверно, кто-нибудь еще, поскольку мне об этом ничего не известно. Но я обещал навести справки, так как иногда мои люди проявляют чрезмерное усердие.

Перуджи несколько секунд смотрел в молчании на стену. Кто за всем этим стоит? Затем он сказал:

— Мы можем подставить Ма, если понадобится.

— Это был один из вопросов, которые я обдумывал. «Один из нескольких!» — подумал Перуджи.

Шеф прервал нарастание его беспокойства, спросив:

— Теперь расскажите мне, чем они занимаются на своей ферме?

— Они снимают фильмы о насекомых.

— Вы мне уже говорили вчера. Это все?

— Не уверен, чем они еще могут заниматься, но у меня есть некоторые предположения относительно того, где они могут этим заниматься. В этой студии есть подвал: костюмерная и прочая ерунда, выглядящая вполне достоверно. Но между студией и домом есть туннель. Они провели меня по нему, и мы имели совместный ленч. Обслуживали нас, надо сказать, довольно странные дамы. Красивые куколки, все четыре, но они не произнесли ни слова, даже когда я обращался к ним.

— Что?

— Они не говорят. Они просто накрыли стол и ушли. Хеллстром сказал, что они совершенствуют особое произношение и по приказу своего учителя не говорят ничего, если его нет поблизости и он не может скорректировать произношение.

— Звучит убедительно.

— Вот как? Мне показалось это странным.

— Велась передача на Джанверта и других?

— Нет. По той, что и вчера, причине. Они не забыли упомянуть об этом и были ве-е-сьма убедительны. Радио создает помехи и все такое.

— Мне все-таки не нравится, что вы идете туда без радио. Если что-нибудь — может быть, стоит сделать вашим заместителем Мэрли или ДТ вместо Джанверта?

— Не волнуйтесь. Они просто дали понять, что со мной будет все в порядке, если я буду придерживаться правил.

— Как это?

— Хеллстром детально объяснил, как его выводит из

себя, если кто-то мешает съемкам. Мне было сказано следовать за гидом и не отклоняться в сторону.

— Кто был гидом?

— Некий невысокий парень по имени Салдо, не выше коротышки Джанверта. Крайне молчалив. Дама, которую они натравили на меня вчера, не появлялась.

— Дзула, вы уверены...

— Уверен. Шеф, нас загнали в угол. Мне нужна помощь. Мне нужен дорожный патруль, ФБР и вообще любой, кто может спрятаться в холмах вокруг фермы Хеллстрона.

— Дзула! Ты что, не слышал, что я сказал о недавнем звонке?

У Перуджи застрял комок в горле. Шеф умел быть решительным и беспристрастным, и голос его тогда звучал спокойно. Стало быть, дело не в одном звонке. Осиное гнездо зашевелилось.

— Нельзя просить помощи в проекте, который не существует, — сказал Шеф.

— Вы знаете, что я передал запрос по каналам на получение помощи со стороны ФБР?

— Я перехватил его и аннулировал. Этот запрос больше не существует.

— Можем мы попросить инспекционный полет самолета над фермой?

— Зачем?

— Я это как раз хотел объяснить. Этот туннель от сарая к дому. Мне бы хотелось знать, нет ли еще туннелей под фермой. Есть методы, позволяющие обнаружить подобные вещи.

— Не думаю, что смогу попросить об этом, не засветившись. Здесь должен быть другой путь. Ты сказал, что в туннелях под сараем у них могут размещаться лаборатории?

— Да.

— Это идея. У меня есть несколько друзей, занятых разведкой нефти, которые могут оказать нам услугу.

— Совет...

— Дзула! — в голосе слышалось явное предостережение.

— Прошу прощения, Шеф, — сказал Перуджи. — Просто, просто я обеспокоен. Весь день я хотел убраться из этого

места. Зловонный запах животных, и... это очень неприятное место. Трудность в том, что я не могу назвать ни одной причины моего беспокойства, кроме простых фактов исчезновения Портера и компании.

Голос Шефа зазвучал покровительственно, по-отечески:

— Дзула, мой мальчик, не изобретай трудности сам. Если мы не сможем прибрать к рукам изобретение Хеллstroma, касающееся управления металлургическими процессами, то дело обретет иной, вполне ясный оборот. Я неожиданно узнаю, что некоторые из моих излишне усердных людей напали на осиное гнездо предателей. Но чтобы так поступить, того, что мы знаем, пока мало.

— Портер и...

— Они не существуют. Забудь о моей подписи на приказах.

— Э-э... да, конечно.

— Я могу пойти навстречу и сказать, что у нас имеется документ, немногим больше меморандума, который один из наших людей недавно нашел в библиотеке МТИ. Я могу так поступить, но только если я буду готов защищать утверждение, что здесь дело касается частной разработки мощной системы оружия.

— Если мы не добудем больше информации, они придут к тем же выводам, к которым пришли мы.

— Именно так! — сказал Шеф.

— Понятно. Поэтому вы хотите, чтобы я дал это ясно понять Хеллstromу на открытых переговорах?

— Точно. Есть причина, по которой ты думаешь, что это невозможно?

— Я могу попытаться. У меня договоренность встретиться с ним завтра. Я заставлю их поверить, что за мной мощная поддержка профессионалов, которые не сегодня завтра проглотят весь район, и они...

— Какие подготовительные шаги?

— Джанверт и его команда будут наблюдать за мной визуально, когда я буду находиться снаружи. Внутри студии или дома связи со мной, по всей видимости, не будет. Мы, конечно, опробуем и косвенный путь — через окно, которое может послужить микрофоном для лазера. Однако

я не думаю, что мне следует дожидаться такого рода контакта, прежде чем...

— С чего ты предполагаешь начать переговоры?

— Во-первых, скажу о тех силах, которые я могу призвать на помощь. Я признаюсь, что представляю мощное правительственное агентство, не уточняя какое. После этого...

— Нет.

— Но...

— У нас погибли уже три агента, и они...

— Они не существуют. Вы сказали это сами.

— Но не для нас, Дзула. Нет. Вы просто скажете им, что представляете людей, заинтересованных в «Проекте 40». Пусть они помучаются, попытайтесь понять, какие силы за тобой стоят. Они, вероятно, убили троих людей; или они их держат пленниками и...

— Должен я проверить возможность этого?

— Упаси Боже! Конечно нет! Но шансы велики, что они больше будут бояться своих подозрений, а не знаний. Насколько они могут судить, за тобой может стоять армия, морской флот и морской корпус, поддерживаемый ФБР. Если почувствуешь необходимость нажать, упомяни о наших исчезнувших друзьях, но не проявляй излишней заинтересованности в их возврате. Отказывайся вести переговоры на этой основе: нас интересует «Проект 40», ничего больше. Нам не нужны ни убийцы, ни похитители, ни пропавшие люди. Это ясно?

— Яснее не бывает.

С нарастающим ощущением пустоты внутри Перуджи подумал: «Что, если исчезну я?»

Ему казалось, что он знает ответ на этот вопрос, и он ему не нравился.

— Я свяжусь с нефтяным бизнесом и посмотрю, чем они могут нам помочь, — сказал Шеф. — Но только при условии, что это не бросит на нас подозрения. Знание того, где работают люди Хеллстрема, не кажется мне важным на этом этапе.

— Что, если он откажется вести переговоры? — спросил Перуджи.

— Не следует выкладывать все карты на стол. В конце концов, за нами Совет и его силы.

— Но они...

— Они загребут все под себя, а нам бросят кость, да. Но кость лучше, чем ничего.

— «Проект 40», может быть, не стоит выеденного яйца.

— Ты сам этому не веришь, — сказал Шеф. — И это твоя работа — доказать то, что мы знаем. — Шеф откашлялся. — Пока у нас нет доказательств, у нас нет ничего. Они могут иметь здесь секрет конца света, в чем мы уверили Совет, но мы и шагу ступить не можем без доказательств. Сколько раз я должен это повторять?

Перуджи потер свое колено, ушибленное им об осветительный прибор в студии Хеллстрорма. Не похоже на Шефа повторять что-либо по нескольку раз. Что происходит у него в офисе? Может быть, он давал понять, что не может говорить открыто?

— Вы хотите, чтобы я нашел удобный предлог для нас выйти из этого дела? — спросил Перуджи.

В голосе Шефа звучало облегчение:

— Только если тебе это покажется *правильным* шагом, мой мальчик.

Кто-то находится рядом с ним, понял Перуджи. И этот кто-то очень важная шишка, пользующийся несомненным доверием, но кому нельзя рассказывать все. Как он ни старался, он не мог припомнить никого, соответствующего этому описанию. Шефу должно быть совершенно очевидно, у его агента нет намерения выйти из игры. *Но он пытался выудить это предложение из него.* А это значит, что тот, кто находился в офисе Шефа, слышал их разговор полностью. Скрытый смысл сообщения выдавал предельную степень осторожности, с какой стали действовать в штабе. Звонок из верхов? Насколько влиятельным человеком был этот Хеллстром?

— Вы можете мне что-нибудь сказать о тех мозолях, на которые мы, может быть, наступаем?

— Нет.

— И даже невозможно выяснить, имеет ли влияние Хеллстрорма чисто политическую подоплеку — крупные взносы в партийную кассу, что-то в этом роде, или, может быть, мы суем свой нос в дела другого агентства?

— Вы начинаете понимать проблему так же, какой она мне сейчас представляется, — сказал Шеф.

«Значит, сейчас рядом с ним кто-то из другого агентства», — подумал Перуджи. Это могло значить только то, что это был один из людей самого Шефа, внедренный в другое агентство. Отсюда следует, что либо Хеллстромом интересуются два агентства, либо «Проект 40» является продуктом другого агентства. И заинтересованные стороны будут мешать друг другу, если расшевелят это осиное гнездо.

— Я вас понял, — сказал Перуджи.

— При встрече с Хеллстромом, — сказал Шеф, — не касайтесь сами этой другой возможности. Оставьте это на его усмотрение.

— Понятно.

— Я надеюсь на вас — это в ваших и моих интересах.

— Мне вам позвонить сегодня вечером?

— Нет, если только не обнаружите что-нибудь новенькое. Свяжитесь со мной немедленно после встречи с Хеллстромом. Я буду ждать.

Перуджи услышал, как на том конце связь отключилась. Он отключил шифровальное устройство и положил трубку на место. В первый раз в своей жизни Перуджи ощутил то, что чувствуют старые агенты. Очень хорошо сидеть в безопасности в своем кабинете, но каково выйти наружу и рисковать своей головой, зная, что, если ее отрубят, никто и пальцем не пошевелит.

Слова Тровы Хеллстром: *«Любой ценой мы должны избежать попадания в то, что мы называем «термитной ловушкой». Мы не должны слишком походить на термитов. Насекомые, служащие нам образцом выживания, идут своим путем, а мы своим. Мы учимся у них, но не рабски копируем. Термиты, неспособные покинуть защитные стены своего термитника, создают свой самодостаточный мир. В этом мы должны им следовать. Все общество термитов обороняется воинами. Когда термитник подвергается атаке, воины знают, что их могут бросить за его стенами, оставив поги-*

бать, ценой их жизни выигрывая время для создания другими неприступной обороны. Так должны поступать и мы. Но термитник умирает, если умирает королева (матка). Мы не можем позволить себе быть настолько уязвимыми. Если термитник умирает, то умирают все. Мы не можем быть столь уязвимы. Семена нашего продолжения посажены Снаружи. Они должны быть готовы к самостоятельной жизни, если наш Муравейник умрет».

Возвращаясь в Муравейник по длинной, идущей под уклон первой галерее, Хеллстром пытался уловить знакомые звуки, наполняющие Муравейник в дни его нормальной жизнедеятельности. Но он их не слышал. Муравейник оставался единым организмом, он функционировал, но чувство глубокой тревоги пропитало его насквозь. Это было в природе Муравейника: коснись одной его части, и отреагируют все его клетки. Химический характер внутренних коммуникаций не может быть отброшен. Тела ключевых работников в экстремальной ситуации выделяли феромоны, внешние гормоны. Фильтры Муравейника работали в минимальном режиме для экономии энергии. Феромоны разносились по воздуху и вдыхались всеми, разделявшими, таким образом, общее беспокойство. Уже появились признаки того, что развитие процесса оставит глубокие и, возможно, нестираемые следы на сознании всей общности.

Праматерь однажды его предупреждала: «Нильс, Муравейник учится точно так же, как учишься ты. Общность может учиться. Если ты не сможешь понять, чему научился Муравейник, это может привести к гибели всех нас».

«Чему Муравейник учился сейчас?» — думал Хеллстром.

Поведение Фэнси выдавало что-то, исходящее из самых глубинных нужд Муравейника. Она говорила о роении. Что это такое? Они потратили более сорока лет на то, чтобы задержать роение. Было ли это ошибкой? Фэнси его беспокоила, и он попытался, но безуспешно, найти ее. Ей полагалось участвовать в съемках вместе со своей группой, но ее там не было, и Эд не имел понятия, где ее искать. Салдо уверил его, что Фэнси находится сейчас под по-

стоянным наблюдением, но Хеллстром все-таки не был спокоен. Мог Муравейник произвести *естественную* Праматерь? Фэнси могла бы подойти на эту роль. Что может сделать Совет, если это случится? Следует ее отправить в Котел во избежание риска преждевременного роения? Ему была ненавистна мысль потерять Фэнси — превосходная линия крови, давшая столь много полезных специалистов. Если бы только удалось подавить нестабильность!

При условии, что это было нестабильностью.

Хеллстром подошел к бетонной арке, ведущей на питательный пункт второго уровня, и увидел Салдо, ожидающего его в условленном месте. На Салдо можно положиться. Это немного успокоило Хеллстрoma. Он понял, как сильно стал зависеть от этого молодого человека. Не произнеся ни слова, он подошел к Салдо. Они вошли в помещение и поели у конвейера, выпив общий для всех бульон из Котла. Хеллстрому всегда доставляло удовольствие есть пищу простых работников. Дополнительная пища лидера удовлетворения ему никогда не доставляла. Она была способна увеличить вдвое продолжительность жизни, но в ней недоставало одного ингредиента, называемого Хеллстромом «объединяющей силой».

«Иногда нам нужен общий знаменатель», — подумал он. Никогда эта мысль не была столь очевидной, как во время кризиса.

Салдо жестом дал понять, что ему не терпится перейти к сути дела, но Хеллстром, и тоже жестом, попросил его подождать, сам понимая при этом, что ему хочется оттянуть неприятное для него сообщение. Хеллстром внезапно ощутил всю хрупкость организма Муравейника. Одомашненный мир, который они искали для человечества, казался сейчас всего лишь готовой расколоться хрупкой скорлупой. Это было так ясно и твердо в руководстве Муравейника и так туманно и неубедительно на практике. Как он ни старался, он не мог найти подсказки в руководстве...

Из руководства Муравейника: *«Муравейник движется в сторону развития невербальной базы существования человечества. Главная цель Мура-*

вейника — найти эту базу, затем создать новый язык, соответствующий нашим нуждам. Прежде всего, в свете ясного сообщения из мира насекомых, мы избавляемся от ошибок прошлого».

Они не избавились от ошибок прошлого. Они, возможно, никогда от них не избавятся. Дорога впереди вырисовывалась длинная, точная в своих деталях. Никто не может знать, сколько времени может понадобиться, чтобы по ней пройти, и сколько волчьих ям ждет их на этом пути. Триста или более лет назад, во времена устных традиций, они говорили о «сотне лет или около того». Как быстро эта ошибка обнаружилась! Появилась тогда новая истина: Муравейнику может понадобиться тысяча лет и более, если только Внешние не погибнут случайной смертью. Тысяча лет до того момента, когда одомашненная планета станет их владением.

Хеллстром однажды подумал о том, как знакомые стены Муравейника могут сотни раз искрошиться и быть восстановлены, прежде чем Муравейник исполнит свое предназначение и его работники возьмут контроль над всей поверхностью планеты.

Что за фантазия! Эти стены, может быть, простоят еще не более нескольких часов и никогда не будут восстановлены. Задача вдохнуть в Муравейник уверенность никогда не казалась ему такой трудной. С неохотой Хеллстром жестом показал Салдо начинать, отмечая с отвращением уверенность молодого человека в том, что несколько слов с руководителем позволят решить все проблемы.

— Фэнси выкрала из запасников Муравейника бридингампулы, — сказал Салдо. — Нет официальной записи...

— Но почему она их взяла? — перебил его Хеллстром.

— Бросить вызов вам, Совету, Муравейнику, — сказал Салдо. Он, очевидно, думал, что она спятила.

— Мы не должны торопиться с выводами, — сказал Хеллстром.

— Но она опасна! Она может...

— Пусть пока ей никто не мешает, — сказал Хеллстром.

— Возможно, сейчас она выражает желания всего Муравейника.

— Пытаясь спариться с Перуджи?

— Почему нет? Мы пользовались этим методом получения Внешней крови много раз. Перуджи был выбран для нас диким Внешним миром. Он живое воплощение успеха.

— Успеха какой ценой?

— В любом случае нам нужны сильные люди, мы должны их получать. Возможно, Фэнси знает лучше остальных, как бороться с этой угрозой.

— Я в это не верю! Я думаю, она использует эту болтовню о перенаселенности как предлог, чтобы покинуть Муравейник. Вы знаете, как она любит Внешнюю еду и удобства.

— Это возможно, — сказал Хеллстром, — но *почему* она хочет уйти? Полагаю, твое объяснение поверхностно.

Салдо, казалось, был оскорблен упреком. Несколько мгновений он молчал.

— Нильс, я не понимаю тебя.

— Я сам этого до конца не понимаю, но поведение Фэнси не так просто, как тебе кажется.

Салдо вопросительно смотрел на лицо Хеллстрома, словно что-то в нем могло дать ему ключ к пониманию. Что знал такого Хеллстром, чего не знали другие? Хеллстром являлся потомком первых колонистов того, настоящего Муравейника. Может быть, он получил специальные инструкции из таинственного источника мудрости — как поступать в такого рода кризисах? Внимание Салдо было отвлечено тем, что происходило слева от него: чашки с бульоном двигались по конвейеру, как только кто-нибудь брал последнюю в ряду. Работники ели рядом с ними, не обращая на старших специалистов особого внимания. И это воспринималось естественно. Химические выделения говорили работникам, принадлежат ли посторонние Муравейнику. Но, попади сюда Внешний, и если работники не увидят его сопровождающих или же если выделяемые Чужаком запахи не будут скрыты, он немедленно будет отправлен в Котел безголосыми работниками, озабоченными только удалением опасной массы протеина. Поведение работников как будто было нормальным, но Салдо в этот момент впервые ощутил то же чувство, что и Хеллстром чуть раньше, — Муравейник ранен, и

рана глубокая. В движениях появилась скованность, в походке стала заметна воинственность.

— Есть какие-нибудь осложнения, о которых мне ничего не известно? — спросил Салдо.

«Да, какой ум у этого парня!» — подумал Хеллстром, переполняясь гордостью.

— Вполне возможно, — сказал Хеллстром.

Он повернулся, сделал жест Салдо следовать за ним и вышел в галерею. Они завернули в первый же боковой проход и быстрым шагом направились в комнату самого Хеллстрома. Войдя в нее, Хеллстром показал Салдо на стул, но сам растянулся на кровати. О-хо-хо! Как он устал!

Салдо послушно уселся и посмотрел вокруг. Он был здесь и раньше, но в данных обстоятельствах место выглядело несколько странно. Смущающее отличие искало его внимания, но он не мог понять, в чем оно состоит. Наконец он понял, что отличием был приглушенный шум, доносящийся из служебного туннеля за дальней стеной комнаты. От него нельзя было совсем избавиться. Возможно поэтому Хеллстром не хотел перейти жить в лучшую комнату. Также ощущались слабые запахи тревоги. Все кризисные потоки фокусировались здесь.

— Да, обнаружили осложнения, о которых *никто* из них ничего не знает, — сказал Хеллстром, начиная разговор с ответа на заданный в пункте питания Салдо вопрос. — В этом наша проблема, Салдо. Вызывающие тревогу события будут происходить, и мы должны быть готовы справляться с ними на их условиях. Как говорят Внешние, мы должны быть настороже. Тебе понятно?

— Нет, — покачал головой Салдо. — О каких событиях идет речь?

— Если бы я мог описать их, к ним бы не подходило определение неизвестных, — сказал Хеллстром печальным голосом.

Заложив руки за голову, Хеллстром искоса посмотрел на Салдо. Молодой человек показался ему таким же хрупким, как и Муравейник. Чем может изобретательность Салдо помочь в предотвращении надвигающейся катастрофы? Ему только тридцать четыре года. Образование, полученное в Муравейнике, дает показную искусственность в житейских де-

лах, светскость, невиданную во Внешнем мире. Наивность Салдо была наивностью Муравейника. Он не знал свободы, которую мог испытать Снаружи. Он не знал, как это быть по-настоящему диким. Только опосредствованно, через книги и другие атрибуты системы образования, Салдо познавал неуправляемый характер дикой жизни за стенами Муравейника. Было бы время, и Салдо мог получить необходимый опыт, как получил его Хеллстром. Молодой человек принадлежал как раз к тому типу, который Муравейник должен посылать в кипящий котел дикого человечества. Но многое из того, что он там узнает, будет возвращаться к нему ночными кошмарами. Он, как и любой другой специалист, будет прятать это в особой капсуле сознания в глубинах своего «я».

«Точно так же, как и я окружил стенами мои худшие воспоминания», — подумал Хеллстром.

Не стоит отрицать такие воспоминания, стоя на пороге Котла. Они крадучись выползают из неожиданных прорех в созданной защите.

Полагая, что долгое молчание Хеллстрома вызвано неодобрением, Салдо потупил взор.

— Мы не можем знать, что с нами может случиться, но мы должны быть, во всяком случае, готовы к любым неожиданностям. Теперь мне это понятно.

Хеллstromу хотелось выкрикнуть: «Я не совершенен! Я не безошибочен!»

Вместо этого он спросил:

— Как продвигается «Проект 40»?

— Как вы узнали, что я только что этим интересовался? — спросил Салдо с благоговейным страхом. — Я не упоминал об этом.

— Все мы, несущие дополнительное бремя ответственности, регулярно интересуемся ходом работ по «Проекту 40», — проворчал Хеллстром. — Так как, каково состояние дел?

— Ничего нового. Впрочем, они быстрыми темпами строят новую модель, которая...

— Они изменили свое мнение относительно ее перспектив?

— У них появились новые аргументы, касающиеся генерации сверхвысокой температуры.

— Еще что-нибудь?

Салдо поднял глаза и посмотрел на Хеллстрома. Несмотря на явную усталость Хеллстрома, оставался еще один вопрос, который нельзя было не обсудить.

— Несколько работников из группы гидропоники были замечены на верхнем уровне около часа назад, — сказал Салдо. — Насколько мы смогли понять, они выражали настоятельное желание выйти на поверхность.

Хеллстром сел на постели, забыв об усталости.

— Почему мне не сказали немедленно?

— Мы справились с ситуацией, — сказал Салдо. — Вина в общей тревоге. Всех их отрегулировали химически, и они вновь приступили к работе. Я организовал патрулирование на всех галереях с целью предотвращения возможных волнений. Я поступил неправильно?

— Нет, все верно. — Хеллстром вновь опустился на постель.

Патрулирование! Конечно, это было в их силах на данный момент. Но это говорило о том, насколько глубоко был потревожен Муравейник. Фэнси была права: предсказания о пороге переполненности не принимали в расчет кризисы, подобные этому.

— Были среди них главари? — спросил Хеллстром.

— Несколько потенциальных, но...

— Они разлагают остальных, — сказал Хеллстром.

— Нильс! Всего несколько работников из...

— Тем не менее они роятся. Это есть в расчетах наших самых ранних записей. Ты *знаешь* об этом. Мы ожидали этого и пытались предвидеть начало. И мы достигли предела.

— Нильс...

— Ты говоришь о цифрах. Но дело не в цифрах. Общая численность населения в данном объеме присутствует в наших расчетах, но здесь что-то другое. Молодые работники и потенциальные матки, во всяком случае, чувствуют позыв покинуть Муравейник. На свой страх и риск. Это роение.

— Как мы можем предотвратить...

— Возможно, мы не можем.

— Но мы не можем позволить этого сейчас!

— Не можем. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы отсрочить роение. Допустить это сейчас означает

конец. Необходимо включить фильтры на максимальную мощность на несколько часов, а затем перевести в оптимальный режим.

— Нильс, подозрительный Внешний среди нас может...

— У нас нет другого выхода. Необходимы чрезвычайные меры. Тихая прополка населения может потребоваться, если...

— Котел?

— Да, если давление станет слишком высоким.

— Работники из группы гидропоники, которые...

— Держи их в поле зрения, — сказал Хеллстром. — И даже Фэнси и ее сестер.

Частные инструкции Перуджи, данные им Даниэлю Томасу Олдену: «Джанверт получил в свое распоряжение специальный номер и код, необходимые для того, чтобы позвонить президенту. При любой попытке Джанверта позвонить президенту, любой секретной попытке воспользоваться телефоном вы должны остановить его, используя силу в случае необходимости».

Перуджи настроил приемник отеля на симфоническую музыку, руководствуясь, как оказалось, ложной идеей, что она его отвлечет. Снова и снова он возвращался мыслями к той женщине на ферме Хеллстрома.

Фэнси.

Какое странное имя.

Этот мотель был выбран потому, что в занимаемой им комнате через заднее окно можно было организовать визуальную связь с лагерями, расположенными на горе Стинс, которые разбили его группы поддержки, выдающие себя за отпускников. Перуджи знал, что ему достаточно махнуть рукой в заднем окне, чтобы войти в контакт с любой из трех групп. Лазерный приемопередатчик даст им возможность побеседовать так, словно они находились в одной комнате.

Перуджи беспокоило, что он оставил Коротышку Джанверта руководителем этих групп.

Ситуация ему не нравилась, и, пока сгущались сумерки над бурым ландшафтом за окном, Перуджи заново обдумал полученные инструкции и сделанные приготовления.

Насколько умно было ограничивать Джанверта прямым приказом: «Вы должны предупреждать центр о намерении предпринять неоговоренные заранее шаги в течение тех периодов, когда вы вне досягаемости на ферме»?

Оговоренные шаги можно было пересчитать по пальцам, и касались они узкого круга вопросов: поездки в Фостервилль за провизией и визуальное наблюдение за Линкольном Крафтом; смена расположения лагеря при необходимости; сообщение между лагерями для передачи объектов наблюдения и обеспечения его непрерывности...

До сих пор Джанверт не давал поводов себе не доверять. Его контакты удовлетворяли всем требованиям надежности.

— Шеф знает, что вы идете без связи?

— Да.

— Мне это не нравится.

— Это моя забота, не твоя, — отрезал Перуджи. «Кем этот выскочка себя возомнил?»

— Я хотел бы сам побывать на ферме, — сказал Джанверт.

— Ты не должен пытаться это сделать без соответствующего указания из центра и только в случае, если я не вышел на связь в предусмотренное время.

— Я не сомневаюсь в ваших способностях, — сказал Джанверт участливым тоном. — Меня просто беспокоят многие темные пятна в этом деле. Хеллстром бравирует отсутствием уважения к нам.

Перуджи подозревал Джанверта в имитации участия. Это ему казалось излишним.

— Ферма — моя проблема, — сказал Перуджи. — Твоя проблема — наблюдать и докладывать.

— Должна быть возможность наблюдать за вами, когда вы внутри и без передатчика.

— Вы все еще не можете нащупать слабое место в их защите?

— Если бы это удалось, я сразу сообщил бы!

— Успокойся. Я знаю, вы стараетесь.

— За этими стенами — ни звука. У них за этими стенами, наверно, хитрая система глушения. Масса странных звуков в долине, но ни один мы не можем идентифицировать. Механизмы, и, судя по звукам, серьезные механизмы. Подозреваю, у них имеется оборудование, способное обнаружить наш зондаж. Сампсон и Рио ночью выдвинутся на позицию Y-6 со своими приборами. Они в основном занимаются зондированием.

Джанверт делал все правильно. Перуджи подумал: «Почему я не доверяю ему? Так и будет жить этот коротышка с подозрением, вызванным из-за своего насильного рекрутирования? — и рассердился на себя: Нехорошо отдаваться потоку мыслей. Что в действительности затеял Шеф?»

Магнетическая женщина на ферме Хеллстрома — могло ли так быть, что она просто дразнила его? Многие женщины находили его привлекательным, и его крупное тело сочилось животной силой, что и могло объяснить случившееся.

Вздор! Ее подослал Хеллстром!

«А что если Шеф смотрит на него тоже как на расходимый материал?»

— Вы еще на связи? — спросил Джанверт.

— Да, — сердито и резко прозвучал ответ.

— Откуда у вас ощущение, что может быть больше людей, чем видно нам? Туннель?

— Да, в общем, но еще больше — неосязаемые причины. Передай в центр, Коротышка. Я хочу, чтобы снабжение фермы было взято под контроль. Какое количество продуктов и прочее. Осторожно, но досконально.

— Я займусь этим. Вы хотите, чтобы я поручил это дело ДТ?

— Нет. Пошли Ника. Я хочу оценить, на сколько людей рассчитаны продукты.

— О'кей. Шеф сказал вам об алмазах для бурения?

— Да. Они были привезены приблизительно в то время, когда здесь были Карлос и Тимена.

— Странно, не так ли?

— Складывается причудливая картина, — сказал Перуджи. — Но природу ее еще предстоит разгадать. — Он попытался понять, для каких бурильных работ могут

понадобиться алмазы кинокомпаний. Объяснения этому просто не было, и бесполезно было гадать, не имея информации. Более вероятно получить неправильный ответ, чем правильный, и, в любом случае, уверен в нем он быть не может.

— Я согласен, — сказал Джанверт. — Что-нибудь еще?

— Нет. — Перуджи выключил связь, уложил устройство в пакет и спрятал его в футляр бритвенного прибора.

Джанверт сегодня был более разговорчив, чем обычно; откровенная покладистость этой маленькой свиньи не могла быть ничем иным, кроме притворства.

Перуджи думал об этом, лежа на постели в темной комнате. Он знал, что был отрезан, что лишен даже защиты со стороны Шефа, и удивлялся, что заставляло его продолжать.

«Потому что я хочу разбогатеть, — подумал он. — Стать богаче, чем эта сволочь из Совета. И буду, если смогу наложить руки на этот чертов «Проект 40».

Консультация по сценарию, говорит Нильс Хеллстром: *«На экране аудитория увидит бабочку, вылупляющуюся из кокона. Мы увидим много больше, и, в более глубоком смысле, мы хотим, чтобы и аудитория увидела то, что мы видим, подсознательно. Бабочка персонифицирует нашу собственную долгую борьбу. Это долгая темнота человечества, когда дикие воображали, что они говорили друг с другом. Это метаморфоза, трансформация нашего Муравейника в спасении вида людей. Это предзнаменование дня, когда появимся мы и покажем нашу красоту восхищенной Вселенной».*

— Передатчик у него в наручных часах, — сказал Салдо. — Мы успели засечь его прежде, чем он его отключил.

— Хорошая работа, — сказал Хеллстром.

Они стояли в электронном мраке сарая, на командном пункте службы безопасности. Работники вокруг них бесшумно

выполняли свою работу с чувством решимости в каждом движении. Ничто не должно пройти незамеченным через их защиту.

— Зондаж, который мы зафиксировали, идет со стороны горы Стинс, — сказал Салдо. — Мы определили их нахождение на карте.

— Отлично. Неудача их подстегивает, или они успокаиваются?

— Успокаиваются. Я подготовил опытную группу, которая завтра отправится в ту зону на пикник. Они там развлекутся, а завтра вечером сообщат об увиденном.

— Не рассчитывай на то, что они много узнают.

Салдо кивнул.

Хеллстром закрыл глаза от утомления. Похоже, ему не удастся хорошо отдохнуть, а то малое для отдыха, что удавалось урвать, не позволяло восстановить силы. В чем они нуждались и чего им никогда не достичь, это отправить Перуджи паковать чемоданы, ответив на все его вопросы, в действительности не ответив ни на один из них. Эти таинственные, прощупывающие вопросы о металлургии и изобретениях раздражали Хеллстрема. Что это могло иметь общего с «Проектом 40»? Изобретения — да, возможно. Но металлургия? Он решил сообщить об этом вопросе в лабораторию при первой возможности.

Говорят специалисты Муравейника: *«Как примитивны и как далеко отстали от нас специалисты по поведению из дикого Внешнего мира!»*

Перуджи воспринял скребущий звук у двери как часть своего сна. Это была собака из его детства, зовущая его вставать и идти завтракать. Добрая старая Данни. Перуджи зримо представил ее широкую уродливую морду, челюсти с капающей слюной. Внезапно что-то щелкнуло в его памяти. Эта собака давно умерла. Он моментально проснулся, пытаясь понять, откуда исходит опасность.

Звук повторился.

Он вынул тяжелый пистолет из-под подушки, встал и

подошел к двери, босыми ногами ступая по холодному полу. Стоя с оружием наизготовку, он толкнул дверь, не снимая цепочки.

За дверью был ночной свет. Он отбрасывал желтый отблеск на Фэнси, которая стояла, укутанная во что-то пушистое, темное и объемное. Левой рукой она придерживала велосипед.

Перуджи закрыл дверь, снял цепочку и широко распахнул дверь.

Он понимал, что выглядит странно в пижаме и с большим пистолетом в руке, но он ощущал острую необходимость завести ее в комнату.

Его охватило радостное возбуждение. Они прислали эту кошечку, чтобы скомпрометировать его, да? Но *он* вытащил-таки одну из них наружу с этой проклятой фермы.

Фэнси вошла молча, ведя с собой велосипед. Она прислонила его к стене, пока Перуджи закрывал дверь. Когда он повернулся к ней, она стояла к нему лицом и снимала верхнюю одежду, свою меховую накидку. Она отбросила ее на руль велосипеда, оставшись в тонком белом халате, который был на ней, когда он в последний раз ее видел. Она пристально и слегка насмешливо смотрела на него.

«Сначала удовольствие? — подумал Перуджи. — Или дело прежде всего?» Его рука, державшая пистолет, стала липкой от пота. Сексуальная стерва!

Он подошел к окну, отодвинул занавеску и поглядел наружу. Топтунов нигде не было видно. Перуджи повернулся к заднему окну, выходящему на площадку для парковки машин, и посмотрел в направлении горы. Никого посторонних. Никого. Сколько сейчас времени? И почему она молчит? Он подошел к ночному столику и посмотрел на часы: 1.28.

Фэнси смотрела на его действия, слегка улыбаясь. Внешние такие странные создания. Этот казался еще страннее, чем обычно. Их тела говорили им, что надо делать, а они не слушались. Ладно, она пришла сюда подготовленной.

Перуджи взглянул на нее. Ее руки были сжаты в кулаки, но, похоже, она была безоружной. Он сунул пистолет в ящик стола. Объяснялось ее спокойствие тем, что комната прослушивалась? Это исключено! Перуджи тщательно про-

верил комнату. Он передвигался осторожно, следя за тем, чтобы не поворачиваться к ней спиной. Почему она приехала на велосипеде? И меховая накидка! Перуджи подумал, не мог ли он растревожить ночных наблюдателей на горе. Пока нет. Сначала удовольствие.

Фэнси подняла левую руку, словно прочитав его мысли, расстегнула пуговицы и стряхнула халат с плеч. Она стояла обнаженная, с чувственным телом, ускорившим ток его крови. На ногах ее были сандалии, и она сбросила их, взбив небольшое облачко пыли, собранной ею по дороге в город.

У Перуджи загорелись глаза. Он облизнул губы и сказал: — Ну ты и штучка.

Так же молча Фэнси приблизилась к нему, схватила его за голые руки. Его левую руку что-то укололо, когда она коснулась ее, и он почувствовал резкий и тяжелый запах мускуса. Перуджи отпрянул в испуге и, посмотрев на место укола, увидел крошечную, телесного цвета ампулу под ее указательным пальцем, острие которой упиралось в его кожу. На месте укола выступила капелька крови. Перуджи понял, что должен оттолкнуть ее и позвать на помощь, но мускулы его ему не повиновались, и все тело словно зазвенело, подчиняясь невидимому камертону. Взгляд его оторвался от ампулы и переместился на твердые груди Фэнси, темные соски, напрягшиеся от возбуждения.

Будто туман поднимался по телу от его чресел, растворял волю, пока он не забыл обо всем, кроме женщины, припавшей к нему, давящей на него с неожиданной силой, увлекающей его к постели.

Наконец Фэнси заговорила:

— Ты хочешь совокупиться со мной. Это хорошо.

Из руководства Муравейника: *«Главная цель процесса социализации должна состоять в создании широчайшей терпимости к разнообразию объективных компонентов».*

— Фэнси пропала! — сказал Салдо.

Он примчался в комнату Хеллстрема по коридорам и

галереям, где и так был высокий уровень активности, не обращая внимания на переполох среди работников, вызванный его почти паническим бегом.

Хеллстром сел на постели, протирая глаза, и встряхнул головой, окончательно просыпаясь. Он спал крепко, в первый раз за несколько последних дней, стараясь хорошенько отдохнуть перед завтрашней конфронтацией с Перуджи и теми, кто будет помогать ему в оказании давления на Муравейник.

Фэнси пропала!

Он посмотрел вверх на испуганное лицо Салдо.

— Одна?

— Да.

Хеллстром глубоко вздохнул с облегчением.

— Как ей удалось выйти? Где она сейчас?

— Она воспользовалась ложным аварийным вентилятором в скале северного периметра. Она уехала на велосипеде.

— Там не было охраны?

— Она оглушила их.

— Но посты службы безопасности!

— Они не заметили ее, — признался Салдо. — Она, очевидно, не в первый раз уходит этим путем. Она вошла под деревья и обошла все наши детекторы.

«Конечно, — подумал Хеллстром. — Велосипед. Почему велосипед? Куда она поехала?»

— Где она взяла велосипед?

— Это тот, что мы отобрали у Внешнего.

— Как так? Почему его не отправили на утилизацию?

— Инженерам он зачем-то понадобился. Они думали о производстве собственной модели для ускорения доставки нужных материалов на нижних галереях.

— В каком направлении она уехала? — Хеллстром встал с постели. Который час? Он посмотрел на настенные часы: 3.51 ночи.

— Она, очевидно, поехала через Палмерский мост. Там есть следы.

— В город? Зачем?

— Охрана, которую она оглушила, утверждает, что она была в одежде Внешних, — сказал Салдо. — Из костюмерной сообщили, что исчезло меховое пальто. Она опять побывала

на складе. Мы пока еще не выяснили, что ей там понадобилось.

— Как давно она ушла? — спросил Хеллстром. Он сунул ноги в сандалии. Было холодно, но он подумал, что это по причине замедленного кровообращения.

— Почти четыре часа, — сказал Салдо. — Охрана находилась без сознания довольно долго. — Он потер заживающую рану на щеке. — Я уверен, что она направилась в город. Двое прошли по ее следу так долго, как позволяла осторожность.

— Перуджи, — сказал Хеллстром.

— Что?

— Она поехала соединиться с Перуджи.

— Ну конечно! Позвать Линка и...

— Нет, — Хеллстром покачал головой.

Салдо дрожал от нетерпения.

— Но этот велосипед принадлежал одному из агентов Перуджи!

— Кто может узнать велосипед? Вряд ли они его свяжут с пропавшим агентом. Фэнси же не скажет ему, откуда взялась эта машина.

— Вы уверены?

— Уверен. У Фэнси голова работает только в одном направлении — бридинга. Мне бы следовало понять это, когда я смотрел на ее атаку на Перуджи.

— Этот человек далеко не глуп. Она может ему сказать что-нибудь важное, даже не подозревая того.

— Об этом мы не должны забывать. Но сейчас надо связаться с Линком. Сообщить ему, где она сейчас находится, и пусть он проследит, чтобы они не взяли ее к себе для допроса. Перуджи, безусловно, находится под постоянным наблюдением своих людей. В районе мотеля следует действовать с максимальной осторожностью, по возможности избегая привлекать к себе чье-либо внимание.

Салдо ошеломленно смотрел на Хеллстрома, не в силах произнести ни слова. Он ожидал, что тот поднимет по тревоге все наличные силы. Его реакция непонятна!

— Были еще проявления возмущений? — спросил Хеллстром.

— Нет. Усиленная вентиляция, похоже, помогла.

— Фэнси готова к оплодотворению. К нашей выгоде,

если она забеременеет от Внешнего. В такие периоды ее поведение предсказуемо.

Салдо стоял, восхищаясь мудростью Хеллстрома.

— Я знаю, что она взяла со склада ампулу, — сказал Хеллстром. — Вероятнее всего, она взяла мужскую секс-фракцию в ампуле, чтобы возбудить Перуджи. Она хочет с ним спариться, вот и все. Пусть. Внешние крайне странно реагируют на эту естественную форму человеческого поведения.

— Да, так говорят, — пробормотал Салдо. — Я изучал поведенческие особенности, необходимые для работы во Внешнем мире.

Хеллстром улыбнулся.

— Я видел это уже много раз. Завтра он здесь появится, полный раскаяния. Он прибудет с Фэнси и займет круговую оборону. Он будет чувствовать себя виноватым. В этом будет его уязвимость. Да, полагаю, я знаю, как овладеть ситуацией, спасибо Фэнси.

— О чем вы говорите?

— Дикие Внешние не во всем так сильно отличаются от нас, я имею в виду — химически. Фэнси напомнила мне об этом. Ту же технику, какую мы используем, делая наших работников предсказуемыми, ручными и податливыми Муравейнику, мы применим и к Внешним.

— Еда?

— Или их питьевая вода, или даже воздух.

— Вы уверены, что Фэнси вернется? — Салдо не мог избавиться от гложущего его сомнения.

— Уверен.

— Но велосипед...

— Ты действительно думаешь, что они смогут его узнать?

— Мы не можем рисковать!

— Если это тебя успокоит, предупреди Линка. Думаю, чувства Перуджи будут притуплены после ночного бридинга с Фэнси, так что утром он вряд ли опознает велосипед, если его увидит.

Салдо нахмурился:

— Все же мне это не нравится, Нильс.

— Понравится, — уверил его Хеллстром. — Поверь мне. Скажи Линку, что тебя направляют в специальную

группу службы безопасности. Я хочу, чтобы данные им инструкции были ясными, исключаящими неверное толкование. Отправляйся вместе с ними, соблюдая максимальную осторожность. Они не должны вмешиваться этой ночью. Их главная задача состоит в обеспечении того, чтобы Фэнси не увели из этого мотеля. Она должна провести ночь с Перуджи. Утром они должны забрать ее при первой же возможности и привести ко мне. Я хочу поблагодарить ее лично. Муравейник *учится*, он *реагирует* на опасность как единый организм. Именно так, как я всегда и предполагал.

— Я согласен, что мы должны обеспечить ее возвращение, — сказал Салдо, — но благодарность?

— Естественно.

— За что?

— За напоминание, что Внешние химически нам идентичны.

Мудрость Муравейника: *«Специалисты высшего уровня, выращенные нами с учетом базовых целей, в конечном счете принесут нам победу».*

Перуджи проснулся в серой рассветной мгле, вплыв в сознание откуда-то издалека, из лишнего энергии места. Он повернул голову, чтобы посмотреть на смятую в беспорядке постель, медленно осознал, что находится в постели один и что это — важная информация. Велосипед, через руль которого было перекинута меховое пальто, стоял у стены рядом с дверью. Между постелью и дверью валялся белый халат. Он посмотрел на велосипед, силясь понять, что важного, казалось ему, было с ним связано?

Велосипед?

В ванной слышался плеск воды. Кто-то напевал.

Фэнси!

Он сел на постели со спутанными, как и постель, мыслями. Фэнси! Боже милостивый! Что она ему вколола? У него осталось смутное воспоминание о, как ему казалось, восемнадцати оргазмах. Возбуждающее средство? Если так,

то это самое сильное возбуждающее, какое только можно себе представить.

Плеск воды не прекращался. Она принимала душ. Господи! Как она может двигаться?

Перуджи попытался восстановить в памяти события ночи, но из этого почти ничего не вышло, помнилось только, как корчилась плоть. Он подумал: *«Это был я! Боже праведный! Это был я!»* Так что это за наркотик она ему вколола? Может быть, это и есть «Проект 40», проект небесной любви? Ему захотелось смеяться, но не было сил. Шум воды прекратился. Он переключил внимание на дверь ванной комнаты. Движение за дверью, напевающий голос. Где она берет силы?

Дверь открылась, и появилась Фэнси с одним полотенцем на бедрах и другим в руках, которым она сушила волосы.

— Доброе утро, милый, — сказала она, и подумала: «Выглядит как выжатый лимон».

Он смотрел на нее молча, роясь в памяти.

— Разве тебе не понравился бридинг со мной? — спросила она.

Вот оно! Это слово он как раз пытался вспомнить и не мог, пока она его не произнесла. Спариваться с ней? Может быть, она одна из этой сдвинутой части нового поколения: секс только для продолжения рода?

— Что ты со мной сделала? — спросил он хриплым, каркающим голосом, напугавшим его самого.

— Сделала? Я просто...

Он поднял свою руку, показывая место, куда она вколола таинственную мускусную субстанцию. Слабая бледность прикрывала подкожный синяк.

— А, это, — сказала она. — А тебе не нравится?

Он опустил на спину, подложив поудобнее подушку. Господи, как он устал.

— Значит ты ввела мне какой-то наркотик? — уточнил он.

— Я только добавила тебе то, что есть в крови у каждого мужчины, когда он готов к совокуплению, — сказала она, зная, что ее тон выдавал испытываемое ею смущение. Внешние такие странные, когда дело касается бридинга.

Голова у Перуджи раскалывалась, и ее слова усиливали

боль. Он медленно повернулся и посмотрел на нее в упор. Боже! Какое чувственное тело! Он говорил с трудом, но отчетливо.

— Ты все время говоришь про бридинг.

— Я знаю, вы используете для этого другие слова, — начала объяснять она, — но мы называем это так — бридинг.

— Мы?

— Мои... друзья и я.

— Ты соединялась с ними?

— Иногда.

Сумасшедшие групповые наркоманы! Может быть их-то Хеллстром и прячет: секс-оргии и возбуждающие наркотики? Перуджи внезапно глубоко ощутил похотливую зависть. Положим, эти чокнутые так развлекаются. Положим, они регулярно устраивают такие вечера, подобные тому, что он провел с Фэнси. Не может, конечно, быть. Но какой бы это был опыт для мужчины! И для женщины, конечно.

Разумеется, это вне рамок закона, но...

Фэнси сбросила полотенца и стала надевать халат, как и ночью, совсем не смущаясь своей наготы. Несмотря на головную боль и апатию, Перуджи не мог не восхищаться ее чувственной грацией. Она была женщиной с ног до головы!

Одевшись, Фэнси вспомнила о том, что ничего не ела, и подумала, хватит ли у Перуджи денег, чтобы накормить ее. Ей нравилась мысль об экзотической еде Внешних, но она забыла захватить с собой деньги. Теплое пальто, ампула, велосипед, но не деньги.

«Я торопилась», — подумала она и хихикнула. Дикие Внешние такие смешные, если их возбудить, словно подавляемая энергия специально приберегается в них для таких случаев.

Наблюдая за процессом одевания Фэнси, Перуджи вновь начал испытывать тревогу. Что привело ее в его постель? Бридинг? Чепуха! Впрочем, где-то она все-таки достала это возбуждающее средство. Этого нельзя отрицать. Его собственное поведение этой ночью служило тому лучшим подтверждением.

Восемнадцать раз!

Что-то глубоко порочное связано с этой фермой.

Бридинг!

— У тебя есть дети? — спросил он.

— О, несколько, — сказала она, но тут же решила, что не следовало признаваться в этом. Инструкции насчет сексуальных запретов Внешних были четкими. Ее собственный опыт говорил о том же. Это признание несло в себе потенциальную опасность. Перуджи не мог знать, сколько ей лет. Достаточно, чтобы быть матерью, разумеется. Свойственное Муравейнику различие между внешним видом и возрастом нельзя раскрывать Внешним. Она ощутила незапный приступ осторожности.

Ее ответ удивил Перуджи:

— Несколько? И где же они?

— С друзьями.

Она пыталась казаться спокойной, но внутри у нее все напряглось. Следует сменить тему разговора.

— Ты хочешь спариться еще? — спросила она.

Но так просто сбить Перуджи не удалось.

— У тебя есть муж?

— О, нет.

— Кто же отец твоих нескольких детей? — спросил он, а затем подумал, что лучше ему было употребить множественное число — отцы.

Его вопросы усилили ее нервозность:

— Я не хочу говорить об этом.

Признав, что у нее есть дети, она сделала ошибку. Воспитанное Муравейником сознание постепенно восстанавливало события проведенной с Перуджи ночи. Внешний сделал несколько интересных признаний в муках экстаза. Был момент, когда глубины его сознания были полностью открыты для нее. Двигаясь с показной беззаботностью, она подошла к велосипеду и сняла длинное меховое пальто, держа его в руках.

— Куда ты собралась ехать? — требовательно спросил Перуджи. С трудом подвинув ноги к краю постели, он позволил им упасть на холодный пол, придавший ему некоторые силы. Голова кружилась от утомления, в груди появилась боль. Что, черт возьми, она ему вколола? Фэнси попросту им попользовалась.

— Я хочу есть, — сказала она. — Могу я оставить здесь велосипед на время, пока я схожу на улицу и чего-нибудь перекушу? Может быть, несколько позднее, мы позанимаемся бридингом еще.

— Поесть? — Его чуть не стошнило от одной мысли.

— Здесь кафе неподалеку, — сказала Фэнси. — Мне очень хочется есть... — она хихикнула, — после ночи.

«По крайней мере, ей придется вернуться за своим чертовым велосипедом», — подумал Перуджи, поняв, что сейчас, в его состоянии, он ей не пара. Перуджи подготовит к ее возвращению комиссию по встрече. Они должны наконец распутать тайну Нильса Хеллстрема, и ниточку, за которую они потянут, зовут *Фэнси*.

— Только до кафе, — сказал он, словно объясняя это себе. Перуджи вспомнил виденный им неоновый знак.

— Я хочу... позавтракать, — сказала она и нервно сглотнула. Она чуть было не сказала «Внешний» завтрак. «Внешний» — слово, неупоминаемое в присутствии Внешних. Девушка скрыла смущение за вопросом:

— У тебя есть деньги? Я торопилась, чтобы уйти незамеченной прошлой ночью, и не захватила с собой ни цента.

Перуджи почти не расслышал ее неуклюжую фразу и только махнул рукой в сторону брюк.

— В кармане. Бумажник.

Он откинул голову на подушку. Просто сидеть требовало пугающих усилий, да еще боль в груди и раскалывающаяся голова. Перуджи понял, что потребуются вся его воля, чтобы подняться на ноги. Может быть, принять холодный душ? Он слышал, как копошится Фэнси, но не мог заставить себя поднять голову. «Возьми все! Проклятая ведьма!»

— Я возьму пять долларов, — сказала Фэнси. — Ничего?

«Я часто плачу больше», — подумал Перуджи. Но проституция, очевидно, не была ее профессией, иначе она взяла бы больше.

— Конечно, бери сколько нужно.

— Принести тебе кофе или еще что-нибудь? — спросила Фэнси. Перуджи действительно выглядел больным. Ей следует о нем позаботиться.

Перуджи проглотил ком в горле и сделал слабый жест:

— Нет, я поем позже.

— Ты уверен?

— Да.

— Хорошо.

Его внешний вид беспокоил Фэнси, но она все же решила идти. Может быть, ему просто нужно немного отдохнуть. Уже выходя, она обернулась и с бодрой уверенностью пообещала:

— Я скоро вернусь.

— Подожди, — сказал он, приподнимая голову с явным усилием.

— Хочешь, чтобы я все-таки принесла тебе что-нибудь поесть?

— Нет. Я просто... подумал. Значит, мы *спарились*. Ты думаешь забеременеть от меня?

— Я надеюсь на это. Я сейчас в верхней точке цикла.— Она обезоруживающе улыбнулась и добавила: — А сейчас я иду есть. Я мигом вернусь. Все говорят, что я быстрый едок.

Она вышла, закрыв за собой дверь.

«И быстрый бридер тоже», — подумал он. В какую историю он, собственно, попал? Ребенок? Именно это узнал Карлос? Ему внезапно представился Карлос Д., упрятанный в подземном узилище Фэнси и ее друзьями, постоянные оргии с применением таинственного возбуждающего средства. Пока хватает Карлоса. Постоянная бридинг-оргия, дети на конвейерной линии. Но почему-то ему трудно было представить Карлоса в этой роли. Не мог он также представить в этой роли Тимену и даже Портера. Тимена никогда не казалась ему прирожденной матерью. И сухарь Портер избегал женщин как огня.

Хеллстром, впрочем, как-то вовлечен в дела, связанные с сексом, и эти дела пахнут дурно.

Перуджи провел ладонью по лбу. Мотель предоставлял комнатный кофейный автомат с бумажными пакетами растворимого кофе. Перуджи встал на ноги и неуверенной походкой подошел к аппарату, установленному в нише рядом с дверью ванной комнаты, вскипятил воду и приготовил две порции. Он выпил кофе слишком горячим. Ему обожгло

рот, но самочувствие улучшилось и боль в голове поутихла. Перуджи закрыл дверь на защелку и достал передатчик.

На втором сигнале на связь вышел Джанверт. Руки у Перуджи дрожали, но он сумел подвинуть стул к окну, установить прибор на подоконник и настроить себя на доклад. Они обменялись кодовыми сигналами, и Перуджи начал подробный пересказ событий последней ночи, не упуская ни единой детали.

— Восемнадцать раз? — спросил недоверчиво Джанверт.

— Насколько я могу помнить.

— Славно время провели, — передатчик не мог скрыть ноты циничного удивления в тоне Джанверта.

— Заткнись, — прорычал Перуджи, — она мне что-то вколола, возбуждающее, или что-то в этом роде, и я превратился просто в большой кусок плоти. Мы должны выяснить, что это за наркотик. — Он посмотрел на свой синяк.

— Как ты намереваешься сделать это?

— Я собираюсь сегодня к Хеллстрому в гости. Нажму на него.

— Это не самый лучший способ. Вы связывались с центром?

— Шеф хочет... я связывался.

Черт! Слишком трудно объяснить, что Шеф дал указание вести прямые переговоры. То, что случилось, ничего не меняло, а только добавляло лишний вопрос в повестку переговоров.

— Проявляйте осторожность, — сказал Джанверт. — Помните, что мы уже потеряли троих наших людей.

Джанверт что, принимает его за идиота?

Перуджи потер правый висок. Господи, голова пуста, пуста так, как и его тело. Она вытянула из него все соки.

— Как она попала к вам с фермы? — спросил Джанверт. — Ночной дозор ничего не сообщал об автомобилях на дороге.

— Она приехала на велосипеде, Боже праведный. Разве я об этом не говорил раньше?

— Нет. Вы уверены, что с вами все в порядке?

— Я только немного устал.

— Это я могу понять. Значит, она приехала на велосипеде. Любопытно.

— Что любопытно?

— Карлос был помешан на велосипедах. В Портлендском офисе нам сказали, что он взял с собой велосипед. Помните?

Перуджи посмотрел на велосипед, прислоненный к стене. Он вспомнил сейчас, что Коротышка упоминал о нем. Велосипед. Возможно ли это?

— Есть у нас серийный номер или еще что-нибудь, позволяющее идентифицировать велосипед Карлоса? — спросил он.

— Может быть. На нем могут даже сохраниться отпечатки пальцев. Где этот велосипед сейчас?

— Здесь, в моей комнате. Я пока один, она пошла в кафе перекусить. — Он вспомнил свое решение. Боже Всемогуший! Совсем голову потерял! — Коротышка, — пролаял он, испытывая даже слабый прилив сил, — бери группу и дуй сюда как можно быстрее. Надо взять не только велосипед, но и Фэнси — для допроса с пристрастием.

— Ясно, — сказал Джанверт. — Со мной рядом ДТ, он все слышал и рвется ехать.

— Нет! ДТ должен оставаться там и следить за Хеллстромом. Шеф дал четкие указания. Пошли команду Сэмсона.

— ДТ проследит за этим. Они отправятся через минуту.

— Вели ему поторопиться. Я знаю только один способ задержать эту мадам, но после этой ночи я не в состоянии им воспользоваться.

Слова Нильса Хеллстрема: *«Я помню свое детство в Муравейнике, которое представляется мне счастливым периодом жизни, счастливейшим опытом человека во всей его жизни. Ни в чем я не знал отказа. Я знал, что меня окружают люди, готовые отдать за меня жизнь. Только со временем до меня дошло, что я должен этим людям той же полной мерой, если бы это от меня потребовалось. Каким глубоким вещам научили нас насекомые! Насколько ошибочны в этом отношении*

взгляды Внешних! Голливуд, например, долго считал, что простой угрозы попадания насекомого на лицо достаточно, чтобы взрослый человек запросил пощады и раскрыл все известные ему тайны. Философ Харл, мудрейший среди нас в своей области, рассказал мне, что от детских кошмаров до психозов взрослых насекомых проходят как возбудители ужаса в разуме Внешних. Как странно, что Внешние за силой и рационализмом насекомых не видят уроков, воплощаемых ими для всех нас. Урок первый, конечно, состоит в том, что насекомые никогда не боятся умереть за свой род».

— Как они могли позволить этим — этим Внешним забрать велосипед? — бушевал Хеллстром.

Он стоял почти в центре упрямой глубоко в недрах Муравейника комнаты, где располагался пост службы безопасности, из которой можно было подключиться к любому внутреннему или внешнему сенсору и прочесть накопленные им данные. Не хватало только визуального контроля данных, чтобы этот пост стал самым важным во всей системе службы безопасности. Хеллстром часто предпочитал этот пост всем остальным. Деятельная обстановка, создаваемая работниками, давала ему чувство защищенности, которое, по его мнению, способствовало мыслительным процессам.

Салдо, доложившему о результатах экспедиции, стало не по себе от сочетания гнева Хеллстрома и собственного понимания не только прямой угрозы благополучию Муравейника, но и ошибки, допущенной самим Хеллстромом. Салдо был потрясен до глубины души. Если бы только Хеллстром прислушался к словам предупреждения. Если бы только... Но сейчас не время напоминать Хеллstromу об этом.

— Наши работники не понимали, что происходит, до тех пор, пока не стало слишком поздно, — объяснял Салдо. — Фэнси вышла раньше, и они успокоились. Затем подъехал закрытый грузовик. Из него вышли четыре человека. Они зашли в комнату Перуджи, и двое из них вышли с велосипедом. Они уехали прежде, чем наши люди могли

выйти на дорогу и попытаться их остановить. Мы их преследовали, но они были к этому готовы, а мы нет. Другой грузовик заблокировал дорогу, и погоню пришлось прекратить. Они отправились напрямик в аэропорт и улетели сразу, прежде чем мы могли предпринять что-либо.

Хеллстром прикрыл дверь, полный дурных предчувствий. Затем удивленно спросил:

— И все это время Фэнси была в ресторане, поглощая пищу Внешних?

— Мы всегда знали эту её слабость, — сказал Салдо. — Дефект, — поправился он и сделал знак Котла, подняв вопросительно брови.

— Нет, — Хеллстром покачал головой. — Не следует торопиться сбрасывать ее со счетов. Для Фэнси еще не наступило время отправляться в Котел. Где она сейчас?

— Все еще в ресторане.

— Мне казалось, я отдал приказ привезти ее в Муравейник.

Салдо пожал плечами.

«Конечно, — подумал Хеллстром. — Работники любят Фэнси, и многие из них знают о ее дефекте. Никакого вреда нет в том, чтобы позволить ей закончить экзотическую еду Внешних. Любовь тоже может быть дефектом».

— Верните ее немедленно, — строго велел он.

— Мне следовало сразу отдать такой приказ, — признал Салдо. — Мне нет извинений. Я находился у себя и контролировал связь с городом, когда... нет извинений. У меня была одна мысль — быстрее добежать сюда.

— Ты поступил правильно, — сказал Хеллстром и показал рукой на коммуникационную консоль впереди него.

Салдо быстро подошел к ней и передал указание Хеллстрома. Выполнение понятных приказов действовало успокаивающе, но полностью тревога не рассеялась. Что имел в виду Хеллстром, говоря о ценности Фэнси? Как она могла помочь спасти Муравейник с таким поведением? Но ветераны часто знали нечто, недоступное пониманию молодых. Большинство работников Муравейника понимали это. Помощь со стороны Фэнси казалась невозможной, но вероятность этого нельзя отрицать, если принять во внимание уверенность в этом Хеллстрома.

Слова Нильса Хеллстрема: «Существует еще одна причина, по которой нам не следует чрезмерно копировать методы выживания насекомых. Насекомых прозвали передвижным кишечным трактом. И не без оснований. Для поддержания жизни насекомые должны ежедневно потреблять пищу, по весу превышающую в сотни раз их собственный вес, что для нас означает съедание в день целой коровы и целого стада из тридцати голов каждый месяц. Для тех, кто видел аппетит насекомых на практике, результат ясен. Если им позволить беспрепятственно размножаться, они вскоре уничтожат всю растительность на Земле. Таким образом, урок, преподанный нам насекомыми, сопрягается с недвусмысленным предупреждением. Если продовольственная проблема становится решающим фактором, то пусть жалующиеся помнят, что их предупреждали. С момента своего появления на свет человечество в беспомощности наблюдает за тем, как сама обрабатываемая им почва порождает соперника, способного его объесть. Мы не только должны не позволить нашим учителям-насекомым потребить то, что необходимо нам для выживания, но и сами не должны безрассудно впасть в эту ошибку. Нельзя игнорировать темпы воспроизводства и регенерации этой планеты. Для насекомых и людей возможно погубить в одну неделю то, что могло бы кормить миллионы в течение целого года».

— Мы сняли все отпечатки пальцев, какие смогли, и отправили чартерным рейсом в Портленд, — сказал в лазерный передатчик Джанверт. — Согласно предварительным данным, некоторые из отпечатков совпадают с отпечатками пальцев женщины, которые мы сняли у вас в комнате. Ваши ребята уже взяли ее?

— Она исчезла, — пробурчал Перуджи.

Одетый в легкий халат, он сидел у окна, глядя на

освещенную утренним светом гору и пытаюсь сосредоточиться на отчете. Это становилось все труднее. Боль в груди не утихала, и каждое движение требовало таких усилий, что он всякий раз сомневался, сможет ли он его довести до конца.

— Что произошло? — спросил Джанверт. — Ошибка команды?

— Нет. Мне следовало послать их в кафе. Мы увидели, как она выходит, но тут к ней подскочили трое мужчин и перехватили ее.

— Они схватили ее?

— Борьбы не было. Она просто прыгнула к ним в машину, и они уехали. Наших людей просто там не было. Ван, который отвозил велосипед, еще не вернулся. Сэмпсон выбежал, увидев, что произошло, но было поздно.

— Назад на ферму?

— Уверен в этом, — сказал Перуджи.

— Запомнили номер?

— Слишком далеко, но вряд ли это важно.

— Значит, она просто уехала с ними?

— Так это выглядело. Сэмпсону показалось, что лицо ее радости не выражало, но она не спорила.

— Вероятно, огорчилась, что не может вернуться и еще немного поразвлечься с вами, — сказал Джанверт.

— Заткнись! — рявкнул Перуджи и приложил руку ко лбу. Его мозг, казалось, отключился и больше ему не подчинялся. Так много деталей, но все они ускользали от него. Ему и правда нужен холодный душ, чтобы разогнать туман и подготовиться к визиту на ферму.

— Я справился в архиве, — сказал Джанверт. — Эта Фэнси подходит под описание Фэнси Калотерми, являющейся офицером корпорации Хеллстрома.

— Я знаю, знаю, — вздохнул Перуджи.

— С вами все в порядке? — спросил Джанверт. — Судя по голосу, вы не совсем в своей тарелке. Может быть, тот укол...

— Со мной все в порядке!

— По голосу я бы этого не сказал. Мы не знаем, что за препарат она впрыснула вам прошлой ночью. Может

быть, вы обратитесь к врачу, а мы пришлем запасную команду?

— Идите к черту, — выругался Перуджи.

— Почему вы не отказались от предложенного удовольствия? — спросил Джанверт.

— Я же сказал тебе! Со мной все в порядке! Сейчас приму душ и буду готов. Нам надо выяснить, как ей удалось это проделать.

— С нетерпением жду новостей, — ляпнул Джанверт.

Идиот! С трудом сдержавшись, Перуджи осторожно потер виски. Боже, как болит голова и грудь. Он должен в таком состоянии продолжать работать, и только этот осел у него за спиной. Но что-либо менять уже слишком поздно. Перуджи почувствовал, как дрожат его руки.

— Вы слышите меня? — спросил Джанверт.

Перуджи вздрогнул при звуке его голоса.

— Да.

— Вот будет весело, если «Проект 40» состоит всего-навсего в получении этого возбуждающего!

Нет, все-таки Коротышка невыносим! Он делал прямо противоположное тому, в чем Перуджи сейчас нуждался. В голосе Джанверта звучало злорадство, его ненадежность теперь уже не вызвала никаких сомнений. Но как сейчас можно что-нибудь изменить? Группы рассредоточились по всему району. А надо быть на этой проклятой ферме через пару часов. Он не представлял себе, как это сделать, но не пойти было просто невозможно. На секунду он попытался представить себе, что в циничной болтовне Джанверта есть доля истины. Что это мог быть за препарат? Черт! Если бы он мог выяснить, то денег бы это принесло ему больше, чем тайны десяти металлургических процессов.

— Вы слишком замедленно реагируете на вопросы, — сказал Джанверт. — Я пришло Кловис, чтобы она присмотрела за вами. У нее есть некоторый опыт в уходе за...

— Она останется с тобой! Это приказ.

— Эта дамочка могла не только зарядить вас как сексуального партнера, но и...

— Не было никаких «и», черт возьми! — Однако слова Джанверта привели его в состояние, близкое к панике. Ночь с Фэнси изменила многое из его представлений, включая идею женщины.

— Мне не нравится ваш голос, — сказал Джанверт. — Сэмпсон недалеко от вас?

— Я отослал его к тебе. Фургон еще не прибыл. Делай, как я сказал. Ты слышишь меня, Коротышка?

— Но тогда вы останетесь в городе один. У них будет там своя группа, а у вас нет.

— Они не посмеют напасть на меня!

— По-моему, вы ошибаетесь. Может быть, они уже напали на вас. Этот город, может быть, полностью в их руках. Шериф уж точно!

— Я приказываю тебе оставаться там, где ты есть, со всеми приданными тебе группами, — сказал Перуджи.

— Мы могли бы доставить вас в клинику Портленда меньше чем за два часа, — предложил Джанверт. — Я собираюсь звонить...

— Я приказываю тебе не звонить в центр, — прервал его Перуджи.

— Думаю, у вас поврежден рассудок. В клинике вас исследуют и скажут, что вам впрыснули.

— Вряд ли. Господи! Она сказала, что это гормоны или что-то в этом роде.

— Вы верите этому?

— Возможно, она сказала правду. На этом все. Делай, как я сказал. — Он уронил руку на кнопку отключения связи.

Проклятье! Каждое движение требовало столько усилий. Перуджи отложил передатчик и направился в ванную. Холодный душ. Это как раз то, что ему нужно. Если бы ему только удалось полностью прийти в себя. В ванной все еще поблескивали капельки, оставшиеся от купания Фэнси. Перуджи встал под душ, держась одной рукой за трубу, а другой нащупывая кран. Холодная вода. Он повернул кран до упора. При первых же каплях холодной воды боль в голове и груди стала нестерпимой. Шатаясь, Перуджи вышел из-под душа, хватая ртом воздух, не выключив воду. Он вывалился из ванной, оставляя мокрые следы на полу, опрокинул остатки кофе со столика, но даже не заметил этого. Постель! Ему нужна постель. Перуджи бросил свое мокрое тело на постель и перевернулся на спину. В груди полыхал пожар, кожа покрылась мурашками

от озноба. Было холодно! Он выгнул спину, попытался обернуть вокруг себя простыню, но пальцы вдруг разжались и рука бессильно упала на край постели. Перуджи умер еще до того, как его безжизненные пальцы коснулись пола.

Слова Нильса Хеллстрома: *«По широко распространенному во Внешнем мире мнению, невозможно сопротивляться проявлениям природы. Необходимо понять, что мы осваиваем уже существующие формы, приспособляясь к неизбежным изменениям, вызванным нашим влиянием на природные процессы. Способ борьбы диких Внешних с насекомыми на многое проливает свет. Противопоставляя себя мощному проявлению жизни, дикие невольно побуждают своих противников усиливать свою защиту. Яды Внешних приносят мгновенную смерть большинству насекомых. Но у тех, кто выжил, развивается иммунитет — способность потреблять яды, не принося организму вреда. Возвращаясь в чрево земли, выжившие передают иммунитет новым поколениям».*

Спокойная и деловая атмосфера, царившая в Муравейнике, всегда действовала на нее успокаивающе после возвращения из Внешнего мира. Она восхищалась той ловкостью, с которой работники занимались каждый своим делом, без суеты, со спокойствием, присущим людям, точно знающим, что им нужно делать. Сопровождающий ее по знакомым галереям эскорт был проникнут тем же духом. Поэтому она не думала о нем, как о захватчиках. Это были ее знакомые. Приятно, конечно, иногда покинуть пределы Муравейника, но еще лучше возвращаться назад. Особенно сознавая, что ночная вылазка позволила пополнить генные запасы Муравейника. Муравейник успокаивал душу и тело просто тем, что окружал ее со всех сторон.

Внешние могут быть молодцами, особенно дикие мужчины. В свои пятьдесят восемь лет Фэнси дала Муравейнику девять детей, рожденных от Внешних отцов. Это большой вклад

в генный пул. Она понимала генные пулы так же, как она понимала насекомых. Фэнси была специалисткой. Внешних мужчин и муравьев она любила больше других.

Иногда, наблюдая в лаборатории за муравьиной колонией, Фэнси чувствовала, что и для нее предназначено создать со своими подопечными новую колонию, может быть, даже стать их Праматерью. Возможно, Фэнси понадобится время на химическую акклиматизацию, чтобы они приняли ее к себе. В своих факториях она могла создать эскорт, сопровождавший бы ее в глубь Муравейника, как свою королевскую стражу. Фэнси будет муравьиной королевой. Муравьи, москиты, другие насекомые не выказывали никаких признаков недовольства при вмешательстве Фэнси в их дела. Когда она это поняла, для нее было легко представить себе Муравейник как свою собственную колонию.

Так сильно ею овладело воображение, что, когда ее ввели к Хеллстрому, она посмотрела на него поначалу с королевским снисхождением, не обратив внимания на состояние, в котором он находился. Хеллстром отметил, что Фэнси все еще одета в меховое пальто, взятое ею со склада, и что она была чертовски довольна собой. Кивком он отпустил охрану. Они отступили в тень, но настороженности не утратили. Приказания Салдо на этот счет были точными. Многие работники службы безопасности признали тот факт, что Салдо обладал качествами, требующими послушания. В этой комнате внутренней службы по крайней мере половина работников чувствовала необходимость подчинения.

— Ну, Фэнси, — сказал Хеллстром, но умышленно нейтральным голосом.

Рядом с Хеллстромом стоял стол, и Фэнси, опершись на него, улыбнулась ему.

Хеллстром отодвинул стул и тяжело опустился на него. Он посмотрел на нее:

— Фэнси, не объяснишь ли ты мне, чем, по твоему мнению, ты занималась прошлой ночью?

— Я провела ночь, спариваясь с грозным мистером Перуджи, — сказала Фэнси. — Он оказался столь же грозным, как и любой другой Внешний мужчина, с которым мне довелось встретиться раньше.

— Ты кое-что взяла со склада, — сказал Хеллстром.
— Расскажи нам об этом.

— Только это пальто и ампулу наших мужских бриндиг-гормонов, — сказала Фэнси. — Я его накачала.

— На него они действовали?

— Как обычно.

— Ты проделывала подобное раньше?

— Много раз, — сказала она. Хеллстром вел себя как-то странно.

Хеллстром задумчиво кивнул, пытаясь выискать тайный смысл в поведении Фэнси, который мог бы подтвердить его подозрения в том, что бессознательно ее действия выражали самые насущные требования Муравейника. Пополнение генного пула, конечно, положительный фактор, и поступление генов Перуджи можно только приветствовать. Но она вынесла во Внешний мир ценнейший секрет Муравейника, рисковала открыть Внешним их глубокие познания в механизме действия человеческих гормонов. По ее собственному же признанию, делает она это не в первый раз. Если только Внешние узнают о некоторых вещах, которые способен делать Муравейник с химией человеческого организма...

— Ты с кем-нибудь об этом говорила? — спросил Хеллстром. Очевидно, должно обнаружиться некое обстоятельство, способное объяснить подобное поведение.

— Я говорила об этом со многими женщинами-бридерами, — сказала она, недоумевая про себя: «О чем это так беспокоится старина Нильс?» Только сейчас она заметила его напряженное состояние.

— С женщинами-матками, — повторил он.

— Ну да. Многие из нас используют гормоны, когда выходят во Внешний мир.

Потрясенный, Хеллстром смог только покачать головой. *Благословенная Праматерь!* И никто из ведущих специалистов Муравейника об этом не подозревал! Что еще неожиданного могут таить в себе недра Муравейника?

— У друзей Перуджи твой велосипед, — сказал Хеллстром.

Она посмотрела на него недоуменно.

— Велосипед, который ты взяла, чтобы доехать до города, — пояснил Хеллстром.

— Оо-о!.. Работники, взявшие меня, были так настойчивы, что я и позабыла о нем.

— Взяв этот велосипед, ты создала кризис, — сказал Хеллстром.

— Как это может быть?

— Ты не помнишь, откуда у нас этот велосипед?

Она прикрыла рот от испуга. Когда она брала велосипед, она думала только о том, как быстрее добраться до города. Она даже немножко гордилась своим поступком. Она была одной из немногих, умеющих на нем ездить. Она демонстрировала свою способность перед инженерами за неделю до этого и даже одного из них научила им управлять. Но сейчас в ней сработал рефлекс защиты Муравейника. Если велосипед свяжут с парой, отправленной ими в Котел...

— Что я могу сделать, чтобы его вернуть?

«Это Фэнси, с которой я могу работать и восхищаться», — подумал Хеллстром, реагируя на ее внезапно пробужденную тревогу.

— Не знаю пока, — сказал он.

— Перуджи должен сегодня быть здесь, — сказала Фэнси. — Могу я попросить, чтобы он вернул его мне?

— Слишком поздно. Они уже отправили его к себе на самолете. Значит, они догадались.

Она кивнула. Отпечатки пальцев, серийные номера. Ей доводилось об этом читать.

— Тогда лучшее в нашем положении — отрицать, что велосипед был у нас, — сказала Фэнси.

«Лучшее в нашем положении отрицать, что Фэнси существует, — печально подумал Хеллстром. — У нас есть другие, похожие на нее лицом и фигурой. Остались ли отпечатки ее пальцев на документах, подписанных ею под именем Фэнси Калотерми? Маловероятно, столько времени прошло».

— Я совершила ошибку, да? — спросила Фэнси, начиная понимать сложность проблемы, возникшей из-за ее действий.

— Ошибка твоя и других женщин в том, что вы выносили гормоны со склада во Внешний мир. И еще ошибка — велосипед.

— Велосипед! Теперь мне понятно, — признала Фэнси.
— Но гормоны только гарантировали оплодотворение.

Даже когда она говорила, честность, воспитанная Муравейником, заставила ее признаться самой себе в том, что это не могло оправдать использование ею и другими запасов Муравейника таким способом. Началось все с эксперимента, кончившегося открытием чрезвычайной восприимчивости Внешних мужчин. Она поделилась своим открытием с несколькими сестрами. Внешним мужчинам, проявлявшим любопытство, они придумывали разные истории. Что это очень дорогой новый наркотик, который они украли. Больше достать они не могут. Лучше попользоваться им, пока он есть.

— Ты должна назвать всех, кто знает этот фокус, — сказал Хеллстром.

— О, Нильс!

— Ты должна и знаешь об этом. Все вы дадите нам детальный отчет, касающийся реакции Внешних мужчин, насколько любопытны они были, кто эти мужчины и сколько раз вы навещали с подобной целью склад. Словом, обо всем.

Она удрученно кивнула. Конечно, придется обо всем рассказать. Веселье кончилось.

— На основе полученной информации мы можем осуществить во Внешнем мире некоторые эксперименты под нашим наблюдением, — сказал Хеллстром. — В связи с этим отчет должен быть предельно подробным. Все, что ты вспомнишь, имеет для нас ценность.

— Да, Нильс.

Фэнси чувствовала раскаяние, но внутри возликовала. Возможно, веселье еще не кончилось. Проведение экспериментов означало применение и в дальнейшем принятых в Муравейнике методов по отношению к Внешним. Кто больше подходил к участию в проекте, чем те, кто уже опробовал подходящую тактику.

— Фэнси, Фэнси, — сказал Хеллстром, качая головой. — Муравейник еще никогда не был в таком опасном положении, а ты продолжаешь играть в свои игры.

Фэнси обхватила себя руками.

— Почему? — спросила она. — Почему?

— Может быть, нам придется отправить тебя в Котел.

Ее глаза широко раскрылись в тревоге. Фэнси выпрямилась, глядя прямо в лицо Хеллстрому. Котел! Но она еще так молода. Впереди у нее еще столько лет работы в службе бридинга. Они нуждались в ее таланте работы с насекомыми. Никто лучше нее не умел с ними работать! Фэнси начала было перечислять эти аргументы, но Хеллстром прервал ее:

— Фэнси! Муравейник прежде всего!

Его слова потрясли ее, и она внезапно вспомнила об одной вещи, о которой хотела сказать Хеллстрому. Разумеется, Муравейник прежде всего! Уж не считает ли он ее моральной отступницей?

— Мне надо тебе кое-что сказать, — начала Фэнси. — Это может оказаться очень серьезным.

— Да?

— Гормоны очень сильно подействовали на Перуджи. Ему показалось, что я задала ему вопрос в один из моментов. На самом деле нет, но, когда он начал говорить, я кое-что у него выпросила. Он не полностью сознавал, что делает, просто реагировал. Думаю, он сказал правду.

— Что он сказал? Быстро.

— Он сказал, что приехал предложить тебе сделку. Он сказал, что они изучили найденные ими документы по «Проекту 40», ты знаешь, и пришли к выводу, что мы разрабатываем новые способы литья металлов. Сталь и тому подобное. Он сказал, что крупное открытие в металлургии может принести миллиарды. Он говорил не всегда понятно, но суть я поняла верно.

Хеллстром испытал такой подъем при этих ее словах, что готов был вскочить и обнять ее. Муравейник исполнил свою волю через нее!

Салдо вошел как раз в тот момент, когда эти чувства охватили его, и Хеллстром почти в крик объяснил ему, что случилось. Фэнси показала им выход: это коммерческое вторжение! Подтвердилась его внутренняя убежденность — Муравейник учится. Надо немедленно сообщить в лабораторию. Это может даже помочь им в собственных исследованиях. Дикие Внешние иногда представляли проблему в неожиданном свете.

— Я помогла Муравейнику? — спросила Фэнси.

— Да, и очень!

Салдо, остановившийся, чтобы сказать несколько слов одному из хранителей инструментов, посмотрел на Хеллstromа и встряхнул головой. Значит, Перуджи еще не прибыл. Салдо должен был сообщить о его прибытии сразу же.

Хеллstrom теперь хотел, чтобы Перуджи приехал.

Металлургия! Изобретения! Все эти таинственные намеки прояснились.

Фэнси все еще стояла рядом со столом и смотрела на Хеллstromа.

— Перуджи сказал что-нибудь еще? — спросил Хеллstrom.

— Нет. — Она покачала головой.

— Ничего насчет пославшего его агентства, правительственного агентства?

— Ну, он говорил что-то о ком-то, называемом им Шефом. Он ненавидит Шефа. Он ужасно ругался.

— Твоя помощь неоценима, — сказал Хеллstrom, — но теперь тебе надо спрятаться.

— Спрятаться?

— Да. Ты помогла во многих отношениях. Я даже не ставлю тебе в вину кражу гормонов. Ты напомнила нам, что химически мы идентичны Внешним. Мы изменились несколько за последние триста лет, конечно, поскольку мы работали с генами, но... — Он широко улыбнулся ей. — Фэнси, ты всегда, прежде чем что-нибудь делать, должна поговорить с нами.

— Хорошо. Я все поняла.

— Очень хорошо. Мимека была одной из тех, с кем ты поделилась своим маленьким секретом?

— Да.

— Отлично. Я хочу, чтобы ты... — Он заколебался, глядя на ее бледное лицо с выражением ожидания. — Есть шанс, что из этой ночной прогулки ты вернулась беременной?

— Очень даже большой шанс. — Она засветилась от радости. — У меня как раз пик. В этом вопросе я не ошибаюсь.

— Посмотрим, подтвердят ли твое мнение лабораторные тесты, — сказал он. — В случае положительного результата

скучать в укрытии тебе не придется. Если ты окажешься беременной, отправляйся в Центр на сохранение. Скажи им, что выполняешь мои инструкции. Однако не впадай в спячку, пока мы не пришлем кого-нибудь, кто запишет твои показания, касающиеся воздействия гормонов на Внешних.

— Хорошо, Нильс. Я отправлюсь в лабораторию немедленно.

Фэнси повернулась и торопливо пошла к двери, провожаемая взглядами нескольких работников. Вероятно, запах возбуждающего препарата шлейфом тянулся за ней. Но Хеллstromу некогда было заниматься предположениями, все-таки любопытная женщина. Что же они получили в ФЭНСИ-линии?

Салдо приблизился к столу Хеллstromа, бросив через плечо взгляд на уходящую Фэнси.

Хеллstrom потерял подбородок. Последние дни он пользовался саппресантами — средствами, подавляющими рост волос, но все же борода кое-где проглядывала. Надо побриться, и обязательно до прихода Перуджи, своим видом при общении с Внешними нельзя пренебрегать.

Так значит, металлургия и изобретение?

Заметив стоящего рядом Салдо, он спросил рассеянно:

— Что тебе?

— Я слушал, пока вы говорили с Фэнси, — сказал он.

— Ты слышал, что она рассказала о Перуджи?

— Да.

— Ты продолжаешь считать, что она тайно покинула Муравейник?

— Я... — Он пожал плечами.

— Ее поступками управлял Муравейник — через наши головы, — сказал Хеллstrom. — Муравейник может реагировать как единый организм или же через любого из нас. Запомни это.

— Если вы так считаете, — сказал Салдо. В голосе его не слышалось убежденности.

— Да, я так считаю. И когда ты будешь допрашивать Фэнси, я тебя прошу быть с ней помягче.

— Помягче? Она подвергла опасности...

— Наоборот! Она показала нам путь к спасению. Так

что будь с ней помягче. И с другими женщинами тоже, с теми, кого она назовет.

— Да, Нильс. — Салдо чувствовал неразумность этих приказов, но принудить себя пойти на открытое неповиновение не мог.

Хеллстром встал, обогнул стол и направился к выходу.

— Если вы мне понадобится, где мне вас искать? — спросил Салдо.

— В моей комнате. Сообщи сразу, как появится Перуджи.

Мудрость Харла: *«Становясь в ОППОЗИЦИЮ Вселенной, ты рискуешь своей жизнью».*

Вместо того чтобы прямо отправиться к себе, Хеллстром свернул налево в главную галерею, затем еще раз налево, и когда подошла кабина, он вошел в открытый проем экспресс-лифта. Он выпрыгнул из движущейся кабины на уровне пятьдесят один в другую широкую галерею, более спокойную по сравнению с галереями верхних уровней. Работники здесь все делали с кошачьей мягкостью и с молчаливым сознанием важности выполняемых, даже если и второстепенных, поручений.

Хеллстром прошел относительно активную зону, стараясь не мешать работникам, и только когда вошел в арку, ведущую в лабораторию, занятую разработкой «Проекта 40», он стал обдумывать, что ему следует сказать специалистам.

Мысли Хеллстрема: *«Внешние полагают, что речь идет об изобретении, касающемся работы с такими металлами, как сталь. Это мнение у них сложилось в результате прочтения страниц 17 – 41 Отчета. Вероятно, они подумали о наличии проблемы перегрева, ознакомившись исключительно с указанными страницами».*

Да, именно так. Достаточно кратко, чтобы удовлетворить

характерную для исследователей нетерпимость ко всем помехам в работе, но и достаточно информативно.

Хеллстром остановился в дверном проеме, ожидая перерыва в работе. Вторгаться сюда можно только по делу чрезвычайной важности. Работающие здесь специалисты были известны своей вспыльчивостью.

Хотя он имел достаточный опыт общения с исследователями-физиками, чтобы не реагировать на особенности их поведения, ему было трудно представить, какой фурор устроит это семейство, если познакомить с ним диких Внешних.

Сейчас двадцать из них работали над массивным цилиндрическим объектом в ярко освещенном центре лаборатории, каждый в сопровождении мускулистого симбиота. Эти исследователи-физики имели особую ценность для Муравейника, их было очень сложно получить и не менее сложно поддерживать потом. Их гигантские головы (пятнадцать дюймов от линии белоснежных волос до основания безволосого подбородка, лоб одиннадцати дюймов шириной, нависающий над выпученными голубыми глазами) требовали королевских родов для каждого из них. Ни одна из женщин не смогла родить более трех, со многими абортами на ранней стадии беременности. Смерть матери при родах этих специалистов была обычным делом, но Муравейник с готовностью платил эту цену. Они бесчисленное количество раз доказали, что стоят того, и послужили главной причиной, почему первые колонисты положили конец векам секретной миграции. Этих специалистов необходимо спрятать от глаз Внешних любой ценой. Их работу надо скрывать тоже. Наряду со многими изобретениями они придали электронным инструментам Муравейника необходимую надежность, миниатюрность и мощность. Они изобрели новейшие пищевые добавки, сбалансировавшие поведение работников.

Исследователей-физиков не узнать было невозможно. Помимо огромной черепной коробки, генная ветвь, к которой они принадлежали, отличалась особенностями, неразделимыми с искомой специализацией и еще больше отличавшими их от исходной дикой формы. Вместо ног у них были отставшие в росте обрубки, и каждого специалиста сопровождал бледный мускулистый, химически нейтрализованный и сговорчивый работник. Из-за бесполезных ног специалистов перемещали

с места на место на тележках или переносили на руках. Хотя руки исследователей не задерживались в росте, были они тонкие и слабые, с длинными и изящными пальцами. Генетически эти специалисты были стерильны, и род свой они не могли продолжить. Обратной стороной полного подчинения организма нуждам интеллекта явилась неспособность регулирования на химическом уровне своего эмоционального состояния, почему специалисты отличались болезненной несдержанностью в своих отношениях с другими работниками. Даже симбиоты-помощники служили объектами их ярости. Однако со своими коллегами-специалистами они выказывали мягкость и взаимоуважение — черта характера, выработавшаяся в них после нескольких конфликтов, уменьшавших эффективность первого поколения.

Один из специалистов наконец остановился и посмотрел на Хеллстрома. Работник, точнее работница, жестом, направленным на цилиндрическую конструкцию, показала ему: «Торопимся». Затем движением руки и пальцев, которыми она коснулась темного лба, показала: «Твое присутствие мешает мне думать».

Хеллстром быстрым шагом направился к ней. Он узнал ее, одну из самых старших в своем семействе, эту женщину, со многими шрамами на теле от непланово прошедших экспериментов. Ее сопровождал бледный, с покатыми плечами нейтрализованный работник с выпирающими на руках и торсе мускулами. С трусливой робостью он наблюдал за тем, как в несколько мгновений Хеллстром на языке жестов изложил суть дела.

— Какое нам дело до того, что думают Внешние? — сказала она.

— Они смогли по этим нескольким страницам понять, что мы столкнулись с проблемой перегрева, — жестом показал Хеллстром.

Она заговорила тогда, зная, что голос лучше передаст ее раздражение:

— Ты думаешь, Внешние могут нас чему-нибудь научить?

— Мы часто учимся на их ошибках, — ответил Хеллстром, не реагируя на ее выпад.

— Помолчи немного, — приказала она и закрыла глаза.

Хеллстром знал, что сейчас она быстро пролистывает

в уме злополучные страницы, соотнося последние данные с ошибочным мнением Перуджи.

Вскоре она открыла глаза и сказала:

— Уходи.

— Это помогло тебе? — спросил Хеллстром.

— Да, — сказала она и добавила с удвоенным раздражением: — Очевидно, этот тип способен иногда что-то соображать.

Хеллстром удержался от улыбки, повернулся и направился к выходу. Рабочий ритм, казалось, остался неизменным, но, посмотрев назад, он увидел нескольких специалистов, сбившихся в кучу и активно жестикулирующих. Он уловил несколько раз жест «теплота», но смысл других жестов был ему непонятен. Исследователи, как ему было известно, разработали свой язык жестов, понятный им одним. Они препарируют новые данные и очень быстро введут их в свой проект.

Неофициальный меморандум в адрес Совета Агентства: «УНИЧТОЖИТЬ ПРИ ПРОЧТЕНИИ. Часть документов, касающихся дела Хеллстрорма, не была нам представлена. Они ведут двойную игру. Другой источник сообщает о бумагах, скопированных в МТИ, что имелись, по крайней мере, еще три страницы. Все говорит о том, что речь идет о новом и гораздо более дешевом процессе получения стали, а не об оружии. Как я уже неоднократно отмечал, эта парочка однажды обязательно попробует что-нибудь в этом роде. Так и случилось!»

Отчет Мимеки Тиченам о Внешнем использовании гормонов: «Через несколько секунд после инъекции кожа Внешнего мужчины становится теплой на ощупь и даже слегка алеет. Похоже на реакцию мужчин Муравейника, но все процессы более ярко выражены, более быстро протекают. Реакция занимает от пяти до десяти секунд. Затем

различия становятся более заметными. Мускулы Внешних мужчин иногда в первый момент твердеют до полного паралича тела, который проходит после первых бридинг-трансформаций. Однако так реагируют не все Внешние. Почти немедленно, а иногда и одновременно с реакцией кожи, у мужчины наступает сильная эрекция, не пропадающая после единичного оргазма. Шестикратный непрерывный оргазм не является чем-то исключительным. Однажды я насчитала тридцать один. Все это время мужчина выделяет обильный пот, что происходит во всех случаях и что меня крайне возбуждает. Словно он убыстряет или усиливает весь спектр женских переживаний. Этот резкий запах, вероятно, вызывается гормоном, который можно отнести к тому классу, к которому принадлежит наш XB5, вызывает схожую реакцию, хотя и не столь ярко выраженную. Запах особенно силен вблизи мужских сосков, всегда, по моим наблюдениям, набухающих и твердеющих. Иногда я замечала сильную дрожь мужских бедер, шеи и плечевых мускулов. Дрожь часто совпадает по времени с искажениями лица, перемежаемыми движениями головы и стонами. В общем, все реакции, обычные при спаривании у наших мужчин, отдающих себе в них отчет, характерны и для Внешних мужчин, но носят произвольный характер и проявляются после инъекции наших гормонов. По моему мнению (его разделяют и мои сестры), реакции Внешних возбуждают гораздо сильнее, чем в случае обычного бридинга в стенах Муравейника».

Было без двадцати двенадцать, и вот уже полчаса Хеллстром мерил шагами столовую, проверяя в последний раз, все ли сделано как надо. Изначально столовую обставили как место, где можно принимать деловых людей из Внешнего мира. Столовую и гостиную можно было увидеть через обшитую деревом арку. Длинный стол занимал центральную часть столовой, окруженный десятью стульями. Над столом сверкала люстра полированного стекла. Китайский шкафчик,

забитый тяжелой посудой голубого цвета, занимал почти всю стену, противоположную арке, ведущей в гостиную. Высокие эркеры с поднятыми кружевными занавесками выходили на укрытый ивами берег ручья.

Четыре прибора было подготовлено на ближнем к кухне конце стола — тяжелый голубой фарфор и посуда с костяными ручками.

Адекватно! Хеллстром усмехнулся. Не тщательно и досконально, но адекватно. Энтузиазм, захлестнувший Хеллstroma после сообщения Фэнси, убывал по мере приближения часа, на который был назначен визит Перуджи. Но этот час прошел — Перуджи запаздывал.

Мимека помогала на кухне. Время от времени Хеллстром видел ее сквозь стеклянную вставку в двери. Она была достаточно похожа на Фэнси, чтобы предполагать их генными сестрами, но в действительности Мимека принадлежала параллельной бридинг-ветви — не ФЭНСИ-ветви. В этих темных волосах и бледной, слегка розовой коже было что-то генетически близкое к другим характеристикам, к получению которых стремился Муравейник: плодовитость, независимое воображение, желание преуспеть, лояльность к Муравейнику, ум...

Хеллстром посмотрел на старомодные маятниковые часы рядом с кухонной дверью. Без пятнадцати двенадцать, и никаких признаков Перуджи. Почему он опаздывает? Он никогда раньше не опаздывал. Что если он решил не приходить, сменить тактику? Могли они узнать что-нибудь компрометирующее об этом чертовом велосипеде? Перуджи вполне мог связаться с ФБР. Но с Мимекой, играющей роль Фэнси, они могли сбить с толку охотников. Отпечатки пальцев не подойдут. Она не спаривалась в последние дни, и это покажет медицинское обследование. И он настаит на его проведении. Это послужит также подходящим поводом избавиться от всех этих любителей совать нос в чужие дела.

Он услышал, как открылась входная дверь.

Перуджи, наконец?

Хеллстром развернулся, прошел под аркой в гостиную со всей обстановкой начала двадцатого века и старательно поддерживаемыми затхлыми запахами. Несмотря на тороп-

ливость, он успел дойти только до середины гостиной, когда вошел незнакомец на два шага впереди Салдо. Незнакомец был мал ростом, на дюйм ниже Салдо, с растрепанными темными волосами и затаенной осторожностью в глазах. Лоб его изрезали глубокие морщины. Если бы не эти морщины, ему можно было дать двадцать с небольшим, но Хеллстром затруднялся определить возраст низкорослых Внешних. Незнакомец был в желтовато-коричневых рабочих брюках, тяжелых ботинках, в белой рубашке с открытым воротом из легкой ткани, сквозь которую торчали рыжеватые волосы, росшие на груди. Поверх надет был коричневый жакет с разрезными карманами. Правый карман выпирал, словно в нем находилось оружие. Бледно-желтые семена травы прилипли к краям брюк.

Он остановился, увидев Хеллстрома, и пролаял:

— Вы Хеллстром?

Салдо, на шаг позади него, подал жестом предупреждающий сигнал.

Хеллстром почувствовал, как забилося сердце от требовательного, официального тона, но прежде чем он мог ответить, вмешался Салдо:

— Доктор Хеллстром, это мистер Джанверт, помощник мистера Перуджи. Мистер Джанверт оставил машину у старой лесопилки и прошел поляной.

Джанверт сохранял мрачное выражение на лице. Все закрутилось слишком быстро после смерти Перуджи. Был необходимый звонок в центр, и сам Шеф вышел на связь после условного сигнала. *Шеф сам!* Джанверт не мог подавить самодовольного чувства. «Мистер Джанверт, все зависит от вас. Это последняя капля!» Мистер Джанверт, не Коротышка. Инструкции Шефа были краткими, четкими, властными.

— Пешком? — удивился Хеллстром. Намек на дорогу через поляну обеспокоил его. Той же тропой пришел и прежний.

Салдо сделал шаг, встав вровень справа от Джанверта, снова жестом предупредил об осторожности и сказал:

— Мистер Джанверт принес ужасное известие. Он говорит, что мистер Перуджи мертв.

Информация оглушила Хеллстрома. Он попытался оценить ее. Фэнси? Она ничего не сказала об этом... Он увидел,

что от него ждут ответа, и постарался, чтобы его изумление выглядело естественным.

— Мертв? Но... я... — Хеллстром махнул рукой в сторону гостиной, — жду его, я хотел сказать, мы условились... Что случилось? Как он умер?

— Мы это выясняем, — сказал Джанверт. — Ваш шериф пытался не дать нам забрать тело, но мы предъявили ордер, выданный федеральным судьей Салема. Тело Перуджи сейчас на пути в медицинскую школу Университета Орегона в Портленде.

Джанверт анализировал реакцию Хеллстрома. Похоже, что удивление искреннее, если, конечно, он не актер. Он снимал фильмы.

— Результаты вскрытия будут получены очень скоро, — сказал Джанверт, словно сомневаясь в способности Хеллстрома увязать эти два события.

Хеллстром задумался. Ему не понравилось, что Джанверт сказал «ваш шериф». Что сделал Линк? Совершил ошибку, которую надо будет исправлять?

— Если шериф Крафт вмешался, это достойно сожаления, — сказал Хеллстром, — но к нам это отношения не имеет. Он не *наш* шериф.

— Ладно, хватит об этом, — сказал Джанверт. — Одна из ваших женщин провела прошлую ночь с Перуджи и вколола ему какой-то наркотик. На его руке остался синяк размером с доллар. Мы хотим выяснить, что это за наркотик. Мы свяжемся с ФБР, со службой налогообложения спиртных напитков — преступления, связанные с наркотиками, в их компетенции, — и мы вскрыем вашу ферму, как консервную банку!

— Одну минуту! — сказал Хеллстром, пытаясь справиться с охватившей его паникой. Вскроют ферму! — Что это за чушь про ночь с мистером Перуджи? Наркотики? О чем вы говорите?

— Куколка с вашей фермы по имени Фэнси, — сказал Джанверт. — Фэнси Калотерми, думаю, таково ее полное имя. Она провела последнюю ночь с Перуджи и...

— Чепуха! — прервал его Хеллстром. — Вы говорите о Фэнси? Что у нее любовная связь с мистером Перуджи?

— Именно! Перуджи мне все рассказал. Она вколола

ему наркотик, и, держу пари, это его убило. Мы собираемся допросить мисс Калотерми и других людей из вашего окружения. Мы докапаемся до правды.

Салдо прокашлялся, пытаясь отвлечь Джанверта, дать Хеллstromу время подумать. Его слова били по чувствительным местам. Салдо ощущал, как обострились оборонительные реакции, воспитанные в нем Муравейником. Он уже должен был удерживать себя от прямой физической атаки на Джанверта.

Джанверт бросил только один косой взгляд на Салдо.

— У вас есть что добавить?

Прежде чем Салдо успел ответить, заговорил Хеллstrom:

— Кто это *мы*, мистер Джанверт, которых вы все время вспоминаете? Признаюсь, мне это непонятно. Я испытывал расположение к мистеру Перуджи и...

— Только не испытывайте ваше *расположение* ко мне,— сказал Джанверт. — Мне такое расположение не нравится. Что касается вашего вопроса, то ответ на него прост. Вскоре здесь будет ФБР и группа офицеров из Алкол Такс. Если потребуются еще кто-то в этом расследовании, мы его пригласим.

— Но у *вас* нет официального статуса, мистер Джанверт, не правда ли? — спросил Хеллstrom.

Джанверт на секунду задумался. Звучало что-то в этом вопросе, что ему не понравилось, и он даже бессознательно сделал шаг вперед от стоящего рядом Салдо.

— Это так? — настаивал Хеллstrom.

Джанверт воинственно выпятил челюсть:

— Полегче с *моим* официальным статусом, мистер Хеллstrom. Ваша мисс Калотерми приехала в мотель, где остановился Перуджи, на велосипеде. Этот велосипед был собственностью Карлоса, одного из наших людей, к которому вы, как мы подозреваем, также испытывали *расположение*.

Выгадывая время, Хеллstrom сказал:

— Я не успеваю следить за вами. Кто этот... Э, да, служащий, которого искал мистер Перуджи. Непонятно, при чем здесь велосипед, но... вы хотите сказать, что тоже работаете в этой компании, мистер Джанверт?

— Вы скоро увидите здесь нечто интересное, — сказал Джанверт. — Где мисс Калотерми?

В голове Хеллстрома быстро прокручивались возможные ответы. Прежде всего он похвалил себя за предусмотрительность — за то, что спрятал Фэнси, заменив ее на Мимеку. Случилось самое худшее. Они выследили проклятый велосипед! Продолжая тянуть время, он сказал:

— Боюсь, что я не знаю точно, где сейчас искать мисс...

Мимека выбрала этот момент, чтобы выйти из арки в столовую. Было слышно, как за ней закрылась кухонная дверь. Она не видела раньше мистера Перуджи и предположила, что Джанверт и есть ожидаемый гость.

— А, вот вы где, — сказала она. — Ленч остывает.

— Да вот и она, — сказал Хеллстром, знаком показав Мимеке молчать. — Фэнси, это мистер Джанверт. Он принес печальные новости. Мистер Перуджи скончался при таинственных обстоятельствах.

— Не может быть, — сказала она, подчиняясь знаку Хеллстрома. Хеллстром посмотрел на Джанверта, пытаясь понять, прошла ли подмена. Мимека подходила под описание Фэнси. Даже их голоса были похожи.

Джанверт тяжело посмотрел на нее и потребовал:

— Где, черт возьми, вы взяли этот велосипед? Каким наркотиком вы убили мистера Перуджи?

Мимека закрыла ладонью рот в испуге. Раздражение, смешанное со страхом, вызванным запахом Джанверта, резкий голос и неожиданные вопросы — все это сбило ее с толку.

— Одну минуту! — Хеллстром знаком приказал ей молчать и следовать за ходом его мыслей. Он посмотрел на нее строго и заговорил тоном требовательного родителя: — Фэнси, я хочу, чтобы ты сказала мне правду. Ты провела прошлую ночь с мистером Перуджи у него в мотеле?

— С... — она покачала головой из стороны в сторону. Тревога Хеллстрома была явной, а Салдо, она это видела, просто била дрожь. Нильс приказал ей сказать правду и подчеркнул приказание жестом.

В комнате стояла тишина, пока она обдумывала ответ.

— Я... конечно нет! — сказала она. — Вам обоим это прекрасно известно. Я была здесь в... — она осеклась, и в горле у нее моментально пересохло. Она чуть не

сказала «в Муравейнике». Ей надо лучше следить за своими словами.

— Будем играть в прятки? — насмешливо сказал Джанверт. Он пристально смотрел на женщину, ощущая под маской замешательства скрытую тревогу, подтверждающую сказанное Перуджи перед смертью. Она была в мотеле. Она убила его, и возможно, по приказу Хеллстрема. Хотя доказать это будет трудно. У них есть только отчет Перуджи и описание женщины. Скользящая ситуация.

— Здесь будет больше закона через пару часов, чем вы когда-либо видели, — пробурчал Джанверт. — Они возьмут ее с собой, чтобы допросить. — Он показал на Мимеку. — Не пытайтесь спрятать ее. Отпечатки ее пальцев найдены на велосипеде и в комнате Перуджи, ей придется ответить на несколько интересных вопросов.

— Возможно, возможно, — сказал Хеллстром. Голос его становился уверенней по мере того, как он видел, что меры предосторожности, предпринятые им, открывали перед ними путь к спасению. — Но вы, мистер Джанверт, не закон. Пока закон...

— Я же сказал вам, забудьте об этом дерьме, — сказал Джанверт.

— Могу понять вашу нервозность, — сказал Хеллстром, — но мне не нравится ваш тон и выражения в присутствии этой молодой женщины. Я хочу вас попросить...

— Что? — перебил Джанверт. — Выбирать выражения в присутствии этой молодой женщины! Она переспала с Перуджи прошлой ночью и знала о траханье больше, чем он. Выбирать *выражения!*

— Довольно! — сказал Хеллстром. Он посылал отчаянные знаки Мимеке быстро уходить, но она слушала Джанверта и не обращала на него внимания. И тогда он велел ей ответить на слова Джанверта.

— Переспала? — переспросила она. — Да я даже не знакома с мистером Перуджи.

— Это в пользу бедных, сестрица, — сказал Джанверт. — В пользу бедных.

— Можешь больше не отвечать на его вопросы, Фэнси, — сказал Хеллстром.

Она посмотрела на него, оценивая ситуацию для себя. Перуджи мертв! Что натворила Фэнси?

— Правильно, — сказал Джанверт. — Заткните ей рот, пока не придумаете правдоподобную ложь. Но я обещаю, на ней нас не купить. Медицинское обследование...

— Действительно, — прервал его Хеллстром. — Медицинское обследование. — Он вздохнул с неподдельной печалью. Прошло отлично. Он посмотрел на Мимеку. — Фэнси, дорогая, можешь не отвечать на вопросы, пока сюда не придут официальные лица, если они действительно придут сюда по столь нелепому...

— О, они придут, — сказал Джанверт. — И когда они придут, я ожидаю узнать об *очень* интересных результатах, полученных после медицинского освидетельствования.

Салдо, все еще борясь с защитными рефлексам, жестом привлек внимание Хеллстрома и спросил:

— Нильс, вышвырнуть его отсюда?

— В этом нет необходимости, — сказал Хеллстром, знаками призывая Салдо сдерживать себя.

Очевидно, Салдо лучше было не контактировать физически с Джанвертом. Будет одним убийством больше.

— Вы правы, не стоит, — сказал Джанверт. Он сунул руку в карман жакета и сделал еще два шага от Салдо. — Даже не пытайся, детка, или я тебя продырявлю.

— Эй! — крикнул Хеллстром. — Без глупостей! — Он посмотрел на Салдо в упор. — Что ты должен сделать, Салдо, так это позвонить шерифу Крафту. Если то, что сказал мистер Джанверт, правда, я не понимаю, почему Крафт еще не здесь. Узнай, могу ли я связаться с ним и попросить его...

— Крафт очень занят телефонным звонком из его офиса в Лейквью, — сказал Джанверт. — Ваш ручной шериф занят, понятно? Никто не приедет сюда, чтобы спасти вас или вмешаться, прежде чем сюда прибудет ФБР.

Хеллстром увидел жесткую улыбку на лице Джанверта и внезапно понял, что Внешний играет в какую-то расчитанную игру. Хеллстром нахмурился, соображая, есть ли у Джанверта какие-либо полицейские права. Возможно ли, что он провоцирует их на необдуманное действие, которое

даст ему возможность распоряжаться здесь до прибытия остальных? Многое необходимо сделать по защите Муравейника до прибытия полиции Внешних. Попытается Джанверт помешать Салдо покинуть комнату?

— Салдо, — сказал Хеллстром, — как ни прискорбно положение, в котором мы очутились, дела надо делать. Задержки стоят нам дорого. — Хеллстром знаком приказал Салдо уйти и заняться подготовкой Муравейника к возможному обыску. — Полагаю, тебе следует вернуться к работе. Мы подождем здесь с...

— Все остаются здесь! — рявкнул Джанверт. Он еще на шаг отступил от Салдо, держа руку в кармане. Что эта деревенщина о себе думает? — Ведется расследование об убийстве! Если вы полагаете, что...

— Думаю, что если здесь вообще окажется о чем говорить, то это будет во всяком случае не убийство, — сказал Хеллстром. — Он повторил сигнал Салдо. — Считаю фактом, что Фэнси не покидала ферму прошлой ночью. В то же время, роль мистера Салдо существенна в подготовке снимаемого нами фильма. В этот фильм уже вложено несколько сот тысяч долларов, и он должен быть представлен в Голливуде через месяц с небольшим. Он отвлекся от работы, чтобы встретить вас и проводить...

— Я прогуливался после обеда, — сказал Салдо, подхватывая брошенный мяч. Он посмотрел на наручные часы. — Бог ты мой! Я опоздал! Эд, наверное, лезет на стену! — Он развернулся и зашагал к двери.

— Одну минуту, вы! — крикнул Джанверт.

Салдо проигнорировал его. Хеллстром дал ясную команду, не допускающую неповиновения. У Джанверта, очевидно, имелось оружие, и положение сложилось отчаянное. Воспользуется ли он им? Салдо почувствовал мурашки на спине, но не остановился. Муравейник требовал этого от него.

— Я же сказал стоять, иначе!.. — крикнул Джанверт. Он прошел под аркой в холл, стараясь не упустить из виду удаляющуюся спину Салдо, одновременно держа под контролем оставшуюся в комнате парочку. Салдо открыл дверь! Рука Джанверта на рукоятке пистолета стала липкой от пота. Посметь выстрелить? Салдо выходил!

Дверь закрылась.

— Мистер Джанверт, — позвал Хеллстром.

Джанверт повернулся, посмотрел на Хеллстрома.

— Мистер Джанверт, — повторил Хеллстром, — мы находимся в прискорбных обстоятельствах, и мне бы не хотелось их еще усложнять. Мы ожидали мистера Перуджи на ленч, и будет глупо дать ему пропасть. Уверен, что настроение у всех повысится, если мы...

— Думаете, я съем здесь хоть один кусок? — спросил Джанверт. Хеллстром действительно так наивен?

Хеллстром пожал плечами.

— Очевидно, нам придется подождать прибытия властей, и вы не желаете лишать нас с Фэнси своего общества. Я предлагаю разумный выход. Я уверен, что все вскоре разъяснится, и я только пытаюсь...

— Конечно! — ухмыльнулся Джанверт. — И вы ко мне *расположены!*

— Нет, мистер Джанверт, я к вам не расположен. Уверен, Фэнси разделяет мою антипатию. Я забочусь только...

— Да бросьте вы!

Джанверт чувствовал нарастающее раздражение и беспокойство. Он не должен был дать уйти этому типу. Надо было стрелять в ноги, свалить его на пол.

— Если вы беспокоитесь, не подсыпали мы вам чего-нибудь в пищу, — сказала Мимека, — я могу пробовать все блюда, прежде чем давать их вам. — Она беспокойно взглянула на Хеллстрома. Нильс сказал, что он надеется, что посетитель обязательно что-нибудь съест. Это был другой посетитель, относилось ли сказанное к нему?

— Попробуешь... — Джанверт покачал головой. Эти люди совершенно невозможны! Как они могут продолжать играть в невинность, *зная*, что он взял их тепленькими?

Мимека посмотрела на Хеллстрома, ища подтверждения правильности избранного ею поведения.

— Она только хочет помочь вам чувствовать себя спокойнее, — пояснил Хеллстром и, используя жест, передал Мимеке: «Заставь его пообедать с нами!»

Он наблюдал за Джанвертом внимательно. С Салдо все висело на волоске. Джанверт едва не применил оружие. Все они в своем агентстве такие отчаянные?

— Мы уже имели возможность убедиться в этих способностях, мисс Фэнси, — сказал Джанверт. — Спасибо, но вынужден отказаться.

— Ну а я пообедаю, — сказал Хеллстром. — Вы можете присоединиться к нам, но, впрочем, как угодно. — Он подошел к Мимеке и взял ее под руку. — Идем, дорогая. Мы сделали все, что было в наших силах.

У Джанверта не было выбора, кроме как последовать за ними в столовую. Он обратил внимание на четыре прибора и подумал, кто мог быть четвертым? Крафт? Салдо?

Хеллстром усадил Мимеку спиной к китайскому шкафу, а сам сел на стул во главе стола спиной к кухонной двери. Он указал на стул напротив Мимеки:

— По крайней мере, посидеть с нами вы можете.

Джанверт игнорировал приглашение, демонстративно обошел вокруг стола и сел на стул рядом с Мимекой.

— Как угодно, — сказал Хеллстром.

Джанверт взглянул искоса на женщину. Она сидела, сложив руки на коленях, глядя на тарелку в молитвенной позе. «Святая невинность, прости Господи! — подумал Джанверт. — Ничего, мы тобой займемся. И если попытаешься улигнуть, как твой друг, я тебя пристрелю. О последствиях позаботимся потом. Я даже в ноги целиться не буду».

— У нас сегодня свиные отбивные, — сказал Хеллстром. — Вы уверены, что не будете есть?

— Да, ради вашей и своей жизни, — сказал Джанверт. — Особенно моей.

Он посмотрел настороженно на заскрипевшую кухонную дверь, крепче сжав рукоятку пистолета. Пожилая седовласая женщина с темно-оливковой кожей и поразительно живыми голубыми глазами вошла в дверь. Ее морщинистое лицо искривилось в улыбке, когда она посмотрела вопросительно на Хеллстрома. Джанверт переключил свое внимание на Хеллстрома, заметил странный молниеносный знак, очевидно предназначенный этой старухе. В то же время Хеллстром обменялся многозначительным взглядом с женщиной, сидящей рядом с ним.

— Что это вы там делаете? — спросил Джанверт.

Хеллстром заметил, что Джанверт смотрит на его руку, и устало перевел взгляд на потолок. С Джанвертом трудно

будет иметь дело, если они не уговорят его поестъ. Так много вещей надо было сделать, а Салдо слишком молод, чтобы можно было на него во всем положиться. Конечно, старшие ему могут посоветовать, но у Салдо развивалось упрямство, с которым ему еще придется бороться. Салдо может и отказаться от советов лучших умов Муравейника.

— Я задал вопрос, — настаивал Джанверт, наклоняясь в сторону Хеллстрома.

— Я прошу моих помощников помочь мне вас успокоить и уговорить присоединиться к трапезе, — сказал Хеллстром усталым голосом. Купится ли на это Джанверт?

— Черта лысого! — отрезал Джанверт. Он взглянул на пожилую женщину. Она все еще стояла позади Хеллстрома, одной рукой придерживая открытую дверь в кухню. Почему эта старая ведьма не скажет ни слова? Собирается стоять здесь, пока кто-нибудь не скажет, что ей делать? Очевидно, так оно и было.

Молчаливая сцена затянулась.

«Правильно ли я рассудил? — спрашивал себя Хеллстром. — Дать ли знак продолжать, как было условлено?»

«Какого черта они ждут?» — думал Джанверт. Он вспомнил упоминание Перуджи о «молчаливых женщинах», изучающих трудный диалект. Старая ведьма что-то не слишком смахивает на актрису. Ее глаза сохраняли яркость и настороженность, но в постановке плеч, в том, как она придерживала дверь, угадывалось терпение.

«Надо рисковать», — решил Хеллстром.

Он нарушил тишину:

— Мисс Найлс, принесите, пожалуйста, две порции, мне и Фэнси. Мистер Джанверт не обедает.

В то же время, маскируя жест почесыванием головы, он дал знак продолжать. Слова для мисс, являвшейся бесплодной женщиной, умеющей исполнять только эту работу, были бессмысленным набором звуков. Она прочитала сигнал и, кивнув, ушла в кухню.

Джанверт все сильнее чувствовал аппетитные запахи, доносящиеся из кухни, и начал сомневаться, не поступает ли глупо. Разве могут они осмелиться отравить его? Конечно, верить им нельзя, но... Да, они могли отравить его. Хотя тщательные приготовления к обеду несколько его озадачили.

Хеллстром должен был знать о смерти Перуджи. Кто, кроме него, мог отдать приказ? Тогда кого они ждали к обеду? Если они знали о смерти Перуджи, значит, лишний прибор поставлен для отвода глаз. А это могло значить, что они приготовили нормальные, неотравленные блюда. Черт! Как вкусно пахнет. Он так любит свинину.

Хеллстром, казалось, безучастно смотрел в окно за другим концом стола.

— Знаешь, Фэнси, мне всегда нравилось здесь обедать. Нет, куда как лучше обедать здесь, чем второпях на съёмной площадке.

— Или совсем забыть про обед, — сказала она. — Я, кстати, это не раз замечала.

Он похлопал себя по животу.

— Не вредно иногда и пропустить обед-другой. Я все толстею.

— Я буду напоминать тебе об этом, — сказала она. — Ты испортишь себе желудок, если не изменишь привычек.

— Слишком много дел, — сказал Хеллстром.

«Крепкие ребята! — подумал Джанверт. — Болтают о пустяках в такой-то момент!»

Мисс Найлс вернулась, держа в каждой руке по тарелке. Она задержалась на секунду рядом с Хеллстромом, но затем первой подала женщине. Когда обе тарелки оказались на столе, Хеллстром показал ей знаком принести пиво. Они изготавливали его в небольшом количестве для поощрения хорошо выполненной работы или для маскировки химических добавок, изредка требующихся признанным негодными специалистами, отсылаемым в Котел.

Джанверт посмотрел на тарелку, стоящую перед сидящей рядом с ним женщиной. От нее поднимался пар. Свинина была полита соусом, в котором можно было разглядеть грибы. Гарниром служил шпинат и жареный картофель. Женщина пока сидела, сложив руки и опустив глаза. Неужели она действительно молилась, черт ее побери?

Он вздрогнул от неожиданности, когда Хеллстром сложил руки над тарелкой и заговорил нараспев:

— Великий Боже, за пищу, которую мы сейчас съедим, возносим мы тебе благодарение. Да осенит твое божественное провидение нас, разделяющих эту жизнь. Аминь.

Молодая женщина эхом повторила за ним:

— Аминь.

Полнота чувства в голосе Хеллстрома смутила Джанверта. И эта женщина, как она присоединилась к нему в конце. Не в первый раз звучит эта молитва. Ритуал потряс Джанверта больше, чем ему хотелось признаться даже себе, и раздражение его усилилось. Проклятые лицедеи!

Запах от тарелки довел раздражение до предела. Женщина потянулась за вилкой. Они, черт возьми, сейчас приступят!

— Вы уверены, что не будете ничего есть? — спросил Хеллстром.

С неожиданным злорадством Джанверт наклонился над столом и взял тарелку Хеллстрома, сказав при этом:

— Разумеется. Рад, что вы спросили. — Он с триумфом поставил тарелку перед собой. И подумал: «С блюдом, которое собирался съесть сам Хеллстром, должно быть все в порядке!»

Хеллстром закинул голову и рассмеялся, не в силах сдерживать себя. Джанверт вел себя именно так, как он надеялся.

Улыбаясь, Мимека сквозь ресницы смотрела на Хеллстрома. Джанверт был предсказуем, как и большинство Внешних. Он вел себя именно так, как предсказывал Хеллстром. Она должна была признать, что сомневалась, когда Хеллстром знаками объяснил ей свой план. Но перед Джанвертом стоял прибор, и он брал нож и вилку. Скоро он станет послушным.

Хеллстром вытер слезы из глаз уголком салфетки и крикнул:

— Мисс Найлс! Принесите еще один прибор.

Дверь приоткрылась, и показалась седая голова.

Хеллстром показал на пустое место перед собой и сделал знак. Женщина кивнула, голова исчезла, и вскоре появилась сама мисс Найлс с новой полной тарелкой. «Вероятно, своей собственной», — подумал Хеллстром. Он понимал, что она отдала ему не последнее. Нейтрализованные работники радовались как дети редким возможностям съесть что-то отличное от ежедневной кашицы, поступающей из Котла. Он успел подумать об источнике отбивных — наверно, молодой работник, погибший прошлой ночью в генераторной. На

вид мясо казалось нежным. И он подумал, беря в руки нож и вилку: «Благослови его, вошедшего в вечный поток жизни, ставшего частью нас всех».

Мясо оказалось не только нежным, но и сочным, и Джанверт не скрывал получаемого удовольствия.

— Ешьте, не бойтесь, — сказал Хеллстром, взмахивая вилкой, — мы употребляем продукты высшего качества, и мисс Найлс превосходная стряпуха.

Он был рад, что одну порцию она оставила для себя. Она заслужила эту награду.

Слова Тровы Хеллстром: *«Моделью вхождения Муравейника в формы другой жизни, окружающей нас, может служить тессерант-куб в четырех измерениях. Наш тессерант представляет собой мозаичную конструкцию, ни одна часть которой не может быть изъята и чьи грани неразсторжимо сцеплены между собой. Таким образом, модель дает нам самодостаточные временную линию и место обитания при одновременном вхождении в планетарную систему и во Вселенную. Следует всегда помнить, что наш тессерант неразрывно связан с другими системами и переплетение связей столь сложно, что мы не можем маскировать себя бесконечно. Мы рассматриваем физические размеры Муравейника, как место нашего обитания только на определенной стадии развития. Мы перерастем эту стадию. Главной заботой наших специалистов-руководителей должно стать расширение генетического спектра в части приспособляемости».*

— Разговор довольно интересный, насколько я могу судить по тому, что слышала, — сказала Кловис Карр.

Линкольн Крафт посмотрел на нее через большой плоский стол. За ее головой в окне он видел край горы Стинс. Из расположенного этажом ниже торгового комплекса доносился шум дневного оживления. Слева от него висел

плакат, дающий детальные рекомендации о предупреждении воровства скота. Третьим пунктом шел «нерегулярный обход оград», и его взгляд все возвращался к этому пункту, словно ища в нем какую-то магию. Было почти три часа дня. Трижды ему звонили из офиса в Лейквью, и каждый раз он получал приказ «оставаться на месте».

Кловис Карр устроилась поудобнее на жестком деревянном стуле, насколько ей это позволяло миниатюрное, гибкое тело. На ее обманчиво молодом лице, когда она расслаблялась, сразу появлялись морщины. Она присоединилась к Крафту где-то около одиннадцати часов — в мотеле, где им сообщил о смерти Перуджи нахальный коротышка, назвавшийся просто «Джанвертом». Крафт понял почти сразу, что Джанверт и эта Кловис были сообщниками, и после этого картина начала проясняться. Эта парочка входила в команду Перуджи. С этого момента Крафт удвоил осторожность, поскольку подозрения Хеллстрорма, касающиеся недавних чужаков, были хорошо известны всем связанным со службой безопасности Муравейника. Эти двое подозревали его, вскоре понял Крафт. И женщина прилипла к нему как банный лист.

Третий звонок — шерифа Лафама — испугал Крафта сильнее, чем летнее происшествие, когда во время чистки был подобран заблудившийся ребенок и вся семья кинулась на его поиски. Тогда удалось выкрутиться благодаря быстро подготовленной версии со свидетелями о том, что ребенок, подходящий под описание, был подобран и увезен неизвестной парой на старом автомобиле в километре от того места, где ребенка видели в последний раз.

Приказания Лафама были недвусмысленными:

— Ждите в офисе, пока не прибудут люди из ФБР, понятно, Линк? Это дело требует профессионалов. Поверь мне.

Крафт не нашелся, что ответить. Он мог сыграть оскорбленного профессионала (и нанести рану, которую шериф никогда не забудет); он мог подчиниться, как послушный слуга общества; он мог сыграть ковбоя-провинциала для этой дамочки; или разыграть умудренного опытом. Он не знал, какая маска дает ему лучший шанс реально помочь Муравейнику. В одном случае его могли ошибочно недо-

оценить, хотя в вероятности этого сейчас он уже сомневался. В другом — мог многое понять по тому, что они не делали.

Например, они не оставляли его одного.

Воспитанная в Крафте потребность защищать Муравейник любой ценой, не находя себе выхода, заставляла его нервничать все сильнее. Накопившиеся за последние дни страхи обострились под влиянием непосредственной опасности, но необходимость оставаться в роли доминировала надо всем остальным. В конечном счете он так ни на что, кроме исполнения приказа Лафама, и не решился — он камнем сидел на своем месте в ожидании ФБР.

Карр раздражала его. Пока она оставалась здесь, наблюдая, слушая, он не мог позвонить Хеллстрому. Она знала, что он нервничает, и это как будто ее забавляло. Словно он не знал, какая липа ее легенда! Отпускница? Она?

Кожа ее лишь слегка была покрыта загаром, холодные серые глаза смотрели прямо и жестко, твердо поставленная челюсть, тонкий и не улыбкающий рот. Он догадывался, что в большой черной сумочке у нее на коленях был пистолет. Что-то в ней слегка напоминало показываемых по ТВ моделей — та же целенаправленность в движениях, отчужденность, которую не могла скрыть поверхностная бойкость. Она была из тех миниатюрных женщин, которые не теряли своей живости до самой смерти. Все снаряжение для отпуска на западе у нее имелось: широкие брюки из грубой ткани, подобранная под них блуза, жакет с медными пуговицами. Вся одежда ненюшенная, словно подобранная гардеробщицей в соответствии со сценарным листом. Но она не соответствовала ее стилю. Голубой платок на ее темных длинных волосах довершал картину несоответствий. В левой руке она держала черный кошелек в небрежно-готовом положении женщины-полицейского. Крафт не сомневался, что в нем было оружие. Хотя она не показала ему свои документы, шериф Лафам знал ее имя и обращался с ней с уважением, свидетельствующим о ее высоком официальном статусе.

— Опять шериф? — спросила она, кивком показывая на телефон. В голосе Кловис звучало нескрываемое презрение, но ее это не заботило. Ей не нравился толстоносый, бровастый шериф, и это чувство вызывалось не только ее

подозрениями о его причастности к гибели агентов. Он был с запада и выказывал явную любовь к жизни на вольном воздухе. Одного этого было бы достаточно. Она предпочитала атмосферу ночных клубов, и это задание ей совсем не нравилось. Кожа на щеках и носе натянулась и болела от загара, еще больше усиливая раздражение Кловис.

— Да, шериф, — признал Крафт. Зачем лгать? По его ответам легко догадаться о вопросах, задать которые мог только шериф. — Нет, сэр, люди из ФБР еще не прибыли... Да, сэр. Я не выходил из офиса.

Что они там узнали о смерти Перуджи? Что показало вскрытие?

Крафт посмотрел на нее, раздумывая. Был один момент в словах шерифа, который следовало взвесить. Когда придет команда из ФБР, шериф просил Крафта передать сообщение ее руководителю. Сообщение на первый взгляд простое. Прокурор все еще не пришел к твердому заключению о «легальной основе вмешательства». Крафт, однако, должен был сказать ФБР, что агенты могут действовать, исходя из презумпции корректности, что коммерческая деятельность Хеллстрома, затрагивающая различные штаты, обеспечит требуемые основания. По словам шерифа, команда ФБР должна прибыть с минуты на минуту, и шериф хотел знать об их появлении. Машины прислали в аэропорт, и «люди Джанверта» готовы были на месте ввести их в курс дела.

Крафт записал слова шерифа в блокноте, лежащем рядом с телефоном. Сейчас он думал, снимет ли это подозрения, если он поделится этим сообщением с Кловис. Он знал, что должен передать сообщение ФБР, но то другое дело. Может он что-то выгадать сейчас?

— Нет, насчет вскрытия пока нет информации, — сказал Крафт.

— Вы написали «презумпция корректности» в блокноте, — сказала она. — Это мнение прокурора?

Крафт ответил уклончиво:

— Это мы обсудим с ФБР, без вас. Кстати, вы мне ничего не сказали, какое ко всему этому отношение имеет вы.

— Да, не сказала, — ответила она. — Вы осмотрительный человек, да?

Он кивнул:

— Да. Что все это значило?

Злая улыбка искривила уголки ее рта.

— И вам не нравится сидеть здесь словно на привязи?

— Да, мне это не нравится, — согласился он. Его удивила почти открытая ненависть к нему. Рассчитанная провокация или проявление чего-то более серьезного — недоверия местному шерифу? Он решил, что это выражение недоверия ему, и стал обдумывать свое дальнейшее поведение. Хеллстром и служба безопасности проигрывали с ним разные гипотетические ситуации, но ни один предложенный тогда план не предполагал такую сложную ситуацию.

Кловис через плечо посмотрела в окно за ее стулом. В офисе было жарко, и жесткий, неудобный стул раздражал ее. Хотелось холодной воды и прохладного бара, с его мягкими стульями, тепла и восхищения Джанверта. Уже неделю она играла роль его сестры на глупых каникулах. Маска стала ненужной после смерти Перуджи. Отношения иногда натягивались до предела. Приходилось общаться с Ником Мэрли, их отцом по легенде, ДТ совал свой нос во все дела. Шпионил за ними, разумеется. Удивительно, насколько ДТ не скрывал полученного им задания. Темнота проклятого фургона и расследование, не нравящееся никому, вымотали их всех. Случались моменты, когда они предпочитали не разговаривать друг с другом, чтобы не доводить дела до драки. Все, что у нее накопилось, находило выход сейчас, и Крафт оказался в фокусе. Она понимала это, но сдерживаться не собиралась.

Машины домохозяек, делающих свои дневные покупки, начали заполнять стоянку под окном. Кловис напряженно смотрела на них, надеясь увидеть команду ФБР, выходящую из одной из машин. Нет, их не было. Она вновь обратила внимание на Крафта.

«Можно сказать этому тупице-шерифу, что теплое местечко на кладбище мы ему уже приготовили», — подумала Кловис. Это была игра, которую в мыслях она любила играть с неприятными людьми. Конечно, Крафт будет потрясен и напуган. Он уже показывал признаки нервозности.

Никто не собирался убивать этого сучьего сына. Маловероятно. Но у Крафта будут неприятности. Шеф потянул за ниточки в Вашингтоне, и Крафт почувствует их натяжение через столицу штата и шерифа в Лейквью. Как в театре марионеток. Федеральная власть дышит у Крафта за плечами, и он чувствует это. Он все еще хочет проверить ее документы, но вот уже час не может решиться спросить их у нее прямо. К счастью, ведь у нее не было иных документов, кроме прикрывающих легенду. В них говорилось, что ее звали Кловис Мэрли, а ее уже представили как Кловис Карр.

— Довольно необычный способ расследования дела об исчезновении, — сказала она, поворачиваясь, чтобы посмотреть на плакат, приклеенный к стене. Кража скота, и как с этим бороться!

— И еще более необычный способ расследования причин смерти в мотеле, — сказал Крафт.

— Убийства, — поправила его она.

— Свидетельств этому я пока не видел, — заметил он.

— Увидите.

Он смотрел на покрытое свежим загаром лицо Карр. Они оба знали, что в этом деле все необычно. Слова шерифа все еще звучали в ушах Крафта: «Линк, мы в этом деле бедные родственники. Губернатор держит дело под контролем. Дело необычное, понятно? Необычное. Потом между собой мы все уладим, но сейчас я хочу, чтобы ты вел себя тихо, и пусть ФБР делает что хочет. Они там сами разберутся с ребятами из Алкол Такс, в чьей компетенции это дело, но наша компетенция кончается на столе у губернатора, ясно? И не говори мне ничего о наших правах и обязанностях. Я знаю их так же хорошо, как и ты. Мы о них вспоминать не будем. Все понятно?»

Все было очень даже понятно.

— Где это вы так загорели? — спросил Крафт, глядя в лицо Карр.

«Сидя под вашим чертовым западным солнцем с биноклем в руках, сучий ты сын! — подумала она. — Тебе известно, где я проводила время».

Но она пожала плечами и беззаботно ответила:

— О, гуляя по здешним живописным местам.

«Шляясь вокруг Муравейника», — подумал Крафт, чувствуя укол тревоги, и сказал:

— Ничего бы не случилось, если бы ваш мистер Перуджи действовал официальными каналами. Ему бы следовало связаться с шерифом в Лейквью прежде всего, вместо того чтобы приходить ко мне. Шериф Лафам хороший..!

— Политик, — прервала его Кловис. — Нам казалось, что лучше связаться напрямую с кем-нибудь, кто ближе знаком с доктором Хеллстромом.

Крафт облизнул губы. Ему не понравилось, как Карр наклонила вбок голову, выдерживая его взгляд.

— Я что-то не понимаю, — сказал он. — Что я должен...

— Вы все прекрасно понимаете, — сказала она.

— Черта с два я понимаю!

— Черта с два не понимаете, — сказала она.

Крафт чувствовал себя в тисках некой силы, таящейся за ее злобой. Она умышленно его провоцировала.

Ей действительно было наплевать на то, что он думал.

— Я знаю, кто вы на самом деле, — сказал Крафт. — Вы из одного из секретных правительственных агентств. ЦРУ, надо полагать. Думаете, у вас есть право...

— Благодарю за повышение, — сказала она, еще пристальнее глядя на него. Беседа приняла неприятный оборот. Эдди сказал о желании Шефа, чтобы мы надавили на шерифа, а не запугали его до смерти.

Крафт заерзал на стуле. Недобрая тишина установилась в комнате, глубокая и зловещая. Он пытался отыскать предлог, который позволил бы ему отлучиться к телефону. Сходить в туалет? Но эта женщина проводит его до самых дверей, а в туалете телефона нет. Впрочем, желание позвонить Хеллstromу постепенно ослабевало. Опасно звонить. Все линии сейчас, безусловно, прослушиваются. Почему они упорно связывают его с Хеллstromом? Прошли те времена, когда он заболел от еды Внешних и его выхаживали в Муравейнике. Объяснением служила дружба, связывающая его с Тровой, но она давно умерла, и ее поглотил Котел. Почему эти люди так подозрительны?

Так он размышлял некоторое время, следуя собственным страхам, вспоминая забытые факты и изучая их под новым

углом. Было ли *это* подозрительным, как в *том* случае, или время, когда... Бесполезное занятие, от которого только вспотели ладони.

Резкий звонок телефона вывел его из задумчивости. Он схватил трубку, сбил ее и подхватил, когда она висела, качаясь рядом со столом. Голос в трубке был озабоченным и громким: «Алло? Алло?»

— У телефона шериф Крафт.

— Кловис Карр близко? Мне сказали, она у вас.

— Она здесь. Кто говорит?

— Дайте ей трубку.

— Это официальный телефон и...

— Черт, а это официальный звонок! Дайте ей трубку!

— Да, но...

— Делайте что говорят! — Тон не давал повода усомниться, что обладатель голоса привык, что его слушают с первого раза.

Крафт через стол передал трубку Карр:

— Это вас.

Она взяла трубку с некоторым недоумением:

— Да?

— Кловис?

Она узнала голос — Шеф!

— Кловис на проводе, — ответила она.

— Ты знаешь, с кем говоришь?

— Да.

— Я узнал тебя по только что прослушанному образцу твоего голоса. Я хочу, чтобы ты меня внимательно выслушала и сделала в точности то, что я тебе скажу.

— Да, сэр. Я слушаю.

Что-то в тоне его голоса подсказало ей, что дело осложнилось.

— Может шериф слышать наш разговор? — сказал Шеф.

— Нет, не думаю.

— Ладно, рискнем. Итак: самолет с людьми из ФБР и Алкол Такс разбился где-то в Систерсе. Это гора к северу от вас. Все погибли. Может быть, несчастный случай, но предполагаю, что нет. Я только что был у директора, и он придерживается того же мнения, особенно после того,

как я рассказал ему все. Новая команда из ФБР уже отправлена из Сиэтла, но ей нужно время.

Она нервно сглотнула и беспокойно посмотрела на Крафта. Шериф сидел, откинувшись назад, заложив руки за голову и уставившись в потолок.

— Что требуется от меня? — спросила она.

— Я связался по радио с другими членами твоей команды, со всеми, кроме Джанверта. Он все еще на ферме?

— Насколько мне известно, сэр.

— Хорошо, делать нечего. Может быть, это даже к лучшему. Скоро с гор придут люди, они тебя захватят, ты должна взять с собой шерифа. Силой, если необходимо, понятно?

— Да.

Пальцами она провела по линии ствола своего револьвера в кошельке. Она сунула руку в сумку и твердой хваткой взялась за рукоятку. Непроизвольно ее взгляд обратился на большой пистолет в кобуре на поясе Крафта. Сучий сын, наверное, называет его свиной ногой.

— ДТ я уже проинструктировал, — сказал Шеф. — Ты отправляйся на ферму, возьми все под свой контроль. Любое сопротивление подавляй, директор согласен. Ответственность мы берем на себя. ФБР обещало самое широкое сотрудничество. Все понятно?

— Да.

— Я надеюсь на тебя. Никакого риска. Если шериф станет вмешиваться — убить. Любого другого тоже. Формальности утрясем потом. Ферма должна быть в наших руках самое позднее через час.

— Да, сэр. Командует ДТ?

— Нет. До прибытия на ферму — ты.

— Я?

— Да. Когда свяжешься с Джанвертом, эта роль перейдет ему.

Во рту у нее пересохло. Господи! Ей нужно выпить и успокоиться, но она понимала, почему Шеф назначил ее — он знал об их с Эдди отношениях. Шефу хитрости не занимать. Он, вероятно, сказал себе: «У нее лучшая мотивация. Она хочет спасти своего дружка. Лучше дать ей поводья».

Она чувствовала, что у Шефа еще что-то на уме, но не знала, как спросить. Это связано с Крафтом? Она плотно прижала трубку к уху и отодвинула стул к окну.

— Это все? — спросила она.

— Нет, и тебе надо знать худшее. Мы кое-что узнали, разговаривая с шерифом Лафамом. Он сам нам об этом сказал, как о чем-то несущественном. Так вот, шериф, когда заболевает, обычно отправляется лечиться на ферму. Изучая связи Хеллстрома в Вашингтоне, мы выявили конгрессмена с той же милой привычкой, и у нас есть основания подозревать в том же по крайней мере одного сенатора.

Она кивнула:

— Понятно.

— Надеюсь. В этом деле стоит только копнуть, как вскрываются все новые пласты. Не спускай глаз с шерифа.

— Хорошо, — ответила она. — Насколько серьезно... Ну, там, у Систерса.

— Самолет сгорел. Его зафрахтовали и только что проверили эксперты из FAA. Гробиться ему было совсем не из-за чего. Мы еще не осмотрели обломки по причине пожара — лесного пожара, начавшегося на восточном склоне, как нам заявили. Парни из Лесной службы уже там, на месте, а также местная полиция и FAA. Отчет мы получим так быстро, как возможно.

— Да, дела, — сказала она и заметила, что Крафт изумленно смотрит на нее, явно пытаясь понять их разговор. — Возможно — случайность?

— Возможно, но маловероятно. Пилот прошел Вьетнам, налетал шесть тысяч часов. Сама делай выводы. Да, передай Коротышке, что ему передаются полномочия уровня Г. Ты понимаешь, что это значит?

— Да... да, сэр. Боже! Право убивать и жечь, если необходимо!

— Я свяжусь с тобой по радио после того, как вы возьмете контроль над фермой, — сказал Шеф, — в течение ближайшего часа. До свидания, и желаю удачи.

Она услышала щелчок на том конце провода, придвинула свой стул ближе к столу и положила трубку на место. Под прикрытием стола она вынула из сумочки пистолет.

Крафт наблюдал за ней, пытаясь сложить вместе отрывки

беседы. То, что дела плохи, он понял, когда увидел глушитель пистолета Кловис, появляющийся словно стальная змея из-за дальнего края стола.

Специальностью Кловис владела полностью, она отбросила в сторону воспоминания о руках Джанверта, обнимающих ее, и другие приятные мысли.

— Держи руки там, где я их видела в последний раз, — потребовала она. — Убью при малейшем движении. Не делай никаких рывков. А теперь медленно встань, не убирая руки со стола. Советую быть предельно осторожным во всем, что ты делаешь, мистер Крафт. Я не хочу убивать тебя в этом офисе. Будет много шума, да и объясняться потом, но придется это сделать, если ты меня вынудишь.

Из предварительного устного отчета о результатах вскрытия Дзулы Перуджи: «Синяк на руке свидетельствует о внутренней инъекции. На данный момент мы не можем сказать, что именно было введено в организм Перуджи, экспертиза еще не закончена. Другие следы, видимые на трупе, свидетельствуют о том, что мы на своем жаргоне называем «смертью в мотеле». Речь идет о часто встречаемом синдроме среди мужчин старше 35 лет в случаях, когда смерть наступает при подобных обстоятельствах. Непосредственной причиной смерти явилась острая сердечная недостаточность. Технические детали будут представлены позже. Так это или нет, станет ясно по завершении вскрытия. Другие признаки говорят о том, что Перуджи вступал в половой контакт незадолго перед смертью — можно предположить, что не более как за четыре часа. Да, не более. Ситуация понятна: пожилой мужчина, молодая девушка (судя по вашим описаниям), и слишком много секса. Все согласуется с этим диагнозом. Иными словами, он затрахался до смерти».

— Мистер Джанверт, нам с вами надо кое-что обсудить, — сказал Хеллстром. Он нагнулся над столом в сторону Джанверта.

Джанверт, покончив с ленчем, поставил правый локоть на стол и оперся подбородком о ладонь. Он впал в задумчивое настроение, навеянное ситуацией: соседями, Агентством, звонком Шефа, своими старыми страхами... Как-то туманно у него сохранялось желание быть настороже, и, возможно, это касалось Хеллстрома и женщины, но само дело представлялось не стоящим требуемых для этого усилий.

— Пришло время обсудить наши общие проблемы, — сказал Хеллстром.

Джанверт кивнул, не убирая подбородка с ладони, хмыкнул, когда подбородок чуть не соскользнул. Обсудить проблемы. А как же.

Что-нибудь насчет простой деревенской жизни, прекрасного обеда, об этих людях, сидящих вместе с ним за столом, — где-то здесь лежала настоящая причина изменения его настроения. Он слишком много сил отдал противоборству обаянию Хеллстрома. Возможно, не стоило пока ему еще полностью доверять, но не испытывать к нему симпатию вовсе нельзя. Между доверием и симпатией очевидная разница. Хеллстрома нельзя винить за загубленную жизнь человека по имени Эдди Джанверт.

Наблюдая за переменой в своем госте, Хеллстром думал: «Все идет, как и должно. Доза была относительно велика. Организм Джанверта сейчас усваивал различные химические препараты. Вскоре он будет принят за своего каждым работником Муравейника. И наоборот — Джанверт признает своими работников Муравейника — всех. Его интеллект подавлен, так же, как и мыслительные способности. Если химическая метаморфоза сработает, то вскоре он станет совсем ручным».

Хеллстром дал знак Мимеке проследить за процессом. Она улыбнулась. Запахи для Джанверта становились приемлемыми. Это ферма, подумал он. Скосив глаза, он поглядел в окно, расположенное за столом. Золотой полдень казался теплым и манящим.

Он и Кловис часто мечтали о таком месте. «Наше собственное место, лучше всего старая ферма. Будем копать грядки, держать скот. Наши дети нам будут помогать, когда мы состаримся». Эту мечту они обговаривали, прежде чем

заняться любовью. Горечь недостижимости делала настоящее еще более приятным.

— Вы готовы побеседовать? — спросил Хеллстром.

— Побеседовать? Да, конечно, — ответил Джанверт.

Он выглядел несколько встревоженным, но Хеллстром заметил изменение тона.

Химические препараты свою работу знали. Но здесь таилась опасность, поскольку Джанверт теперь мог разгуливать по Муравейнику без опаски. Ни один работник не обратит на него внимания, никто не отведет его на ближайший приемный пункт — Котел. В то же время Джанверт теперь будет отвечать на вопросы Хеллстрома или представителя службы безопасности.

Оставалось проверить, насколько успешно сработали препараты на Внешнем.

— Что-то запаздывают обещанные представители власти, — сказал Хеллстром. — Может быть, стоит им позвонить и выяснить почему?

Запаздывают? Джанверт бросил взгляд на часы, висящие на стене позади Хеллстрома. Почти два часа. Как быстро пролетело время. Он как будто помнил, как они болтали с Хеллстромом и этой женщиной — Фэнси ее звали. Ничего себе штука. Но кто-то опаздывал.

— Вы уверены, что не ошиблись по поводу ФБР и остальных? — спросил Хеллстром. — Они действительно едут сюда?

— Не думаю, что я ошибся, — сказал Джанверт. В голосе его звучала печаль. Печаль вызвала небольшой гнев и выброс адреналина. В этом деле нельзя допускать ошибок! Господи, что за мерзкое дело. Все только потому, что он наткнулся на те проклятые документы Агентства. Нет — это был только первый шаг. Ловушка будет куда более хитрой. Эдди Джанверт был обречен принять все, что представляло собой Агентство. И обреченность эта своими корнями уходила далеко в прошлое. Впрочем, иначе он не встретил бы Кловис. Милая Кловис. Куда привлекательней Фэнси, сидящей позади него. Ему показалось, что их сравнить можно еще и как-то иначе, но мысль ускользала. Агентство — Агентство — Агентство — Агентство. Дело дрянь. Он кожей чувствовал скрытое присутствие ухмыляющихся

олигархов, чье влияние пронизывало Агентство. Да! Агентство — дермо.

— Мне пришло в голову, что при других обстоятельствах мы могли бы стать друзьями.

Друзьями. Джанверт кивнул, и голова его почти съехала с ладони. Они были друзьями. Этот Хеллстром неплохой парень. Угостил отличным обедом. И сколько уважения выказал ему до того, как они сели за стол.

Идея дружить слегка охладила огонек беспокойства, все еще не погасший в душе Джанверта. Он начал анализировать свои чувства. Да — Перуджи! Именно так: Перуджи. Старый Перуджи говорил ему что-то важное — да-а. Он сказал, что Хеллстром с друзьями сделали, сделали — укол! Да, да, именно так, укол. И этот укол обращает мужчину в сексуально-озабоченного жеребца. Перуджи говорил об этом, точно. Восемнадцать раз за ночь. Джанверт весело ухмыльнулся. Если подумать, весьма дружеское участие. Такого участия не дождешься в этом чертовом Агентстве, где за тобой следят, словно кошки, вынюхивают, кто с кем сошелся — как они с Кловис, — а затем используют это в своих целях. Так поступает Агентство. Если подумать, дружбу с Хеллстромом легко объяснить. Сыт Эдди Джанверт чертовым Агентством. Подождите, вот он скажет Кловис об этом. Восемнадцать раз за одну ночь — весьма дружеское участие.

Мимека по знаку Хеллстрома коснулась руки Джанверта. У нее была маленькая, дружеская рука.

— Я тоже так думаю. Мы обязательно подружimsя.

Джанверт как-то судорожно выпрямился и похлопал ее руку, лежащую на его руке. То же дружеское участие. Опять. Ему показалось, что этой паре он готов поверить. Было участие искренним? Почему нет? Они не могли ничего подложить ему в тарелку. Он вспомнил, как перехватил тарелку Хеллстрома. Да, Хеллstromу пришлось удовольствоваться другой порцией. Это тоже дружеский поступок. Нельзя скрыть в простых поступках недружеские намерения. Не так ли? Джанверт пристально посмотрел на сидящую рядом с ним женщину, вяло удивляясь черепашной скорости своих мыслей. Перуджи! Подсыпать ему что-нибудь в пищу — исключено. Укол — также. Он не отрывал глаз от женщины. Секс. Он не желал

эту легкую, миниатюрную женщину с теплыми руками и словно тающими глазами. Может быть, Перуджи ошибался? Или лгал? От этой скотины всего можно было ожидать.

Возможно, все объясняется очень просто, сказал себе Джанверт. Что у него есть против Хеллстрома, кроме того, что ему продиктовано Агентством, против этого бедняги? Он даже не знал, в чем состоит этот «Проект 40». Да, было что-то с документами. «Проект 40». Но это был проект Хеллстрома. При чем здесь чертово Агентство? Тебе просто приказали исполнять.

Джанверт внезапно испытал желание двигаться. Он оттолкнул стул назад и упал бы, если бы женщина не помогла ему удержать равновесие. Он похлопал ее по руке. Окна. Ему захотелось выглянуть из окна. Слегка пошатываясь, Джанверт прошел вдоль стола к окну. Небольшой отрезок ручья с незаметным глазу течением. Слабый полуденный бриз качнул тени деревьев на воде, создав иллюзию движения. Тишина в столовой давала то же ощущение иллюзии. Лениво он подумал о том, как его чувства воспринимали реальность. Дружественный пейзаж, дружественное место. Здесь было движение.

Откуда это маленькое, глубоко затаившееся беспокойство? Оно одно вносило раздражение в этой ситуации.

Ситуация? Какая ситуация?

Джанверт покачал головой из стороны в сторону, словно раненое животное. Все так чертовски запутано.

Откинувшись на стуле, Хеллстром нахмурился. Препараты работали не так, как на членах Муравейника. Люди Муравейника были генетически достаточно близки к Внешним для спаривания с ними, разделение произошло всего триста лет назад. Химическая родственность не удивляла. В действительности, она ожидалась. Но Джанверт не бросился на них с объятиями. Казалось, он вел внутреннюю борьбу. Препараты не одержали полной победы. Впрочем, это тоже можно было предвидеть. Человек — это не только его плоть. Некоторая часть интеллекта Джанверта все еще рассматривала Хеллстрома как угрозу.

Мимека проводила Джанверта к окну и сейчас стояла за его спиной.

— Мы вам плохого не желаем, — прошептала она.

Он кивнул. Конечно, они не хотят причинить ему вред. Что за вздорная мысль. Джанверт сунул руку в карман и нащупал там пистолет. Он признал его. Пистолет был недружеской вещью.

— Почему нам не стать друзьями? — спросила Мимека.

Слезы наполнили глаза Джанверта и медленно потекли по его щекам. Было так печально. Пистолет, это место, Кловис, Агентство, Перуджи — все. Так печально. Он вынул пистолет, повернулся заплаканным лицом и подал пистолет Мимеке. Она приняла его, держа неумело в руке: одна из этих ужасных, рвущих плоть пушек, используемых Внешними.

— Выбрось это, — прошептал Джанверт. — Пожалуйста, выбрось эту проклятую штуковину подальше.

Из новостей, Вашингтонская линия, Д. С.:

«...и было отмечено, что смерть Альтмана не была первым самоубийством правительственного чиновника высокого ранга. Наблюдатели в Вашингтоне сразу вспомнили о смерти 22 мая 1949 года министра обороны Джеймса Форрестола, выпрыгнувшего из окна больницы, что привело в шок его семью и медицинский персонал.

Смерть Альтмана оживила постоянно муссировавшийся слух о том, что он в действительности являлся шефом секретного и высокоорганизованного агентства, действовавшего под прикрытием правительства. Один из близких помощников Альтмана, Джозеф Мерривейл, опроверг с негодованием это утверждение, спросив: «Неужели эта грязная сплетня все еще кого-то интересует?»

«Как бы там ни было, но этот день, несмотря на все утренние тревоги, следует признать успешным», — сказал себе Хеллстром. Он находился в доме, глядя через прикрытые жалюзи окна на север. Машины взбивали пыль в удалении, но в этот момент Хеллстром почувствовал угрозу со стороны Внешних. Сообщения, полученные из Вашингтона, и информация из Фостервилля говорили о смягчении давления.

Джанверт ответил на все вопросы с минимальной уклончивостью. Сравнивая это с предыдущими допросами, Хеллстром опечалился. Столько лишней боли, испытанной пленниками. Когда думаешь об этом, то новый подход кажется таким очевидным. Фэнси действительно оказала Муравейнику большую услугу.

Салдо подошел с кошачьей грацией, встал рядом и сказал:

— С шестого поста сообщают, что пыль поднята тремя тяжелыми грузовиками,двигающимися в нашу сторону по нижней дороге.

— Полагаю, это «власти» Джанверта, — сказал Хеллстром. — Мы готовы их принять?

— Да, насколько это возможно. Мимека внизу и готова сыграть роль Фэнси. Поруганная невинность. Она ничего не слышала ни о Внешнем, ни об этом Агентстве, ни о велосипеде — ничего.

— Хорошо. Куда ты поместил Джанверта?

— В пустую камеру на уровне сорок два. Все приведено в состояние аварийной готовности.

С вновь пробудившимися дурными предчувствиями Хеллстром представил себе, что это означает. Состояние аварийной готовности: потерянное время; работники, получившие инструкции по работе с системой блокирования длинных отсеков входных галерей жидким бетоном; массы работников, собранных у тайных выходов, вооруженных станвордами, а также несколькими единицами оружия Внешних, которыми смог овладеть Муравейник.

— Они едут очень быстро, — сказал Салдо, кивая в сторону облака пыли, поднятого машинами.

— Что-то они припозднились, — сказал Хеллстром. — Что-то их задержало, и сейчас они пытаются наверстать упущенное время. Мы готовы к приему?

— Мне лучше самому проследить, — сказал Салдо.

— Чуть позже, — сказал Хеллстром. — Мы можем задержать их у ворот. Ты связался с Линком?

— Никто не отвечает. Знаете, когда все будет кончено, нам следует подумать о лучшем прикрытии для него — о жене — и поставить еще телефон домой, связанный с офисом.

— Неплохая идея, — сказал Хеллстром и показал в

окно. — Вон те большие машины. Не они ли недавно находились на горе?

— Не исключено. Нильс, они несутся во весь опор. Они уже у ограды. Может быть, нам следует...

Он умолк ошеломленно, когда первый из грузовиков снес на полном ходу ворота и резко свернул в сторону, блокируя будку замаскированного вентиляционного выхода. Две фигуры выскочили из идущей юзом машины. Один из них нес предмет, похожий на черный ранец. Остальные фургоны с ревом пронесли мимо первого — прямо к дому и сараю.

— Они атакуют! — закричал Салдо.

Словно в подтверждение его слов раздался взрыв, и сразу за ним — еще один и более сильный. Первый грузовик опрокинулся на бок и загорелся.

«Наши заряды для сброса кожуха, защищающего вентилятор!» — подумал Хеллстром.

Раздались новые взрывы, послышались выстрелы, вопли, всюду бежали люди. Двое нападавших, выпрыгнувшие на ходу, сейчас ломались в дверь дома.

— Нильс! Нильс! — Салдо яростно дергал его за руку. — Тебе надо уходить отсюда!

Мудрость Харла: *«Общество, отвергающее полностью поведение, принятое во Внешнем мире, может существовать только в состоянии постоянной осады».*

Мимека сидела в гостиной и ожидала прибытия «властей», обещанных Джанвертом, когда первый взрыв качнул здание. Кусок металла от фургона пробил северную стену всего на фут выше ее головы. Он вонзился в противоположную стену и так и застрял в ней, дымясь. Выстрелы, крики, взрывы слышались во дворе.

Низко пригнувшись, Мимека кинулась на кухню. Мисс Найлс хранила там станворд. Она проскочила двери, удивив своим появлением мисс Найлс, станвордом очищающей двор между домом и сараем. Мимека здесь не задержалась, задача

сыграть роль Фэнси была более важной для выживания Муравейника. Ей надо думать о своем спасении. Дверь за мисс Найлс выходила на древнюю каменную лестницу, ведущую в подвал. Мимека толчком открыла дверь и бросилась вниз по ступеням. Над головой послышался треск, выстрелы, звон разбитого стекла. Она метнулась к поддельным полкам, за которыми скрывался туннель, ведущий в сарай, и нырнула в него. С другого конца туннеля вливались вооруженные станвордами работники. Тяжело дыша, Мимека бежала мимо них, дальше в дверь и в подвал сарая. Туннель позади нее уже опустел, и она услышала шипение жидкого бетона, пломбирующего проход.

Перед Мимекой был короткий зал, в дальнем конце открывалась картина, в которой только родившийся в Муравейнике мог понять смысл. Она рысцой направилась в ту сторону. Работники сновали по всем направлениям, неся коробки в начало галереи. По левую сторону у стены был установлен временный усилитель, охраняемый стражниками.

Когда Мимека вошла в эту зону, над ее головой распахнулся скрытый люк на верхней площадке лестницы и оттуда выбежали и стремительно бросились вниз Салдо и Хеллстром, за которыми следовали несколько вооруженных работников. Из открытого люка донесся грохот боя над головой, который внезапно смолк. Затем раздался взрыв, еще выстрел. Она услышала отдающийся в голове гул многих станвордов.

Тишина.

Хеллстром увидел Мимеку, жестом показал присоединиться к нему, продолжая движение в сторону временного усилителя. При его приближении старший наблюдатель повернулся, узнал Хеллстрома и сказал:

— Мы разобрались с теми, кто проник внутрь, но остались еще двое у ограды. Они вне пределов досягаемости станвордов. Может быть, зайти с тыла?

— Подождите, — сказал Хеллстром. — Можем мы вернуться в дом?

— Те двое у ограды вооружены по крайней мере одним пулеметом.

— Я поднимаюсь по лестнице, — предложил Салдо. — Вы подождите здесь. Вам нельзя рисковать, Нильс.

— Пойдем вместе, — сказал Хеллстром. Он махнул Салдо идти впереди и обратился к Мимеке: — Я рад, что ты спаслась, Фэнси.

Она кивнула, почти восстановив дыхание.

— Жди здесь, — сказал ей Хеллстром. — Ты нам можешь вскоре понадобиться.

Он повернулся и пошел вслед за Салдо, который ждал его с вооруженными работниками у лестницы. Внезапность атаки и ее ярость потрясли Хеллстрома. Они действительно попали в огонь, в самое пекло. В студии оказалось на удивление мало повреждений — только пробоина в стене у северной двери. Какое-то оборудование разбилось и лежало в беспорядке на полу, в том числе небольшой улей с пчелами. Те, которые выжили, жужжали сейчас сердито, но на работников не нападали — прекрасный тест эффективности процесса выведения. Хеллстром сделал в уме пометку о необходимости похвалить директоров этого проекта и предоставлении дополнительных ресурсов.

Главный кран студии не был поврежден, и Салдо уже направлялся к клетки, когда Хеллстром появился из колодца. Его глазам предстало не очень приятное зрелище: тела работников быстро убирались командой уборщиков, но еще повсюду лежали трупы! Трупы! Трупы! Проклятые убийцы! Хеллстром ощутил в себе нарастание чисто родовой ярости. Он хотел взмахнуть рукой, позвать за собой и кинуться на двух оставшихся из нападавших на них, разорвать их на части голыми руками, не важно, какую цену за это придется заплатить. Он чувствовал то же подпитанное адреналином настроение и других работников. Они последуют за ним при малейшем намеке с его стороны. Они больше не являлись съемочными группами, актерами, техниками, специалистами по решению сложных проблем, связанных с добыванием энергии и денег Внешних. Это были взбешенные работники, каждый из них.

Хеллстром заставил себя подойти спокойно к клетки и присоединиться к Салдо. Он сделал глубокий нервный вздох, прыгивая в клетку. Муравейник никогда еще не был в

такой опасности и никогда прежде не нуждался в спокойствии и выдержке своих главных специалистов.

— Возьми баллон, — сказал Хеллстром Салдо, когда клеть поднялась в воздух. — Скажи двум последним из нападавших, что если они не сдадутся, то будут убиты. Надо попробовать взять их живыми.

— Если они откажутся? — голос Салдо был далек от нормального. Это был полный эмоций голос мужчины, готового к атаке.

— Тебе не следует надеяться на их сопротивление, — сказал Хеллстром. — Их следует оглушить и взять живыми во что бы то ни стало. Проверь, нельзя ли подобраться под них по какой-нибудь галерее со станвордом.

Клеть мягко опустилась на краю. Хеллстром вышел, и Салдо последовал за ним. Дверь была открыта, и изнутри слышались возбужденные голоса.

— Скажи работникам полагаться больше на язык жестов в такие ответственные минуты, — приказал Хеллстром, явно рассерженный. — Меньше шума и бестолковщины.

— Да, да, конечно, Нильс.

Салдо ощутил благоговейный испуг от холодной команды Хеллстрорма. Чувствовался стиль ведущего специалиста: трезвый расчет доминирует над гневом, kloкочущим внутри. Без сомнения, нападение вывело Хеллстрорма из привычного состояния, но он сохранил над собой полный контроль.

Хеллстром шагнул в дверь и рявкнул:

— Немедленно восстановить здесь порядок! Поставить экранирующий глушитель на место. Наш телефон все еще связан с Внешним миром?

Тишина установилась мгновенно. Работники послушно начали исполнять приказание. Специалист по безопасности, стоящий в конце изогнутой стойки, на которой крепились глушители, передал телефон Хеллстрому.

— Поставьте оборудование там, — приказал Хеллстром, принимая аппарат, — и пошлите наблюдателя вниз на «Проект сорок». Наблюдатель не должен вмешиваться, просто наблюдать. При любых признаках продвижения он должен доложить об этом лично мне, напрямую. Ясно?

— Да, — сказал Салдо и бросился исполнять поручение.

Хеллстром приложил телефонную трубку к уху и ничего не услышал. Он вернул аппарат работнику.

— Линия не работает. Попробуйте восстановить ее.

Работник взял телефон и удивился:

— Все было в порядке еще минуту назад.

— А сейчас нет.

— Куда вы хотели позвонить, Нильс?

— В Вашингтон. Хотел узнать, не пришло ли время блефовать.

Из дневника Тровы Хеллстром: *«Полноценная жизнь, должные действия в должное время, знание конструктивного служения сотоварищам, и в Котел после смерти; вот значение истинной дружбы. Вместе в жизни, вместе в смерти».*

Кловис выбрала для себя первый фургон, пренебрегая возражениями Мэрли, что, мол, «это не место для женщины». Она сказала ему, куда он может с этим отправиться, и он с пониманием улыбнулся.

— Ясно, милочка. На ферме, быть может, довольно весело, и ты хочешь, чтобы твой дружок наслаждался этим временем не слишком долго. Если так, я вернусь и расскажу тебе сам.

«Значит, ему все известно!» — подумала Кловис.

И она плюнула Мэрли в лицо и подняла левую руку, чтобы смазать ему по морде — в ответ на его замах кулаком. Вмешались другие, и ДТ закричал:

— Мой Бог! Нашли время драться! Что вы оба придумали? Все, пора отправляться!

При первой возможности за городом они остановили фургон, надежно связали Крафта, сунули в рот кляп и бросили на заднее сиденье. Он кричал: «Вы заплатите за это», — но дуло пистолета, нацеленное на него, заставило его замолкнуть. Он позволил себя связать и лежал потом на сиденье с широко открытыми глазами, стараясь запомнить все, что видел.

Кловис уселась рядом с ДТ, севшим за руль. Она смотрела

на пейзаж за окном, ничего не замечая. Значит, вот так все и кончается. Люди на ферме убьют Эдди при первых признаках нападения. У нее было время подумать об этом, и она пришла к однозначному выводу. Иначе агент поступить не может: он должен идти навстречу опасности. Глаза ей застлал алый гнев, гнев внешний, зовущий ее вперед. Ей также стали мерещиться другие мотивы выбора именно ее Шефом как руководителя операции. Он хотел, чтобы руководитель испытывал слепую, смертельную ярость.

Они выехали после четырех. Легкий бриз рябью покрывал гладь желтой травы по обеим сторонам дороги. Она увидела траву, сфокусировала зрение, посмотрела вперед и поняла, что они входят в последний поворот перед оградой. ДТ разгонял фургон до предельной скорости, отмеряя последнюю милю дороги.

— Нервничаешь? — спросил ДТ.

Она косо взглянула на жесткое молодое лицо, с которого все еще не сошел загар, полученный им во Вьетнаме. Его зеленая кепка отбрасывала темные тени на глаза, высветляя маленький белый шрам на переносице.

— Вопрос на засыпку, — ответила она, повышая голос, чтобы перекрыть рев мотора.

— Ничего зазорного в том, чтобы испытывать нервозность перед полетом, — сказал он. — Я помню, как однажды в Нам...

— Не хочу ничего слышать из твоего паскудного хвастовства, — оборвала она его.

Он пожал плечами, отметив ее посеревшее лицо. Она воспринимала все слишком сильно. Это дело не для женщины. Мэрли был прав. Впрочем, не стоит об этом думать. Если ей так хочется быть яростной мисс, черт с ней. Лишь бы умела обращаться с оружием. Насколько ему было известно, она умела.

— Что ты делаешь в свободное время? — спросил он.

— Тебе что за дело, подчиненный?

— Ба, да ты кусачая! Я так, разговор поддержать.

— Сам с собой!

Лучше с тобой, детка, подумал он. У тебя красивое тело. И он подумал о Коротышке. Все, конечно, о них знали. Настоящее чувство не поощряется в Агентстве, то

ли дело у них с Тименой — добрый старый секс. Потому Кловис и переживает так. Коротышка свое получит в ту секунду, когда откроются ворота. И когда Коротышка умрет, она им устроит!

Он еще раз посмотрел на нее. Действительно Агентство так верит в нее, чтобы доверять проводить подобные операции?

— Они нас не ждут, — сказал он. — Картина может получиться веселая. Мы можем вычистить местечко. Сколько у них там может быть людей? Двадцать? Тридцать?

— Там будет заваруха, — огрызнулась она. — А сейчас заткнись.

Крафт, слушая разговор с заднего сиденья фургона, испытывал к ним нечто вроде жалости. Они нарвутся на стену станвордов, каждый включен на максимальную мощность. Будет бойня. Он смирился с тем, что погибнет с этими двумя. Что бы они сделали, если бы знали действительное число работников на ферме? Что бы они сказали, если бы сейчас повернулись и спросили его, а он бы им ответил... пятьдесят тысяч, или около того, сотню-другую в ту или иную сторону?

Кловис неожиданно поймала себя на мысли, что ее горько забавляет болтовня ДТ. Конечно, он нервничал. Она испытывала смертельную ненависть, столь желанную Шефу. Они были так близко от ограды, что могли видеть мелкие детали бетонного сооружения за воротами. Полуденное солнце начало удлинять тени в расположенной дальше долине. Не было видно ни единого признака жизни в доме или видимой части сарая. Она взяла микрофон, чтобы сообщить об увиденном следующим за ними фургонам, но в ту секунду, когда она нажала на кнопку передачи, синтезатор монитора пронзительно загудел. Глушение! Кто-то глушил их частоту!

Она посмотрела на ДТ, чей напряженный взгляд в сторону передатчика сказал ей, что он все понял.

Она вернула микрофон на место и сказала:

— Останови фургон между домом и будкой. Возьмешь сумку. Мы оба выпрыгнем с твоей стороны. Бросишь сумку у стены с восточной стороны и прикроешь меня. Я установлю

заряд. Когда все будет готово, рвем когти к краю вон того холма.

— Взрывом разнесет фургон, — возразил он.

— Лучше его, чем нас. Прибавь газу. Нам нужна скорость.

— Как насчет нашего пассажира?

— Это уж как ему повезет. Надеюсь, с ним все будет в порядке! — Она подняла с пола небольшой пистолет и приготовилась отстегнуть ремень безопасности. ДТ локтем нащупал заряд в сумке, зажатой между сиденьем и аварийной дверью. — Бей в середину, — крикнула Кловис, — он собирается...

Что бы она ни хотела сказать, слова ее потонули в грохоте и скрежете прорываемых ворот. После этого сказать что-нибудь у них просто не было времени.

Из дневника Тровы Хеллстром: «Природа зависимости нашего Муравейника от всей планеты требует постоянного контроля. Это особенно относится к циклу продуктообеспечения, но многие наши работники не отдают себе в этом ясного отчета. Они полагают, мы можем вечно находиться на самообеспечении. Как неразумно! Каждая подобная цепочка основана в конечном счете на растениях. Наша независимость опирается на качество и количество наших растений. Они всегда должны оставаться нашими растениями, выращенными нами, их производство в равновесии с той диетой, которая обеспечивает нам такое укрепление здоровья и увеличение продолжительности жизни в сравнении с дикими Внешними».

— Они отказываются отвечать на наши призывы, — сказал Салдо. В его голосе слышалось угрюмое недовольство. Салдо стоял рядом с Хеллстромом в сумрачном торце дома, пока работники за их спиной завершали восстановление помещения. Только башенка разделяла Хеллстрома и разбитый фургон, застрявший в воротах. Пламя еще потре-

скивало в его останках и на разбросанных обломках, горящий газ взметнулся факелом, разбежавшись по траве...

Если работникам не удастся справиться с огнем, то внизу скоро наступит ад.

— Я слышал, — сказал Хеллстром.

— Как мы должны реагировать? — спросил Салдо со странным спокойствием.

«Он слишком старательно играет невозмутимость», — подумал Хеллстром.

— Используйте оружие. Сделайте несколько прицельных выстрелов, но никого не убивать. Проверь, нельзя ли отогнать их в северном направлении? Это даст нам возможность потушить огонь. Ты послал патруль для наблюдения за нижней дорогой, ведущей в город?

— Да. Может быть, мне стоит попытаться подойти с тыла и взять эту парочку?

— Нет. Что с подземным вариантом?

— Не та позиция. Мы можем поразить также и наших людей. Ты сам знаешь, как луч отражается от скал и грязи.

— Кто возглавил внешний патруль?

— Эд.

Хеллстром кивнул. Эд — сильная личность. Если кто и способен управиться с работниками, так это он. Они не должны ни при каких обстоятельствах убивать эту пару. Он чувствовал это с возрастающей убежденностью. Муравейник должен их допросить. Он должен узнать, чем вызвано нападение. Хеллстром спросил, объяснено ли это Эду.

— Да, мною, — Салдо выглядел смущенным. Хеллстром говорил со странной сдержанностью.

— Начинайте отгонять эту пару, — сказал Хеллстром.

Салдо ушел для исполнения и вернулся через минуту.

— Всегда помни, — сказал Хеллстром, — что Муравейник не более чем пылинка в сравнении с силами Внешнего мира. Нам нужна эта пара — информация для возможного использования в переговорах. Восстановлена телефонная связь?

— Нет. Разрыв где-то вблизи города. Они сами, может быть, перерезали провод.

— Похоже.

— Зачем им переговоры с нами? — спросил Салдо. — Если они могут стереть нас... — он замолчал, потрясенный огромностью самой мысли. Он испытал паническое желание распустить Муравейник, рассредоточить работников в надежде, что немногие выжившие смогут начать все сначала. Ясно, все они погибнут, оставаясь здесь. Одна атомная бомба — ну десять или двенадцать атомных бомб... Если достаточное число работников сможет уйти прямо сейчас...

Салдо попытался выразить эти полные страха идеи Хеллстрому.

— Мы еще для этого не готовы, — сказал Хеллстром. — Я предприму необходимые шаги, если случится худшее. Наши записи приготовлены к быстрому уничтожению, если нам...

— Наши записи?

— Ты знаешь, что это необходимо. Я послал сигнал тревоги тем, кто является нашими ушами и глазами во Внешнем мире. А сейчас они от нас отрезаны. Они должны жить собственной жизнью, питаться пищей Внешних, подчиняться их законам, смириться с непродолжительной жизнью, пустыми удовольствиями как ценой за свою службу нам. Они знали, что это могло случиться. Но некоторые из них выживут. И любой из них может начать новый Муравейник. Не важно, чем все кончится здесь, Салдо, мы не погибнем совсем. — Салдо закрыл глаза, его передернуло от такой перспективы.

— Джанверт пришел в себя полностью? — спросил Хеллстром. — Нам может понадобиться эмиссар.

Глаза Салдо широко открылись.

— Эмиссар? Джанверт?

— Да, и узнай, почему эту пару еще не захватили. Их, очевидно, выгнали в поле. Я вижу, работники начали бороться с огнем. — Он посмотрел в окно. — Им нужно поторопиться. Если будет много дыма, сюда, чего доброго, приедут пожарные машины из города. — Он посмотрел на станции наблюдения. — Наладили наконец связь?

— Нет, — ответил один из наблюдателей.

— Тогда воспользуйтесь радио, — сказал Хеллстром. — Позвоните в офис в Лейквью. Скажите им, что у нас здесь

горит трава, но наши люди справятся сами. Мы не нуждаемся в помощи Внешних.

Салдо повернулся и отправился исполнять поручение, восхищаясь тем, как все варианты безопасности в мозгу Хеллстрома выстраивались в единую картину. Никто, кроме Хеллстрома, не вспомнил бы об опасности прибытия сюда пожарных команд. Другой наблюдатель вызвал Хеллстрома, когда Салдо выходил из дома.

Хеллстром ответил на вызов и узнал на экране специалиста-физика, начавшего говорить сразу, как только Хеллстром мог его слышать.

— Убери своего наблюдателя отсюда, Нильс!

— Наблюдатель причиняет вам в лаборатории неудобства? — спросил Хеллстром.

— Мы больше не в лаборатории.

— Не в... а где же вы?

— Мы перебрались в главную галерею на уровне пятидесяти, полностью заняли ее. Нам потребовалось все убрать из нее для нашей установки. Твой наблюдатель утверждает, что ты ему приказал находиться тут.

Хеллстром припомнил эту галерею — длиной более мили.

— Зачем вам вся галерея? — спросил он. — Мы можем...

— Твои безмозглые работники могут использовать боковые туннели! — прорычал специалист. — Убери отсюда этого кретина! Он нам мешает.

— Вся галерея, — сказал Хеллстром, — довольно...

— Информация, поступившая от тебя самого, вынуждает нас к этому, — пояснил специалист устало. — Замечания Внешних, которые ты столь любезно нам предоставил. Все дело в размерах. Нам нужна вся галерея. Если твой наблюдатель будет вмешиваться, ты найдешь его в Котле.

Связь прервалась сердитым «блап!»

Из руководства Муравейника: «Наиболее сильной коллективизирующей силой во Вселенной является взаимная зависимость. Тот факт, что наши ключевые работники получают дополнительное питание, не должен скрывать от них их

взаимозависимость с теми, кто не пользуется этой привилегией».

Кловис лежала в глубокой тени ниже рощи земляничных деревьев, в пятистах ярдах к югу от ворот фермы Хеллстрема. Она видела группы людей, борющихся с очагами огня у ограды, и некоторые из них были вооружены, но не теми таинственными гудящими орудиями, которыми был на ее глазах уложен на месте один из ее команды. Боже! Их там сотни! Голубовато-серые дымки закручивались спиралями вверх, и она могла чувствовать горьковатый запах дыма, относимого в ее сторону. Она держала пистолет в правой руке, положив его на левую руку для упора. Они придут, очевидно, отсюда. ДТ лежал где-то сзади и правее ее с пулеметом. Кловис оглянулась, пытаясь отыскать его глазами. Он просил дать ему десять минут, затем он вернется и прикроет ее.

Кловис вспомнила краткий бой во дворе фермы. Святой Боже! Она не ожидала ничего даже отдаленно похожего. Что угодно, но не это. Обнаженные мужчины и женщины со странным, раздваивающимся на конце оружием. Кловис слышала гудение этих штуковин даже сейчас. По тому, как падали члены ее команды, она поняла, что оружие убивало.

Новый вид оружия: вот и разгадка «Проекта 40». Что ж, найти его и предполагалось, но не такое же.

Почему люди были обнаженными?

Кловис до сих пор не решалась представить, что случилось с Эдди Джанвертом. Оставалось исходное предположение. Убит, и, вероятно, из этого странного оружия. Хотя его радиус действия ограничен: что-нибудь около сотни ярдов, решила она. Пулями она могла их достать. Задача состояла в том, чтобы удерживать нападающих на расстоянии и выискивать среди них вооруженных обычными пистолетами.

Кловис посмотрела на часы: три минуты до условленного времени.

Черт, жарко, как в печке. Пыль от травы щекотала ноздри. Она едва не чихнула. Что-то двигалось на ближнем склоне холма над оградой слева от ворот. Кловис дважды

выстрелила, перезарядила пистолет, услышала еще один выстрел сзади и крик ДТ. Он на месте. Хорошо. Плевать на условленные десять минут. Кловис встала на колени, повернулась, выскочила из тени деревьев и помчалась, согнувшись и не оглядываясь назад. Это забота ДТ, прикрыть ее сзади. Странное гудение послышалось со стороны склона у нее за спиной, но Кловис ощутила только легкое покалывание позвоночника, успев подумать, не кажется ли ей это. Но тут страх придал ей новые силы, и она прибавила скорости.

Выстрел прозвучал впереди нее слева, затем еще один. ДТ использовал пулемет в режиме одиночных выстрелов, сдерживая преследователей. Кловис слегка изменила направление, огибая место, откуда исходили выстрелы. Она все еще не видела ДТ, но впереди виднелся дуб и несколько коров, неуклюже отбегающих прочь. Кловис выбрала целью дуб слева от коров, кинулась к нему и, схватившись на полном ходу за ствол левой рукой, забросила свое тело за него. Пот катился с нее градом, в груди отдавалось болью при каждом жадном вздохе. Еще несколько выстрелов раздалось в том месте, где находился ДТ, но Кловис все еще не могла его видеть. Шесть обнаженных фигур мчались по открытому полю со стороны долины, каждый с этим странным оружием. Кловис сделала три глубоких вдоха, чтобы выровнять дыхание, оперлась рукой с пистолетом о ствол дерева и сделала четыре прицельных выстрела. Двое из бегущих упали с той внезапностью, которая говорила о том, что пули попали в цель. Другие двое проворно нырнули в траву.

ДТ появился внезапно, прыгнув с дерева, и она поняла, где он прятался. Неплохо придумано. Он приземлился по-кошачьи и сразу побежал, забирая влево, не оборачиваясь назад, не глядя на Кловис. Хороший напарник прикроет его, и он сейчас признал ее в этом качестве.

Кловис перезарядила пистолет, не отрывая взгляда от травы, где залегли четверо уцелевших. Они ползли в ее сторону, очевидно, пытаясь войти в радиус поражения своего оружия. Трава зловеще шевелилась, все ближе и ближе. Она прикидывала оставшееся расстояние. Когда до них было футов четыреста, она подняла пистолет и начала стрелять. Она не спешила, стараясь стрелять прицельно. На третьем

выстреле из травы поднялась фигура и завалилась на спину. Трое других встали в открытую и нацелили на нее свое оружие. С предельной концентрацией — каждый из трех оставшихся выстрелов на счету — она прицелилась в первую фигуру — лысой женщины, лицо которой было искажено гримасой ярости. Первая же пуля остановила ее, словно невидимая стена. Ее оружие взлетело при падении высоко в воздух. Остальные снова нырнули в траву. Кловис использовала два других выстрела, не давая им подняться, и, не глядя назад, развернулась и помчалась со всех ног, на ходу перезаряжая пистолет.

— Сюда! Сюда!

ДТ звал ее с другого дуба слева от нее. Она изменила курс, поняв, что он звал ее потому, что дальше деревьев уже не было. Поле было открыто с чисто подьеденной скотом травой, по крайней мере на полмили. ДТ схватил ее за руку, помогая остановиться.

— Знаешь, это странно, — сказал ДТ. — Смотри, как чисто коровы выщипали всю траву дальше, но не тронули ту, что ближе к ферме. Как будто они боятся сюда заходить. Те, которых я спугнул со своей первой позиции, казались не от мира сего, словно их пригнал туда кто-то, кто находится ниже. Но я там что-то ничего не вижу.

Она перевела дыхание.

— Есть у тебя здравые идеи, как нам отсюда выбраться?

— Продолжать в том же духе, — ответил ДТ.

— Мы должны выбраться отсюда и сообщить, что видели, — сказала Кловис и посмотрела на него. Но он внимательно изучал путь, проделанный ими только что.

— Похоже, ты попала еще в одного из тех, кто нырнул в траву, — сказал ДТ. — Лишь один из них двигается. Готова совершить еще один бросок?

— Да, как всегда. А как насчет того, в которого я не попала?

— Он продолжает ползти, но из травы ему скоро не выбраться. Нам надо разделиться. Ты забирай немного влево, пока не выйдешь на дорогу, а затем постарайся идти вдоль нее. Я возьму вправо. Ручей где-то там, за деревьями,

в миле отсюда. У них теперь будут две мишени. Если я смогу добраться до реки...

ДТ смотрел в сторону фермы, когда начинал говорить, и, продолжая говорить, повернулся, чтобы взглянуть в направлении, куда они собирались бежать. Кловис резко развернулась, когда он внезапно смолк, и непроизвольно вскрикнула. Плотная цепочка лысых обнаженных человеческих фигур перекрыла им путь к отступлению. Цепочка находилась ниже их, ярдах в пятидесяти, и брала свое начало далеко слева, в дубовой поросли, и уходила вправо за деревья, помечавшие речной берег, туда, где ДТ надевался найти убежище.

— Господи Иисусу...ссе!.. — выдавил ДТ.

«Их там не меньше десяти тысяч!» — подумала Кловис.

— Я не видел столько с тех пор, как вернулся из Намибии, — сипло сказал ДТ. — Бож-же! Как будто мы разворошили целый муравейник.

Кловис кивнула, думая: именно это они и сделали. Все встало на свои места: Хеллстром служил прикрытием некоего культа. Она обратила внимание на белую кожу. Они, вероятно, жили под землей. Ферма служила просто ширмой. Кловис подавила нервный смех, подняла пистолет, намереваясь взять столько из этой зловещей приближающейся цепочки, сколько получится, но хрустящее гудение за спиной поразило немотой ее тело и разум. Она услышала выстрел, уже падая на землю, так и не поняв, кто из них двоих его сделал.

Из дневника Нильса Хеллстрорма: *«Концепция колонии, имплантированной в толщу существующего человеческого общества, не уникальна. Человеческая история насчитывает многие секретные группировки и движения. Цыгане могут считаться грубым аналогом нашего пути даже сегодня. Нет, в этом мы не уникальны. Но наш Муравейник так же далеко отстоит от них, как они отстоят от примитивных пещерных людей. Мы подобны колониальному протозоону, все мы в Муравейнике крепимся к единому, ветвящемуся*

стволу, и этот ствол упрятан в толще земли под другим обществом, верящим в то, что он тот кроткий, что наследует землю. Кроткий! Это слово первоначально означало «немой и тихий».

Бестолковый, какой-то сумасшедший был этот полет: часовая остановка в О'Хара, быстрая пересадка на чартерный рейс в Портленде и шумный дискомфорт одномоторного самолета до Колумбия Джордж, а затем, в сумеречном небе, перелет через весь Орегон в его юго-восточную часть. Мерривейл был не в себе, когда самолет пошел на посадку в аэропорту Лейквью, и это его настроение подогревалось бурной радостью, закипавшей в нем.

Когда он меньше всего этого ожидал, если говорить честно, когда он смирился с унижительным поражением, они его позвали. Они — это Совет, о существовании которого он знал, но знал абстрактно — *они* избрали Джозефа Мерривейла как «нашу надежду спасти хоть что-нибудь из этой неразберихи».

После смерти Перуджи и Шефа, на кого еще они могли рассчитывать? Они дали ему чувство личного могущества, которое, в свою очередь, подпитывало его ярость. *Ему* причинять такие неудобства.

Отчет, переданный Мерривейлу в Портленде, не смягчил его настроения. Перуджи проявил, согласно отчету, преступную халатность — провести ночь с подобной женщиной! При исполнении!

Небольшой самолет приземлился в темноте. Встречал его серый аэродромный автобус с единственным шофером. Тот факт, что шофер представился как Ваверли Гаммел, Специальный агент ФБР, оживил подозрения, которые Мерривейл пытался отогнать от себя во время полета, и это также подлило масла в огонь.

«Им ничего не стоит бросить меня на съедение волкам», — подумал он, садясь в машину рядом с шофером, предоставив пилоту уложить его чемодан в багажник. Эта мысль жгла его на всем долгом пути из Портленда. Он смотрел вниз на редкие неверные огни и с горечью думал о том, что люди там заняты своими повседневными делами:

едят, ходят в кино, смотрят телевизор, навещают друзей. В мечтах удобная, обыденная жизнь часто представлялась Мерривейлу его уделом. Обратной стороной мечтаний являлось понимание того, что спокойствие в жизни определялось усилиями, затрачиваемыми на его поддержание. Кто из них там, внизу, знал о его работе на их благо, о приносимых им жертвах... Даже буквальное исполнение всех инструкций не может ничего гарантировать. Внезапное повышение не отрицало этого факта. В основе лежал универсальный закон: большой поедал маленького, и всегда находился еще больший.

У Гаммела были волосы стального цвета и молодое лицо, черты которого предполагали индейских предков. Глаза глубоко посажены и слегка зеленые от света приборной доски. Голос глубокий и с некоторым акцентом. Техасским?

— Введите меня в курс дела, — сказал Мерривейл, пока Гаммел выводил машину с автостоянки аэропорта. Фэбээровец вел машину с уверенной небрежностью, не думая о том, чтобы ее поберечь.

— Вы знаете, конечно, что от посланной вами на ферму команды нет известий, — сказал Гаммел.

— Да, мне сообщили об этом в Портленде, — сказал Мерривейл, моментально забывая о своем шикарном британском акценте. И добавил быстро: — Проклятье!

Гаммел притормозил, свернул налево на более широкую дорогу и подождал немного, пропуская шумный автобус.

— На данный момент мы согласны с вами в том, что шериф не заслуживает доверия, и в том, что он, возможно, не единственный. Поэтому местным властям мы не доверяем.

— Как поступили с шерифом?

— Его взяли с собой ваши люди, о нем тоже никаких сведений.

— Ваше мнение о местных властях?

— Шпионят.

— Хотят остаться в стороне?

— Может быть, и не хотят, но осторожность явно владела над доблестью. Политические шаги, предпринятые нами на самом высоком уровне, дали свои результаты.

— Ясно. Вы, я думаю, уже блокировали районы, прилегающие к ферме?

Гаммел оторвал глаза от дороги и сказал:

— Мы подключили только одиннадцать человек. Пока вынуждены ограничиться этим. Орегонский дорожный патруль прислал три машины и шестерых человек, но мы их пока придержали в резерве. Мы проводим ограниченную операцию на презумпции корректности оценки ситуации, данной вашим Агентством. Однако при малейшем сомнении в вашей оценке мы будем вынуждены вернуться к нашему своду законов. Это понятно?

«Презумпция корректности», — подумал Мерривейл. Формулировка ему понравилась, и он постарался ее запомнить на случай использования в другой компании. Но то, что стояло за ней, ему не понравилось, и он сказал об этом.

— Ну что же, — ответил Гаммел, — вы прекрасно понимаете, что наши действия выходят за рамки закона. Что посланная вами команда не имеет никаких юридических прав. Это чистые штурмовики. Вы сами себе устанавливаете законы. Мы же так поступать можем далеко не всегда. Мне даны четкие инструкции. Я должен сделать все, что в моих силах, чтобы помочь вам в организации крыши и обеспечении защиты ваших людей, но — и это очень серьезное *но* — эти инструкции действуют до тех пор, пока нет сомнений в правильности ваших гипотез.

Мерривейл слушал, храня ледяное молчание. Положение все более и более выглядело так, словно Совет не повысил его, а бросил в волчью стаю. Он был помощником двух людей, теперь мертвых, чью политику уже нельзя было защитить. Совет послал его сюда одного с напутствием: «Вы можете рассчитывать на полное взаимопонимание со стороны ФБР. Если при этом не нарушается закон, вы сможете получить любую требуемую помощь».

Сволочи!

Мерривейл станет козлом отпущения, если дела пойдут не так, как ожидается. Как будто они уже так не идут. Он слышал, как со скрипом власти дают обратный ход в Балтиморе и Вашингтоне. «Что ж, вы знали, во что связываетесь, Мерривейл!» Они посмотрят на него с сожалением, произнося стандартную фразу, всегда используемую в подобных случаях: *«В нашем деле каждый сам несет свой крест, если того требуют интересы дела».*

Ситуация именно такова, сомнений нет. Если ее еще можно переломить, Мерривейл сумеет это сделать, но прежде ему нужно позаботиться о себе.

— Дьявольщина! — выругался он. — Ладно, на чем мы остановились? Что вы узнали о моих людях?

— Ничего.

— Ничего? — возмутился Мерривейл, повернулся и в свете встречного автомобиля внимательно посмотрел на Гаммела. Лицо фэбээровца сохраняло неподвижность.

— Я хотел бы получить разъяснение этого «ничего», если, конечно, этому вообще есть объяснение, — язвительно уточнил Мерривейл.

— В соответствии с полученными инструкциями, — сказал Гаммел, — мы дожидались вашего прибытия.

«Просто подчиняются приказам», — подумал Мерривейл.

А что за этим? Только то, что козел отпущения в этой ситуации может быть лишь один. Да, это очевидно стояло за инструкциями, полученными Гаммелом. Никаких сомнений. Ни единого сомнения.

— Я нахожу это невероятным, — сказал Мерривейл, повернулся и посмотрел из окна в темноту, смутно проносящуюся мимо них. Дорога шла по равнине, слегка поднимаясь, и где-то вдали неясно под звездами вырисовывались очертания пологих холмов. Редко попадались навстречу другие машины, темный ландшафт нес отпечаток одиночества, усиливающего испытываемое Мерривейлом чувство покинутости.

— Давайте определимся, — сказал Гаммел, — я специально встретил вас один, чтобы поговорить откровенно.

Он посмотрел на Мерривейла.

— Так почему вы не говорите откровенно? — спросил тот.

«Он более агрессивен, чем того требует ситуация, — подумал Гаммел. — Значит ли это, что он обладает информацией, могущей ослабить позиции его Агентства? Непонятно...»

— Я делаю все, что в моих силах, в рамках полученных инструкций, — сказал Гаммел. — Я не пробыл и часа во Фле, когда меня предупредили о вашем прибытии. Я гнал машину со всей скоростью, чтобы успеть. Мне сообщили,

что посадка в Лейквью вызвана тем, что здесь расположена ближайшая полоса с посадочными огнями. Это так, или дело в чем-то другом?

— Что вы имеете в виду?

— Думаю о нашей катастрофе в Систерс.

— Ах да, конечно. Это есть в отчете, полученном мною в Портленде. Рано делать выводы. Пожар уничтожил все следы. Могла быть и молния, и взрыв топлива. Сообщается, что пилот должен был лететь через Колумбия Джордж, но он решил выгадать время и полетел напрямик.

— Диверсия не исключается?

— Нет. Даже весьма вероятно, по моему мнению. Странное совпадение, не так ли?

— Мы исходим из этой предпосылки, — сказал Гаммел.

— Как вы распорядились одиннадцатью людьми и пат-рулем? — спросил Мерривейл.

— Я отправил три машины — по два человека в каждой. Одна из машин, принадлежащая Орегонской патрульной службе, отправлена с тремя офицерами на юг. Это займет немного времени. Во время этого путешествия они будут вне пределов радиосвязи.

— Но какие задачи поставлены?

— Мы создали коммуникационную базу в мотеле Фля. Машины предназначены для поддержания регулярной связи с этой базой. Машины располагаются между Фле и фермой, и они...

— Две машины между городом и фермой?

— Нет, три машины. ОНР-машина — четвертая. Мои три машины размещены специальным образом: одна на Форест Сервис, на востоке, и две на дороге, ведущей к ферме. Им дано указание не приближаться к ферме ближе, чем на две мили.

— Две мили?

— Да, и людям приказано не покидать машин.

— Но две мили...

— Когда мы уверены в том, что делаем, и знаем, кто нам противостоит, мы не боимся рисковать, — сказал Гаммел. — Но в этом деле одни неясности.

Он говорил ровным голосом, сдерживая раздражение. Придирчивость спутника выводила его из себя. Не понимает

разве, что в ближайшие сутки Гаммелу, возможно, самому придется надеть ему наручники? Быть может, им придется арестовать Мерривейла для спасения шеи ФБР. Что эта скотина ждет от него?

— Но две...

— Сколько людей вы потеряли? — резко перебил его Гаммел, уже не скрывая раздражения. — Двенадцать? Четырнадцать? Мне сообщили, что в посланной вами команде было девять человек, и по меньшей мере еще одну команду вы потеряли раньше. Не принимайте нас за слабоумных.

— Четырнадцать, считая Перуджи, — сказал Мерривейл. — Вы отлично считаете.

В тускло-зеленом свете он отметил, как заходили желваки на скулах и посветлели костяшки пальцев, цепко державших руль.

— Итак, мы имеем одного мертвого, тринадцать пропавших и разбившийся самолет — итого двадцать. Вы можете спросить, почему я не послал своих людей вслед за вашими. Объективно сюда следовало прислать полк морских пехотинцев, который занялся бы именно этим; мы так не поступаем. Почему? Потому что, если дело лопнет, мы не хотим погибнуть под обломками. Я понятно объяснил? Откровенно?

— Шайка трусов, — пробурчал Мерривейл.

Гаммел резко вывернул руль и затормозил на обочине. Установив с хрустом ручной тормоз, выключил фары и мотор. Повернувшись лицом к Мерривейлу, он медленно, с расстановкой произнес:

— Послушайте, вы! Я понимаю, на каком горячем стуле вы сидите; по крайней мере, я понимаю, в какую историю вы влипли. Но мое Агентство участвует в деле не с его начала, *хотя и должно было!* Теперь, если там найдется коммунический выводок, то мы с ним разделаемся и получим любую нужную помощь. Если же дело в защите промышленности нового изобретения от стервятников, которых вы представляете, то игра буде сыграна по *иным* правилам.

— Что вы имеете в виду: промышленность, изобретение?

— Вы прекрасно понимаете! Мы не просиживаем свои задницы, получая информацию только от подобных вам людей.

«Если им все известно, то почему они нам помогают?» — подумал Мерривейл.

Словно услышав его вопрос, Гаммел сказал:

— Наша задача состоит в том, чтобы дерьмо не попало на лопасти. Грязь заляпает не только вас, но и правительство. Если вас просто подставили, то можете на меня рассчитывать. Но делить нам с вами нечего. Если дело готово развалиться и всю вину возложат на вас, то лучше вам со мной не портить отношения.

Внезапная остановка и резкость Гаммела застали Мерривейла врасплох, и секунду он только невнятно ругался, затем спросил:

— Послушайте, вы! Если...

— Так отыграются на вас?

— Конечно нет!

— Дерьмо собачье! — Гаммел покачал головой. — Думаете, у нас нет своих подозрений, почему столь короткой оказалась дорога в ад для вашего босса?

— Какая дорога?

— Выпрыгнул из окна! Так вас избрали на роль козла отпущения?

— Меня послали сюда, дав понять, что с вашей стороны я найду полное взаимопонимание, — слегка задыхаясь, проговорил Мерривейл. — Пока такого взаимопонимания я не нахожу и в малейшей степени.

Гаммел никак не мог успокоиться:

— Скажите мне, да или нет, у вас имеется информация, кардинально меняющая начальную оценку?

— Конечно нет!

— Ничего нового вы не можете мне сообщить?

— Что за допрос вы мне устроили! — протестующе воскликнул Мерривейл. — Вы знаете не меньше моего. Даже больше! Вы ведь были на месте.

— Надеюсь, что вы говорите правду, — сказал Гаммел. — В противном случае я лично прослежу за тем, чтобы вы получили по заслугам.

Он отвернулся, завел мотор и подал назад. Включив фары, он вспугнул черно-белую корову, шествовавшую по краю дороги. Несколько сот футов она трусила перед капотом, прежде чем нырнуть в траву в сторону от шоссе.

Подавленный и испуганный той ямой, в которой он мог очутиться, если ФБР откажет ему в помощи, Мерривейл сказал:

— Прошу меня извинить, если я чем-то вас обидел. Сказалось напряжение. Сначала смерть Шефа, затем приказ взять руководство в свои руки. Не спал по-настоящему с тех пор, как это все началось.

— Вы обедали?

— В самолете, после вылета из Чикаго.

— Мы можем перекусить в нашем штабе в мотеле. — Гаммел протянул руку к микрофону за приборным щитком. — Я попрошу их приготовить кофе с сэндвичем.

— Не стоит беспокоиться, — остановил его Мерривейл, чувствуя себя несколько лучше. Гаммел, очевидно, хотел вернуться к дружеским отношениям. В этом был резон.

— Какой план действий вы разработали?

— По возможности минимальная активность ночью. Подождем до утра и оценим обстановку *при* постоянном контакте с базой. Это обязательное условие. До тех пор пока не выясним, что же там случилось. Местным властям доверять нельзя. Мне было сказано держаться с ОНР на расстоянии. Наша первоочередная цель — очистить взбаламученную воду.

«Взбаламученную людьми, конечно», — подумал Мерривейл. ФБР все еще скопище проклятых снобов. Он спросил:

— Ничего более не намечено на сегодняшнюю ночь?

— Неразумно подвергаться риску большему, чем это абсолютно необходимо. Мы нарастим мускулы к утру.

Мерривейл просиял:

— Подкрепление?

— Два морских корпуса придут из Сан-Франциско.

— Вы их вызвали?

— Мы вас прикрываем, — сказал Гаммел. Он повернулся к нему, ухмыляясь. — Они предназначены только для наблюдения или транспортировки. Мы зашли так далеко в нашей доброй воле, что ограничились только этими объяснениями.

— Хорошо, — сказал Мерривейл. — В Портленде мне сообщили, что у вас нет телефонной связи с фермой. Положение не изменилось?

— Линия выведена из строя, — ответил Гаммел. — Может быть, перерезана вашими людьми при атаке. Утром здесь будет ремонтная бригада. Наша, разумеется.

— Понятно. Я согласен с вашими решениями, которые мы еще раз обсудим по прибытии в штаб. Там может быть новая информация.

— Мне бы сообщили об этом по радио, — сказал Гаммел и подумал: «Мальчик для битвы, а своими куриными мозгами понять этого не может».

Из руководства Муравейника: «Как биологический механизм система воспроизводства человека не является чересчур эффективной. Сравнения с насекомыми люди просто не выдерживают. Насекомые и вообще все низшие формы жизни подвержены выживанию своего вида. Выживание достигается через воспроизводство, через спаривание. «Мужчины» и «женщины» во всех формах жизни, кроме человеческой, привлекаются друг к другу в простом и единственном интересе воспроизводства. Для диких человеческих форм, если нет соответствующей обстановки, запахов, приятной музыки и если, по крайней мере, один из партнеров не чувствует себя любимым (крайне нестабильная категория) другим — акт воспроизводства может не случиться. Мы, в Муравейнике, освобождаем наших работников от концепции любви. Акт воспроизводства должен происходить так же просто, естественно и беззаботно, как и прием пищи. Ни красота, ни романтика, ни любовь не входят в нашу систему воспроизводства — только требования выживания».

Под пологом ночи местность, прилегающая к ферме, казалась Хеллстрому, осматривавшему округу из дома, уснувшей. Темнота размыла знакомый ландшафт, и только на горизонте слабо мерцали огни города. Муравейник под

ним никогда еще не был таким молчаливо-тихим, таким насыщенным напряженным ожиданием. Хотя предания и говорили о давних его противостояниях, грозивших уничтожением всему Движению Колоний (как это называлось раньше), никогда Муравейник не испытывал столь серьезного кризиса. Все события так естественно цеплялись одно за другое, что Хеллстром, глядя назад, испытывал чувство неизбежности. Все почти пятьдесят тысяч работников Муравейника зависели теперь от решений, которые будут приняты Хеллстромом и его помощниками в ближайшие несколько часов.

Хеллстром посмотрел через плечо на свечение катодов, экраны, высматривавшие Внешних, которые должны прийти, когда рассеется мгла. Три машины без номеров были припаркованы не далее чем в двух милях. Четвертая — патрульная — была сначала вместе с ними, но сейчас отправилась в южную часть долины. Единственной там была старая дорога, но она нигде не подходила ближе чем на десять миль к южной границе долины, и оставался только путь полем. Хеллстром подумал, что у машины наверно передний привод, но местность была такова, что машина не могла подъехать ближе, чем на три мили.

Работники, чувствуя всю тяжесть ответственности, возложенной на Хеллстрома, переговаривались тихо и двигались бесшумно.

«Следует ли использовать Джанверта в качестве посредника?» — подумал он.

Но переговоры надо вести с позиции силы, а Муравейник не имел за душой ничего реального. Может быть, предложить секрет станворда? Джанверт видел это оружие в действии. Он будет знать и о достижениях в области фармакологии. По собственному опыту. Но Джанверт станет врагом Муравейника, стоит ему только выбраться отсюда даже и в качестве посланника. Он видел слишком много, чтобы оставаться нейтральным.

Хеллстром посмотрел на часы: уже 2.29 — почти *завтра*, а завтра грядет катастрофа. Он предощущал ее по многим признакам, включая притаившиеся между городом и фермой три машины. При мысли о пассажирах этих машин Хеллstromу захотелось узнать, чем они сейчас заняты. Он повернулся

к посту наблюдения и подозвал специалиста-координатора, чье лицо казалось смертельно-бледным в тускло-зеленом свете.

— Они не сидят в машинах, — сказал специалист. — Они выходят в эфир с интервалом в десять минут. Мы уверены, что в каждой машине находится не более двух человек.

Ждут рассвета, понял Хеллстром и сказал об этом специалисту.

— Да, таково наше общее мнение, — признал тот. — Средний автомобиль всего в двадцати пяти ярдах от одного из наших секретов — того, что в конце галереи уровня два.

— Предлагаешь захватить Внешних?

— Мы смогли бы получить ответы на многие вопросы.

— Но можем вызвать и общее нападение. — Хеллстром потер шею. Он чувствовал нервную усталость. — Что с машиной, отправившейся к югу?

— Она застряла неподалеку от старой дороги по меньшей мере в двенадцати милях отсюда.

— Спасибо, — сказал Хеллстром и отвернулся.

В доме было сейчас тише, чем два часа назад, когда он сюда прибыл. Тогда как раз несколько групп, состоявших из специалистов службы безопасности, проходили инструктаж перед ночной чисткой. Сейчас все они исчезли в ночной мгле, лишь сигнальные точки на панелях говорили об их местонахождении, и размытые фигуры отображались на экранах.

Наверное, в десятый раз с того времени, как он вошел в дом, Хеллстром подумал: «Мне надо отдохнуть. Мне потребуется свежесть восприятия утром. Они начнут утром, я это знаю. И я должен быть готов как никогда. Многие из нас, вероятно, умрут. Если я отдохну, возможно, часть мне удастся спасти».

Он с горечью подумал о Линкольне Крафте, чье обугленное тело (остатки которого вряд ли пригодны для отправки в Котел) было извлечено из сгоревшего фургона нападавших. Со смертью Крафта потери составили тридцать одну единицу.

И это только начало.

В приглушенном шепоте, слышном здесь повсюду, часто и в разных вариантах повторялись слова «нападение» и «пленные».

Вновь мысли Хеллстрома вернулись к трем пленникам Муравейника. Странное чувство — держать кого-то в плену. Взрослым Внешним прямая дорога в Котел. Только совсем дети считались пригодными для переформирования и дальнейшего использования в нуждах Муравейника. Теперь появились новые возможности.

Представлявший наибольший интерес Джанверт имел юридические познания, что узнал Хеллстром путем осторожных вопросов. Его сознанию на удивление легко можно было придать новые формы, при условии хорошей восприимчивости к препаратам Муравейника. Женщина Кловис Карр была носителем агрессивности, которую можно было выгодно использовать. Третий, по документам Даниэль Томас Олден, вел себя как солдат. Все они несли в себе ценные качества, но Джанверт был самым интересным из них. Его невысокий рост также устраивал Муравейник.

Хеллстром повернулся к пунктам наблюдения и низко нагнулся над вторым справа.

— Какие новости от нашего патруля в высохшем русле ручья? — спросил он. — Есть у них новая информация о переговорах, ведущихся из автомобиля, что находится под наблюдением?

— Внешние все еще в тупике, Нильс. Они называют все это «очень странным случаем» и время от времени обращаются к некоему Гаммелу.

— Путаница, — перевел Хеллстром. — Военный сленг: нормальное положение запуталось.

— Что-то не так, как ожидалось?

— Да. Если услышите что-либо новенькое, сообщите мне.

Хеллстром выпрямился и подумал о том, чтобы позвать Салдо, посланного для осторожного наблюдения за ходом работ по «Проекту 40». Выбранное для наблюдения место — конец длинной галереи на уровне 50 — казалось не слишком удобным, поскольку основные работы велись ближе к середине, по крайней мере, на расстоянии полумили, но исследователи проявляли повышенную раздражительность после инцидента с «вмешивающимся наблюдателем». Хеллстром рассчитывал на умение Салдо справляться с положением. Для них в доме

было предельно важно знать даже о незначительных успехах в работе.

«Блеф не сработает с Внешними,— думал Хеллстром.— Муравейник может рассчитывать только на небольшой выигрыш во времени, может продемонстрировать станворды для создания иллюзии еще более мощного оружия, основанного на том же принципе. Но Внешние потребуют демонстрации. И придется вспомнить предупреждение Харла. Угроза использования абсолютного оружия кладет на спусковой крючок палец противника, способного сказать: *так используйте его!* Оружие должно быть применимо с энергией, меньшей чем абсолютная, и результат должен быть наглядным. Блеф недолговечен. Рано или поздно раскрыть карты придется — и что тогда?»

Дикие Внешние были очень странными. Они были склонны не верить в насилие, пока оно не применялось в отношении них.

Возможно, это неизбежно в мире, в котором общества основаны на угрозе, насилию и иллюзиях абсолютной власти. Разве можно ожидать, чтобы люди, подобные Джанверту, думали менее определенными категориями, думали об ответственности перед жизнью и взаимопереплетенных связях живых систем, о включении людей в великий круговорот жизни? Такие концепции покажутся вздорными Внешним, даже приверженцам нового течения — *экологии*.

Из частных записей Джозефа Мерривейла:
«Что касается инструкций, переданных мне в аэропорту, то я прибыл в Лейквью поздно вечером в воскресенье для установления предварительной связи с ФБР — Ваверли Гаммелом, подготовившим в Фостервилле базу. Он довез меня в город, куда мы прибыли в 23.18. Гаммел сообщил, что он не предпринимает пока никаких мер, за исключением организации наблюдения за зоной с расстояния приблизительно в две мили силами четырех автомобилей и девяти человек. Согласно Гаммелу, его действия вытекали из полученных им

инструкций, что не согласуется с тем, что мне было сообщено на брифинге, посвященном возлагаемой на меня операции. Гаммел высказал сомнение в том, что в подоплеке всего дела – наркотики. Он читал предварительный отчет о результатах вскрытия трупа Перуджи. Я вынужден опротестовать свою зависимость от другого агентства в деле, где ответственность возложена на меня. Разделение полномочий ставит меня в ложное положение, прямо ведущее к возникновению недоразумений. Рабочее соглашение, не скрепленное формально, по условиям которого я веду дело, может только обострить существующие противоречия. Поскольку многие шаги по этому делу уже были предприняты в рабочем порядке без моего согласия, я вынужден заявить формальный протест на самом раннем этапе. Сложившаяся ситуация грозит нам серьезными неприятностями. Должен подчеркнуть, что ведение всей операции решительно расходится с моим пониманием решений, вытекающих из преследуемых нами целей».

Салдо побил рекорды скорости, поднимаясь на поверхность с уровня 5000 футов, где исследователи готовили эксперимент. Скоростные лифты имелись только в так называемых новых галереях, расположенных ниже 3100 футов, но и они двигались все с меньшей скоростью по мере подъема. Работы, проводимые в новых галереях на глубине 3800 футов, слегка его задержали, и он решил спросить Хеллстрому, нельзя ли эти работы свести к минимуму на все время кризиса.

Он оставил молодого помощника в лаборатории в юго-восточном торце галереи с секретным оружием, реквизированным Салдо, — биноклем, недавно бывшим собственностью Внешнего Дюпо. Бинокль раскрывал картину повышенной активности исследователей, которую Салдо интерпретировал как готовность к тестированию системы. Но приближаться к эпицентру событий он не осмелился. Указания Хеллстрому на этот счет были четкими. Только сам Хеллстром мог вмешаться, и Салдо, понимая важность про-

исходящего, отправился на встречу с Хеллстромом с целью добиться разрешения на небольшое вмешательство.

Близилась полночь, когда клеть мягко остановилась рядом с домом. Внутри было темно и странно тихо, и он увидел, что большая часть элитных руководителей Муравейника вышла на ночное дежурство вместе с Хеллстромом, стоявшим в северном углу комнаты — массивная фигура на темном фоне закрытого жалюзи окна. Салдо сознавал, что не оценивает слишком высоко состояние едва ли не большинства из присутствующих здесь, за исключением, пожалуй, Хеллстрома, да и того с отдельными оговорками. Некоторым из них стоило бы поберечь силы на завтра.

Салдо знал, что найдет Хеллстрома здесь, и не видел ничего странного в этом; будь он на месте Хеллстрома, он тоже бы стоял сейчас именно у северного окна.

Хеллстром повернулся и увидел направляющегося к нему Салдо.

— Салдо! — сказал он. — Есть важные новости?

Салдо подошел ближе и, понизив голос, объяснил, почему он покинул лабораторию.

— Ты уверен, что они готовятся к тестированию?

— Очень похоже. Уже несколько часов они протягивают кабели. На других моделях это всегда означало подготовку к тестовым испытаниям.

— Как скоро?

— Трудно сказать.

Хеллстром сделал несколько шагов назад, затем вернулся. Утомление проглядывалось в контроле им своих движений. Он остановился перед Салдо.

— Мне непонятно, как они собираются проводить испытания. — Хеллстром потер подбородок. — Они потребовали всю галерею.

— Да, они ее всю используют, и вентиляцию, и странные конструкции из труб, проложенных ими по всей длине галереи. Подставили под них все, что нашли — стулья, скамьи, — весьма странное сооружение. Они даже забрали насос с уровня сорок два гидропоники. Просто пришли, отсоединили его и унесли. Реакцию менеджера можешь вообразить, но они ему сказали, что все делается с твоего ведома. Это так?

— В общем, да, — сказал Хеллстром.

— Нильс, ты полагаешь, что такое их поведение говорит о близости испытаний при больших надеждах на успех?

Хеллстром в глубине души был согласен с Салдо, но у него имелись некоторые сомнения, и он не смел надеяться. Поведение специалистов могло выражать смятение, охватившее Муравейник. Хеллstromу это не казалось вероятным, но было возможным.

— Не следует ли тебе спуститься вниз и ознакомиться с обстановкой на месте? — спросил Салдо.

Хеллстром понимал нетерпение, которое привело Салдо сюда из лаборатории. Это нетерпение разделялось большинством в Муравейнике. Но был ли смысл ему самому туда спускаться? Специалисты могли ему просто ничего не сказать из естественной осторожности предугадывать результат. Они предпочитали говорить о вероятности или о возможных последствиях. И это легко понять. Эксперименты часто плохо кончались для экспериментаторов. В одном из испытаний образовался плазменный пузырь, убивший пятьдесят трех рабочих, включая четырех исследователей.

— Сколько энергии они потребовали у энергетиков? — поинтересовался Хеллстром.

— Энергетики спросили у них, но им ответили, что расчеты еще не окончены. Я, тем не менее, отправил в генераторную еще одного наблюдателя. Нет сомнений, они запросят дополнительную энергию.

— Каковы оценки генераторной, исходя из общей длины кабелей?

— Около пятисот тысяч киловатт. Но, может быть, немного меньше.

— Так много? — Хеллстром сделал глубокий вдох. — Да, исследователи слишком не похожи на нас, Салдо. В них воспитывали узкий взгляд на вещи, концентрацию интеллекта. Нам следует быть готовыми к возможности катастрофической неудачи.

— Ката... — Салдо подавленно замолчал.

— Подготовь к эвакуации по меньшей мере три уровня, примыкающих к зоне испытаний, — приказал Хеллстром. — Сам отправляйся в генераторную. Скажи главному специалисту, чтобы он не соединял силовые кабели без моего

разрешения. Когда от исследователей поступит запрос, свяжись со мной. Спроси их, если получится, об их оценке фактора ошибки для настоящего проекта. Возьми данные о требуемой энергии и, одновременно, отдай приказ об эвакуации. Мы не можем рисковать большим числом работников, чем это необходимо.

Салдо испытывал чувство благоговения. Он был уничижен, от недавней гордости не осталось и следа. Ни одна из этих предосторожностей не пришла ему на ум. Он хотел убедить Хеллстрема только в одном. Отправка в генераторную наблюдателя, наделенного правом вето на подачу энергии, не входила в его планы.

— Возможно, тебе следует послать туда кого-нибудь более способного и с большим воображением, — сказал Салдо. — Может быть, Эда...

— Ты именно тот, кого я хочу там видеть, — сказал Хеллстром. — Эд специалист с большим опытом жизни во Внешнем мире. Он может думать, как думают Внешние, а ты нет. У него ровный темперамент, и он редко переоценивает или недооценивает свои возможности. Одним словом, он *уравновешен*. Если мы переживем ближайшие несколько часов, нам потребуется в первую очередь именно это его качество. Я поручаю тебе выполнить мои приказания со всем возможным тщанием. Я знаю, ты сможешь. Теперь возвращайся на свой пост.

Салдо распрямился и взглянул на лицо Хеллстрема с явными следами утомления.

— Нильс, я не думаю...

Хеллстром мягко прервал его:

— Отчасти утомлением объясняется жесткий тон, которым я с тобой разговариваю. Ты это должен принять во внимание. Ты мог связаться со мной по внутренней связи, не оставляя свой пост. Истинный лидер, прежде чем действовать, рассматривает все возможности. Будь ты уже готовым лидером, ты бы поберег как *мои* силы, так и свои. Ты им станешь, и время между рассмотрением многих возможностей и принятием решения будет становиться все короче.

— Я возвращаюсь на свой пост немедленно, — сказал Салдо. Он стремительно направился к выходу. Уже на ходу Салдо слышал возбужденные голоса наблюдателей. В их

суматохе невозможно было разобрать что-либо связное. Прорвался один голос:

— Кто еще может быть подключен?

Снова гвалт голосов.

— Не все сразу! — выкрикнул наблюдатель. — Пусть все они остаются на своих постах. Если мы бросимся на поиск без координатора, то будем мешать друг другу. Руководство мы будем осуществлять отсюда.

Наблюдатель — молодая девушка из младшего командного состава, чье лицо возникло овальной маской на экране, привстала со стула, чтобы лучше видеть Хеллстрому.

— Один из пленных сбежал из Муравейника!

Хеллстром очутился рядом с ней так быстро, как позволила усталость. Салдо замешкался в дверях.

— Кто? — потребовал Хеллстром, склоняясь над ней.

— Джанверт. Следует нам снять работников и...

— Нет.

— Нильс, может быть, я?.. — предложил Салдо.

— Отправляйся на пост! — крикнул Хеллстром, не отрываясь от экрана, расположенного перед девушкой. Испуганный охранник возник на экране, молодой мужчина с отметиной на плече, говорящей о его ранге.

— Уровень? — спросил Хеллстром.

— Сорок два, — ответил работник на экране. — И у него есть станворд. Не могу понять, как он смог... убил двоих работников, тех, которые были посланы по... по... по вашему приказанию...

— Понятно, — прервал его Хеллстром. Это были специалисты, которых он послал вниз за Джанвертом с целью его использования в качестве посланника. Что-то не сработало, и Джанверт бежал. Хеллстром выпрямился, оглядывая работников вокруг себя.

— Разбуди смену. Джанверт получил метку Муравейника. Ни один обычный работник не распознает в нем Внешнего. Он может перемещаться, не привлекая внимания. Перед нами сразу две проблемы. Мы должны его схватить, не будоража Муравейник. Разъясни это каждому участнику группы захвата. Дай всем описание Джанверта. Снабди каждую группу хотя бы одним пистолетом Внешних. Я не хочу, чтобы в данных обстоятельствах использовались станворды.

— Вы хотите получить его мертвым и отправить в Котел? — спросил работник, стоявший за спиной Хеллstromа.

— Нет!

— Но вы сказали...

— Один пистолет на группу, — сказал Хеллstrom. — Цельтесь в ноги, если нет иного выхода. Он нужен мне живым. Все это поняли? Нам нужен этот Внешний живым.

Из руководства Муравейника: *«Жизнь должна забирать жизнь ради жизни, но ни один работник не должен входить в это колесо регенерации с иным мотивом, чем продолжение нашего рода. Только через наш род мы связаны с бесконечностью, и это имеет иное значение для живых существ, чем для смертной клетки».*

Джанверту потребовалось много времени, чтобы понять странность своего положения. Некоторое время он чувствовал отчетливое раздвоение личности, словно в нем уживались сразу два человека, каждого из которых он ясно помнил. Один изучал право, работал на Агентство, любил Кловис Карр и чувствовал себя в тисках обстоятельств, выхолащивавших в нем человечность. Другой словно сразу проснулся как сформировавшаяся личность во время обеда с Нильсом Хеллstromом и женщиной, похожей на куклу, по имени Фэнси. Этот второй вел себя с непонятной отрешенностью. Он помнил себя безвольно входящим вместе с Хеллstromом в комнату с людьми, которые начали задавать ему вопросы. И этот нелепый *другой*, как помнил Джанверт, отвечал на вопросы с полной откровенностью. Отвечал охотно, раскрывал детали, проясняющие общую картину. Он старался, чтобы его ответы были правильно поняты.

Были и другие странные воспоминания: большие открытые баки в громадной комнате, наполненной учившимися ходить малышами, детьми, прыгавшими и игравшими в странной тишине на полу. Он вспомнил кислый запах в этой комнате, чисто убранной. Он вспомнил воду, брызгавшую неожиданно

на малышей с потолка, когда он проходил мимо, и другой запах, знакомый ему по другому опыту. Запах зловонный, тухлый и теплый.

Та личность, о которой он думал как об исходной, казалось, спала во все время его *другого* опыта, но она проснулась сейчас. Он понял, где находится, сразу своими обоими «я». Это была комната с грубыми серыми стенами, со впадиной и отверстием в центре в одном углу для отправления нужды, полка один на три фута на уровне талии ближе к единственной двери комнаты, сделанная, очевидно, из того же материала, что и стены. Черный графин из пластика и стакан стояли на полке. В них была теплая вода. Раньше на полке стояла тарелка с едой. Он вспомнил о тарелке и голом мужчине с пустым лицом, принесшем ее, не сказавшем ни единого слова. Окон не было, только дверь и нечто вроде туалета. Время от времени Джанверт слышал шум воды под дырой. Не было стульев, сидеть можно было только на полу, его раздели до нитки. Ничто в комнате нельзя было использовать как оружие. Графин и стакан нельзя разбить, он пробовал.

В памяти прокручивались образы других посетителей — двух на вид пожилых женщин, цепко державших его в руках с удивительной легкостью все то время, пока его внимательно осматривали, а затем сделали укол в левую ягодицу. Область укола все еще побаливала. Возвращаться сознание к нему начало вскоре после этого укола. По расчетам Джанверта, выходило часа три назад. У него забрали часы, и теперь он не был уверен во времени, но предположение давало ему чувство необходимости действия.

«Я должен спастись», — сказал себе Джанверт.

Из его странного другого «я», дремавшего сейчас, выносило на поверхность воспоминания о толпах голых людей, которыми кишели туннели. Человеческий муравейник. Как он мог спастись?

Дверь открылась и вошла сравнительно молодая женщина. Сквозь проем Джанверт увидел снаружи пожилую женщину с таинственным оружием, похожим на плеть с раздвоенным концом. У вошедшей были густые черные волосы внизу живота и копна волос на голове, но в лице и движениях

не было лунатизма. В левой руке она несла нечто похожее на обыкновенный стетоскоп.

Джанверт вскочил на ноги при виде ее и отступил к полке спиной к стене.

Она казалась несколько озадаченной.

— Расслабься. Я здесь только для того, чтобы посмотреть, как твое состояние.

Она зашелкнула стетоскоп у него вокруг шеи, держа другой конец в левой руке.

Джанверт нащупал за спиной графин и столкнул его с полки.

— Ну что ты натворил, — сказала она, наклоняясь за графином, лежащим в луже воды.

Как только она нагнулась, Джанверт нанес ей со всей силы рубящий удар по шее. Она рухнула и лежала не двигаясь.

«Так, остался один наружный охранник. Остынь и подумай», — сказал себе Джанверт. Холодный зеленый свет омывал комнату, придавая смертельную бледность коже женщины на полу. Он нагнулся над ней, пощупал пульс, но не нашел его. Снял стетоскоп и попытался уловить биение ее сердца. Ничего. Понимание того, что один яростный удар убил ее, пропитало его холодным осознанием своего опасного положения. Он оттащил тело женщины к стене справа от двери и оглянулся, не оставил ли следов борьбы. Графин лежал там же, но Джанверт замешкался. Нерешительность его и спасла.

Снова открылась дверь, и внутрь просунула голову пожилая женщина с очевидным любопытством, написанным на ее лице.

Джанверт выпрыгнул из-за двери, схватил ее за голову, рванул на себя в камеру и ударил коленом в живот. Она захрипела, выронила оружие. Джанверт вырубил ее так же, как и первую, повернулся и захлопнул дверь.

Уже два тела и оружие. Он осмотрел причудливый, похожий на кнут предмет, сделанный из черного пластика, напоминающий по цвету и текстуре графин или стакан. Длинной около ярда, с короткой ручкой с вмятинками для пальцев. В основании ручки имелись диск с делениями и желтая кнопка.

Джанверт направил раздвоенный конец на охранницу, сбиту им на пол, и нажал на кнопку. Усики загудели, и он отпустил палец. Гудение смолкло. Пожилая женщина дернулась при включении оружия. Цвет кожи открытого бока изменился на темно-красно-лиловый. Он нагнулся и пощупал ее пульс. Ни следа. Обе мертвы. Джанверт отступил и взглянул на дверь. Она открывалась внутрь, он знал, и в ней имелось чашеобразное углубление на уровне талии, которое он исследовал ранее. Дверь тогда не открылась. В панике Джанверт подумал, уж не запер ли он себя сам. Движимый отчаянием, он попытался вновь. Дверь открылась сразу со слабым щелчком, и Джанверт успел увидеть поток людей, торопливо идущих мимо, прежде чем он закрыл дверь снова.

— Мне надо подумать, — сказал Джанверт себе громким голосом. От него будут ждать, конечно, стремления подняться на поверхность. Есть ли здесь иные пути выхода? Что находится внизу? Джанверт знал, что по крайней мере еще один уровень ниже есть. Его захватчики провели его мимо лифтной шахты с открытыми кабинами, поднимающимися с одной стороны и опускающимися с другой. У него имелось оружие, и он знал, как им пользоваться. Люди Хеллстрома будут его искать. Они будут обследовать комнату за комнатой, и у них хватит сил ничего не пропустить.

«Я пойду вниз».

Джанверт не имел представления, на какой глубине находился. Его доставили сюда на лифтах мимо многих этажей, но его *другое* «я» не удосужилось их сосчитать.

Его кормили чем-то, чтобы он оставался невменяемым. Другое «я» — произведение Хеллстрома. Возможно, это и есть суть «Проекта 40». Бумаги, найденные в МТИ, могли содержать описание необходимых компонентов для создания препаратов, позволяющих манипулировать сознанием человека.

От него вряд ли ожидают ухода вниз. Если и есть другой выход, Джанверт найдет его путем нестандартных решений.

Непредсказуемость во всем — вот что может его спасти.

Джанверт не до конца еще пришел в себя, но медлить

больше нельзя. Держа оружие наготове в правой руке, он приоткрыл дверь и выглянул. В туннеле активность заметно спала, но молчаливая группа обнаженных мужчин и женщин проходила мимо двери без единого любопытного взгляда в его сторону. Джанверт насчитал девять человек в группе. Другая группа шла в обратном направлении в глубине туннеля. Они тоже не обращали внимания на него.

Джанверт выскользнул из камеры и пристроился сзади группы, идущей влево. Он отстал от нее у первого лифта, подождал идущую вниз кабину, ступил в нее быстро, так, как сделал это худой, с пустым лицом мужчина. Они оба смотрели перед собой, в молчании опускаясь вниз.

Запахи казались Джанверту более отвратительными по мере того, как обострялись его чувства. Его сосед, казалось, их не замечал. Дышалось легко, но Джанверт испытывал приступ тошноты всякий раз, когда фокусировал внимание на них. Лучше не думать, предупредил он себя. Его сосед зловещей угрозой стоял неподвижно сбоку, но что-то мешало ему обратить на Джанверта особое внимание.

Мужчина выпрыгнул из лифта, и Джанверт остался в кабине один. Он считал серые стены и потолки и досчитал уже до десяти, удивляясь, как долго он опускается. Джанверт посмотрел на потолок. Такой же, как и пол. Что-то серое поблескивало на потолке ближе к левой от него стене. Он поднял руку и коснулся его. Что-то прилипло к его пальцу, и он поднял его к носу. Запах напоминал запах кашицы у него в тарелке, и Джанверт обтер палец о бедро. Вывод мог быть только одним. Потолок служил полом в фазе подъема. Кабины не останавливались. Люди прыгали в него и соскакивали. Все говорило о бесконечной цепочке кабин, циркулирующих между уровнями Муравейника.

Внезапно лифт стал наклоняться влево. Джанверт уперся коленом в левую стенку, а затем встал на корточки, когда стенка стала полом. Ничего, кроме серой стены, не было у него перед глазами, пока потолок становился полом, подтверждая его предположение. Кабина пошла вверх. Джанверт выпрыгнул из нее при первой же возможности, попав в туннель, освещенный тусклым красным светом, но вдалеке по правую руку туннель имел более яркое желтое освещение. Джанверт посмотрел налево, увидел плавный изгиб туннеля,

уводящий его из поля зрения, и, выбрав правое направление, пошел своим нормальным шагом. Он хотел выглядеть обычным обитателем этого садка, занятым своим делом. Оружие оттягивало ему руку, грозя выскользнуть из потной ладони.

Джанверт услышал шум воды прежде, чем достиг зоны желтого свечения, которое, как он уже видел, исходило из длинных щелей, параллельных полу и сводчатому потолку. Щели располагались на высоте глаз, и Джанверту оставалось только повернуть голову, когда он до них дошел, чтобы увидеть широкую низкую камеру с длинными баками, заполненными водой, вокруг которых деловито суетились люди. Джанверт посмотрел в ближайший бак, различил в нем рыбу, по размеру длиной дюймов в шесть. Он заметил, что люди в глубине помещения вычерпывали рыбу из бака в небольшую цистерну.

«Ферма по разведению рыбы!» — чертыхнулся он.

Джанверт шел мимо светящихся щелей, и вскоре свечение впереди него изменилось на розовое. Свет исходил от дверей высотой до потолка, за которыми находилась камера даже большая, чем виденная им раньше. Камера была забита полками, над которыми низко были расположены лампы. Полки утопали в сочных растениях с зелеными листьями. Слышался шум проточной воды, но более слабый. Работники в темных очках двигались между полок с сумками, перекинутыми через плечо, и срывали красные плоды, которые Джанверт принял за томаты. По мере наполнения сумки относились к окну в дальней стене и опорожнялись.

Ему попадалось все больше людей, впереди стало слышно гудение, усиливавшееся по мере того, как он шел. Он понял, что уже давно слышал этот звук, но пропускал мимо сознания.

До сих пор никто из тех, кто встретился ему на пути, не обратил на него никакого внимания.

В туннеле становилось все теплее, чем ближе он подходил к источнику раздражающего гула. Звук был уже почти болезненным по своей интенсивности. Джанверт вскоре подошел к еще большим щелям в левой стене туннеля и заглянул сквозь одну из них в помещение гигантских размеров. Оно уходило вниз на два этажа и настолько же вверх и было заполнено трубчатыми объектами, на фоне

которых работники, перемещавшиеся под ними, казались карликами. По его оценке объекты были футов в пятьдесят высотой и футов сто в диаметре. Именно они и являлись, очевидно, источником гула, и в воздухе ощущался отчетливый озоновый привкус.

«Генераторы электричества», — подумал Джанверт.

Это были самые крупные генераторы из всех, которые ему доводилось видеть. Станция простиралась по меньшей мере на полмили влево и еще более вправо, уходя вглубь на полмили.

«Но если это генераторы, — подумал он, — то что приводит их в движение?»

Ответ на свой вопрос Джанверт получил, дойдя до конца туннеля, где он сворачивал влево, завершаясь двумя сходнями. Одни вели в освещенную комнату, а другие, параллельные первым и отделенные от них тонкой стеной, вели вниз в темное пространство, где он мог различить в тусклом свете масляные отблески текущей воды.

Вода — может быть, это путь к спасению?

Джанверт решительно свернул к воде, миновал еще одну группу людей, не обративших на него внимания, и оказался на бортике рядом с водой. Это была река! Она уходила во мрак, и он различал подвижные светлячки на другой ее стороне в четверти мили.

Чем дальше шел Джанверт по реборде, тем уже она становилась. Он слышал шум воды под собой, приглушенное гудение слева.

Возможные размеры этого подземного сооружения исподволь овладевали воображением Джанверта. Оно было столь большим, что он начал подозревать, что здесь не обошлось без участия правительства. Какой еще может быть ответ? Сооружение слишком велико, чтобы его можно было не заметить. Или?

Если не обошлось без участия правительства, то почему Агентству об этом ничего не известно? Это казалось невозможным. Шеф имел доступ к некоторым из самых деликатных правительственных секретов. Даже Мерривейл знал бы о столь большом объекте.

Пытаясь разрешить эту загадку, Джанверт едва не столкнулся с седовласым мужчиной, стоявшим на его пути в

самом туннеле; открытая лестница вела вверх. Седовласый поднял правую руку и странно пошевелил пальцами у Джанверта перед лицом, явно сделав какой-то знак.

Джанверт пожал плечами.

Человек сделал тот же знак еще раз и покачал головой. Он был очевидно сбит с толку.

Джанверт поднял оружие и нацелил его в незнакомца.

Тот в явном замешательстве отступил назад. Его рот открылся, мускулы вздулись. Еще раз он поднял руку и пошевелил пальцами.

— Что тебе надо? — спросил Джанверт.

Удар, наверно, имел бы меньший эффект. Человек сделал еще один шаг назад и остановился у ступеней лестницы. Он все еще не произнес ни слова.

Джанверт осмотрелся. Как будто никого поблизости нет. Напряжение явно возрастало. Знак рукой, видимо, имел какой-то смысл. Тот факт, что он его не понимал, становился все более очевидным. С внезапной решимостью Джанверт нажал на кнопку своего оружия, услышал легкий звук — и седовласый мужчина рухнул.

Джанверт торопливо оттащил его в темный угол и задумался. Сбросить его в воду? Люди ниже по течению могут увидеть тело и отправиться сюда, чтобы выяснить причину. Решив не делать этого, он стал подниматься по лестнице.

Лестница кончалась платформой перед узким мостиком через реку. Джанверт не раздумывая вошел на этот мостик. Он не чувствовал особых угрызений совести, убив еще одного обитателя этого садка. Но маслянистый вид воды и тошнотворный запах вызвали легкое головокружение, и Джанверт левой рукой оперся на поручень.

Мостик вошел в короткий узкий туннель на другой стороне реки, освещаемый длинной цилиндрической лампой на потолке. В конце туннеля была закрытая дверь, в центре которой помещалось ручное колесо, над ним горела зеленая буква «А» со стилизованным символом сбоку, напоминавшим часть тела насекомого, сегментированного и закругленного, но без головы.

Держа оружие наготове, Джанверт попытался повернуть колесо левой рукой. Оно сопротивлялось только секунду,

а затем повернулось свободно до резкой остановки. Он нажал на колесо, дверь поддалась со слабым вздохом, и в спину ему подул легкий ветер. Чуть тлеющий розовый свет за дверью освещал другой туннель едва ли шире самой двери. Свет исходил из небольших плоских дисков на потолке. Туннель слегка поднимался. Джанверт вошел в него, закрыл за собой дверь таким же, как и снаружи, колесом. Он начал подъем.

Отчет службы безопасности Муравейника:
«Джанверт. Работник, подходящий под описание Джанверта, замечен на уровне 48 недалеко от турбинной станции с номером шесть. Хотя в этом случае беглец уходит вниз, а не, как ожидалось, вверх, сообщение проверяется. Работники, видевшие его, говорят, что из-за длинных волос и запаха они принимали его за ведущего специалиста. Это соответствует нашим данным, хотя и кажется необычным отказ от немедленной попытки прорваться на поверхность».

Когда, по оценке Джанверта, он поднялся уже футов на триста, продвигаясь по туннелю, он сделал остановку для небольшого отдыха. Туннель делал резкий поворот каждые тысячу шагов, а он оценивал уклон в три процента. Джанверт предположил, что этот туннель входит в систему вентиляции, но не видел до сих пор ни одного отвода, и, кроме того, было что-то в неподвижности, царящей здесь, попадавшихся изредка кучах пыли, что говорило о том, что туннель уже давно не использовался. Может быть, аварийный выход? Он не смел на это надеяться. Туннель просто вел его вверх.

Джанверт возобновил подъем и еще через пять поворотов подошел к боковой двери с такой же колесной ручкой. Он остановился, задумчиво глядя на дверь. Что могло его ждать за ней? Следует ему ее открывать? Оружие оказалось решительным аргументом. Джанверт повернул ручку, толкнул плечом дверь, распахивая ее. Волна теплого воздуха пахнула ему в лицо.

Из туннеля Джанверт вышел на узкую, огороженную перилами платформу, расположенную на половине высоты огромной кубической комнаты с куполообразным потолком. Она простиралась от него в ярком бело-голубом свете, по крайней мере, на двести ярдов. Пол гигантской комнаты, слегка изогнутый к центру, казался живым, так много мужчин и женщин здесь совоуплялись одновременно.

Джанверт смотрел на них в немом удивлении.

Комната наполнилась стонами и сочными звуками соударений тел друг о друга. Пары разъединялись, брели спотыкаясь в другое место, находили себе новых партнеров и просто продолжали свое однажды начатое дело.

Бридинг!

Он вспомнил удивительный отчет Перуджи о ночи, проведенной с Фэнси. Она называла это *бридингом*. Это единственное слово, действительно подходившее для описания удивительной сцены. Она не вызвала в нем ни малейшего возбуждения. Его даже немного подташнивало. Здесь был свой особый запах — дикая смесь пота и чего-то липкого, что напоминало ему о слюне, и все это накладывалось на исходную вонь отстойника. Джанверт заметил, что пол был сырым и как будто упругим. Голубовато-серого цвета, он поблескивал в нескольких местах, не занятых корчащимися парами. Сквозь движение плоти в центре комнаты он заметил широкий круг из более темного материала, оказавшийся дренажным стоком. Джанверт разглядел решетку. Боже! Отметины ее были заметны на спинах некоторых особей.

Что может быть более эффектным?

Все еще в состоянии потрясения Джанверт вернулся в туннель, закрыл дверь и возобновил подъем. В памяти его запечатлелась увиденная им картина. Он не думал, что сможет когда-нибудь ее забыть. Впрочем, ему никто не поверит. Чтобы поверить, это надо видеть.

Джанверт чувствовал, что находится на грани срыва. Так вот что они называли «сексуальным прогрессом»!

Джанверт подозревал, что, если бы он спустился с платформы и присоединился к оргии, никто бы не заметил. Еще один мужчина-бридер.

Джанверт прошел еще две двери, прежде чем восстановил

душевное равновесие. Он смотрел на каждую дверь с отращением, пытаясь вообразить, что может ждать его с другой ее стороны. Проклятый человеческий муравейник! Внезапно его словно током ударило, и он застыл на месте, пораженный полным значением своей мысли.

Муравейник!

Джанверт посмотрел на тускло освещенные стены туннеля, ощутил слабое гудение машин, запахи, все признаки жизни, кишашей вокруг него.

Муравейник!

Джанверт сделал три глубоких, нервных вдоха, прежде чем смог возобновить подъем. Его мысли смешались. Человеческий муравейник. Они жили здесь по образу и подобию насекомых. Как живут насекомые? Они делают то, что ни один человек делать не хочет и ни один человек сделать не сможет. У них есть трутни, рабочие и матка, они едят, чтобы жить. Они едят то, что отторгнет желудок человека, если прежде не отторгнет его сознание. Для насекомых бридинг — это просто бридинг. Чем больше он думал об этом, тем больше находил сходств. Это не секретный проект правительства! Это ужас, отвращение, нечто, что необходимо сжечь!

Отчет службы безопасности: «Джанверт. Тепло специалиста по турбинам, убитого станвордом, было найдено неподалеку от первичного водного потока. Безусловно, работа Джанверта. У всех входов и заграждений всех турбин удвоена охрана, хотя ни один человек не может пройти живым силовую систему. Более вероятно, что он проник в старые входные тоннели, переоборудованные под нужды вентиляции. Поиск концентрируется в этом районе».

Джанверт остановился у следующей двери, прижал к ней ухо — похоже на машинный зал, подумал он. Слышался свист и глухой стук. Он повернул колесо, приоткрыл дверь и заглянул внутрь, как оказалось, в комнату меньше остальных, но все-таки достаточно просторную. По его при-

кидкам, футов в сто длиной. Потолок был низким, и дверь находилась на уровне пола. В тусклом красном освещении Джанверт увидел ряды невысоких столов, каждый был оснащен переплетением прозрачных стеклянных трубочек (они пульсировали жидкостями ярких цветов, и это на секунду отвлекло Джанверта от того, что лежало на столах посреди стеклянных лабиринтов).

Он смотрел не мигая, не желая верить своим глазам. На каждом размещался обрубок человеческого тела от колен до талии. Одни обрубки принадлежали мужчинам, другие женщинам. Среди последних было несколько с выпирающими животами, словно они были беременными. Выше талии и ниже колен не было ничего, отдаленно напоминающего плоть — только пульсирующие трубки. Это казалось нереальным.

Джанверт вошел в комнату и коснулся ближнего мужского обрубка. Плоть была теплой! Джанверт отдернул руку, чувствуя, как рвота подступает к горлу. Он отступил к двери туннеля, не отрывая взгляда от содержимого этой комнаты, от живых человеческих обрубков. Глаза его не обманывали!

Какое-то движение в дальнем конце комнаты привлекло его внимание. Он увидел группу людей, шествующих между столами, иногда нагибаясь и осматривая тела, изучая трубки. Пародия на врачей, обходящих больных. Джанверт скользнул обратно в туннель незамеченным, закрыл дверь и встал, прижавшись лбом к гладкой холодной поверхности.

Это были воспроизводящие человеческие части. Он представил себе муравейник, хранящий в живом состоянии эти жуткие объекты для целей бридинга. Мысль о своем теле, подвергнутом подобному унижению, дрожью отдалась в нем. Его спину, шею, плечи била мелкая дрожь, ноги в коленях подгибались. Воспроизводящие обрубки!

Где-то далеко внизу послышался глухой стук, и Джанверт ощутил изменение давления воздуха в туннеле. Он слышал шлепанье босых ног по полу туннеля.

«Они преследуют меня!»

Гонимый ужасом, Джанверт толчком открыл дверь, прошел внутрь и закрыл ее за собой. Медицинская процессия в этот раз его заметила, но едза успела выразить свое удивление, как, сраженная станвордом, рухнула на пол. Он побежал сквозь кошмарную комнату, стараясь не смотреть

на обрубки. Арочный проход вел из комнаты в большую галерею, полную людей. Подгоняемый ужасом, Джанверт бросился влево, плечом пробивая себе дорогу, отбрасывая в сторону людей, не обращая внимания на смещение и любопытство, которые он, несомненно, возбуждал. Вздвигаясь, след оставлял Джанверт у себя за спиной. Взмахи рук, немые выкрики, и один странный женский голос, зовущий его:

— Эй, послушай! Эй, послушай!

У первого же лифта Джанверт оттолкнул кого-то плечом, прыгнул в кабину и глядел вниз на обращенные к нему недоумевающие лица, пока они не скрылись из его поля зрения.

В одной с ним кабине находились еще мужчина и две женщины. Одна женщина могла бы сойти за Фэнси в более пожилом возрасте, но более молодая, блондинка, относилась к типу, который почти не встречался в глубинах этого муравейника. Мужчина, полностью лишенный волос, с узким лисьим лицом и настороженным взглядом ярких глаз, напомнил Джанверту Мерривейла. Все трое проявляли очевидное любопытство, и мужчина пригнулся к нему и втянул носом воздух. То, что он учуял, очевидно смутило его, поскольку он повторил процедуру.

В панике Джанверт направил захваченное оружие на него, провел лучом по женщинам. Они повалились на пол как раз напротив следующего этажа. Женщина с круглым лицом хотела войти, но Джанверт ударил ее в живот, и она повалилась на стоящих за ней людей. Следующий этаж лифт прошел спокойно — еще один, и еще. Джанверт выскочил из лифта на четвертом по счету этаже, нырнул в толпу людей, проскочил ее и юркнул в небольшой боковой проход, привлекая его своей пустотой. Двое из сбитых им мужчин вскочили и пустились было в погоню, но Джанверт срезал их лучом и побежал — поворот влево, еще один. Он выскочил в главную галерею по меньшей мере ярдах в ста от того места, где вышел из лифта и где теперь царило настоящее столпотворение.

Джанверт повернул вправо, держа оружие прямо перед собой, чтобы его не было видно сзади, и заставил себя перейти на спокойный шаг, пытаясь выровнять дыхание. Он вслушивался в звуки погони. Суматоха сзади постепенно

стихала, шума погони не было слышно, и вскоре он позволил себе перейти на левую сторону туннеля. При первой же возможности Джанверт свернул в боковой отвод, круто уходящий вверх. Через сотню шагов он вышел прямо на лифт в пересечении с другим боковым туннелем. Пройдя без происшествий мимо потока идущих людей, он вошел в первую поднимающуюся кабину. Скорость подъема почти сразу резко возросла. Джанверт оглянулся в поисках того, кто мог бы снизить скорость подъема, но никого рядом не увидел. Проемы пронеслись перед ним один за другим. Он насчитал девять, и начал бояться, нет ли у Хеллстрома специального управления этим лифтом, которым они сейчас воспользовались, чтобы захватить его. На этой скорости было крайне рискованно пытаться выскочить.

В панике Джанверт подошел к выходу в поисках кнопок управления, но их не было. В этот момент движение замедлилось как раз у проема. Он выскочил из лифта, едва не столкнувшись с двумя работниками, толкавшими перед собой тележку, нагруженную желтым материалом, похожим на ткань. Они улыбнулись Джанверту и сделали знак рукой, пошевелив пальцами так же, как это сделал седой мужчина у реки. Джанверт уныло улыбнулся в ответ, пожал плечами, и пара приняла это, продолжая толкать свою тележку по туннелю.

Джанверт свернул направо подальше от них и увидел, что туннель кончается широкой и ярко освещенной аркой, за которой находилось просторное помещение, где у машин деловито сновали люди. Он понял, что у него не хватит сейчас духа повернуть назад, и продолжал идти, пока не вошел в широкую, с низкими потолками комнату, заполненную механизмами. Он узнал токарный станок, штамповочный пресс (потолок над ним был разобран для размещения его верхней части), а также несколько дрилл-прессов, которыми с усердием занималась часть работников, не обращая на него внимания. Чувствовался запах машинного масла и едкость горячего металла. Если бы не нагота работающих, комната могла бы сойти за обычный машинный зал. Несколько тележек с ящиками, полными непонятных металлических заготовок, двигалось в проходах между станками.

Джанверт, пытаясь придать себе деловитый вид, шагал прямо через комнату, надеясь найти выход в другом ее конце. Он заметил, что люди по-иному реагируют на него, не понимая причины. Одна женщина отошла от токарного станка и подошла к нему, пригнувшись. Джанверт прибег к испробованному пожатию плечами и тут же ощутил пот, покрывший его тело. Неужели в нем причина ее внимания?

В дальней стене пересекаемой им комнаты открытой двери не было видно, и Джанверт начал чувствовать себя в ловушке, как вдруг увидел колесо в стене, такое же, каким он открывал двери в туннеле. Дверь обозначалась едва видимой линией, но легко открылась наружу. Джанверт деловито прошел в образовавшийся проем и закрыл за собой дверь. Туннель уходил вниз по правую руку от него. Он вслушался, пытаясь понять, есть ли еще кто в туннеле, ничего не услышал и тронулся в путь.

Спина и ноги у него болели от усталости, и Джанверт прикинул, насколько еще его может хватить. В животе была болезненная пустота, рот и горло пересохли. Отчаяние двигало Джанвертом, и он знал, что будет продолжать, пока останется хоть капля сил. Он должен спастись из этого кошмарного места.

Из руководства Муравейника: «Химические препараты, способные вызывать предсказуемые реакции отдельных особей животного происхождения, должны быть разнообразными и в определенном диапазоне оттенков – бесконечными. Так называемое рациональное сознание человеческих особей не является непреодолимым препятствием подобному процессу высвобождения, но должно рассматриваться в качестве порога, который следует перешагнуть. Как только сознание подавлено в достаточной мере, препарат может приступить к делу. Здесь, в этой зоне, как считалось, зоне владения инстинктов, мы развиваем нашу величайшую силу единения».

Хеллстром находился в доме под знаком Муравейника, расшифровывавшимся как «Все использовать — ничего не терять». Было три часа ночи, и сейчас он молил о любом отдыхе.

— Взгляните на изменение давления воздуха, — сказал наблюдатель у него за спиной. — Он снова в системе аварийной вентиляции. Как он это смог? Быстро! Сигнал тревоги. Где находится ближайшая группа захвата?

— Почему бы не заблокировать эту систему, уровень за уровнем, или, по крайней мере, все остальные уровни? — спросил Хеллстром.

— У нас еле хватает сил для охраны десяти уровней системы, — произнес голос слева.

Хеллстром всмотрелся в зеленый полумрак дома, пытаясь разглядеть говорившего. Может быть, Эд? Уже закончил инспекцию Внешних патрулей?

Пропади он пропадом, этот Джанверт! Со всей своей дьявольской изобретательностью. Мертвых и покалеченных работников, сгустки возбуждения и нарастание беспорядков оставлял он за собой — все это вело к дестабилизации Муравейника. Им потребуются годы для нахождения и очистки следов только одной этой ноги. Джанверт был напуган, конечно, и аура его ужаса просачивалась во все поры Муравейника. Все большее число работников принимало слабые сигналы от человека, являвшегося, судя по его химическим маркерам, одним из них, и, пропуская их через себя, они формировали мощную, всепроникающую волну. Кризис не за горами, если не удастся локализовать источник.

Ошибка было не усилить охрану во время приведения Джанверта в нормальное состояние.

«Моей ошибкой», — подумал Хеллстром с горечью.

Химическая основа единокровия, конечно, палка о двух концах. Ударить можно любым. Охрана самоуспокоилась, не отдавая себе в том отчета. Никогда еще работник не нападал на своих единокровцев.

Хеллстром прислушался к голосам наблюдателей на постах, координирующих новый поворот в погоне. Он ощутил охотничий азарт в их голосах. словно им даже не хотелось поймать Джанверта слишком быстро.

Хеллстром вздохнул и сказал:

— Приведите сюда захваченную женщину.

Кто-то из темноты ответил:

— Она все еще без сознания.

«Точно, Эд», — подумал Хеллстром и вслух произнес:

— Хорошо, приведите ее в чувство и быстро сюда.

Знак Муравейника над входом в главный Котел: *«Высшая справедливость в том, что в смерти мы отдаем свои тела, что плоть наших бранных тел служит высшей силе, воплощенной в Муравейнике».*

На восьмом по счету повороте в его непрерывном подъеме валившийся с ног от усталости Джанверт тяжело прислонился лбом к металлической двери, решив дать себе небольшой отдых. Он чувствовал холод двери сквозь волосы, тупо глядя на свои голые ноги. Черт, как жарко в туннеле! А вонь стала еще нестерпимее. Джанверт почувствовал, что, не отдохнув хоть немного, не сможет сделать больше и шагу. Сердце выскакивало из груди, пот ручьями стекал по телу. Сможет ли он найти в себе смелость вернуться в основные туннели и поискать там лифты? Джанверт прижался ухом к двери и прислушался — ни единого звука не доносилось с другой стороны. Это обеспокоило его. Уж не ждут ли там за дверью его появления.

Только слабые звуки работающих механизмов и чувство человеческой активности доходило до него. Странное все-таки ощущение почти полной тишины. Вновь Джанверт прижался ухом к двери и вновь не услышал ничего, таящего в себе прямую угрозу.

Там он опять найдет людей, этих странных граждан Хеллстромского муравейника. Сколько их здесь? Десять тысяч? Никто из них не учтен в переписи. Джанверт знал это. Все место несло на себе отпечаток секретных целей, идущих вразрез в наиболее резкой форме со всем строем жизни вне муравейника. Здесь люди жили по правилам, отрицающим все, во что верило внешнее общество. Есть

ли у них бог? Джанверт вспомнил Хеллстрому, возносящего молитву. Притворство! Чистое притворство!

Омерзительный муравейник!

Последние слова Тровы Хеллстром: «Поражение Внешних предопределено их высокомерием. Они представить себе не могут, что есть силы, с которыми им не справиться. Мы, населяющие Муравейник, есть творение разума. Мы будем терпеливо ждать, как это умеют делать насекомые, согласно логике, непонятной диким Внешним. Насекомые научили нас, что истинным победителем в гонке на выживание является тот, кто последним приходит к финишу».

Прошло минут пять, прежде чем страх взял верх над усталостью. Джанверт не отдохнул по-настоящему, но мог идти дальше. Он дышал легче, но боль в ногах оставалась, резкая боль отдавалась в боку при глубоком вдохе, в ступни как будто вонзили ножи. Джанверт понимал, что тело еще не долго сможет терпеть эту пытку. Он должен выйти отсюда и найти лифт. Джанверт выпрямился, намереваясь открыть дверь, как вдруг краем глаза уловил движение ниже по туннелю. Преследователи появились из-за угла туннеля, но их оружие не было поднято, и это спасло Джанверта. Его оружие лежало в левой руке, и ему оставалось только нажать на кнопку, что его рука и сделала рефлекторно. Фигуры ниже него попадали наземь, а туннель наполнился знакомым гудением.

Падая, один из преследователей поднял пистолет и сделал один выстрел, попавший в легкую арматуру, осколок которой задел щеку Джанверта.левой рукой он коснулся раны и вынул блестящий осколок с пятном крови на нем.

Джанверт не знал, действует ли его оружие сквозь стены, но паника, охватившая его, руководила его дальнейшими действиями. Он поднял станворд, нажал на кнопку и веером провел по двери, прежде чем ее открыть.

Шесть тел грудой лежали за дверью, когда он ее открыл,

один сжимал в руке автоматический пистолет 45-го калибра с инкрустированной ручкой. Джанверт взял его из вялых пальцев, проходя в комнату. Он осмотрелся. Комната была длинным и узким баракком с тремя ярусами коек вдоль стен. Единственными ее обитателями были сейчас шесть тел на полу — все мужчины, все голые, лысые и все дышали. Значит оружие только оглушало людей, если препятствие ослабляло его силу. Теперь оружие у него было в обеих руках, и одно из них убедительно знакомое.

Перевод «Мудрости Диких», сделанный в Муравейнике: *«Вымирание вида начинается с гордой веры в то, что каждая особь обладает уникальным менталитетом — эго, или индивидуальностью, духом, характером, душой или разумом, — и в то, что эти субстанции свободны».*

— Теперь у него есть пистолет, — сказал Хеллстром. — Прекрасно! Просто прекрасно! Он что, супермен? Менее часа назад он был в центральной бридер-секции. Я считал, что он у нас в руках, и на тебе — мне сообщают, что он вырубил две группы захвата восемью уровнями выше!

Хеллстром сидел почти в центре арки, сразу за спиной наблюдателя. Он не спал уже более суток, и часы в доме показывали четыре часа ночи.

— Какие будут указания? — спросил сидящий перед ним наблюдатель.

Хеллстром вперил невидящий взгляд в наблюдателя.

— С чего вы взяли, что они могут измениться? — спросил он. — Его надо схватить!

— Живым?

— Да, я хочу его живым больше чем когда-либо! Если он действительно так живуч, его кровь должна смешаться с нашей.

— Он, похоже, находится сейчас в главном туннеле, — сказал наблюдатель.

— Конечно! Передай группам захвата обратить внимание на лифты. Он совершил крутой подъем. И должен устать.

Пусть все группы подтянутся к лифтам верхних уровней и просматривают каждую кабину, вырубая всех подозрительных. Я... — Хеллстром поднял успокаивающе руку, увидев тревогу на искаженном лице наблюдателя. — Ничего не поделаешь.

— Но наши собственные...

— Лучше мы, чем он. Посмотри на то, что он уже натворил. Он, похоже, переключил станворд на полную мощност, не подозревая об этом. Он убивает всех, кто приближается к нему. Меня переполняет та же ярост, что и всех вас, здесь присутствующих, но мы должны помнить, что в панике он не отдает себе отчета в своих действиях.

— Он отдает себе отчет в том, как ускользат от нас, — пробормотал кто-то у Хеллстрома за спиной.

Хеллстром пропустил замечание мимо ушей и спросил:

— Где захваченная женщина? Она должна была быть здесь еще час назад.

— Ее приводят в чувство, Нильс.

— Скажи им, пусть поторопятся.

Из руководства Муравейника: «Одна из составляющих нашей силы лежит в признании многообразия, достигаемого нами путем перенятия социального поведения насекомых в его противостоянии социальному поведению диких Внешних людей, развитого ими в процессе эволюции. Имея такой пример перед глазами, мы, впервые в долгой истории жизни на этой планете, сами строим свое будущее».

Джанверт стоял за спинами двух мужчин и двух женщин в поднимающемся вверх лифте. Квартет выказал явные признаки нервозности при его входе, и он отнес это на счет своей пораненной щеки. Властный взмах рукой с пистолетом успокоил их, оставив его со странным ощущением, что жест, а не пистолет подействовал на них. Чтобы проверить это, Джанверт убрал пистолет под правую руку, и, когда один из мужчин повернулся, он махнул ладонью в его сторону. Эффект был тот же, как если бы он сказал

отвернись и оставь меня в покое. Мужчина отвернулся, сделал пальцами знак остальным, и больше его не беспокоили.

Джанверт понял теперь принцип действия лифтов. Стоять надо у задней стенки идущего вверх лифта. Шаг вперед замедляет его у выхода на очередной уровень. Около выхода находится критическая зона, управляющая невидимым сенсором.

Одна из женщин оглянулась и кивнула в сторону выхода из кабины, проходящей глухую серую стену. Последняя остановка? Остальные группой двинулись к выходу. Джанверт собрался к ним присоединиться, поднимая левой рукой трофейное оружие. Вверху показался выход. Лифт замедлил ход, и он увидел голые ноги и два станворда, нацеленные внутрь кабины.

Джанверт нажал на кнопку своего станворда и провел дугой по увеличивающемуся проему, задев при этом и тех, кто был с ним в лифте. Он перепрыгнул через трупы, водя смертоносным оружием по дуге, и побежал вправо по туннелю, наступая на еще теплые тела.

На бегу Джанверт слышал хруст позади себя и обернулся, не снижая скорости. Один из пассажиров того лифта упал головой наружу. Идущая вверх кабина срезала его голову, которая прыгала по полу туннеля, брызгая кровью.

Джанверт отвернулся, понимая с удивлением, что эта картина оставила его равнодушным. Житель Муравейника уже умер, убитый изобретенным здесь оружием. Не важно, что случится с его телом потом. Совсем не важно.

Нажимая на кнопку периодически, Джанверт бежал по туннелю, расчищая себе дорогу. Он завернул за угол и увидел еще одну группу стерегущих лифты. Они упали, словно подкошенные, но к нему уже спешила новая группа, и Джанверт слышал гул, издаваемый их оружием. Он, очевидно, пока был вне зоны поражения. Джанверт поднял пистолет, разрядил в группу всю обойму, прыгнул в первый идущий вверх лифт и, пропустив два уровня, выскочил из него в неохраняемый туннель.

Джанверт ушел в сторону от еще одной перекрывшей ему путь группы и вошел в круто идущий вверх туннель, уйдя из него в первую же попавшуюся ему дверь. Он

очутился в еще одном саду гидропоники, полном сборщиков урожая. Джанверт узнал помидоры и швырнул бесполезный пистолет в работника, бросившегося к нему, протестуя против его вторжения. Он побежал, стреляя из трофейного оружия вверх и по сторонам. Помидоры падали со шлепками на пол из сумок работников, и их красный сок забрызгивал ему ноги. В груди у Джанверта полыхало пламя, сухое горло нестерпимо болело, тело отказывалось подчиняться.

В дальней стене он заметил несколько проемов на высоте груди. Джанверт увидел поток всасываемой продукции, затем корзины, ящики. Он узнал помидоры, огурцы сочно-зеленого цвета, стручковый горох...

Система подачи продукции!

Джанверт резко остановился и, сгорбившись, тупо смотрел на стену. По всей длине ее не было ни одной двери, только эти несущиеся вверх конвейеры с овощами. На конвейере крепились плоские полки, некоторые из них проходили мимо пустыми, на других стояли контейнеры. Проемы были квадратными со стороной фута в три, и полки не казались очень большими. Сможет ли Джанверт сесть на одну из них? Они поднимались с пугающей скоростью. Джанверт слышал шум в туннеле у себя за спиной. Какой у него выбор? Путь назад ему заказан.

Джанверт собрал остаток сил, поднялся на несколько ступеней и стал ждать пустую полку. Когда она появилась, он нырнул в проем, делая кувырок, чтобы не упасть на оружие, крепко сжатое в руках. В тот момент, когда голова Джанверта вошла в проем, полка замедлила свой ход, и падение оказалось жестким. Полка прогнулась под ним, но он сгруппировался и сумел удержаться. Его левое плечо терлось о заднюю стенку, и он содрал часть кожи, прежде чем отдернул его. Джанверт посмотрел вверх и вокруг. Система подачи была встроена в длинную шахту между серыми стенами, свет сюда проникал только из приемников продукции. Джанверт мог различить множество полок, поднимающихся так же быстро. Здесь терпкий запах овощей перебивал всю остальную вонь. Он миновал множество приемных окон, однажды выхватил испуганное лицо — женщина с корзиной, полной желтыми фруктами, похожими на небольшие тыквы. Джанверт посмотрел вверх, пытаясь найти

конец системы. Может все это сбрасывается под ножи? Может быть наверху овощерезка, система сортировки или что-то в этом роде?

Вверху появилась полоса света, и он расслышал рев машин, в котором тонули слабый свист и клацанье оседланного им конвейера. Полоса становилась все ближе и ближе — Джанверт напрягся, но был захвачен врасплох, когда система опрокинула полку в конце подъема и вывалила его в ларь, полный желтой моркови.

Схватившись за край ларя, Джанверт поднялся, перелез через борт и оказался в комнате с длинными лотками на уровне бедер, по которым текла, пузырясь, разноцветная пульпа. Вдоль этих лотков ходили работники и опрокидывали в них содержимое ларей.

До пола было футов шесть, Джанверт поскользнулся, опускаясь на пол, и врезался в женщину, подошедшую к конвейеру с пустым баком на колесиках. Сбив ее с ног, Джанверт провел по ней лучом и бросился вперед, с трудом удерживая равновесие на скользком полу.

Джанверт миновал еще одну группу людей, прежде чем достиг двери, но их вид мало чем отличался от его, и они не обратили на него внимания. Джанверт проскочил дверь и попал под струи холодной воды, льющейся из форсунок на потолке. Ловя воздух открытым ртом, он проскочил полосу воды и практически чистым вышел через другую дверь в широкий, слабо освещенный туннель. Вода стекала с него, с трофейного оружия, не выпускаемого им из рук, и собиралась под ним лужицей.

Джанверт посмотрел налево — длинный туннель с несколькими людьми, ни один из которых не проявлял к нему интереса. Посмотрел направо и увидел лестницу, похожую на ту, что он видел у подземной реки. Лестница уходила вверх, во мрак, и это было то, что нужно. Тяжело ступая, Джанверт добрал до лестницы и начал подниматься, левой рукой перехватывая скользкий поручень и подтягивая вверх налитое свинцом тело. Нижняя челюсть его отвисла от усталости и холодного душа.

На пятой ступеньке лестницы Джанверт увидел над головой чьи-то ноги. Он не раздумывая нажал на кнопку и не отпуская ее до конца подъема. Пять тел распластались

на венчающей лестницу платформе. Джанверт обошел их, неотрывно глядя на дверь позади трупов. Дверь была закрыта на задвижку, которую он легко снял. Джанверт толкнул дверь, и она поддалась со скрипом, открывая пахнущий грязный проход и корни какого-то пня, двигавшегося вместе с дверью. Джанверт протащил свое тело мимо пня в залитую звездным светом темень, услышал скрип закрывшейся за ним двери. Пень вернулся на место с легким толчком.

Джанверт стоял, дрожа, в холодном ночном воздухе. Ему понадобилась секунда, чтобы понять, что он спасся из сумасшедшего дома Муравейника Хеллстрома. Джанверт посмотрел вверх — звезды. Их свет давал ему возможность ориентироваться. Джанверт видел впереди темные контуры деревьев. Рукой он нащупал пень, маскирующий выход. Пальцы коснулись твердой поверхности дерева. Глаза Джанверта привыкали к темноте, а побег из туннелей вскрывал такие резервы организма, о которых он и не подозревал. Немного влево было заметно слабое свечение неба, и Джанверт решил, что это огни Фостервилля. Он попытался прикинуть расстояние. Десять миль? Пешком ему их не одолеть. Перед ним лежал покрытый травой склон с темными пятнами.

Тело Джанверта почти высохло, но он все еще дрожал от холода. Он понимал, что ему надо торопиться. Тела убитых будут найдены, и люди Хеллстрома скоро окажутся здесь. Джанверт должен оторваться от погони, уйти дальше от этого секретного выхода. Не важно как, но он должен вернуться к цивилизации и рассказать обо всем.

Ориентируясь по свечению неба, Джанверт начал спускаться по склону, крепко сжимая оружие в правой руке. Эта вещь подтвердит его историю. Демонстрация его действия на любом животном снимет все вопросы.

Сбитые ноги болели, пальцы задевали невидимые камни и корни. Он споткнулся, сделал два резких шага, наскочил на низкую деревянную ограду и перелетел через нее, упав в пыль узкой дороги.

Джанверт поднялся и осмотрел дорогу, насколько ему позволял слабый свет звезд. Она уходила вниз и влево, в целом идя в направлении, как ему казалось, Фостервилля. Тяжело и шумно дыша, он побрел по дороге в город.

Дорога нырнула в расщелину, и он потерял ненадолго свечение, но на подъеме снова его увидел.

Пыль, выбиваемая ногами, щекотала ноздри. Легкий бриз гладил Джанверта по правой щеке. Дорога вновь ушла вниз и слегка повернула вправо. Темнота впереди могла означать только полосу деревьев. Он опять споткнулся, ударившись пальцем левой ноги о край канавы. Выругавшись, Джанверт присел и помассировал ушибленный палец. Сидя на корточках, он увидел вспыхнувший в темноте огонек. Рефлекторно Джанверт схватил оружие, прицелился и выстрелил.

Огонек погас.

Джанверт выпрямился и, вытянув руку, пошел вперед, прижимая оружие к правому боку. Его вытянутая рука оказалась слишком высоко, чтобы встретить препятствие, и он упал на холодную металлическую поверхность. Джанверт застыл от ужаса, но потом понял, что лежит на капоте.

Машина!

Джанверт осторожно поднялся и обошел машину слева, касаясь ее свободной рукой. У окна пальцами нащупал щель вверху и ощутил запах табачного дыма. Он посмотрел в окно, но в темноте ничего не увидел. Слышалось только равномерное сиплое дыхание. Джанверт нащупал ручку и открыл дверь. В салоне вспыхнуло автоматическое освещение. Двое мужчин в рабочих костюмах, в белых рубашках и при галстуках, лежали без сознания на передних сиденьях. Шофер держал еще тлеющую сигарету, прожегшую круг на его левой штанине. Джанверт взял сигарету и уронил в пыль у своих ног.

Когда он прикуривал, Джанверт заметил огонек и выстрелил. Значит, на расстоянии это оружие не убивает. Стены и расстояние ослабляют его, очевидно, радиус действия ограничен.

Джанверт встряхнул водителя за плечо, но у того лишь мотнулась из стороны в сторону голова. При этом плащ его распахнулся, обнаружив наплечную кобуру и короткоствольный пистолет. Джанверт взял его и тут под приборным щитком увидел радио.

Они не люди Хеллстрома! Они полицейские!

Что сказал трутень (аксиома Муравейника):
«Вы, Внешние! Нам нужны ваши дети, а не вы! Мы их получим через ваши трупы».

— Как может он быть снаружи? — негодовал Хеллстром. Гнев только усиливал волну страха, захлестнувшего его. Он пересек комнату и подошел к наблюдателю-женщине, обратившейся к нему.

— Вот он, — сказала наблюдатель. — Смотрите! Там! — Она указала на горящий перед ней зеленым светом экран. На экране виднелась переливающаяся в приборах ночного видения фигура Джанверта. Беглец брел по пыльной дороге.

— Северный периметр, — прошептал Хеллстром, узнавая ландшафт позади Джанверта. — Как он смог туда добраться?

Восхищение Джанвертом боролось в нем со вскипающим бешенством. *Джанверт был Внешним!*

— Мы получаем сообщения о волнениях на третьем уровне, — доложил наблюдатель слева от Хеллстроста.

— Он нашел одну из замаскированных дверей на уровне три, — сказал Хеллстром. — Как он смог забраться так далеко? Еще немного, и он увидит машину со своими наблюдателями! Машина в тех деревьях, — он показал на экран. — Засекли его наши наблюдатели?

— Мы послали группу преследования, — отозвался наблюдатель слева. — Им нужно еще несколько минут. Они были на пятом уровне, и мы провели их через верхний выход.

Наблюдатель рядом с Хеллстромом сказал:

— Я увидел интерференционную вспышку, перед тем как его заметил. Похоже, он использовал свое оружие. Мог он поразить наблюдателей в машине?

— Или убить их, — усмехнулся Хеллстром. — Поэтическое возмездие, если это так. Кто следит за этой машиной?

— Группу сняли час назад, чтобы помочь в поисках беглого пленного, — произнес кто-то у него за спиной.

Хеллстром кивнул. Конечно! Он сам отдал приказ.

— В машине уже некоторое время никто не разгова-

ривает, — сказал наблюдатель слева. — Звукосниматель находится на дереве над машиной. — Наблюдатель постучал пальцем по блестящему наушнику на своем правом ухе. — Я слышу, как подходит Джанверт. Наблюдатели в машине, похоже, без сознания. Они дышат хрипло, так, как бывает, когда их тяжело оглушают.

— Может быть, это долгожданная передышка, — вздохнул Хеллстром. — Как далеко группа преследования?

— Пять минут, не более, — опять произнес кто-то у него за спиной.

— Перекройте дорогу между ним и городом, — сказал Хеллстром. — На случай...

— Что делать с другими наблюдателями? — спросил наблюдатель, сидящий перед ним.

— Скажите работникам, чтобы они не привлекали к себе внимания! Дьявол поberi этого Джанверта! Муравейник нуждается в таких бридерах.

Как он сумел уйти из Муравейника?

— Он у машины, — информировал наблюдатель слева.

Наблюдатель в глубине арки сказала:

— Получен отчет о том, каким образом ему удалось бежать.

Она повернулась и коротко изложила то, что обнаружила группа очистки на уровне три.

«Он оседлал продуктовый конвейер!» — подумал Хеллстром.

Внешний рисковал так, как никогда бы не рискнул обычный работник. Итоги этого будут всесторонне рассмотрены позднее.

— Захваченная женщина? — спросил Хеллстром. — Ей показали, что ее ждет в случае отказа?

Кто-то позади него произнес с явным неодобрением:

— Да, ей показали, Нильс.

Хеллстром кивнул. Им, конечно, это не понравилось. Ему самому это не нравилось. Но в этом была необходимость, и все сейчас это понимали.

— Приведите ее сюда, — сказал Хеллстром.

Им пришлось втащить ее в круг тусклого освещения от экранов наблюдателей и поддерживать ее на ногах.

Хеллстром подавил в себе отвращение и заговорил мед-

ленно и отчетливо, словно с ребенком, он все время чувствовал, что приносит жертву Муравейнику.

— Кловис Карр, — сказал он. — Это имя ты нам сообщила. Ты не отказываешься от него?

Сквозь полумрак она пристально смотрела на зеленоватую трупную бледность кожи Хеллстрона. «Это кошмар, — говорила она себе. — Я проснусь, и кошмар рассеется».

Хеллстром увидел понимание, пробуждающееся в ее глазах, когда произнесли ее имя.

— Через минуту, мисс Карр, ваш друг Джанверт войдет в зону слышимости нашего громкоговорителя. — Хеллстром показал на экран. — Я обращусь к нему, и тогда вы постараетесь убедить его вернуться. Глубоко сожалею, что причиняю вам душевную боль, но вы должны понять, что у нас нет выбора. Вы готовы?

Она кивнула. Ее лицо казалось маской ужаса в зеленом свете. Готова? Конечно! Кошмару надо подыгрывать.

— Отлично, — сказал Хеллстром. — Старайтесь думать позитивно, мисс Карр. Думайте об успехе. Я верю, что у вас получится.

Снова она кивнула, но уже так, словно потеряла контроль над своими мускулами.

Из руководства Муравейника: «Общество само следует рассматривать как живую материю. Та же этика и мораль, которыми мы руководствуемся, вмешиваясь в священную плоть отдельной клетки, должна руководить нами при вмешательстве в общественные процессы».

Джанверт дотянулся до микрофона, не смея поверить, что держит в руках этот знак цивилизации, как где-то высоко над его плечом раздался голос.

— Джанверт!

Он резко выпрямился, захлопнул дверь, чтобы погасить свет, обогнул машину и затаился, нацелив оружие вверх в темноту.

— Джанверт, я знаю, что ты меня слышишь.

Голос доносился сверху, но в темноте Джанверт не мог разглядеть детали. Он застыл в нерешительности. Каким ослом он был, что не выключил свет сразу!

— Я говорю по удаленной системе, Джанверт, — продолжал голос. — На дереве рядом с тобой установлено электронное устройство. Ты можешь мне ответить. Ты должен мне ответить.

Громкоговоритель!

Джанверт не двигался. Это ловушка. Они хотят, чтобы он выдал себя, чтобы они могли его засечь.

— У нас тут есть кое-кто, кто хочет с тобой поговорить, — сказал голос. — Слушай внимательно, Джанверт.

Сначала Джанверт не узнал новый голос. В словах была какая-то горловая сдавленность, словно говорящему требовалось прикладывать нечеловеческие усилия. Это была женщина, и она сказала:

— Эдди! Это Кловис. Пожалуйста, ответь мне!

Только Кловис звала его Эдди. Другие предпочитали Коротышка. Он посмотрел в темноту. Кловис?

— Эдди, — сказала она, — если ты не вернешься, они отправят меня вниз... в место, где... где они... отрезают ноги и остальное... — Она всхлипнула. — Ноги и остальное у пояса и... о Боже! Эдди, я так боюсь. Эдди, пожалуйста, ответь! Вернись, Эдди!

Джанверт вспомнил комнату с обрубками тел, многоцветные трубки, омерзительно подчеркнутая сексуальность. Внезапно в памяти у него пронеслась череда картин: отрезанная голова на полу туннеля, лужа крови, его ноги, ступающие по красному соку томатов, его тело, забрызганное...

Он согнулся пополам, его стошнило.

А голос Кловис все звучал и звучал, умоляя его.

— Эдди, пожалуйста, ты меня слышишь? Пожалуйста! Не дай им сделать это со мной. О Бог мой! Почему ты не отвечаешь?

«Я не могу ей ответить», — думал Джанверт.

Но он должен ответить. Он должен сделать что-нибудь. Воздух был полон тошнотворного запаха его собственной блевотины, его грудь ломило, но голова прояснилась. Джанверт выпрямился, опираясь рукой о капот.

— Хеллстром! — позвал он.

— Я здесь, слышу тебя. — Это был тот первый голос.

— Почему я должен тебе верить? — спросил Джанверт и двинулся к дверце машины. Он должен добраться до радио.

— Мы не причиним вреда ни тебе, ни мисс Карр, если ты вернешься, — сказал Хеллстром. — Мы не лжем в таких вопросах, мистер Джанверт. Вы будете помещены под стражу, но вреда вам не причинят. Мы позволим вам быть вместе, иметь те отношения, которые вы пожелаете, но если вы не вернетесь немедленно, мы выполним угрозу. Мы сделаем это с величайшим сожалением, но мы сделаем это. Наше отношение к штаммам воспроизводства сильно огличается от вашего, мистер Джанверт. Поверьте мне!

— Я вам верю, — сказал Джанверт. Он в нерешительности стоял у дверцы. Если он откроет ее и возьмет микрофон, как они поступят там, наверху? Они наверняка послали за ним поисковую группу. У них есть громкоговоритель на дереве. Они как-то знают, что он делает. Он должен соблюдать осторожность. Джанверт поднял трофейное оружие, чтобы провести наугад дугу смерти вокруг себя, прежде чем открыть дверцу. Он не должен думать о Кловис. Но эта комната... Его палец на кнопке отказывался повиноваться. Эта комната с обрубками тел! Снова тошнота подкатила к горлу.

Голос Кловис доносился из громкоговорителя. Она плакала где-то на заднем плане и звала его:

— Эдди, Эдди, Эдди, пожалуйста, помоги мне! Пусть это кончится...

Джанверт закрыл глаза: «Что я могу сделать?»

Мысль еще пульсировала в мозгу, когда он почувствовал покалывание в правом боку и спине, услышал отдаленное гудение, что преследовало его все то время, пока он продвигался в пыли вдоль машины, — но больше Джанверт его уже не слышал — он без сознания лежал в пыли.

Из руководства Муравейника: «Защищающее нас сходство всегда служило ключом к нашему выживанию. Об этом свидетельствуют устные рас-

сказы так же, как и древнейшие записи, дошедшие до нас. Мимикрия, заимствованная нашими предками у насекомых, защищает нас от нападений со стороны Внешних. Наблюдения за насекомыми показывают, однако, что ценность этого фактора выживания остается невысокой, если не совершенствовать его и не комбинировать с другими техниками, особенно с новыми, поиск которых должен вестись постоянно. Подстегивать нас должна подготовка Внешних как хищников. Они нападут на нас, если обнаружат. А когда-нибудь они непременно нас обнаружат, и мы должны быть к этому готовы. Подготовка должна сочетать в себе как оборонительные, так и атакующие мероприятия. Во втором аспекте мы должны брать за образец насекомых — оружие должно отбивать охоту у напавшего повторить свою попытку еще раз».

Вибрации зародились где-то в недрах Муравейника, и оттуда начали распространяться вверх и в стороны волны, которые смогли зарегистрировать все земные сейсмические станции. Когда толчки прекратились, Хеллстром подумал: «Землетрясение!» Это была его опасливая молитва, не узнавание. Пусть будет землетрясение, а не провал «Проекта 40»!

Он только начал успокаиваться после захвата Джанверта, как начались эти толчки.

Смолкли поскрипывания, последовал момент неестественной тишины, словно все работники Муравейника одновременно задержали дыхание. Хеллстром прошел через мрак дома, замечая продолжающие ровно гореть лампочки, мерцающие в обычном режиме экраны. Он приказал:

— Доложите о повреждениях. Кто-нибудь, найдите мне Салдо.

Спокойный голос, которым Хеллстром отдал приказ, удивил его самого.

Через несколько секунд он увидел Салдо на экране в правой стороне арки. Хеллстром видел секцию широкой галереи за спиной Салдо, где оседала пыль.

— Они задержали меня! — приветствовал его Салдо, выглядевший растерянным и немного испуганным. Один из здоровяков-симбиотов, приданный исследователям, вырос за спиной Салдо и отодвинул его в сторону. Поднялась розовая ладонь перед лицом, и пальцы составили знак на языке Муравейника. Хеллстром перевел этот знак громко для тех, кто не видел экрана.

— Мы не одобряем недоверия, высказанного здесь вашим наблюдателем по отсрочке подключения силовых кабелей к нашему проекту. Пусть испытанное вами беспокойство станет слабым проявлением нашего неудовольствия. Мы бы могли вас заранее предупредить, но ваше поведение того не заслуживает. Резонанс, испытанный нами здесь, в Муравейнике, подтверждает эффект во много тысяч раз больший в фокусе направленного импульса. «Проект сорок», если не считать мелких побочных эффектов, окончился полным успехом.

— Где находится фокус? — спросил Хеллстром.

— В Тихом океане недалеко от островов, называемых Внешними Японскими. Они вскоре смогут увидеть новый остров.

Крупное лицо исчезло с экрана, и вместо него появился Салдо.

— Они изолировали меня, — запротестовал он. — Они держат меня силой и игнорируют мои указания. Они подключили кабель, не позволив мне связаться с тобой. Они не подчиняются тебе, Нильс!

Хеллстром показал «успокойся» и, когда Салдо замолчал, произнес:

— Доведи до конца порученное тебе дело, Салдо. Подготовь отчет, включая временные издержки, необходимые на исправление побочных эффектов, и представь мне его лично.

Он знаком дал понять о конце связи.

У Муравейника имелось свое оборонительно-наступательное вооружение, но его использование было сопряжено со многими проблемами. Беспокойство, охватившее Муравейник, затронуло и исследователей. Их обычная раздражительность переросла в открытое неповиновение. В Муравейнике была повреждена система взаимозависимости. Быть может, это

даст им необходимую передышку. Муравейнику более всего требовалось время ненарушаемого спокойствия. Перемены поглощали резервы времени. Он видел это, сравнивая себя с молодым поколением. Хеллстром заблуждался на свой счет. Он действительно предпочитал речь, и язык жестов был противен его натуре, но не для нового поколения. Хеллстром испытывал нездоровое удовольствие в обладании настоящим именем, как всякий Внешний, но большинство работников были к этому равнодушны.

«Я — переходная форма, — говорил он себе, — и в один прекрасный день окажусь ненужной старой вещью».

Мерривейл стоял на балконе комнаты в трехэтажном мотеле и ждал рассвета. Было прохладно, но он надел на себя только серый шерстяной свитер с высоким воротником. Свитер был достаточно плотным, чтобы защитить его от холода даже тогда, когда он перегибался через металлическую балюстраду. Мерривейл задумчиво курил, вслушиваясь в ночные звуки: шаги на стоянке для парковки, шепот голосов этажом ниже, где минутой раньше зажегся свет.

Дверь этажом ниже открылась, выпустив веером по всему дворику до бассейна сноп желтого света. Человек вошел в свет и посмотрел вверх.

Мерривейл, глядя вниз, узнал Гаммела и подумал; что, вероятно, у фэбээровца есть сведения, касающиеся недавнего землетрясения, чей далекий рокот наполнил его комнату первобытными страхами. Разбуженный рокотом три четверти часа назад Мерривейл позвонил в номер на первом этаже, который они использовали в качестве командного поста. Гаммел не спал и на звонок ответил сразу.

— Похоже на землетрясение. Мы выясняем, есть ли разрушения. С вами все в порядке?

Мерривейл включил свет ночника. Электричество, во всяком случае, есть. Он оглядел комнату.

— Да, со мной все в порядке.

Некоторые другие постояльцы вначале тоже вышли на балкон или вниз во двор, но сейчас большинство из них уже разошлись по своим комнатам.

Гаммел, узнав на балконе Мерривейла, кивком пригласил его сойти вниз.

— Поторопитесь.

Мерривейл загасил сигарету, растер ее ногой и быстро начал спускаться по лестнице. Было что-то тревожное в поведении Гаммела.

Мерривейл спустился на второй этаж за десять секунд, перепрыгивая через ступеньки, не заботясь о шуме. Он почти вбежал в комнату, открытую ему изнутри Гаммелом, и услышал, как дверь захлопнулась за ним.

Только в комнате, увидев трех мужчин, сидящих за столом, на котором стоял радиопередатчик и телефон со снятой трубкой, Мерривейл начал понимать во всей полноте серьезность положения.

У стены за столом стояла кровать, покрывало было сорвано и валялось на полу. На упавшую со стола пепельницу со всем выпавшим из нее содержимым никто не обращал внимания. Один из сидящих за столом был в пижаме, хотя Гаммел и остальные были вполне одеты. Свет давали торшеры, стоящие у стола. Внимание всех четверых было приковано к телефону и снятой трубке. Двое буквально впились взглядом в трубку. Мужчина в пижаме переводил взгляд с трубки на Мерривейла, с Мерривейла на трубку и снова на Мерривейла. Гаммел показал на аппарат.

— Черт возьми! Они знают номер телефона, — выругался Гаммел.

— Что? — Мерривейла покорибил обвинительный тон.

— Нам поставили его вчера поздно вечером, — пояснил Гаммел. — Это частная линия.

— Не понимаю, — сказал Мерривейл. Он изучающе смотрел на грубо вылепленное лицо Гаммела, ища в нем ключ к этой странной беседе.

— Нам звонил Хеллстром, — сказал Гаммел. — Он сказал, что один из ваших людей находится у него и... у вас есть человек по имени Эдди Джанверт?

— Коротышка? Коротышка руководил группой, кото...

Гаммел приложил палец к губам.

Мерривейл кивнул понимающе.

Гаммел сказал:

— Хеллстром сообщил мне, что нам лучше послушать,

что скажет ваш человек, иначе они взорвут город и сотрут половину штата Орегон с лица Земли.

— Что?

— Он сказал, что это было вовсе не землетрясение, а оружие, с помощью которого, по его словам, он может разорвать планету на части. Насколько можно доверять вашему сотруднику?

Мерривейл ответил автоматически:

— Всецело!

И тотчас пожалел о своих словах. Он без раздумий ответил на вопрос, содержащий сомнение в возможностях Агентства. Джанверт не заслуживает полного доверия, следовало показать наличие сомнений в его надежности. Но сейчас уже слишком поздно. Своим ответом он сам устроил себе ловушку, сузил диапазон ответов в дальнейшем.

— Джанверт на проводе и хочет поговорить с вами, — сказал Гаммел. — Он сообщил мне, что подтверждает угрозу Хеллстрому и что он может объяснить, почему одна из наших машин больше не выходит на связь.

Мерривейл замер на секунду, пытаясь оценить ситуацию.

— Помнится, вы мне говорили об отсутствии связи с фермой. Они звонят с фермы?

— Насколько я знаю, один из моих людей прослушивает линию. Хеллстром, похоже, починил линию своими силами, или...

— Джанверт говорит, что наши люди просто без сознания, но отказывается объяснять как и почему. Он настаивает на переговорах с вами. Я сказал ему, что вы спите, но...

Гаммел кивнул на телефон.

Мерривейл нервно сглотнул. Взорвать половину штата? Чушь! Он решительно подошел к аппарату, взял трубку и заговорил со своим лучшим английским акцентом.

— Мерривейл на проводе.

Гаммел подошел к магнитофону с бесшумно вращающейся кассетой, вставил в него наушники и кивнул Мерривейлу продолжать.

«Старина Мерривейл, точно, — подумал Джанверт, услышав его голос. — Интересно, почему прислали его?»

Кловис стояла напротив, все еще испуганная, но рыдания

ее прекратились. Ему показалось странным, что ее нагота не возбуждала его.

Джанверт кивнул Хеллстрому, стоявшему в шаге от него в полутемной комнате над сараем-студией. В зеленом свете телевизионных экранов лицо Хеллстрома казалось смертельно бледным.

— Расскажи ему, — сказал Хеллстром.

Голос Мерривейла разносился по всей комнате из микрофона, установленного на панели управления.

— Привет, Джо, — сказал Джанверт, умышленно используя первое имя Мерривейла при обращении. — Эдди Джанверт на проводе. Думаю, ты узнал мой голос, но я могу представить дополнительные доказательства. Я тот, кому ты присвоил номер и код президента, припоминаешь?

«Проклятье! — подумал Мерривейл, протестуя внутренне против фамильярного тона и обращения по имени. — Это Джанверт, нет сомнений».

— Что происходит? — сказал Мерривейл.

— Если ты не хочешь, чтобы вся эта планета стала одним большим моргом, то прислушайся к моим словам и постарайся воспринять их серьезно, — сказал Джанверт.

— Послушай, Коротышка, — сказал Мерривейл. — Что за чепуху вы все несете об уничтожении планеты...

— Ты заткнись и слушай! — рявкнул Джанверт. — Ты понял?! У Хеллстрома имеется оружие, рядом с которым атомная бомба выглядит как игрушечный пистолет. Те ребята в машине, агенты ФБР, о которых беспокоился твой приятель, — они выведены из строя миниатюрной версией этого оружия. Это переносное оружие позволяет убивать людей на расстоянии или переводить их в бессознательное состояние. Можешь мне поверить, я видел его в действии. А теперь...

— Коротышка, — прервал его Мерривейл, — думаю, мне лучше приехать на ферму и...

— Да, приезжай, конечно, — сказал Джанверт, — но у тебя есть сомнения, советую от них избавиться. И если ты попробуешь еще раз напасть на ферму, а я подозреваю, что тебе *может* прийти в голову эта мысль, я воспользуюсь номером и кодом президента, данным мне тобой, и позвоню ему, чтобы ввести его..

— Слушай, Коротышка! Твое правительство не...

— Плевать на правительство! Оружие Хеллстрема нацелено как раз на Капитолий. Они уже продемонстрировали его эффективность. Почему ты не проверил его действие?

— Проверил что? Небольшое землетрясение, которое мы...

— Новый остров недалеко от побережья Японии, — сказал Джанверт. — Люди Хеллстрема перехватывают сообщения со спутника Пентагона. Они знают о нем и о предупреждении об опасной сейсмической волне в бассейне Тихого океана.

— Что за чушь ты порешь, Коротышка? — грубо спросил Мерривейл. Произнося эти слова, Мерривейл нагнулся над столом, взял ручку и написал на листе бумаги: «Гаммел, проверь!» Гаммел прочитал написанное, кивнул и передал записку одному из агентов, шепотом дав указания.

Джанверт заговорил снова, его голос раздавался четко, словно он пытался объяснить что-то непослушному ребенку.

— Я предупреждал тебя, что надо слушать внимательно, — сказал Джанверт. — Муравейник Хеллстрема — только один небольшой выход из гигантского комплекса туннелей. Эти туннели раскинуты под огромной площадью и уходят в глубину до пяти тысяч футов. Эти туннели укреплены специальным бетоном, способным противостоять, по словам Хеллстрема, взрыву атомной бомбы. Я ему верю. Здесь, в этих туннелях, живет около пятидесяти тысяч человек. Поверь мне, прошу, поверь.

Мерривейл вдруг понял, что внимание его приковано к вращающимся кассетам магнитофона Гаммела, он поднял взгляд и увидел потрясение в глазах присутствующих.

Мерривейл подумал: «Дерьмо собачье! Если Коротышка говорит правду, то это уже не наше дело, а дело военных». Но в глубине души он верил словам Коротышки. Просто не могло столь дикое утверждение быть ложным. Мерривейл нагнулся над столом и написал: «Надо связаться с военными».

Прочитав написанное, Гаммел задумался, затем кивком показал другому помощнику прочитать и исполнить. Помощник прочел, поглядел вопросительно на Гаммела, который решительным жестом подтвердил команду, и опять же кивком показал ему подойти поближе. Гаммел что-то шепнул ему, лицо того побледнело, и он пулей выскочил из комнаты.

— Хотя твой рассказ совершенно невероятен, — сказал Мерривейл, — я, на время, ему поверю. Однако ты должен понимать, что я не совсем свободен в своих действиях. Проблема носит столь глобальный характер, что я не...

— Ты, сукин сын! Если ты нападешь на Хеллстрому, с планетой будет покончено.

Мерривейл замер в шоке, прижав крепко трубку к уху. Так не обращаются подчиненные к начальнику.

В доме Муравейника Хеллстром нагнулся к Джанверту и прошептал:

— Скажи ему, что Муравейник готов к переговорам. Старайся выиграть время. Спроси его, почему он не связался с Пентагоном по случаю возникновения нового острова. Скажи ему, что мы готовы обратить в прах площадь в несколько сот квадратных миль вокруг Вашингтона, если ему нужны дополнительные доказательства.

Джанверт передал это Мерривейлу.

— Ты сам видел это оружие? — спросил Мерривейл.

— Да!

— Опиши его.

— Ты что, спятил? Они не дадут мне этого сделать. Но я видел его и видел его уменьшенный вариант.

Первый из помощников Гаммела вернулся и хрипло прошептал в ухо:

— СЛС!

Гаммел взял ручку и написал: «Пентагон подтверждает. Они высылают отряд коммандос».

— Коротышка, ты действительно веришь, что они смогут? — спросил Мерривейл.

— А я о чем толкую все это время, черт возьми?! Ты еще не связался с Пентагоном?

— Коротышка, мне неприятно об этом говорить, но мне кажется, что несколько атомных бомб одна за другой...

— Ты безмозглый идиот! Перестанешь ты делать из себя идиота?

Мерривейл в ярости смотрел на телефон.

— Коротышка, я настоятельно тебя прошу изменить тон и выбирать выражения. Этот, э... как ты его называешь, смахивает на некое извращение, которое необходимо...

— Я звоню президенту! — сказал Джанверт. — Ты

знаешь, что это в моих силах. Ты сам мне дал номер и код. Он ответит. Ты со своим Агентством можешь катиться...

— Коротышка!

Мерривейл испытывал бешенство с примесью внезапного страха. Слова Джанверта могли иметь под собой основу. Военные выяснят это быстро, но звонок к президенту может иметь широкий резонанс. Полетят головы.

— Успокойся, Коротышка, — сказал Мерривейл. — И послушай меня. Как я могу быть уверен, что ты говоришь правду? Ты рисуешь отчаянную ситуацию, в которую мне невероятно трудно поверить. Даже если здесь есть что-то, отдаленно похожее на правду, ясно, что решать должны военные, и у меня нет никакой альтернативы, кроме как...

— Ты, задница! — рявкнул Джанверт. — Ты что, не понял ничего из сказанного? Один неверный шаг — и здесь не будет *Мира*, где бы военные могли что-то решать! Ничего не будет! Эти люди могут взорвать планету, распылить любой приглянувшийся им ее кусочек. И вы не сможете им в этом помешать. Планета на кону — вся, целиком, ты поймешь это наконец?

Гаммел протянул руку и взял Мерривейла за руку, в которой тот держал трубку, привлекая к себе внимание. Мерривейл посмотрел на него.

Гаммел показал ему лист бумаги, на котором было написано: «Продолжайте разговор. Спросите о личной инспекции на месте. Пока у нас нет уверенности, мы не можем рисковать».

Мерривейл сложил в задумчивости губы. Продолжать? Сумасшествие. Взорвут мир, надо же! Он сказал:

— Коротышка, я уверен, что глубокие сомнения...

Неожиданно Гаммел опустил наушники, выхватил трубку у Мерривейла и, оттолкнув его в сторону, кивком показал своим двум помощникам попридержаться его.

— Джанверт, — сказал Гаммел, — это Ваверли Гаммел. Я говорил с тобой несколько минут при твоём первом звонке. Я старший агент ФБР. Я слышал весь разговор и, во-первых, готов вести переговоры...

— Они блефуют! — крикнул Мерривейл, пытаясь вырваться из цепких рук агентов. — Они блефуют, ты, идиот! Они не могут...

Гаммел зажал рукой трубку и сказал своим людям:
— Уберите его отсюда и закройте дверь.

Он снова вернулся к разговору с Джанвертом, пояснив:

— Это был Мерривейл. Я приказал удалить его из комнаты. В сложившейся ситуации у него отказали нервы. Я сам собираюсь заняться этим... этим муравейником и поэтому хочу взглянуть на него, или что ты под ним понимаешь. Но мне нужно сначала обеспечить временную приостановку активных воздействий с нашей стороны до тех пор, пока я не дам о себе знать. Разумеется, мною будет установлен временной лимит моего выхода на связь. Нет вопросов, Джанверт?

— Наконец нашелся один умный, — сказал Джанверт. — Благодарение Богу. Одну минуту.

Хеллстром склонился к Джанверту и что-то тихо ему сказал.

— Хеллстром говорит, что он тебя примет на этих условиях, — сказал Джанверт, — и тебе будет разрешено переговорить отсюда со своим руководством лично. Ты можешь ему доверять, это мое мнение.

— Хорошо, — согласился Гаммел. — Скажи мне точно, куда я должен прибыть.

— Остановись у сарая, — велел Джанверт. — Здесь все начинается.

Больше всего Хеллстрома удивляло, что он совсем не чувствовал усталости. «Ну, вот и все, — думал он. — Впереди у Муравейника много времени». Это казалось очевидным. Среди диких Внешних попадались разумные люди — такие как Джанверт или этот агент, с которыми можно договориться. Эти люди поймут опасность жала Муравейника. Многое изменится в этом мире. Хеллстром знал, в каком направлении им надо двигаться дальше. Он придет к соглашению с правительством Внешних касательно условий, в которых Муравейник сможет продолжить свое существование, незаметное для диких масс. Секретность, конечно, не удастся хранить бесконечно. Муравейник сам об этом позаботится. Они размножатся довольно скоро, и Внешние никакими силами не смогут это предотвратить. Роды будут следовать за родами, и дикие будут ассимилированы, для них будет оставаться все

меньше и меньше места на этой планете, разделяемой ими сейчас с людьми будущего.

Из отчета Джозефа Мерривейла Совету Агентства: «Как вам уже известно, наше участие в этом деле блокировано – близорукое решение. С нами консультируются по этой проблеме время от времени, и я могу в общих чертах охарактеризовать мнение, сложившееся об этом деле в Вашингтоне.

Моя личная точка зрения состоит в том, что политика попустительства омерзительному культу Хеллстрома не прекращается, и ему, вероятно, позволят продолжать съемки своих порочных фильмов.

Дебаты в правительстве ведутся вокруг следующих противоположных подходов к решению проблемы:

1. Взорвать их, не думая о последствиях. Эту точку зрения я разделяю, но число ее приверженцев постоянно уменьшается.

2. Выиграть время, заключив секретное соглашение с Хеллстромом, и, временно храня все дело в тайне от общества, одновременно начать широкомасштабную программу, нацеленную на уничтожение того, что в официальных кругах все чаще называют «Хеллстромский ужас».

Говард ФАСТ

РАЗУМ БОЖИЙ

Научно-фантастические рассказы

Перевод с английского Ю. Копцова

БЕЗ ЕДИНОГО ЗВУКА

Вечером 3 апреля, стоя у окна своего большого уютного дома и восхищаясь видом заката, Альфред увидел, как над горизонтом поднялась странная рука. Сдвинув большой и указательный пальцы, она потушила солнце, словно свечку. На мгновение наступили сумерки, которые кончились так же внезапно, как и начались: казалось, кто-то нажал на выключатель.

Так, впрочем, и было. Это сделала его жена. Она включила свет во всем доме.

— Боже мой, Эл, — воскликнула она, — что-то уж очень быстро стемнело, а?

— Это потому, что кто-то погасил солнце.

— Что за ерунду ты городишь, — отозвалась она. — Кстати, сегодня мы ждем в гости Бенсонов к ужину и на бридж, так что приоденься получше.

— Хорошо. Ты не видела закат?

— У меня много других дел.

— Да. Я только имел в виду, что если бы ты видела закат, то заметила бы, как из-за горизонта появилась эта ручища, ее большой и указательный пальцы раздвинулись, потом сошлись и потушили солнце.

— Ну-ну, Эл, ради Бога, не удваивай ставки во время игры. А если уж удвоишь, то твердо верь в них. Обещаешь?

— Странное дело эта рука, черт возьми. Она вернула все мои детские представления об антропоморфизме.

— А что это такое?

- Ничего. Совсем ничего. Я приму душ.
- Только не надо болтать об этом весь вечер.

За ужином Эл Коллинз спросил у Стива Бенсона, видели ли он закат.

— Нет... нет, я был в душе.

— А ты, Софи? — обратился Коллинз к жене Бенсона.

— Да некогда было. Я меняла рубец на платье. Интересно, как поборницы женских прав собираются поступить с рубцами? В них вся суть нашего порабощения.

— Это одна из шуток Эла, — объяснила миссис Коллинз. — Он стоял у окна и увидел, как из-за горизонта появилась эта ручища и погасила солнце.

— Ты действительно видел, Эл?

— Честное скаутское. Большой и указательный пальцы сначала раздвинулись, потом сошлись. Пшик... Солнце погасло.

— Просто прелесть! — воскликнула Софи. — У тебя замечательное воображение.

— Особенно когда он делает ставки, — заметила его жена.

— Она никогда не забудет, как эту проклятую ставку удваивали и переудваивали, — сказала Софи. Было ясно, что сама Софи тоже никогда не забудет этого.

— Интересно, но неосуществимо, — сказал Стив Бенсон, который работал инженером на фирме Ай-би-эм. — Это небесное тело имеет диаметр почти миллион миль. Температура внутри него — более десяти миллионов градусов, а в ядре атомы водорода превращаются в гелиевый пепел. Поэтому твои слова — всего лишь поэтический образ. Солнце просуществует еще очень долго.

После второго роббера Софи Бенсон заметила: либо в доме Коллинзов холодно, либо она заболевает.

— Эл, поверни терморегулятор, — попросила миссис Коллинз.

Команда Коллинзов выиграла третий и четвертый робберы, и миссис Коллинз пожелала гостям доброй ночи с плохо скрываемым превосходством победителя. Эл Коллинз про-

водил их до машины, раздумывая о том, что, в конце концов, жизнь представляет собой странный процесс обособления и отчуждения. В городе это необыкновенное явление заметили бы миллионы людей; здесь же Стив Бенсон принимал душ, а его жена меняла рубец на платье.

Для апреля эта ночь была слишком холодна. Лужицы, оставшиеся после недавнего дождя, замерзли, а усыпанное звездами небо было так прозрачно, будто на дворе стояла середина зимы. Бенсоны приехали без пальто, и, пока они бежали к машине, Стив в шутку заметил, что Эл, возможно, был прав насчет солнца. Бенсон никак не мог завести машину, и Альфреду пришлось стоять дрожа от холода, пока гости не уехали. Потом он посмотрел на наружный термометр: тот показывал всего шестнадцать градусов по Фаренгейту.

— Ну, мы разбили их в пух и прах, — заметила его жена, когда он вернулся в дом. Он помог ей прибраться, и, пока они занимались всем этим, она спросила, что он имел в виду под антропоморфизмом.

— Есть такое примитивное понятие. Знаешь, в Библии сказано, что Бог создал человека по своему образу и подобию.

— Неужели? Должна тебе сказать, что в детстве я беспрекословно верила во все это. Что ты собираешься делать?

Он стоял у камина и подумывал о том, чтобы разжечь огонь.

— В апреле? Да ты, наверное, с ума сошел. Кроме того, я уже вычистила камин.

— Я завтра снова вычищу его.

— Знаешь, я пошла спать. Мне кажется, ты совсем рехнулся, если хочешь развести огонь так поздно, но я не собираюсь с тобой спорить. Ты сегодня в первый раз не завывал ставки — это приятная неожиданность.

Дрова были сухими, огонь излучал тепло, и на него было приятно смотреть. Коллинз никогда не упускал возможности понаблюдать за пляшущими языками, и теперь он не спеша смешал виски с водой и уселся перед камином, потягивая коктейль и припоминая все свои небольшие научные познания. Зеленые растения погибнут через неделю. После этого исчезнет кислород. «Как скоро?» — подумал

он. Два дня... десять дней... он не мог вспомнить, но не имел ни малейшего желания открыть энциклопедию и выяснить. Станет очень холодно, ужасно холодно. Он с удивлением заметил, что не ощущает страха, не испытывает вообще ничего, кроме легкого любопытства. Перед тем как лечь, он снова посмотрел на термометр. Температура опустилась до нуля. Войдя в спальню, он увидел, что жена уже спит. Он тихо разделся, положил на постель еще одно стеганое одеяло и улегся рядом. Она пододвинулась к нему. Почувствовав рядом с собой тепло ее тела, он вскоре уснул.

CERPHES 5

Третий офицер (не настоящий офицер, а стажер — помощник офицера) шел по коридору огромного межзвездного корабля в направлении комнаты для медитаций. Целых четыре года он провел за изучением одиннадцати классов межзвездных кораблей, но теперь в реальности все казалось ему новым, внушающим благоговение и бесконечно более сложным — тем более, что этот корабль принадлежал ко второму классу, располагая полной автономностью и неограниченной дальностью полетов. В отличие от других кораблей, его называли не именем планеты, на которой он был построен, а в честь планеты назначения Cerphes 5. Как все санитарные корабли, он имел разрешение на посадку в любом порту Галактики.

Офицер знал, как ему повезло, что на стажировку он попал именно на этот корабль. Ему было двадцать два года, и в нем еще хватало романтики на то, чтобы во всем сомневаться и за все благодарить судьбу.

Корабль взлетел всего три дня назад, и все эти три дня новоиспеченного младшего офицера мучили медицинскими тестами, прививками, инструктажами и ознакомительными прогулками. Сейчас он оказался свободен и целеустремленно направился в комнату для медитаций.

Это была длинная комната с приятным золотистым освещением, потолок и стены которой казались отделанными слоновой костью. В разных местах были навалены груды подушек. Здесь уже отдыхали около дюжины из ста двадцати

членов экипажа. Каждый из присутствующих сидел на тонкой подушке, скрестив ноги, выпрямив корпус. Руки сложены, глаза опущены — в общем, поза более или менее общая для любой планеты Галактики. Третий офицер выбрал место и сел на подушку, скрестив голые ноги. Одет он был только в хлопчатобумажные шорты.

Он, как всегда, попытался раствориться в осознании своего «я», развеять сомнения и страхи, погрузиться в целостность Вселенной, став частью бесконечно большего «Я», но ничего у него не получилось. Он был заблокирован, смущен и обеспокоен, его разум перескакивал с мысли на мысль, успевая между тем формировать странные и неприятные фантазии.

Он посмотрел на других мужчин и женщин в комнате, но они сидели молча, очевидно, не обеспокоенные странными и пугающими мыслями, роящимися у него в мозгу.

С полчаса третий офицер пытался обуздать свой рассудок, очистить и успокоить его, но затем отказался от этого и покинул комнату. Внезапно он понял, что в таком странном состоянии возбужденного разума он пребывает с момента своей посадки на Serphes 5. Только медитация помогла ему осознать это полностью.

Решив, что дело в нем самом, что возбуждение есть следствие его назначения на этот огромный и таинственный межзвездный лайнер, он направился в одну из смотровых кают, погрузился в кресло и надавил на кнопку обзора космического пространства. Впечатление было такое, словно он сидел в центре Галактики, глядя на ослепительные и несчетные скопления звезд. Третий офицер вспомнил, что во время всех учебных полетов он всегда приходил отдыхать именно в смотровую кабину. Сейчас же вид звезд нисколько не успокаивал астронавта. Он чувствовал себя даже хуже, чем в комнате для медитаций.

Смущенный и сбитый с толку третий офицер вышел из каюты и направился к корабельному Советнику. Оставшиеся четыре часа свободного времени он собирался посвятить знакомству с другими членами экипажа в комнате отдыха, но теперь решил, что первоочередной задачей для

него является выяснение причин, по которым корабль наполнял его ощущением хаоса и дурными предчувствиями.

Он постучал в дверь Советника. Его пригласили войти, что он и сделал осторожно и боязливо, поскольку еще ни разу не бывал у Советника большого галактического корабля. Советники были легендой галактики: они занимали верхнюю строчку в табели о рангах человеческой цивилизации — старые, мудрые люди, внушающие благоговейный трепет и уважение двадцатидвухлетнему кадету. На межзвездных кораблях их ставили даже выше, чем капитана, хотя редко случалось, чтобы кто-то из Советников отменял приказ капитана или вмешивался каким-либо образом в управление кораблем. Легенды утверждали, что возраст некоторых Советников превышал двести лет, по крайней мере, столетие не являлось для них чем-то необыкновенным. В маленькой, просто обставленной комнате третий офицер увидел старика в голубой одежде. Он оторвал взгляд от каких-то бумаг на столе и приветливо кивнул вошедшему. Советник действительно был очень стар. Его сморщенная, сухая кожа казалась древним желто-коричневым пергаментом. Бледно-желтые глаза старика смотрели на третьего офицера доброжелательно-вопросительно. Говорили, что Советники обладают телепатическими способностями и читают чужие мысли так же легко, как обычные люди слышат чужую речь, вспомнил третий офицер.

— Истинная правда, — мягко сказал старик. — Имейте терпение, третий офицер. Вы даже не можете себе представить, сколько вам еще предстоит узнать. — Он указал на стул. — Сядьте и расслабьтесь. Нас с вами разделяют сто двенадцать лет разницы в возрасте. Может вас это и не впечатляет, но срок все же внушительный...

Третий офицер кивнул.

— Вы были в комнате медитаций и не смогли медитировать?

— Да, сэр.

— Вы знаете почему?

— Нет, сэр.

— И даже не подозреваете почему?

— Мне уже приходилось летать... — сказал третий офицер.

— Значит, вы были здесь уже три дня, прошли медицинское обследование, прослушали лекции, наглотались разных сывороток и антител, но никто вам до сих пор не сказал, какой груз несет этот корабль?

— Нет, сэр.

— Никто не объяснил его назначение?

— Нет, сэр.

— И, разумеется, вы не спросили?

— Нет, сэр, я не спрашивал.

Советник молча смотрел на третьего офицера минуты две или три. Третий офицер почувствовал, как его проблемы растворяются в нахлынувшем вдруг возбуждении и любопытстве, которые вызвал его легендарный собеседник. Наконец он не удержался.

— Простите мне мою смелость, сэр, можно задать личный вопрос?

— Мне трудно представить себе вопрос, который требует прощения, — ответил, улыбаясь, Советник.

— Сейчас вы тоже читаете мои мысли, сэр?

— Читаю ваши мысли? О, нет. Зачем? Я все о вас знаю. Нам в экипаже требуются необычные молодые люди, и вы как раз такой человек: я просто смотрю на вас и вспоминаю свою молодость. Это привычка пожилых. В своих мыслях мы слишком часто уходим далеко в сторону. Теперь относительно медитаций — вам понадобится время, но когда вы поймете назначение Serphes пять, то все ваши тревоги уйдут и вы сможете медитировать на более высоком уровне, соразмерном с новым напряжением воли. Вы знаете, что такое «убийство»?

— Нет, сэр.

— Вы слышали раньше это слово?

— Нет, сэр. Не помню.

Старик, казалось, улыбнулся и снова минуты на две погрузился в размышления. Третий офицер ждал.

— Вам еще предстоит изучить множество жизненных аспектов, — произнес наконец Советник. — Вы познакомитесь с вещами, о существовании которых вы, возможно, даже

не подозревали. Это не отнимет много времени и даже не будет слишком сильным потрясением. Все это мы предусмотрели, включая вас в состав экипажа Serphes пять. Начнем с концепции убийства как идеи и действия. Убийство представляет собой действие, имеющее целью лишение другого человека жизни. Идея эта коренится в аномальных чувствах ненависти и агрессивности.

— Ненависти и агрессивности, — повторил медленно третий офицер.

— Вы следите за моей мыслью? Вам понятно?

— Думаю, что да.

— Слова, возможно, вам незнакомые. Откройте на секунду свой разум: попробуйте почувствовать то, о чем я только что говорил. — Взгляд старого человека стал бессмысленным. Неожиданно третий офицер вздрогнул и закричал от отвращения. Он закрыл лицо руками и несколько секунд дрожал всем телом. — Извините, но это было необходимо, — сказал Советник. — Страх — важная составная убийства, поэтому я был вынужден коснуться центров страха и ужаса в вашем мозге. Иначе как еще объяснить, что такое цвет, слепому человеку?

Третий офицер кивнул.

— Убийство как действие — это завершение того, что вы сейчас почувствовали. Есть и другие ступени — боль, пытка... Сразу говорите, если смысл каких-то слов ускользает от вас.

— Пытка, — я никогда не слышал этого слова.

— Умышленное причинение боли, психологической боли, физической боли.

— А зачем? — спросил третий офицер.

— Трудный вопрос. Вы ищете причину? Причина — это логика, а логика подразумевает здоровье. Мы же рассматриваем болезнь: самую страшную болезнь, которая только может поразить человека.

— А убийство? Это тоже что-то из прошлого? Из детства человеческой цивилизации?

— Нет. Это реальность.

— Вы хотите сказать, что и сейчас люди убивают людей?

— Именно так.

— Без причины.

— Без причины в нашем понимании этого слова. В своем болезненном мире они находят и причину, и повод.

— И их достаточно, чтобы лишить человека жизни? — прошептал третий офицер.

— Достаточно, чтобы лишить человека жизни.

Молодой человек покачал головой:

— Невероятно — просто невероятно. Но послушайте, сэр, при всем моем к вам уважении... Я все же получил образование, очень хорошее образование. Я читал книги, смотрел телевизор. Я следил за информацией. Как могло получиться, что я никогда не слышал об этом — мне даже слова незнакомы.

— Сколько обитаемых планет в Галактике? — спросил старик, еле заметно улыбаясь.

— Тридцать три тысячи четыреста шестьдесят девять.

— Тридцать три тысячи четыреста семьдесят две, поскольку за последний месяц поселенцы колонизировали Филбус семь, восемь и девять. Тридцать три тысячи четыреста семьдесят две. Это отвечает на ваш вопрос? Есть тысячи планет, на которых люди никогда не убивали друг друга, как есть и тысячи планет, на которых не знают, что такое туберкулез, пневмония, лихорадка.

— Все эти болезни мы умеем лечить, — запротестовал третий офицер.

— Да, мы способны бороться с болезнями. Почти со всеми. Но, к сожалению, не существует абсолютных знаний. Мы узнаем много нового, но чем больше мы познаем, тем шире становятся границы непознанного. Болезнь, которую мы сейчас обсуждаем, до сих пор не поддается лечению, хотя над поиском решения бьются наши лучшие умы.

— У нее есть название?

— Да. Она называется безумие.

— И вы говорите, что это древняя болезнь?

— Да, очень старая.

Молодой человек глубоко задумался. Старик терпеливо ждал. Наконец стажер спросил:

— Если исцеление невозможно, то что же делают с теми, кто убивает?

— Мы их изолируем.

Догадка осенила третьего офицера:

— На Serphes 5?

— Да. Мы изолируем их на планете Serphes пять. Мы делаем это с состраданием, не нанося им душевных травм. Мы давно уже испробовали другие варианты, к сожалению, оказавшиеся неудачными, и в конце концов пришли к выводу, что единственным выходом является изоляция.

— И этот корабль... — третий офицер умолк.

— Именно так. Это транспортный корабль. Мы собираем больных по всей Галактике и отвозим их на Serphes пять. Поэтому мы так тщательно отбираем экипаж, укомплектовывая его только теми, кого отличает внутренняя сила. Теперь вы понимаете, почему ваша попытка медитации окончилась неудачей?

— Да. Мне кажется, да.

— Невозможно не почувствовать вибраций, пронизывающих корабль, но можно научиться справляться с ними, находить новые силы в борьбе. Впрочем, у вас всегда есть выбор — вы можете покинуть корабль.

Старик задумчиво смотрел на третьего офицера. Стремительная красота молодости, золотые волосы, чистые голубые глаза напомнили ему время, когда он сам был молодым, сильным и красивым, не знающим сожалений юнцом, очарованным вечным чудом жизни.

— Я думаю, что не уйду с корабля, сэр, — сказал через секунду третий офицер.

— Я тоже думаю, что вам этого делать не следует. — Советник встал, высокий, подтянутый и худой, в свободной голубой одежде. — Идемте, — сказал он юноше, — вы должны узнать кое-что еще. Помните, третий офицер, у нас нет альтернативы. Без изоляции генетические данные этих несчастных людей создают опасность заражения всей Галактики.

Третий офицер открыл дверь перед Советником и последовал за ним по коридору к одному из лифтов. Они шли мимо других членов экипажа, мужчин и женщин с разными цветами кожи, каждый из которых жестом выражал уважение к Советнику. Они немного подождали лифт, и,

когда двери наконец распахнулись, они нос к носу столкнулись с капитаном корабля. Третий офицер еще ни разу не видел капитана, он знал только, что это была женщина. Его поразила ее грация и красота. Ей было немного за пятьдесят. Ее темные раскосые глаза сверкали, а черные волосы едва заметно тронула седина. Белое платье великолепно оттеняло бронзовый цвет ее кожи. Выходя из лифта, она на секунду придержала дверь и сказала Советнику, что он выглядит отдохнувшим и посвежевшим.

— Благодарю вас, капитан. Позвольте представить: это третий офицер. Он только три дня на борту.

Женщина грациозно повернулась и тепло приветствовала молодого человека, всем видом показывая, что в нем здесь нуждаются.

— Мы обсуждали Serphes пять, — пояснил Советник. — Сейчас я сопровождаю его в комнату для сна.

Лифт опустился в чрево корабля, остановился, его двери раздвинулись. Третий офицер последовал за Советником в длинную широкую камеру, которая с первого взгляда потрясла его — место напоминало морг, где на расположенных в три яруса постелях спали, по крайней мере, пятьсот молодых людей: юношей, девушек и даже детей, некоторым из которых было лет десять-двенадцать. Не было видно никого старше двадцати пяти. Они спали и внешне выглядели совсем нестрашными.

Третий офицер перешел на шепот.

— В этом нет необходимости, — сказал Советник, — они не проснутся, пока мы их не разбудим.

Старик повел молодого человека вдоль длинной череды кроватей в конец камеры, где за стеклянной стеной мужчины и женщины в белых халатах работали у стола, на котором лежал мужчина. Множество проводов отходило от повязки на его голове. Сзади располагались различные приборы.

— Мы блокируем их память, — пояснил Советник, — это в наших силах, а затем встраиваем им новые блоки памяти. Это очень сложная процедура. У них не должно оставаться никаких воспоминаний о жизни вне Serphes пять, их полностью ориентируют на Serphes пять и живущих там людей.

— Там вы их просто оставляете?

— О, нет. На Serphes пять у нас есть сеть агентств, которые мы основали многие годы назад. Включение новоприбывших в жизнь на Serphes пять является наиболее важной и деликатной проблемой. Если бы жители Serphes пять обо всем узнали, то последствия оказались бы трагическими. Но вероятность этого невелика. Практически близко к нулю.

— Почему?

— Потому что весь образ жизни на Serphes пять строится на эго-структуре. Каждый обитатель этой планеты тратит свою жизнь на создание эго-структуры, которая субъективно помещает его в центр Вселенной. Эта эго-структура является каркасом, на котором индивидуум формирует в себе антропоморфического супермена, которого он называет Богом и который оправдывает его право убивать.

— Я не уверен, что все понял, — сказал третий офицер.

— В свое время поймете. Сейчас вам достаточно принять факт, что люди Serphes пять считают свою планету и собственное «я» центром Вселенной. Они строят свою жизнь, стараясь исключить любую неопределенность, касающуюся этого вопроса. Вот что помогло нам продолжать этот процесс столь долгое время. Знаете, они даже отказываются обсуждать возможность существования развитой цивилизации еще где-то во Вселенной.

— Они ничего не знают?

— Да, не знают.

Некоторое время они стояли там, третий офицер наблюдал за работой врачей, и ему становилось все более не по себе. Тогда Советник похлопал его по плечу и сказал:

— Достаточно. Даже во сне они думают и мечтают, а вы еще не готовы находиться столь долго под воздействием вибраций их мозга. Давайте пойдем сейчас в одну из смотровых кают, посидим там, поговорим немного и успокоимся.

В смотровой каюте третий офицер наконец смог расслабиться и попытался упорядочить поток новых идей и впечатлений. Он понял, что полон великой жалости, всепоглощающего чувства печали, и начал говорить об этом мудрому старику.

— Это вполне естественно, — сказал Советник.

— Чем они занимаются на Serphes пять?

— Они убивают.

— Значит планета пуста?

— Нет. Эти бедные создания сознают свою функцию — убивать — и ставят эту функцию выше всего. Поэтому у них самая высокая рождаемость: такой нет нигде во Вселенной. Они постоянно увеличивают свое население, рост рождаемости опережает рост числа убийств.

— А каково их интеллектуальное развитие?

— Нормальное, но проку от этого мало. Их «эго» препятствует формированию сверхинтеллекта.

— Но как их интеллект может сочетаться с продолжением убийств?

— Весь их интеллектуальный потенциал направлен на убийство себе подобных. Как я уже говорил, они безумны.

— Но, обладая интеллектом, они скоро станут способны выходить в космическое пространство?

— О да. Они уже научились этому с помощью примитивных ракет. Но мы избрали Serphes пять именно потому, что это наиболее удаленная от нас планета. Они сумели выйти в ближний космос, но перед ними встали проблемы искривления пространства, перемещения со сверхсветовой скоростью, а этих проблем им не решить никогда: задача такого порядка требует колоссальной концентрации сверхинтеллекта, внутреннего интеллекта.

Некоторое время третий офицер сидел молча, а затем мягко спросил:

— Они сильно страдают?

— Боюсь, что да.

— Но им оставлена хоть какая-то надежда?

— Надежда остается всегда, — вздохнул старик.

— Мы называем эту планету Serphes пять, — сказал третий офицер. — А как ее называют сами обитатели, эти аборигены?

— Они называют ее Земля, — ответил старик.

ЯЙЦО

Чистым везением, по общему мнению, было то, что именно Суван руководил раскопками, ибо помимо того, что он был археологом второго класса, он еще и увлекался особенностями социального мышления второй половины двадцатого века. Он был не просто историком, он был человеком, увлеченно исследующим глухие задворки истории. Иначе яйцо вряд ли могло рассчитывать на столь бережное к себе отношение.

Раскопки велись в северной части района, который раньше назывался Огайо; национальное образование, располагавшееся тут, известно как Соединенные Штаты Америки. Нация эта была так сильна, что перед окончательным распадом ей удалось пережить три атомные войны. Поэтому здесь сохранилось больше герметически закрытых убежищ, чем в любой другой части планеты. Каждый школьник знает, что только в последние сто лет нам удалось до некоторой степени понять древние социальные устои, доминировавшие в последние десятилетия предыдущей эры. Брешь в три тысячи лет нелегко преодолеть, и совершенно естественно, что эпоха атомных войн с трудом поддается пониманию нормальных людей.

Суван истратил многие годы на вычисление точного места будущих раскопок, но настоящей его целью были отнюдь не убежища, а другие, забытые проявления тех времен. То было время смерти и, следовательно, время великого сопротивления смерти — с помощью лекарств, сывороток,

антител и, в чем был особый интерес Сувана, — замораживания.

Сувана крайне интересовал вопрос замораживания. Насколько он мог судить по результатам своих исследований, в начале второй половины двадцатого века были достигнуты значительные успехи в быстром замораживании человеческих органов и даже особей животных; и простейшие организмы, оттаяв, продолжали жить.

Ряд врачей разработали методику замораживания людей, страдающих неизлечимыми болезнями, с последующим хранением их в таком состоянии вплоть до того момента, когда будет найден метод лечения конкретной болезни. Тогда, теоретически, их можно было бы оживить и вылечить. Метод был доступен только богатым людям, и несколько тысяч из них рискнули — но никаких подтверждений хотя бы одного успешного оживления и излечения не было известно, а все построенные в этих целях центры были разрушены в огне последовавшего варварства и дикости.

Суван, однако, обнаружил ссылку на один такой центр, построенный в последнее десятилетие атомной эры. Он располагался глубоко под землей. Его компрессоры потребляли энергию атомного реактора. Ресурс этого реактора как раз сейчас должен был подходить к концу.

Суван с помощниками пробили в лавоподобной породе к югу от озера шахту в сто футов глубиной и сейчас достигли руин странного подземного сооружения. Вооруженные мощными прожекторами, лазерными резаками и обычными кирко-мотыгами, Суван вместе со своими товарищами студентами последовательно обшаривали руины, переходя из зала в зал, из комнаты в комнату.

Его ожидания не были обмануты. Он нашел как раз то, что искал — институт замораживания и сохранения людей.

Они обходили камеры, в каждой из которых рядами были уложены контейнеры, словно в христианских гробницах смутно припоминаемого прошлого. И все же их постигла неудача: оказалось, что подача энергии прекратилась уже тогда, три тысячелетия назад, и теперь даже скелеты на дне контейнеров давно превратились в пыль.

«Так проходят мечты человека о бессмертии, — подумал Суван. — Кто были эти бедняги, о чем они размышляли в последние минуты перед замораживанием, пытаюсь обмануть самое неуловимое, что есть во Вселенной, — время?»

Его студенты возбужденно переговаривались. Суван знал, что его раскопки — одно из самых важных и волнующих открытий современности, и, тем не менее, испытывал глубокое разочарование. В глубине души он надеялся найти здесь хорошо сохранившееся тело, оживить его с помощью современной медицины и получить достоверные сведения о тех таинственных десятилетиях, когда человеческая раса в приступе вселенского безумия уничтожила не только девяносто девять процентов своего населения, но и всех животных и птиц, обитавших тогда на Земле. Сохранились лишь отдельные фрагментарные сведения о формах жизни тех дней. О птицах, например, было известно так мало, что эти воздушные, удивительные создания, парящие в небесах, воспринимались исключительно как субъекты мифологии, а не реальной жизни.

Найти мужчину или женщину, способных пролить свет на причину огненных штормов, обрушенных нациями друг на друга, не удалось, и эта потаенная мечта Сувана потерпела крах. Кое-где сохранились в целости отдельные важные костные фрагменты: череп с прекрасно сохранившимися зубами, бедренная кость, ступня и в одном контейнере, к большому удивлению, мумифицированная ладонь. Все это имело колоссальное значение, но было абсолютно несравнимо с мечтами, носившимися в голове Сувана.

Как бы то ни было, Суван со студентами продолжали тщательное обследование руин. Они не пропускали ничего. Более тысячи двухсот контейнеров было проверено, но во всех них не было ничего, кроме пыли и смерти.

Сам факт, что это сооружение было построено так глубоко под землей, говорил о том, что его строили в конце атомной эры. Ученые к тому времени успели понять уязвимость источников электрической энергии в отличие от источников атомной энергии, и, если историки не ошибались, атомная энергия уже использовалась для получения электричества. Но какой тип реактора использовался? Как долго он фун-

кционировал? И где расположена станция? Если для охлаждения использовали воду, то станция должна находиться на берегу озера, на береговой линии, обратившейся в стекло и лаву. Скорее всего, древней науке так и не удалось понять принципы построения автономной атомной установки, способной обеспечивать подачу энергии в течение пяти тысяч лет.

В этот момент его размышления были прерваны громким возгласом студента, ответственного за радиационный контроль.

— Радиация, сэр.

Вещь не слишком редкая при раскопках у поверхности земли и совершенно необычная на такой глубине.

— Уровень?

— Точка ноль-ноль-три — очень низкий.

— Хорошо, — сказал Суван. — Продолжайте.

Им осталось исследовать последнюю камеру, что-то вроде лаборатории. Странно, что кости истлели, а оборудование сохранилось. Суван следовал за радиационным детектором, студенты за ним, и все двигались очень медленно.

— Уровень — точка ноль-ноль-семь, сэр. Пока это безвредно. Думаю, что ядерная установка там, в углу, сэр.

Еле слышное гудение доносилось из угла: большой запечатанный шкаф был связан кабелем со стальным кубическим блоком около фута высотой. Вот этот-то таинственный блок и издавал еле слышный звук.

Суван повернулся к студентам:

— Анализ звука, пожалуйста.

Студент настроил прибор, который нес в руках, и считал результаты.

— Шкаф несомненно является генератором! — воскликнул юноша возбужденно. — Атомная энергетическая установка: довольно примитивная, не слишком мощная, но энергию вырабатывает постоянно.

— Значит, энергия бесперебойно поступала в блок все это время?

— С блоком не все ясно, — ответил студент. — Похоже на насос, змеевик, возможно компрессор. Активная система предназначалась, скорее всего, для охлаждения. Она функционирует, сэр...

Суван прикоснулся к блоку. Холодный, но не холоднее остальных металлических предметов в этих руинах. «Хорошая изоляция», — подумал он, в который раз восхищаясь техническим гением древних людей.

— Значит, — сказал Суван вслух, — если в нем содержится замороженный объект, то он очень небольшой? Его буквально трясло от волнения.

— Да, очень небольшой, сэр.

Спустя две недели Суван выступал перед людьми по телевидению. Люди нынешнего времени не делились на нации, расы. Они говорили на одном языке: немногие выжившие после атомного кошмара трехтысячелетней давности были вынуждены сродниться между собой, и проблема разных языков отпала. Со временем люди вновь освоили все пять континентов, и сегодня население уже перевалило за миллиард. Снова поля были засеяны пшеницей, земля покрылась лесами и садами, а в морях плавала рыба. Не было только животных и птиц — ни одна особь не выжила.

— Все же мы кое-что знаем о птицах, — сказал Суван, испытывая некоторое волнение, поскольку впервые выступал по всемирной телесети. Он уже рассказал о своих расчетах, раскопках и находках. — Не много, к сожалению. До нас не дошло ни одного рисунка, ни одной фотографии птицы. Сведения о них мы черпаем, например, из старых книг, где им посвящены отдельные строки. Мы знаем, что средой обитания им служила атмосфера, что они летали при помощи крыльев, но не как наши аэропланы с атомными реактивными двигателями, а так, как плавают рыбы, — спокойно, грациозно и красиво. Мы знаем, что птицы различались между собой по размеру, что их кожа, а главное, крылья были снабжены особым аэродинамическим покровом — перьями. Но как выглядели птицы, что такое крылья, как было устроено их оперение, мы не знаем: наши художники рисуют их, соотносясь только со своим воображением.

И вот в последней комнате странного института, построенного древними людьми Америки, в единственной действующей холодильной камере мы нашли маленький круглый предмет, который, как мы считаем, является птичьим яйцом.

Как вы знаете, среди натуралистов разгорелся спор о том, могут ли теплокровные воспроизводить потомство путем откладывания яиц, как это делают насекомые. Этот спор еще не закончен. Многие известные ученые полагают, что яйцо птицы было просто символом, мифологическим символом. Другие утверждают столь же безапелляционно, что откладывание яиц было общим для всех птиц способом воспроизводства. Возможно, вскоре этот спор будет окончательно разрешен.

Как бы то ни было, сейчас вы увидите яйцо.

Маленький белый предмет, длиной в дюйм, появился на телевизионных экранах, и люди Земли смогли увидеть его.

— Это яйцо. Мы приняли все возможные меры предосторожности при изъятии его из холодильной камеры, и сейчас оно хранится в специально сконструированном инкубаторе. Мы проанализировали каждый фактор, который мог бы нам помочь в определении оптимального температурного режима, и сейчас нам остается только ждать и наблюдать. Мы не имеем ни малейшего представления, сколько может длиться инкубационный период. Машина, использованная для охлаждения и сохранения яйца, была, вероятно, первой в своем роде, а может быть и единственной, и, очевидно, ее создатели планировали заморозить яйцо на очень короткое время, возможно, с целью проверки работоспособности самой машины. Мы можем только надеяться, что три тысячи лет ожидания не погубили жизнь зародыша.

Для Сувана все происходящее стало чуть ли не делом жизни. Яйцо было передано комитету натуралистов и биологов, но привилегии открывателя позволяли Сувану всегда быть в гуще событий. Его друзья, его семья забыли, когда в последний раз видели его, он дневал и ночевал в лаборатории, ел за рабочим столом и спал на специально принесенной койке. Телекамеры, нацеленные на загадочный предмет в стеклянном инкубаторе, круглосуточно передавали изображение на мировую телесеть, но Суван (как, впрочем, и весь ученый комитет в полном составе) ни на секунду не отходил от яйца. Он пробуждался ото сна и первым делом торопился посмотреть на яйцо. Он сидел часами над рисунками птиц, сделанными современными художни-

ками, и вспоминал древние легенды о метафизических существах — ангелах, раздумывая, не могли ли они происходить от некоторых видов птиц.

Он не был одинок в своем фанатизме. В мире без границ, войн, болезней, в мире, не знающем ненависти, еще никогда не случилось столь волнующего события. Миллионы зрителей наблюдали яйцо на телеэкранах, пытаясь представить, чем оно для них обернется.

И наконец это случилось. На исходе четырнадцатых суток спящего Сувана растормошила одна из ассистенток.

— Вылупляется! — кричала она. — Скорее, Суван, вылупляется!

В ночной рубашке Суван помчался в лабораторию, где натуралисты и биологи уже собрались вокруг инкубатора. В шуме голосов можно было расслышать просьбы операторов освободить место для съемок, но на них никто не обращал внимания.

Это произошло. Скорлупа уже треснула, и он успел увидеть, как наружу пробился сначала крошечный клюв, а за ним — маленький мячик пушистых желтых перьев. В первый момент он испытал острое разочарование. Это и есть птица? Этот бесформенный живой комочек, стоящий на двух лапках, едва способный передвигаться и, очевидно, не умеющий летать? Затем здравый смысл подсказал ему, что детеныш не обязательно похож на взрослую особь и что сам факт появления жизни из древнего замороженного яйца — самое большое чудо, с которым ему довелось столкнуться в своей жизни.

Теперь настала очередь натуралистов и биологов. Суммировав разрозненную информацию, они пришли к выводу, что кормить новорожденного следует личинками насекомых. Они двигались интуитивно, на ощупь, но счастье не отвернулось, нужное питание удалось подобрать раньше, чем птенец начал настоятельно требовать еды.

В течение следующих нескольких недель весь мир, и Суван в том числе, переживал незабываемые ощущения, наблюдая за постепенным превращением маленького цыпленка в красивую желтую певчую птицу. После инкубатора ее поместили в клетку, потом в еще большую клетку, и на-

ступил день, когда она расправила свои крылья и сделала первую попытку взлететь. Почти полмиллиарда людей желали ей успеха, но птица об этом ничего не знала. Она запела, вначале робко, а затем все более уверенно. Она пела незамысловатую песенку, но вниманию, с которым весь мир прислушивался к раздающимся трелям, позавидовал бы самый прославленный композитор.

Птице построили еще большую клетку, тридцать футов в высоту, пятьдесят в ширину и пятьдесят в длину. Установили ее в середине парка, где птица и пела, кружа, как маленький солнечный зайчик. Миллионы людей приходили в парк, чтобы увидеть птицу собственными глазами. Они прибывали с других континентов, пересекали широкие моря, они приходили из самых дальних уголков планеты, лишь бы взглянуть на нее.

И, возможно, после этого жизнь некоторых из них менялась, как изменилась жизнь Сувана. Теперь он жил мечтами о когда-то существовавшем мире, небо которого было населено этими чудесными пернатыми созданиями. Какая, должно быть, радость — жить с ними! Какое счастье — видеть их буквально с порога дома, наблюдать за ними, слушать с утра до самой ночи их пронзительные песни! Он часто приходил в парк и долго стоял, глядя на стремительный комочек солнца, вернувшийся на Землю из незапамятных времен. И однажды, стоя так, он посмотрел вверх на широкие голубые просторы и неожиданно понял, что должен делать.

Суван был человеком с мировым именем. Для него бы не составило большого труда добиться встречи с Советом. Вскоре он предстал перед сотней людей, мужчин и женщин, управлявших жизнью на Земле. Председатель, уважаемый белобородый старик, давно перешагнувший девяностолетний рубеж, сказал ему:

— Мы слушаем тебя, Суван.

Суван нервничал, но знал то, что должен был сказать. Наконец он произнес:

— Птицу надо выпустить на свободу.

В зале наступила тишина. Прошло несколько минут, прежде чем поднялась женщина и спросила:

— Почему, Суван?

— Поймите, к этой птице у меня особое отношение. Она вошла в мою жизнь, в мое «я», она дала мне что-то, чем я до этого не обладал.

— Твои слова в равной мере относятся и ко всем нам, Суван.

— Возможно. И тогда вы знаете, о чем я говорю. Птица с нами уже больше года. Натуралисты, с которыми я беседовал, полагают, что такое маленькое создание не проживет очень долго. В своих действиях мы руководствуемся законами любви и братства. Мы воздаем за то, что получаем. Птица принесла нам бесценный дар — позволила всем еще раз восхититься чудом жизни. Все, что мы можем дать ей в ответ — это голубое небо. Вот почему я предлагаю выпустить птицу на свободу.

Суван вышел из зала, и Совет приступил к обсуждению. На следующий день мир узнал о принятом решении. Птицу выпускают на свободу. Совет дал этому простое объяснение, почти точь-в-точь повторив слова Сувана.

В назначенный день около полумиллиона человек заполнили холмы и долины парка. Еще полмиллиарда приникли к телеэкранам.

Суван стоял рядом с клеткой. Он просто стоял и смотрел, как отъехала в сторону крыша клетки.

Птица сидела на перекладине и пела. Ощувив внезапную свободу, она полетела кругами: сначала — внутри клетки, затем — поднимаясь все выше и выше, и вот она уже превратилась в маленькую точку, а затем исчезла вовсе.

— Может быть, она вернется, — прошептал кто-то рядом с Суваном.

Странно, но он надеялся, что птица не вернется. Его глаза наполнились слезами, но душа ликовала. Прилив такой полной, свободной радости он испытывал впервые в жизни.

РАЗУМ БОЖИЙ

— Ну, как самочувствие? — спросил меня Гринберг.

— Хуже не бывает. Паршивое. Чего-то боюсь. Не совсем здоров: что-то тянет в желудке. Мутит. Такое ощущение, что меня вот-вот стошнит. Но сильнее всего — чувство страха. Словом, тоска...

— Хорошо.

— Что уж тут хорошего?

— То, что вы полностью осознаете свое состояние и свои ощущения. Сейчас это очень важно. Если бы вы сказали, что полны решимости и не испытываете страха, то я бы забеспокоился.

— Зато беспокоюсь я! — Мне действительно было не по себе.

— Вы не связаны ни контрактом, ни каким-либо другим соглашением, — медленно произнес Зви Либен, глядя на меня холодными голубыми глазами. Я никогда не воспринимал его как Нобелевского лауреата, блестящего физика, которого часто сравнивали с Эйнштейном и Ферми; для меня он был просто израильтянином (которых я уважал, но не очень любил), хладнокровным и непреклонным. В его неукротимой воле не угадывалось ни смелости, ни трусости — одна решимость. — Знайте, дверь еще открыта.

— Зви, не надо так, — спокойно сказал доктор Голдмен.

— Все нормально, — заверил Гринберг, шестидесятилетний тучный, круглолицый добряк, никогда не повышавший голоса и не терявший самообладания. Он был разносторонним

специалистом: доктор медицины, психиатр, физик, философ и бизнесмен. — Все в полном порядке. Сейчас ему предстоит столкнуться со всем этим лицом к лицу: с его опасениями, его надеждами, необходимостью принять решение, да и с открытой дверью тоже. Разумеется, он может отказаться, и никто его за это не упрекнет. Вы понимаете это, не так ли, Скотт?

— Я это понимаю.

— У нас нет секретов. Проект, подобный этому, был бы бессмысленным и безнравственным; если бы у нас были секреты друг от друга. Возможно, проект в любом случае является безнравственным, похоже, я давно уже не имею ничего общего с тем, что называется нравственностью. Мы долго работали над поиском души, целых семь лет, и теперь приняли окончательное решение. Суббота Господня в конце наших поисков, если можно так выразиться, и мы ее празднуем. Работа завершена. Вы были и остаетесь моим другом. Я посвятил вас в эту работу в самом ее начале, а теперь вы оказались в самом центре. Зви был против вашей кандидатуры, и вы об этом знаете. Он предпочел бы еврея. Мы с Голдменом были другого мнения, и Зви согласился с нашим решением.

— Мне хотелось бы закрыть дверь, — включился я. — Я не пришел бы сюда, не решившись идти до конца. А Зви я сказал о мучающих меня сомнениях, потому что считал, что должен быть откровенным. Он же расценил это как недостаток решимости.

— Вы никогда больше не женились, — произнес Голдмен.

— Я не совсем понимаю, к чему вы об этом говорите.

— Не имеет смысла обсуждать это сейчас, — заметил Зви. — Скотт принял решение. Он смелый человек, и я хотел бы пожать ему руку. — Он с подчеркнутой признательностью сделал это.

— Не возникли ли у вас какие-нибудь вопросы? — поинтересовался Голдмен. — В нашем распоряжении еще час времени.

От этого могучего, сильного когда-то человека осталась одна лишь тень. Врачи обнаружили у него опухоль, которую нельзя оперировать, и, скорее всего, через год он умрет. Со стороны, однако, казалось, что неизбежная смерть вы-

зывала в нем только любопытство и неуловимую печаль. Да, эти трое были необыкновенными людьми.

— У меня действительно есть несколько вопросов, которые я вам еще не задавал. Я не знаю, правда, стоит ли их вообще задавать.

— Задавайте, — подбодрил меня Голдмен. — У вас и так слишком много сомнений, может, нам удастся разрешить хотя бы некоторые из них.

— Хорошо. Вот я раздумывал над математической стороной дела, но до сих пор так ни к чему и не пришел. Хотя боюсь, что одного часа для этого мало.

— Да, мало.

— До сих пор для наглядности пытаются переводить математику в образы. Но мне кажется, что математики этим никогда не пользуются.

— Кто пользуется, кто — нет, — в первый раз улыбнулся Зви. — Я пользовался, но это только мешало моей работе. Поэтому я от этого отказался. Подобно тому как не существует слов для обозначения неизвестных нам предметов, так не существует образов для понятий, выходящих за рамки нашего опыта.

— Оригинально, не находите, Скотт? — поинтересовался Гринберг.

— Я боюсь разрыва цепочки, боюсь, что все придет к совершенно другому результату. Не будет, к примеру, этого проекта. Кроме того, вдруг я ошибусь и погублю вас и тысячи, а может, и миллионы, других людей, живущих сегодня на Земле?

— Здесь-то и разделяются абстрактные понятия и математика, — сказал Зви. — Ответ на ваш вопрос — отрицательный, но у меня нет способа объяснить вам это.

— А себе вы это объяснить можете?

Зви медленно покачал головой, а Гринберг пояснил:

— Не в большей степени, Скотт, чем Эйнштейн мог представить себе свою идею искривленности и ограниченности пространства.

— А я могу представить, — возразил я. — Правда, не такую сложную материю, как идея Эйнштейна, но возврат в прошлое на двадцать четыре часа, например, представить могу. Вчера в это время мы вчетвером сидели за этим же

самым столом, и я пил шотландское виски с содовой. Ну что из этого следует? Значит, я — вчерашний и я — пришедший из будущего идентичны?

— Нет. Просто это был вчерашний день.

— А если бы я пришел из будущего, но держал в руке не стакан виски, а бутылку вина?

— Это парадокс, — мягко пояснил Голдмен, — перед которым наш разум бессилён. Именно поэтому мы не решились испытать нашу машину. Дорогой Скотт, и вы и я умрем, и это тоже является парадоксом и тайной. Мы, физики, математики и ученые, открыли кое-какие координаты и на их базе составили некоторые уравнения. Наши символы работают, но наш разум, наше воображение не в силах следовать за ними. Я могу размышлять о неизбежности смерти, об опухоли, которая растет во мне; вы, как мужественный человек, в меру своих представлений принимаете вероятность смерти. Но никто из нас не может постигнуть того, что нам предстоит. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Не совсем.

— Тогда вам остается только положиться на наши объяснения.

Я пожал плечами и кивнул.

— Есть еще вопросы, Скотт? — спросил Гринберг.

— Тысяча вопросов, не считая те, которые я уже задал. К сожалению, на мои вопросы у вас нет ответов.

— Я бы хотел знать ответы, — вздохнул Гринберг. — Очень бы хотел!

— Отлично. Тогда начнем. Во-первых, деньги.

Гринберг положил на стол деньги, уложенные в маленькие пачки.

— Десять тысяч долларов, американских. Мы пытались раздобыть больше, но думаем, что на непредвиденные расходы будет достаточно и этого. Поверьте, Скотт, их было не так-то просто достать. Мы использовали все наши возможности в Вашингтоне и теперь знаем, что работники музеев совсем не такие неподкупные люди, какими кажутся. Спокойно расплачивайтесь за все наличными. В то время это было принято. Вот вам еще двести фунтов стерлингов, английских. На всякий случай.

— На какой случай?

— Кто его знает. Мы просто не хотим, чтобы вы были вынуждены менять деньги, поэтому приготовили еще и небольшие суммы в лирах и франках.

— И в марках?

— Немецких и австрийских — примерно на пять тысяч долларов тех и других. Странно, но их было достать легче, чем доллары. Правда, большую часть суммы мы получили от человека, имеющего некоторое представление о нашем проекте. Металлических монет не даем, они только создадут вам дополнительные трудности.

— Револьвер?

— Мы против револьвера, хотя в те времена носить револьвер было принято. В нашем случае вам безопаснее пользоваться ножом. Вот он. — Он положил на стол складной перочинный нож с перламутровой ручкой. — В нем четыре лезвия, такие ножи в то время носили все джентльмены. Для дела используйте большое — оно острое как бритва.

Зви, прищурившись, внимательно смотрел на меня. Я открыл нож и провел пальцем по лезвию. Я даже был доволен, что они не дали мне револьвер. В конце концов, тот мир мог оказаться более цивилизованным, чем наш.

Голдмен принес большую картонную коробку и поставил ее на стол.

— Ваша одежда, — пояснил он, улыбаясь примирительно. — Вы можете начинать переодеваться. Поразительно, какие они франты. Потом вы сможете оставить ее у себя.

— Потом...

Гринберг ждал, его лицо казалось задумчивым.

— У нас будет «потом». Только это и вдохновляет меня.

— Не думайте об этом, Скотт, — посоветовал Гринберг.

— У нас будет «потом». И все тут.

— Перестаньте. Наш разум не создан для парадоксов.

— «Мои дороги не твои дороги; и мои мысли не твои мысли», — процитировал Голдмен.

— Бога вспомнили?

Голдмен улыбнулся. Это вдруг успокоило меня, и я начал снимать свою одежду.

— Чертовски завидую вам, — неожиданно заявил Зви. — Если бы не проклятая хромота и не опухоль двенадцатиперстной кишки, я бы сам отправился. Ведь ни одному человеку

никогда еще не представлялась такая возможность, никто еще не переживал ничего подобного. Вы вступаете во владения разума Божьего.

— Для атеистов вы, евреи, — просто религиозные фанатики.

— Это тоже часть парадокса, — согласился Гринберг. — На костюме этикетка Хеффнера и Кляйна. Прекрасные портные. Костюм сшит из импортного ирландского твида ручной выработки. В вашем саквояже лежит еще один костюм из темно-синего шевиота. Кроме того, у вас есть шесть сорочек, нательное белье и все остальное.

Он принес саквояж, стоявший у стены рядом со странным сооружением из трубок и проводов, на создание которого они потратили семь лет. Голдмен прикрепил к сорочке воротничок и передал ее мне.

— Никогда не носили таких? — поинтересовался он.

— Такие носил мой отец. — Впервые за многие годы я вспомнил об отце, и на меня нахлынули воспоминания.

— Не надо, — Зви покачал головой.

— Почему? — спросил я беспомощно. — Почему? Он что, меня не узнает?

— Вы его тоже не узнаете, — спокойно ответил Зви. — Ведь это будет тысяча восемьсот девяносто седьмой год, а вы родились только в тысяча девятьсот двадцатом. Сколько лет ему было, когда вы родились?

— Тридцать шесть.

— Следовательно, в тысяча восемьсот девяносто седьмом году он будет мальчиком примерно тринадцати лет, можете подсчитать точнее, Скотт? — встрял Гринберг.

Голдмен подошел ко мне и помог справиться с двумя пуговицами, которыми воротник пристегивался к сорочке.

— А теперь разрешите мне завязать вам галстук. Я знаю, как это делается. Внимательно следите за мной, чтобы научиться завязывать самому. Выполняйте наши рекомендации. Мы вторгаемся в систему — громадную, необычную систему, — и поэтому наше вмешательство должно быть минимальным. Зви только что правильно сказал: мы вторгаемся в разум Божий. Мы все — дерзкие люди, а может быть безумцы, как и те, кто взорвал первую атомную бомбу. Они познавали, и мир заплатил за это. Но наше

вмешательство должно быть возможно меньшим. Вы не должны отклоняться от рекомендаций. Вы не должны ни с кем разговаривать, если это не будет абсолютно необходимым. Вы не должны ничего трогать, ничего изменять — за исключением того, о чем мы договорились. Теперь смотрите, как я завязываю галстук, очень просто, правда?

Я уже полностью овладел собой и хотел быстрее приступить к делу. Гринберг помог надеть твидовый пиджак.

— Великолепно. В полном соответствии с традициями Хеффнера и Кляйна. Прекрасно одетый джентльмен из высшего общества. Примерьте шляпу.

Он протянул мне мягкую фетровую шляпу, моего размера.

— Шляпа моего дедушки, — с удовольствием сказал он. — Ей-богу, вещи они делать умели, правда? Теперь, Скотт, слушайте меня внимательно: у нас остается всего десять минут. Вот ваш бумажник. — Он протянул мне большой пухлый бумажник из крокодиловой кожи. — Здесь бумаги, документы и все необходимое. Нож, деньги. Не забудьте переобуться. Обувь тоже ручной работы. В бумажнике вы найдете полную инструкцию на случай, если вы забудете какие-нибудь детали. Эти часы, — сказал он, передавая мне великолепные золотые карманные часы, — тоже принадлежали моему дедушке. Их носят в комплекте со шляпой. Они отремонтированы и отлично ходят.

Я кончил возиться с викторианскими ботинками прекрасной ручной работы. С такой мягкой обувью у меня не будет проблем. Гринберг продолжал точно и быстро инструктировать меня:

— В вашем распоряжении двадцать девять дней, четыре часа, шестнадцать минут и тридцать одна секунда. Точно по прошествии этого времени с момента прибытия вы должны вернуться сюда, в этот пакгауз, на это же самое место. Пакгауз будет таким же пустым, каким он был, когда мой дедушка приобрел его полвека назад. Через несколько минут я помечу красной краской ваши ботинки. На полу останется их контур. Когда вы будете собираться назад, займите то же самое положение. Ясно?

— Ясно.

— Прибыв на место, вы пойдете на железнодорожную станцию, сядете на первый же нью-йоркский поезд и сразу

купите прямой и обратный билеты на пароход. До отплытия парохода «Виктория» у вас останется восемнадцать часов. Проведите это время на борту парохода, в своей каюте. Во время путешествия как можно меньше общайтесь с пассажирами. Если угодно, сошлитесь на морскую болезнь.

— Мне не потребуется притворяться.

— Хорошо. Пароход причалит в Гамбурге, где вы купите транзитный билет первого класса до Вены. Впрочем, все это вы знаете, к тому же в вашем бумажнике лежит подробная письменная инструкция. Вы освежили свои познания в немецком языке?

— У меня хороший немецкий. Вы это тоже знаете. Что будет, если я вовремя не вернусь в пакгауз?

Гринберг пожал плечами:

— Вот этого мы не знаем.

— Выходит, что я окажусь в мире, в котором мой отец — всего лишь маленький мальчик?

— Опять вы со своими парадоксами, — возмутился Зви. — Не советую. Это пагубно для вас и вашего рассудка.

— С моим рассудком все в порядке, — заверил я его. — Человек, стоящий одной ногой в преисподней, может не беспокоиться о своем рассудке. Вот тело мое меня беспокоит.

— Осталось четыре минуты, — мягко напомнил Гринберг. — Не могли бы вы подняться вот сюда, Скотт? Встаньте точно между электродами и прижмите саквояж как можно плотнее к телу.

— Сигары! — вспомнил я. — Боже, у меня нет с собой сигар!

— В то время сигары были лучше. Настоящая Гавана. Там и купите. А сейчас займите свое место!

Я схватил саквояж, поправил шляпу дедушки Гринберга и встал на указанное место.

— Займемся ногами, — сказал Гринберг, опускаясь передо мной на колени. Он пометил яркой краской пятки и подошвы моих ботинок. — Теперь не двигаться.

— Три минуты, — сообщил Голдмен.

— Вы выглядите чертовски эффектно в этом костюме и шляпе, — восхитился Зви.

— Долго меня не будет? — попытался выяснить я. — Я имею в виду ваше время. Сколько вам придется ждать моего возвращения?

— Ждать мы не будем. Если вам суждено вернуться оттуда, то вы не тронетесь с места и останетесь тут.

— Бред какой-то.

— Нет, это очередной парадокс, — пояснил Зви. — Я предупреждал вас — не думайте об этом.

— Две минуты, — сообщил Голдмен.

Зви положил руку на выключатель. Губы Голдмена беззвучно шевелились. Он то ли молился, то ли отсчитывал секунды.

— А вдруг что-нибудь окажется на пути? — сказал я неуверенно. — Какие-нибудь тюки, ящики. Как же смогут уместиться в одном и том же пространстве два тела. Меня просто расплющит?

— Этого не случится. Тоже парадокс.

— Откуда такая уверенность? Как вы можете знать?

Я был возбужден, испуган, мои нервы были на пределе. Через несколько секунд я, со своим допотопным саквояжем и перламутровым перочинным ножом, унесусь сквозь время на семьдесят пять лет назад на каких-то координатах, порожденных бредовой логикой и основанных на каком-то неиспытанном и непроверенном уравнении. Что меня ждет: преисподняя, царство разума Божьего, ничто или мезозойская эра?

— Одна минута, — сказал Голдмен.

— Вы не хотите выйти? — в вопросе Гринберга звучала мольба. Он тоже боялся. Боялись все.

Я раздраженно потряс головой.

— Тридцать секунд, — отсчитывал Голдмен, — двадцать, десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, две, одна, ноль...

Я видел, как Зви нажал выключатель. Когда через двадцать девять дней, четыре часа, шестнадцать минут и тридцать одну секунду я вернулся, он все еще держал руку на выключателе и слышался отзвук мягкого голоса Голдмена, заканчивающего произносить «ноль». Я стоял на том же месте, они тоже стояли на своих местах, как в застывшей живой картине. Первым заговорил Зви:

— Где саквояж?

— Ради всего святого, дайте ему сесть и прийти в себя, — сказал Гринберг, помогая мне устроиться в кресле. Я дрожал как осиновый лист. Голдмен налил стакан бренди и поднес его к моим губам, но я отрицательно покачал головой.

— Вам холодно? — спросил Голдмен.

— У меня не шок. Просто я испугался и запыхался. Последние сто ярдов я был вынужден бежать и пробежал это расстояние за несколько секунд. Саквояж я бросил.

— Это не имеет значения.

— У него ничего не вышло, — горько произнес Зви. — Боже всемогущий, у него не получилось. Я знал это.

— У вас не получилось? — спросил Голдмен.

— Вот теперь я бы не отказался от бренди, — сказал я. Рука моя еще дрожала.

— Пусть он нам обо всем расскажет, — предложил Гринберг. — Никаких претензий и обвинений. Дайте ему высказаться откровенно, Зви. Вы меня понимаете?

— Семь лет, — в глазах Зви стояли слезы.

— И шесть миллионов долларов моих денег. Мы все кое-чему научились. Скажите нам, Скотт, вы вернулись?

Я посмотрел на Голдмена, на этого обреченного человека с опухолью, и заметил пренебрежительную, едва заметную ухмылку на его губах, как будто он давно обо всем знал.

— Вы вернулись?

Я выпил бренди, затем вынул из кармана две большие сигары и протянул одну Гринбергу, единственному среди них курильщику. После чего откусил кончик своей и прикурил. Гринберг уставился на сигару, которую держал в руках. Я глубоко затянулся и сообщил ему, что такой сигары сейчас уже не найти.

— Вы вернулись? — повторил свой вопрос Гринберг.

— Да, да. Я вернулся. Сейчас все расскажу. Но сначала дайте мне минутку отдохнуть и собраться с мыслями. Дайте вспомнить. Боже, дай мне память.

— Конечно, — согласился Голдмен, — вы должны вспомнить. Успокойтесь, Скотт. Сейчас вы вспомните.

Он, конечно, все знал, этот иссохший человек, к которому каждую ночь являлся ангел смерти. Голдмен обходился без

координат и уравнений, но он бывал так же недалеко от Бога, как и я, и ему были знакомы страх и чудо такой встречи.

— Видите ли, — пояснил он Зви и Гринбергу, — ему надо вспомнить. Вы поймете это через несколько минут. Но ему нужно некоторое время для этого.

Гринберг налил мне второй стакан бренди. Сигару он так и не прикурил. Он продолжал ее рассматривать и вертеть в руках.

— Свежая, — пробормотал он, нюхая сигару. — Очень темный табак. Они, по-видимому, иначе обрабатывают табачный лист.

— Я вернулся, — сообщил наконец я. — Семьдесят пять лет. Все получилось: машина, уравнения, проклятые координаты — все сработало. Это напоминало болезнь, длившуюся несколько минут. Страшную болезнь. Мне казалось, что я умираю. И вдруг я оказался один в этом пакгаузе, с саквояжем в руках, на этом самом месте. Только... — Я сделал паузу и посмотрел на Голдмена.

— Только вы не могли вспомнить, — подсказал Голдмен.

— Как вы это узнали?

— О чем это вы, черт возьми? — потребовал Зви. — Что вы имеете в виду, говоря, что он не может вспомнить?

— Пусть он сам ответит.

— У меня пропала память, — начал я. — Я не знал, кто я и где нахожусь.

— Продолжайте.

— Это не так просто. Знаете ли вы, что такое потерять память, абсолютно ничего не помнить, стоять и не знать, кто ты и как здесь очутился. Это самый страшный из всех известных мне экспериментов. Это сильнее того страха, который я испытал, войдя в машину.

— А читать, писать, говорить вы могли?

— Да, я мог читать и писать. Мог и говорить.

— Это другие центры мозга, — пояснил Голдмен.

— И как вы поступили?

— Я поставил саквояж и стал рассказывать взад и вперед, дрожа примерно так же, как сейчас. Это продолжалось некоторое время. У меня страшно болела голова, но через

несколько минут боль утихла. После этого я вынул свой бумажник.

— Вы помнили, что это такое?.. Вы знали, что это бумажник?..

— Да, знал. Я знал, что я человек... Знал, что обут в ботинки. Это-то я знал. Вообще, я знал много вещей. Я не стал идиотом, просто у меня пропала память. Я был жив и воспринимал сегодняшний день. Но о вчерашнем — никакого понятия. Итак, я достал бумажник и стал изучать его содержимое. Я узнал свое имя. Не свое, конечно, а то, которое вы дали мне на время путешествия. Прочитал инструкции, расписания и графики, которыми вы снабдили меня. Увидел предупреждение о том, что я должен вернуться в пакгауз точно в указанное время и на определенное место. Странное дело, я понимал необходимость выполнения инструкций и ни на минуту в них не сомневался.

— И вы их выполняли?

— Да.

— Безо всяких помех и неприятностей?

— Да. Для меня существовал только тысяча восемьсот девяносто седьмой год. Я жил в этом времени. Все было совершенно естественно. Я не мог вспомнить ни другого времени, ни других мест. Я пошел на железнодорожную станцию, и, уверяю вас, в те времена станция в Норфолке была красивым местом. Мне продали билет в отдельный вагон. Вы не можете себе представить отдельный вагон на железных дорогах Нью-Йорка, Нью-Хэвена или Хартфорда? И к тому же меньше чем за два доллара.

— Как вы узнали, куда идти? — поинтересовался Зви.

— Он спрашивал дорогу, — пояснил Голдмен.

— Да, я спрашивал дорогу. У меня пропала память, но все остальное было нормально. Здесь я был дома. Я заказал билет первого класса на пароход до Гамбурга и в течение нескольких часов гулял по Нью-Йорку. — Я закрыл глаза и предался воспоминаниям. — Великолепные, прекрасные места.

— И вы отважились на это? — спросил Гринберг. — Вам не мешало, что у вас пропала память?

— Через некоторое время уже не мешало. Я просто считал это само собой разумеющимся. Ведь не знает же

слепой, что такое цвет, а глухой — что такое звук. Я не знал, что такое память. Да, меня спрашивали о том, где я учился, где я родился, и эти вопросы раздражали меня. Я уходил от ответа, потому что инструкция предписывала мне уединенность. Пароход был комфортабельный и большой, так что я мог обеспечить себе уединенность.

— Гамбург, — напомнил мне Гринберг.

— Да, Гамбург. Здесь ничего существенного не произошло. Если позволите, я расскажу об этих местах и людях.

— Не сейчас. У нас для этого еще будет время. Итак, вы сели на венский поезд?

— Через несколько часов. Строго следуя инструкциям, я вышел из поезда в Линце, но здесь произошла накладка. Была уже полночь, и поезда на Браунау мне пришлось ждать до девяти утра. Через четыре часа я уже был там.

— А потом?

Мой взгляд скользил по лицам трех усталых пожилых евреев, переживших на своем веку много боли и страданий и затративших семь лет и шесть миллионов долларов на то, чтобы проникнуть в разум Божий и изменить его.

— А потом инструкции кончились. Вы знаете, что мне и моей жене пришлось пережить при нацистах. Но вы не записали в инструкцию, что я должен найти восьмилетнего мальчика, будущего Адольфа Гитлера, и своим острым как бритва ножом перерезать ему горло. Вы надеялись, что я буду помнить о цели всей нашей затеи, но я не помнил ни о ваших, ни о моих собственных страданиях, не помнил, почему я оказался в Браунау. Пробыв там один день, я вернулся.

Наступила долгая тишина. Молчал даже Зви. Он стоял, закрыв глаза и сжав кулаки. Голдмен тихо произнес:

— Мы не успели поблагодарить Скотта. Я благодарю вас от всех нас.

Снова тишина.

— Ведь мы должны были знать, — продолжал Голдмен. — Вы помните слова Бога о том, что никто не должен заглядывать в будущее и знать час своей смерти. Когда мы отправили Скотта в прошлое, будущее закрылось перед ним и вся его

память осталась в будущем. Как же он мог помнить о том, чего еще не было?

— Мы могли бы попытаться еще раз, — прошептал Зви.

— И снова потерпели бы неудачу, — покачал головой Голдмен. — Мы напоминаем детей, которые забавляются неизвестностью. Ведь все, что было, уже было. Я хочу продемонстрировать вам это. — Он обратился ко мне: — Скотт, вы помните, где бросили саквояж?

— Конечно помню. Это было минуту тому назад.

— Это было семьдесят пять лет тому назад. Далеко отсюда?

— На обочине дороги у подножия холма.

Голдмен взял лопату, стоявшую около старой угольной печи в углу пакгауза, и вышел. Мы поняли, что он задумал, и тоже отправились к подножию холма. Вечерело. Воздух был холодным и чистым. Весеннее солнце освещало своими лучами холмы Коннектикута.

— Скотт, покажите, где?

Я достаточно быстро нашел место, взял лопату из рук этого тщедушного человека и принялся копать. Шесть-семь дюймов — старые листья, слой мягкой глины, какой-то мусор и, наконец, истлевший угол саквояжа. Мы вынимали куски разорванной кожи, несколько сорочек, пару нательного белья. Все это разваливалось и крошилось в руках.

— Свершилось, — произнес Голдмен. — Разум Божий? Мы даже собственного разума не знаем. Ничего, ничего нельзя изменить в прошлом. А в будущем? Возможно, будущее мы сможем изменять — но очень осторожно.

ДЫРА В ПОЛУ

— Так его перетак... — грубо выругался Робинсон.

— А ты разве не знал? Он ведь друг комиссара...

— Будь у меня мозгов побольше, — сказал Мак-Кейб, — я стал бы писателем, а не полицейским. Взять хотя бы этого парня из полиции Лос-Анджелеса. Написал книгу, которая стала бестселлером, заработал кучу денег, но остался в полиции. С ума сойти можно. Я сам книгу не читал, но фильм смотрел. А ты, Роб?

— Да, видал.

— Хорошая киношка.

— Паршивая, — ответил Робинсон, круглолицый негр с заразной улыбкой.

— Ну, это только твое мнение. Лос-Анджелес тебе не Нью-Йорк.

— Трепотня это.

— Ты жил в Лос-Анджелесе? — спросил меня Мак-Кейб. Он был старше Робинсона, сорокалетний толстющий человек с плоским лицом и маленькими подозрительными голубыми глазами. Мне нравилось, как он разговаривал с Робинсоном — легкий обмен колкостями, но никакой грубости.

Прозвучал зуммер вызова. Мак-Кейб принял информацию, а Робинсон нажал на газ и включил сирену.

— Нападение, — бросил Мак-Кейб.

Оказалось, два юнца на 116-й улице выхватили сумочку у какой-то женщины. Юнцы сбежали, а женщина была

в шоке, плакала — словом, ничего серьезного. Пока Мак-Кейб успокаивал женщину и убеждал зевак разойтись, Робинсон взял описание нападавших, выяснил содержимое сумочки.

— В этом городе, наверно, десять тысяч сопляков, готовых выхватить сумку, и как их найти, а если и найдешь, то что с ними делать? Так ты говоришь, что был в Лос-Анджелесе?

— Несколько раз.

— Мерзкий город, — сказал Робинсон. — Едва держится.

— На что он похож? — Мак-Кейб хотел знать все.

— Трущобы такие же, если не хуже.

— А Голливуд, Беверли-Хиллз?

— Много солнца. Когда нет смога.

— Черт побери, — размечтался Мак-Кейб, — ни тебе плащей, ни снега, — оттруби еще шесть лет, а потом бери жену и мотай на запад.

Мы остановились, и Робинсон выписал квитанцию на грузовик, неправильно припаркованный перед пожарным гидрантом.

— Ты принимал когда-нибудь роды? — спросил я его.

Он ухмыльнулся и глянул на меня в зеркало.

— Спроси Мак-Кейба.

— Семь раз, — ответил Мак-Кейб. — Это я не говорю о тех случаях, когда приходилось отвозить их в госпиталь. Семь раз от начала до конца, включая шлепок по заднице младенца, чтобы заставить его кричать.

— Один раз даже была двойня, — вспомнил Робинсон.

— Как вы себя при этом чувствовали? Ну, когда делали это, и ребенок живой и плачет?

— Отлично чувствовали.

— Паришь в небесах, — сказал Робинсон. — Хорошее чувство. Так же, наверно, чувствует себя наркоман, когда после нескольких неудачных попыток попадает наконец иглой в вену. Замечательно.

— Это компенсирует все остальное?

Последовала долгая пауза, прежде чем Мак-Кейб спросил меня:

— Что именно?

— Один сукин сын, — сказал Робинсон медленно, — приставил свою пушку мне к животу и трижды нажал на курок. Нет, не компенсирует.

— Вшивый ночной рейд, — пояснил Мак-Кейб. — Такое случается один раз из тысячи.

— Он пролил негритянскую кровь, — сказал Робинсон.

Следующие десять минут мы ехали молча. Возможно, из-за последней фразы Робинсона, возможно, им просто не нравилось, что я сидел на заднем сиденье. Затем они получили вызов, и Мак-Кейб объяснил, что что-то случилось в доме на 118-й улице.

— Что-нибудь веселенькое, — сказал Робинсон. — Пол провалился, потолок обрушился, детей крысы съели. Я вырос в таком доме. Не могу этого простить отцу. До сих пор не могу.

— Разве те, кто там живет, могут куда-нибудь съехать?

— Прочь. Куда угодно, только прочь.

— Нельзя просто писать о полицейских, — вмешался Робинсон. — Полицейский — это общественная реакция. Проваливается пол — зовут полицейских. А что, черт возьми, мы можем сделать? Заново отстроить эти крысиные ловушки?

Мы въехали на 118-ю улицу и увидели полдюжины людей, собравшихся перед одним из домов. Кто-то из них сообщил, что звонила миссис Гонсалес и что ее квартира на четвертом этаже.

— Что там случилось? — попытался узнать Мак-Кейб.

— Кто знает? Она никого не выпускает.

— Она ранена?

— Кажется, нет. Она просто никого не выпускает.

Мы начали подниматься, Мак-Кейб и Робинсон с оружием впереди, а я следом за ними. Двое мужчин последовали было за нами, но Мак-Кейб махнул на них рукой и приказал убираться. Мы поднялись на четвертый этаж, прошли коридором, и Робинсон постучал в дверь.

— Кто там?

— Полиция, — ответил Робинсон.

Женщина открыла дверь, насколько позволяла цепочка. Робинсон и Мак-Кейб представились. Тогда онапустила нас через кухню, в которую ведет входная дверь в боль-

шинстве старых зданий. В квартире было убрано и чисто. Миссис Гонсалес оказалась худой невысокой женщиной лет сорока пяти. Ее муж, как она нам сказала, работал в Метрополитен Транзит. Сын работал в лавке мясника на Лексингтон-авеню. В доме она была одна и находилась на грани истерики.

— Все будет в порядке, — сказал Мак-Кейб с удивительной мягкостью. — Попробуйте рассказать, что случилось.

Она помотала головой.

— Но что-то ведь произошло, — увещевал Робинсон. — Вы даже вызвали полицию.

Она энергично закивала.

— Очень хорошо, — сказал Робинсон, — стало быть, что-то потрясло вас. Мы понимаем это. Что-то лишило вас душевного равновесия. Вы чувствуете озноб, и, может быть, вас тошнит. Чувствуете озноб?

Она кивнула.

Робинсон снял свитер с вешалки в кухне.

— Наденьте это. Вам станет лучше.

Она надела свитер.

— Там кто-нибудь есть? — спросил Мак-Кейб, кивая в сторону других комнат.

— Нет, — прошептала она.

— Найдется у вас бренди, виски?

Она кивнула в сторону буфета, я направился к нему и нашел там бутылку рома. Налил немного в бокал и передал ей. Выпив, она немного скривилась и вздохнула.

— Ну, а теперь рассказывайте.

Она кивнула и повела нас из кухни через комнату, служившую столовой и гостиной, к двери следующей комнаты, по всей видимости, являвшейся спальней. В центре, на полу, как раз между комодом и одной из кроватей, зияла огромная дыра размером три с половиной или четыре фута в поперечнике.

— Проклятый пол провалился, — выдохнул Мак-Кейб.

— Ну и строят же сейчас, — сказал Робинсон.

— Ну и строили же семьдесят пять лет назад, — поправил я.

Миссис Гонсалес ничего не говорила. Она просто стояла у двери и не двигалась.

— Кто живет под вами? — спросил Мак-Кейб.

— Монтес. Он учитель. Дома сейчас никого, один черт.

Робинсон вошел в спальню и осторожно приблизился к дыре. Древний пол скрипел под его ногами, но пока держался. Полицейский остановился на расстоянии фута от края и заглянул вниз. Он ничего не говорил, а просто стоял и смотрел.

— Дом, конечно, следует признать негодным, — сказал Мак-Кейб, — но куда им деваться? Хотите писать о проблемах, так пишите об этих. Весь этот чертов город — большая проблема.

Робинсон продолжал молча смотреть в дыру. Мне подумалось, что там, наверное, труп или что-нибудь еще более ужасное.

— Спокойно, — предупредил меня Мак-Кейб, — пол прогнил. Мы не хотим, чтобы ты провалился. Что там такое? — спросил он Робинсона.

Никакого ответа.

Я осторожно двинулся, стараясь держаться стены, Мак-Кейб пошел с другой стороны. Мы достигли провала одновременно. Робинсон стоял перед дырой спиной к двери. Мак-Кейб и я располагались по бокам.

Я еще не увидел, но уже почувствовал странный запах. Он чем-то напоминал запах жасмина, но все же отличался от него. Этот запах был мне незнаком, описать его невозможно, и его тянуло к нам медленным потоком теплого воздуха, казавшимся мне серебряным. Я не возьмусь объяснить, почему воздушный поток виделся мне серебряным, но это было именно так.

В этот момент я и увидел то, что увидел. То, что увидел и Мак-Кейб, и Робинсон, так что это был не сон и не игра воображения. В десяти футах под дырой виднелся газон. Его внешний вид свидетельствовал о том, что его, как английскую лужайку, регулярно стригли машинкой, но почему-то все были уверены, что трава росла так аккуратно сама по себе, без вмешательства извне. Да

и трава зеленела как-то необычно, словно ее переложили цветущей сиренью.

Никто из нас не проронил ни слова. То, что мы увидели, никак не могло быть полом комнаты мистера Монтеза, даже если предположить, что учитель увлекался садоводством. Мы знали, что это не пол комнаты мистера Монтеза, и это было все, что мы знали. Только приглушенные рыдания миссис Гонсалес нарушали тишину в квартире.

Робинсон осторожно опустил на корточки, лег на пол и свесился в дыру. Прогнивший пол предательски заскрипел.

— Осторожно! — воскликнул Мак-Кейб. — Упадешь головой вниз.

Он был великолепен. Так хладнокровно мог себя вести только старый нью-йоркский полицейский, для которого не бывает ничего неожиданного и невозможного: в Нью-Йорке может произойти все что угодно.

— Что там видно? — спросил я Робинсона.

— Куда ни глянь... Кругом, куда ни глянь, простирается газон. — Он отодвинулся от дыры, встал на ноги и посмотрел на Мак-Кейба.

— Мы на четвертом этаже, — напомнил Мак-Кейб мрачно, в чьих глазах Вселенная все-таки дала крен.

— Да уж, — согласился Робинсон.

— Позвонить в участок и сообщить, что здесь на четвертом этаже обнаружилось пастбище для коров?

— Это не пастбище, — сказал Мак-Кейб.

— А что же? Мираж?

— Пожалуй, я спущусь туда, — решил Робинсон.

— Черта с два!

Круглое лицо Робинсона потеряло свое веселое спокойствие, превратившись в строгое лицо негра-полицейского, отлично знающего, куда надо бить, чтобы было больнее. Он смотрел на Мак-Кейба, зло скаля зубы.

— Тогда объясни нам всем, что, по-твоему, там находится, в этой несчастной комнате учителя...

— Откуда мне знать?

— А я знаю.

— Черта лысого! Знает он, видали?

— Что там внизу? — тихо спросил я Робинсона слегка дрожащим голосом. — Что ты там увидел?

— Другую сторону медали.

— Какого черта? — возмутился Мак-Кейб.

— Слушай, — вздохнул Робинсон, — ты белый, и тебе не понять...

— Сейчас я позвоню в участок. — Мак-Кейб старался говорить спокойно. — Ты слышишь меня, Робинсон? Я звоню в участок, затем беру ключи у коменданта, если такие водятся в этом крысятнике, открываю дверь в квартиру Монтеза и вхожу туда один. Слышишь, один! А ты пока стоишь здесь и не лезешь в эту дыру. Запомни, я хочу войти в квартиру учителя и увидеть тебя снизу стоящим здесь, наверху. Хочу в эту дыру видеть твою задницу. Понял? Вот тогда мы посмотрим, кто это на четвертом этаже выращивает траву! Все ясно?

— Разумеется, я все понял, — мягко ответил Робинсон.

Мак-Кейб быстро прошел мимо рыдающей миссис Гонсалес и захлопнул за собой дверь. Словно в ответ на этот хлопок дверью поток воздуха поднял из дыры новую порцию странного запаха.

— Что ты там увидел? — вновь спросил я Робинсона.

— Может сам взглянешь? — съязвил он.

Я покачал головой. Ничто на земле не заставит меня лечь животом на этот скрипучий пол и свеситься вниз, как это только что проделал Робинсон.

— Боишься?

Я кивнул.

— Знаешь, что увидит Мак-Кейб, когда вернется с ключами и войдет в квартиру под нами? То, что он и предсказывал: он будет стоять внизу и смотреть на мою задницу — и затем представлять... Через две-три недели мы даже не вспомним, что видели тут.

— Точно, все это иллюзия, — быстро согласился я.

— Да ты понюхай!

— Дева Мария, ты видишь то, чего там нет!

— И я вижу, и ты, и эта леди, — Робинсон махнул рукой. — Это не иллюзия. Это реальность.

— Это реальность, — согласился я.

Он посмотрел на меня задумчиво, встряхнул головой, а затем сел на край дыры и соскользнул вниз. Повисев немного на руках, он осмотрелся, разжал руки и приземлился на корточки на газон. Он встал, повернулся на триста шестьдесят градусов, стараясь разом охватить всю картину. Его, как и траву, на которой он стоял, освещали лучи невидимого фиолетового солнца.

— Робинсон!

Он не слышал меня. Было очевидно, что он меня совсем не слышит. Он поднял лицо вверх, туда, где как раз был я, но его глаза видели что угодно, только не меня. Станный свет придавал его темной коже дымчато-золотистый оттенок. Он вновь огляделся вокруг, радостно улыбаясь.

— Эй, парень! — закричал он. — Эй, парень, ты все еще там?

— Я здесь. Ты меня слышишь?

— Парень, если ты еще там — я не слышу тебя, я тебя не вижу, — но ты не поверишь, мне на это наплевать.

Миссис Гонсалес застонала. Постонав немного, она зарыдала вновь.

— Скажи Мак-Кейбу, — кричал Робинсон, — скажи Мак-Кейбу, чтобы он засунул свою патрульную машину себе в задницу! Скажи Мак-Кейбу...

Я так и не узнал, что еще он хотел посоветовать Мак-Кейбу, потому что именно в этот момент Мак-Кейб вломился в дверь квартиры учителя Монтеза. И вдруг оба они, Мак-Кейб и Робинсон, оказались друг перед другом посреди мусора, сломанных балок, паркетин, кусков штукатурки — просто вдвоем в куче строительного мусора, уставившись друг на друга... И ничего... Никакого газона, никакого солнца, никакого запаха...

Мак-Кейб поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

— Отойди от края, парень, этот паршивый потолок того и гляди обвалится. Я вызвал ремонтную бригаду. Мы эвакуируем жильцов из здания, так что скажи Гонсалес, пусть одевается и спускается вниз. — Затем он повернулся к Робинсону. — Теперь насчет тебя. Будь добр, помоги жильцам организованно выйти. Прояви свою энергию.

Робинсон промолчал.

Позднее, в машине, я выбрал момент и спросил Робинсона, что же он видел.

— В квартире Монтеза? У него там море книг. Знаешь, иногда я говорю себе, что мне следовало стать не полицейским, а учителем. Нет, серьезно... У меня двоюродный брат — учитель. Директор школы. Он зарабатывает больше, чем я, и его уважают, а полицейских никто не уважает. Ты рискуешь своей жизнью, а тебе плюют в лицо.

— Вот болтун, — пробурчал Мак-Кейб.

— Однажды мы вытащили нескольких несчастных из горящего дома, а в ответ какой-то сукин сын кинул в меня кирпич. За что? За то, что я спас четверых?

— Да я не о том! — Я пытался направить его мысль в нужное русло. — Что ты видел, когда стоял там, внизу, на траве, и озирался вокруг?

— А что там увидишь? Паршивый домишко. Его надо было снести еще пятьдесят лет назад, — сказал Робинсон.

— Ты впервые сел в нашу машину, тебе все кажется интересным, — сказал Мак-Кейб, — для тебя все необычно. Поездишь, посмотришь, а потом напишешь что-нибудь о нас всех. Мы-то сами уже ко всему привыкли — это наша работа. Скучная, однообразная работа. — Он принял очередной радиовывоз. — Едем на 117-ю улицу. На этот раз — магазин ликеров. Знаешь, — повернулся он ко мне, — это заведение грабят каждый месяц.

Завыла сирена, и по Амстердам-авеню мы рванули к 117-й улице.

ОБРУЧ

В одном из своих очаровательных выступлений, которые так полюбились телезрителям, доктор Хеплмейер приписал свои успехи в науке не столько собственному уму, сколько имени. «Представьте себе, что вас зовут Джулиус Хеплмейер и вы останетесь им до конца дней своих. Если уж вас назвали Джулиусом Хеплмейером, то вы просто вынуждены либо прославиться, либо погибнуть».

О его необыкновенных талантах свидетельствовали две Нобелевские премии, полученные им еще до того, как он наконец довел до совершенства обруч. Выражая свою признательность при вручении очередных званий и наград, он любил сорить афоризмами собственного сочинения. Пресса называла их «перлами Хеплмейера»: «Мудрость иногда побуждает нас к глупым поступкам», «Образование выискивает невежество», «Решение всегда предполагает проблему».

Последнее высказывание особенно подходило к обручу. Доктор Хеплмейер никогда не намеревался изгибать пространство, считая эту идею слишком смелой. «Один Бог изгибает пространство, — подчеркнул он однажды. — Человек может лишь наблюдать, замечать, искать... и иногда находить».

— Вы верите в Бога? — тут же спросил его репортер.

— В ироничного Бога — да. Доказательством его существования является смех. Улыбка — вот единственное выражение вечности.

Он разговаривал в такой манере без особых усилий, и тонкие наблюдатели могли понять, что это объяснялось тем, что он и думал точно таким же образом. Его жена как раз была тонкой наблюдательницей. Однажды, за завтраком, он разбил яйцо, варившееся в течение трех минут, внимательно рассмотрел его и заявил, что все возвращается на круги своя.

Это почему-то сильно разочаровало его жену.

— Даже Бог? — спросила она.

— Прежде всего Бог, — ответил он и в течение двух последующих лет работал над обручем.

Декан Колумбийского университета оказал ему в этом содействие, сократил число читаемых им лекций до одной в неделю. В его распоряжение было предоставлено все необходимое: в конце концов, это был век Хеплмейера. Эйнштейн уже умер, и Хеплмейеру пришлось напомнить своим почитателям, что хотя Закон возвращения Хеплмейера и открыт, возможно, новые горизонты в физике, но все же он твердо покоился на трудах Эйнштейна.

Однако скромные напоминания ученого были пропущены мимо ушей, и если раньше еженедельное приложение к «Нью-Йорк таймс» ежегодно публиковало не менее шести обзорных статей по разным аспектам теории Эйнштейна, то теперь их число сократилось до трех, а количество статей, посвященных Хеплмейеру, выросло, соответственно, до семи. Айзек Азимов, этот непреклонный мастер распутовывать научные тайны, посвятил шесть тысяч слов популярному объяснению Закона возвращения; поняли написанное немногие, но у тысяч заинтригованных читателей появилась новая тема для застольной беседы. Нище самолюбие, однако, не пострадало, поскольку Азимов считал, что только дюжина людей во всем мире действительно смогут похвастаться пониманием уравнения Хеплмейера.

Между тем Хеплмейер был так поглощен своей работой, что даже перестал читать публикации о самом себе. Свет в его лаборатории горел ночи напролет, и с помощью молодых увлеченных помощников (большей частью последователей-добровольцев, а не наемных работников) он воплотил свои математические формулы в блестящем алюминиевом

обруче. Обруч представлял собой кольцо шестидюймовой полый алюминиевой трубы диаметром двенадцать футов, внутри которого размещалась сложная обмотка из тонких, словно паутина, проводов. Ученый утверждал, что, по сути дела, соорудил сеть, в которую, может быть, попадет крохотный завиток из бесчисленных изгибов пространства.

Разумеется, он сам сразу же опроверг свою метафору.

— Наше мировоззрение столь ограничено, — объяснял он. — Вселенная наполнена бесчисленными чудесами, для которых мы пока не придумали ни названий, ни слов, ни понятий. Обруч? Это другое дело. Обруч есть предмет, который видят все.

Наступил ясный, солнечный апрельский день, когда обруч был наконец закончен и профессор со своими помощниками-студентами торжественно внесли его на территорию университета. Огромный обруч тащили восемь дюжих молодых. Остальные волокни железную раму, на которой он должен был покоиться. Пресса, телевидение, около четырех тысяч студентов, четыреста полицейских и множество других представителей нормальных и ненормальных жителей Нью-Йорка: четырехугольный двор Колумбийского университета был запружен народом до такой степени, что полиции пришлось расчищать путь для процессии, несущей обруч. Хеплмейер умолял их оттеснить толпу — эксперимент мог оказаться небезопасным; но так как он ненавидел насилие почти так же сильно, как и глупость, то он как мог уговаривал студентов не ввязываться в драку, которая бывает почти неизбежной, когда рядом оказывается слишком много полицейских и студентов.

Один из полицейских одолжил профессору мегафон, и тот объявил громогласным искаженным голосом:

— Это всего лишь испытание. Почти невероятно, что оно закончится успешно. Я рассчитал, что из любых взятых наугад ста акров восприимчивыми окажутся, может быть, всего сто квадратных футов. Вы видите, как мала вероятность нашего успеха, поэтому вы должны освободить нам место. Вы должны позволить нам передвигаться.

Студентов еще не разморило апрельское солнышко, к тому же они боготворили Хеплмейера, представляя его, ска-

жем, Бобом Диланом научного мира. Поэтому они пошли ему навстречу, и профессор в конце концов нашел подходящую площадку. Обруч был смонтирован.

Хеплмейер секунду задумчиво смотрел на него, потом стал рыться у себя в карманах. Наконец он выудил оттуда большой серый ластик и бросил его в обруч. Тот пролетел сквозь обруч и упал на землю с другой стороны.

Студенты, равно как и журналисты, не имели ни малейшего представления о том, что должно было произойти с ластиком, но удрученное выражение на лице Хеплмейера не оставляло сомнений в том, что ожидаемое не произошло. Студенты зааплодировали в знак сочувствия и поддержки. Хеплмейер, согретый участием, выразил им свое доверие, произнеся в мегафон:

— Попробуем еще раз, а?

Шестнадцать молодцев подняли обруч с рамой и перетаскивали свою ношу в другую часть двора. Толпа уважительно последовала за ними, как терпеливые зрители на соревнованиях по гольфу. Телевизионная камера работала не переставая. Профессор повторил эксперимент, на этот раз бросив сквозь обруч старую трубку. Как и ластик, трубка упала на землю по другую сторону.

— Мы попробуем еще раз, — сказал он в мегафон. — Может быть, мы никогда не найдем нужное место. Может быть, все окажется напрасным. Времена, когда наука была приятной и предсказуемой механической служанкой, прошли. Дважды два сегодня могут оказаться равны бесконечности... К тому же это была моя любимая трубка и я рад, что она осталась у меня.

Теперь для большинства зрителей стало очевидным, что предметы, бросаемые сквозь обруч, не должны были пролетать насквозь и падать по другую сторону. Будь на месте Хеплмейера любой другой ученый, толпа давно бы разошлась, негодуя, как много шарлатанов в научном мире. Но здесь был Хеплмейер, и вместо того чтобы разойтись, толпа еще плотнее сбивалась в кучу, замороженная происходящим.

Было выбрано новое место. Обруч установили там. На этот раз доктор Хеплмейер достал из кармана авторучку, которую ему вручила Академия и на которой было вы-

гравировано «Nil desperandum»*. Перечитав надпись, профессор бросил ручку через обруч, и, вместо того чтобы упасть с другой стороны, она... исчезла.

Именно таким образом... именно так... она исчезла.

Секунду-другую стояла абсолютная тишина, потом один из ассистентов Хеплмейера, молодой Пибоди, взял отвертку, которой пользовался, когда помогал устанавливать обруч, и бросил ее. Она исчезла. Молодой Брумберг сделал то же самое со своим молотком. Он исчез. Гаечный ключ. Струбцина. Плоскогубцы. Все исчезало.

Этого оказалось вполне достаточно. Взрыв аплодисментов и торжествующих возгласов прокатился от Морнингсайд-Хейтс, вновь и вновь отражаясь эхом от Бродвея и Авеню Св. Николая. А потом все будто сошло с ума. Началось, как водится, с какой-то студентки, которая швырнула в обруч свой учебник староанглийской поэзии. За ним последовало столько книг, что из них вполне можно было составить небольшую библиотеку. Потом обувь — настоящая лавина обуви, потом пояса, свитера, рубашки — все, что оказывалось под рукой, летело в обруч и все, что попадало туда, — все исчезало.

Напрасно профессор Хеплмейер пытался остановить поток предметов, летящих в обруч. Даже его мегафон не был слышен в крике и смехе беснующихся студентов, которые стали свидетелями крушения самой реальности, равно как и всех остальных истин и добродетелей, соблюдаемых предыдущими поколениями. Напрасно профессор Хеплмейер предостерегал их.

А потом из толпы появился и сразу же попал в историю изрядно помятый Эрнест Силверман, прыгун в высоту, образцовый студент и житель Филадельфии.

Собрав весь свой максимализм и все безумство своей молодости, он прыгнул в обруч... и исчез. В мгновение ока смех, крики, буйство перешли в холодное уныние. Студенты напоминали нашкодивших детей. Эрнест Силверман исчез в неизвестности вместе со всеми своими мечтами и

* Nil desperandum (лат.) — Никогда не отчаиваться.

надеждами. Солнце закрыли облака. Подул пронизывающий ветер.

Несколько отважных парней хотели последовать за исчезнувшим, надеясь спасти его, но Хеплмейер преградил им путь и убедил отказаться от своей затеи, в мегафон призывая всех осознать грозящую опасность. Что касается Силвермана, Хеплмейер мог только повторять то, что он уже говорил полиции в самом начале эксперимента. Вокруг обруча было поставлено ограждение и установлено круглосуточное дежурство. К обручу никого не подпускали.

— Где же он? — к этому сводились все вопросы.

— Не знаю, — к этому сводился ответ.

Одни и те же вопросы задавались и на Сентр-стрит, и в местном полицейском участке, но положение Хеплмейера было таково, что сам верховный комиссар пригласил его в свой кабинет (уже наступила полночь) и вежливо спросил его умоляющим голосом:

— Что там, по другую сторону обруча, профессор?

— Не знаю.

— Вы говорите... Вы уже говорили это. Но ведь обруч — творение ваших рук.

— Строим же мы электрогенераторы. Разве мы знаем, как они работают? Мы получаем электроэнергию, но разве мы знаем, что это такое?

— Разве мы не знаем?

— Нет, не знаем.

— Ладно, но из Филадельфии приехали родители Силвермана. Они привезли с собой филадельфийского адвоката и около шестнадцати филадельфийских репортеров. Все они хотят знать, где мальчик, и готовы возбудить бог знает сколько судебных исков.

Хеплмейер вздохнул:

— Я тоже хотел бы знать, где он.

— Что же нам делать? — взмолился комиссар.

— Не знаю. Думаете, вам следует арестовать меня?

— Мне нужно выдвинуть обвинение. Преступная халатность, непреднамеренное убийство, похищение — что-то в этом роде... Я сам не знаю, что вам предъявить.

— Я не полицейский, — заметил Хеплмейер. — В любом случае, это помешает моей работе.

— Парень хоть жив?

— Не знаю.

— Профессор, попытайтесь мне объяснить, — спросил комиссар с некоторой долей раздражения. — Что находится по другую сторону обруча?

— Если смотреть сквозь обруч, то за ним располагается университет — это в прямом смысле. В другом смысле...

— Что?

— Другая часть пространства. Другая временная последовательность. Вечность. Может быть, Бруклин. Я даже не могу предположить.

— Ну уж не Бруклин. И даже не Аляска, иначе мальчик давно бы уже вернулся. Чертовски странно, что вы собрали эту штуку, а теперь не можете даже объяснить, как она действует.

— Это я могу объяснить, — извиняющимся тоном произнес Хеплмейер. — Она изгибает пространство.

— И это у нее получается?

— Может быть.

— У меня есть четверо полицейских, желающих пройти сквозь обруч, — добровольцы. Вы согласитесь?

— Нет.

— Почему?

— Пространство — странная вещь, а может быть, и не вещь вовсе, — ответил профессор с затруднением, с которым всегда сталкивается ученый, когда пытается сформулировать абстракцию так, чтобы эта формулировка удовлетворила неспециалиста. — Пространство — это не та область, в которой мы разбираемся.

— Но мы уже достигли Луны.

— Верно. И это довольно неуютное место. Представьте себе, что парень оказался на Луне.

— Неужели?

— Не знаю. Он мог оказаться и на Марсе. Или не долететь миллиона миль до Марса. Я бы не хотел подвергать такому риску еще и четверых полицейских.

В конце концов, с простодушной изобретательностью, а может, с изобретательностью живодеров, через обруч пропустили собаку. Она исчезла.

В течение четырех последующих недель денно и нощно около обруча стоял полицейский наряд, а профессор между тем проводил большую часть дня в суде, а большую часть вечера — в беседах со своими адвокатами. Тем не менее, он нашел время, чтобы трижды встретиться с мэром.

Нью-Йорку жутко повезло с мэром. Стоявшие перед ним проблемы почти полностью уравновешивались его яркой индивидуальностью, умом и воображением. Если профессору Хеплмейеру снились пространство и неопределенность, то мэру с тем же постоянством снились экология, мусор и финансы. Потому ни у кого не вызвало удивления, что мэр выдвинул идею, которая обещала изменить ход истории.

— Мы проведем опыт с одним-единственным мусоровозом, — умолял мэр Хеплмейера. — Если он удастся, вы получите третью Нобелевскую премию.

— Мне не нужна еще одна Нобелевская премия. Я и первых двух не заслуживаю. У меня столько грехов.

— Я могу убедить Бюджетный совет, чтобы они уплатили все расходы по делу Силвермана.

— Бедный мальчик... но разве Бюджетный совет сможет снять с меня хоть часть вины?

— Он сделает вас миллионером.

— Этого я хочу меньше всего.

— Наконец, это ваша обязанность перед человечеством, — настаивал мэр.

— Университет никогда не разрешит вам этого.

— Колумбийский университет беру на себя, — заверил мэр.

— Это отвратительно, — в отчаянии произнес Хеплмейер. Но потом сдался, и на следующий день груженный мусоровоз проехал по университетскому двору к обручу.

Блестящее предложение мэра распространилось по городу, как лесной пожар. Не только местная пресса, телевидение, не только почти двенадцать тысяч студентов и других городских зевак, но и зарубежные корреспонденты прибыли в назначенный час на место. Ажиотаж объяснялся тем,

что талант производить мусор, несомненно, заложен в генах человечества, а может быть, даже является важнейшей функцией человечества, как однажды бестактно заметил Джордж Бернард Шоу. И уж уборка этого самого мусора, несомненно, является общечеловеческой проблемой.

Итак, камеры зажужжали, и пятьдесят миллионов глаз вперились в телеэкраны, когда большой мусоровоз занял исходную позицию. Для истории заметим, что водителем был Ральф Веккио, а его помощником Тони Андамано.

Андамано стоял, так сказать, в лучах славы, спокойно и умело направляя Веккио:

— Подай назад, Ральфи... еще чуть-чуть... теперь придержи немного. Легко и красиво. Подай назад. Подай назад. Еще двенадцать-четыренадцать дюймов. Потише... отлично. Стой так. Хорошо.

Профессор Хеплмейер стоял рядом с мэром, бормоча что-то себе под нос, а между тем опрокидывающий механизм откинул назад огромный кузов мусоровоза, закрепленный на шарнирах... Мусор начал сыпаться в обруч. Толпа затаила дыхание. Мусор исчезал где-то в бескрайних просторах Марса, космоса, а может быть, вообще в другой галактике. Раздался торжествующий крик, человечество было спасено.

Этот день дал миру новых героев. Героем стал мэр. Героем стал Тони Андамано. Героем стал Ральф Веккио. Но в первую очередь, героем стал профессор Хеплмейер, чью славу можно было сравнить разве что с его собственным унынием. Как отметить его заслуги? Специальным постановлением конгресса была учреждена Медаль конгресса за экологию, и Хеплмейер получил ее. Его сделали полковником национальной гвардии штата Кентукки и почетным гражданином Японии и Великобритании. Япония не торгуясь предложила ему десять миллионов долларов за один-единственный обруч, и контракт на миллиард долларов за сто обручей. Шестнадцать университетов присвоили ему почетные степени, а муниципалитет Детройта превзошел японцев, предложив за один обруч двенадцать миллионов долларов. После этого предложения от городских муниципалитетов посыпались как из рога изобилия. На первом месте опять оказался Детройт, предлагавший сто миллионов долларов за первый,

а точнее сказать, второй обруч, построенный Хеплмейером. Германия захотела купить принципы работы обруча, не саму установку, а только принципы, и за это немцы были готовы заплатить полмиллиарда марок, вежливо напоминая профессору, что марка была в целом предпочтительнее доллара.

За завтраком жена деликатно напомнила Хеплмейеру, что пора оплатить счет дантиста — 1200 долларов за новый мост.

— У нас в банке всего семьсот двадцать два доллара, — тяжело вздохнул профессор. — Может быть, нам следует взять займы.

— Нет-нет. Ни за что, это совсем не в жилу, — отрезала жена.

Профессор, отставший в своей разговорной речи на четверть века, посмотрел на нее с некоторым недоумением.

— Вспомни о немецком предложении, — объяснила она. — Тебе даже не придется делать эту проклятую штуку. Им нужен только принцип.

— Я часто думаю, что вовсе не невежество, а, скорее, приверженность принципу двойственности виновата в падении человеческих нравов.

— О чем ты?

— О двойственности.

— Тебе понравились яйца? Я купила их в супермаркете «Пайонир». Они подешевели на семь центов. Высший сорт.

— Очень хороши, — ответил профессор.

— О какой двойственности ты толкуешь?

— Мы просто так размышляем. Хорошее и плохое. Правда и неправда. Черное и белое. Моя рубашка, твоя рубашка. Моя страна, твоя страна. Таков наш образ мышления. Мы никогда не думаем о едином, целостном. Вселенная находится вне нас. Нам не приходит в голову, что мы — тоже часть Вселенной.

— Честно говоря, я не совсем понимаю тебя, — осторожно отозвалась жена, — это означает, что ты больше не будешь делать обручи?

— Я не уверен.

— Это значит, что ты уверен.

— Нет, это значит только, что я не уверен. Я собираюсь подумать об этом.

Жена встала из-за стола, и профессор спросил, куда она собралась.

— Либо у меня сейчас начнется мигрень, либо я выброшусь из окна. Мне тоже придется подумать об этом.

Единственным человеком, который в этой ситуации ни минуты не сомневался в себе, оставался мэр. Он уже восемь лет боролся с неразрешимыми проблемами, и в городе не было ни одной организации — профсоюза, фэн-клуба болельщиков, ассоциации домохозяек или отряда бойскаутов, которая хоть раз не выбирала его козлом отпущения. В конце концов на его многострадальном загривке появились признаки застарелой мозоли. Мэр так самоотверженно был предан обручу, что, попытайся кто-нибудь коснуться уставки, он тут же вооружил бы всех жителей и воздвиг бы баррикады. Полицейские стояли вокруг обруча плечом к плечу. Утром, днем, вечером и ночью бесконечная вереница мусоровозов не переставала сбрасывать в установку мусор. Так ситуация выглядела на данный момент. Но в кабинетах муниципальных работников допоздна горел свет: за своими чертежными досками они разрабатывали систему, которая позволила бы сливать прямо в обруч и все канализационные стоки. Это воистину был звездный час, ни на йоту не омраченный требованиями мэров Йонкерса, Джерси-Сити и Хакенсака допустить их к этому делу.

Мэр был тверд. Не проходило минуты, чтобы к обручу не подъезжал мусоровоз и не опустошал в него свой кузов. Тони Андамано, назначенный на пост инспектора, постоянно находился около обруча и вместе с целым штатом помощников следил, чтобы мусор как следует валился в бесконечность.

Разумеется, следовало ожидать, что будут появляться требования разобрать обруч, посмотреть, как он устроен, и тотчас же размножить его, сначала на местном, потом на национальном, а потом и на мировом уровне. Японцы, давно ставшие специалистами по воспроизведению и совершенствованию всего, что создано на Западе, первыми подкинули эту идею в ООН; за ними последовали еще

пятьдесят стран, а потом — еще сто государств. Но мэр уже тихонько переговорил на эту тему с Хеплмейером. Если доверять мемуарам Хеплмейера, то их диалог выглядел примерно так:

— Я хочу получить прямой и ясный ответ, профессор. Если разобрать обруч, то можно ли его воспроизвести?

— Нет.

— Почему?

— Потому что нужно знать математику. Это вам не автомобильная трансмиссия.

— Естественно. Есть ли хоть какой-нибудь шанс, что его воспроизведут?

— Кто знает...

— Думаю, что вы, — сказал мэр. — Вы бы смогли воспроизвести его...

— Я его построил.

— Так сможете?

— Возможно. Я давно думаю об этом.

— Уже целый месяц.

— Я известный тугодум, — ответил профессор.

Тогда мэр сделал свое историческое заявление, гласившее: «Любая попытка нарушения работы обруча будет расцениваться как покушение на конституционное право собственности города Нью-Йорка и встретит сопротивление, которое будет оказываться всеми средствами, юридическими и иными, имеющимися в распоряжении города».

Комментаторы немедленно пустились в рассуждения о том, какие именно меры имелись в виду под словом «иные», а губернатор, который всегда недолюбливал мэра, возбудил иск в Федеральном суде от имени и по поручению муниципалитетов штата Нью-Йорк. Тем временем НАСА, презрев все предостережения о неразрешимых научных проблемах, подключило к решению задачи всю свою колоссальную батарею электронных мозгов. Русские заявили, что создадут собственный обруч в течение шестидесяти дней. Одни лишь китайцы посмеивались, поскольку у них основная часть мусора перерабатывалась в органический компост, к тому же они были слишком бедны и слишком бережливы, чтобы тяготиться подобными проблемами. К сожалению, китайцы

находились слишком далеко, чтобы их насмешки успокоили Америку. Волна гнева нарастала день ото дня. Из героя и чудака профессор Хеплмейер стал быстро превращаться во врага народа номер один. Его публично обвиняли в том, что он — коммунист, сумасшедший, маниакальный эгоист, да еще и убийца в придачу.

— Как-то неуютно, — признался Хеплмейер своей жене; теперь он избегал пресс-конференций и телевизионных интервью, и его признания происходили обычно за завтраком.

— Мне понадобилось тридцать лет, чтобы узнать, какой ты упрямый. Теперь об этом знает весь мир.

— Нет, это не упрямство. Я уже говорил, здесь все дело в двойственности.

— А все остальные считают, что все дело в мусоре. Кроме того, ты так и не заплатил зубному врачу. Счет просрочен на четыре месяца. Доктор Штайнман собирается подать на нас в суд.

— Прямо уж в суд. Зубные врачи не судятся.

— Он говорит, что ты — потенциально самый богатый человек в мире, и это оправдывает его иск.

Профессор что-то подсчитал на салфетке.

— Поразительно! — воскликнул он. — Знаешь, сколько мусора уже свалено в обруч?

— А ты знаешь, что ты мог бы получать отчисления с каждого фунта этого мусора? Сегодня звонил адвокат, который собирается представлять...

— Больше миллиона тонн, — перебил он. — Только представь себе, больше миллиона тонн мусора. Что мы за странные существа. Веками философы искали теологическое обоснование существования человечества, но никому из них не пришло в голову, что мы — просто производители мусора.

— Он упомянул о платежах в пять центов с каждой тонны.

— Более миллиона тонн, — задумчиво повторил профессор. — Интересно, где они сейчас?

С того дня минуло три недели, и вот в 5.20 утра на асфальте Уолл-стрит появилась странная трещина. Такие дефекты нередко встречаются на городских улицах, не при-

влекая к себе никакого внимания, а тем более не вызывая тревоги; но наша трещина принялась расширяться.

Между 5.20 и 8.20 она удлинилась в два раза, а ее края раздвинулись на целый дюйм. Исходящий из нее запах привлек внимание людей, спешащих на работу. Прошел даже слух об утечке газа.

К десяти часам на месте происшествия появились машины компании «Кон Эдисон», ответственной за состояние газовых труб, а к одиннадцати полиция оцепила улицу. Края трещины, протянувшейся через всю улицу, раздвинулись по меньшей мере на восемь дюймов. Пошли пересуды о состоявшемся землетрясении, но Фордхэмовский университет сообщил, что сейсмограф не зарегистрировал ничего необычного — слабые колебания, но все в пределах нормы.

В обеденный перерыв улицы заполнились народом. От трещины, ставшей к этому времени узкой пещерой, исходил отчетливый запах тухлятины, такой тяжелый и неприятный, что полдюжины наиболее чувствительных желудков вывернуло наизнанку; а к часу дня лопнули водопроводные магистрали, и «Кон Эдисон» пришлось отключить не только газ, но и высоковольтные линии. В 14.10 наружу показался первый мусор.

Сначала он лишь слабо пробивался сквозь расщелину, но уже через час разлом расширился до трех футов, близлежащие постройки начали оседать и давать трещины, посыпался кирпич, и мусор мощным потоком, как лава из проснувшегося вулкана, устремился по Уолл-стрит. Конторы закрылись, служащие бросились наутек; маклеры, банкиры, секретарши — все без разбора пробирались через груды мусора. Несмотря на все усилия полиции и пожарных, несмотря на героические действия экипажей полицейских вертолетов, пять человек были засыпаны прибывающим мусором или заблокированы в аварийных зданиях. К пяти часам гора мусора достигла высоты десятиэтажного дома; отбросы стали растекаться в одну сторону по Бродвею, а в другую — по Ист-Ривер-драйв. Потом, словно древний вулкан, гора взорвалась, и мусор в течение часа падал на Манхэттен, как когда-то на Помпеи падал пепел.

Потом все быстро и внезапно прекратилось — так внезапно, что мэр так и не успел покинуть свой кабинет,

продолжая сидеть и глядеть в окно на мусорный ковер, окружавший городскую ратушу.

Он поднял трубку телефона и, к удивлению своему, обнаружил, что связь еще работает. Он включил персональную линию; электрические импульсы пробились сквозь мусор, и в кабинете профессора Хеплмейера зазвонил телефон.

— Хеплмейер слушает, — сказал профессор.

— Это мэр.

— О, да-да. Я слышал. Мне очень жаль. Все уже кончилось?

— Похоже, что так, — ответил мэр.

— А Эрнест Силверман?

— О нем никаких известий, — сказал мэр.

— Очень учтиво с вашей стороны, что вы позвонили мне.

— Здесь столько мусора.

— Около двух миллионов тонн? — осторожно поинтересовался профессор.

— Может, чуть больше, может, чуть меньше. Как вы думаете, если чуть-чуть передвинуть обруч...

Профессор, не дослушав, повесил трубку и пошел на кухню, где его жена тушила говядину. Она поинтересовалась, кто звонил.

— Мэр.

— Да?

— Он хочет передвинуть обруч.

— Думаю, он очень предусмотрителен, раз сначала посоветовался с тобой.

— О, да. Да, в самом деле, — сказал профессор Хеплмейер, — мне надо подумать об этом.

— Надо так надо, — покорно отозвалась жена.

НЛО

— Ты никогда не читаешь в постели, — сказал мистер Натли своей жене.

— Раньше читала, ты просто забыл, — возразила миссис Натли. — Но со временем мне стало нравиться просто лежать и думать. Чтобы собрать свою голову вместе — так говорят дети.

— Завидую. Ты всегда быстро засыпаешь.

— Не совсем так. Обычно, — ответила она. — Я думаю, просто женщины меньше мужчин переживают из-за пустяков.

— Меня это вовсе не волнует, — запротестовал мистер Натли, откладывая в сторону последний номер журнала «Нью-Йоркер» и выключая свет, — хотя и нахожу это чертовски неприятным. Дело не в бессоннице. Просто в голову иногда приходит мысль, которую трудно оттуда выбить.

— Сейчас тебе тоже пришла в голову такая мысль?

— Как сказать... Этот Ральф Томсон мне словно гвоздь в заднице, если это можно назвать мыслью.

— Во всяком случае, это не повод для бессонницы. Должна заметить, что он всегда казался мне довольно милым — как сосед. Мы иногда бываем хуже.

— Возможно.

— Почему ты так настроен против него? — спросила миссис Натли, подтягивая одеяло к подбородку.

— Потому что я никак не могу понять, когда он говорит серьезно, а когда — нет. Не выношу художников и писателей,

а его больше всех. То, что я таскаюсь в город каждое утро и честно вкалываю целый день, делает меня, как он выражается, членом истеблишмента, а также объектом при-
ложения его сомнительного чувства юмора.

— Ты этим расстроен?

— Нет, не расстроен. Но почему проходит час, прежде чем я нахожу достойный остроумный ответ на насмешку этой лошадиной задницы?

— Потому что ты честен и благопристоен, за что я тебе благодарна. Что он еще ляпнул?

— Главное не что, а как он это сказал, — ответил мистер Натли. — Таинственно-насмешливо. Он сказал, что видел, как летающая тарелка прилетела со стороны заходящего солнца и опустилась в долину за холмом.

— Ха! Это даже не остроумно. Ты, наверно, попался на крючок и стал доказывать, что летающих тарелок не бывает.

— Я хочу спать, — сказал мистер Натли. Он отвернулся, устроился поудобнее под одеялом и затих. Через минуту или две он поинтересовался, спит ли миссис Натли.

— Что-то не спится.

— Да, я ответил: почему бы тогда ему не сходить туда и не посмотреть на тарелку, раз он точно знает, где она приземлилась? А он сказал, что не хочет нарушать границы собственности миллионеров.

— Он действительно считает нас миллионерами?

— Человек, встречающий летающие тарелки, может думать все что угодно. Куда катится наша страна? Когда я был маленьким, никто и думать не думал об этих летающих тарелках. Тогда никого не грабили, никто не принимал наркотики. Я хочу спросить: ты, когда была маленькой, видела хоть одну летающую тарелку?

— Может быть, тогда их просто не было? — предположила миссис Натли.

— Конечно, их не было.

— Нет, я хотела сказать, что их не было тогда, а сейчас они есть.

— Ерунда.

— Ну, может быть, не совсем, — мягко сказала миссис Натли, — многие люди их видят.

— Это доказывает только, что мир заполнили ненормальные. Что может быть глупее летающих тарелок? К чему все это?

— Может из любопытства?

— О чем ты?

— Ну, — объяснила миссис Натли, — мы любопытны, они любопытны. Почему нет?

— Вот именно такое направление мыслей и представляет сегодня самую главную опасность. Идиотские предположения, не имеющие под собой никаких оснований. Ты знаешь, что вчера из-за того, что кто-то высказал нелепое предположение, а репортеры его подхватили, биржевой курс упал на десять пунктов? Если бы ты и тебе подобные крепче стояли на земле, а не витали в облаках, нам всем жилось бы лучше.

— Кого ты называешь людьми, подобными мне?

— Тех, кто ничего не знает о мире, в котором живет.

— Как я? — мягко спросила миссис Натли. Она вообще редко сердилась.

— Ну скажи, чем ты занята весь день здесь, в пригороде, в шестидесяти милях от Нью-Йорка?

— Я занята делами, — кротко ответила она.

— Недостаточно быть просто занятой, — мистер Натли начал одну из своих нравоучительных проповедей, которые, как подсчитала миссис Натли, он выдавал с удручающей регулярностью приблизительно раз в две недели, когда его особенно мучила бессонница. — Человек должен оправдывать свое существование.

— Делая деньги. Но ты всегда говоришь мне, что денег у нас достаточно.

— Я говорю не о деньгах. Дело в том, что, когда дети пошли в колледж, а ты решила завершить образование и получить докторскую степень в биологии растений, я был полностью за. Не так ли?

— Да, это так. Ты проявил понимание.

— Не в этом суть. Суть в том, что вот уже два года как ты получила степень, а пользы из этого ты

никакой не извлекаешь. Ты проводишь свои дни здесь и тратишь их попусту.

— Ты сердиться на меня, — сказала миссис Натли.

— Я не сержусь.

— Я пытаюсь себя занять. Я работаю в саду. Я собираю образцы.

— У тебя есть садовник. Я плачу ему сто десять долларов в неделю. У тебя есть повар. У тебя есть прислуга. Я прочитал статью в «Санди Обзервер» о бесцельной жизни женщин верхнего и среднего классов общества.

— Да, я читала ее тоже.

— Ты так и будешь меня перебивать? — сказал раздраженно мистер Натли. — Мы говорили о летающих тарелках, которые ты готова принять как факт.

— Но сейчас мы говорим о чем-то другом, не так ли? Тебя раздражает, что я не ищу работу в каком-нибудь университете в качестве биолога и не могу доказать, что занимаю достойное место в жизни. Но тогда мы практически не будем видеться. А я люблю тебя.

— Разве я сказал хоть слово о работе в университете? Хотя в радиусе двадцати миль есть четыре колледжа, каждый из которых с радостью взял бы тебя к себе.

— Ну, это еще не факт. А потом, я люблю мой дом.

— Стало быть, ты миришься со скукой. Ты миришься со скучным, бессмысленным существованием. Ты миришься...

— Знаешь, тебе не следует работать допоздна, — сказала миссис Натли тихо. — Потом тебе трудно заснуть. Может, выпьешь стакан теплого молока?

— Почему ты не даешь мне закончить мысль?

— Я хотела принести тебе молоко. Это всегда помогало тебе уснуть.

Она вылезла из постели, включила лампу на ночном столике, надела халат и направилась в кухню. Там она подогрела молоко. Из банки в шкафу она взяла пакетик снотворного и высыпала порошок в стакан. Затем налила туда горячего молока. Муж выпил молоко под ее любящим взглядом.

— В молоко ты добавляешь волшебство, — сказал мистер Натли. — Извини, я раздражаюсь оттого, что не могу уснуть.

— Да, конечно.

— Просто я думаю целый день о тебе и...

— Но я так люблю этот дом.

Она подождала, пока его дыхание станет ровным и тихим.

— Бедный ты мой, — сказала она со вздохом, выждала еще десять минут, а затем встала и надела одежду из грубой ткани, походные ботинки, рубашку и свитер, осторожно спустилась по лестнице и вышла из дома.

Она пересекла сад в направлении сарая. Луна светила так ярко, что ей не понадобился висящий на поясе фонарь. В сарае лежал рюкзак, полный образцов растений, которые она собрала и систематизировала за последние три недели. Она заботливо обкладывала каждое растение сырым мхом, чтобы сохранить его свежесть, его теплые краски. Не то чтобы ей мало платили за работу. Мистер Натли был абсолютно прав. Квалификация должна достойно оплачиваться, и у нее была старая сумочка, наполовину заполненная алмазами. Миссис Натли хранила ее в верхнем ящике столика. Работодатели сразу объяснили ей, что в их краях алмазов не меньше, чем придорожных камешков у нас, так что миссис Натли не чувствовала неудобства за чрезмерную оплату.

Она вскинула рюкзак на плечи, вышла из сарая и направилась через холм в прятавшуюся за ним долину, где вдали от глаз циничных скептиков удобно устроилась летающая тарелка. Миссис Натли шла уверенной походкой пятидесятилетней женщины, поддерживающей отличную форму. В этом ей помогала работа на открытом воздухе. Она шла и думала, как хорошо было бы, если бы мистер Натли мог проводить свое время на природе, а не в душном городском офисе.

ОБОСНОВАНИЕ

Надо сказать, что акция проводилась с немалым размахом: в США передача велась по трем национальным радиоканалам, в Англии по каналам Би-би-си, в остальных странах — на волнах самых популярных радиостанций. Не осталось в стороне и телевидение.

Сообщение гласило следующее:

«Вы должны обосновать, почему население Земли не может быть уничтожено».

Подпись была столь же простой и лаконичной:

«Аз есмь Господь Бог ваш».

Сообщение передавалось один раз в день, в одиннадцать часов утра в Нью-Йорке, десять часов утра в Чикаго, семь часов утра в Гонолулу, два часа ночи в Токио, в полночь в Бангкоке и так далее по всему земному шару. Информация читалась на всех языках мира, голос диктора был глубоким и спокойным, а сигнал обладал такой силой, что перекрывал любую передачу, которая транслировалась в данный момент.

Первая реакция была легко предсказуемой. Русские набросились на Соединенные Штаты, утверждая, что поскольку США, по их сведениям, по уши погрязли во всевозможных грехах, то они вряд ли остановятся и перед диверсионным

загрязнением радио- и телевизионного эфира. США обвиняли в этом китайцев, а китайцы — Ватикан. Арабы обвиняли евреев, а французы — Билли Грэма, англичане — русских, а Ватикан безмолвствовал, занятый целым комплексом секретных расследований.

Короче, первые две недели, прошедшие с момента появления таинственных объявлений, были почти целиком посвящены взаимным обвинениям. Государства, организации, органы, секты, группы — словом, любые объединения, имеющие доступ к энергии, обвиняли друг друга, пытались выявить источник сигнала. Постепенно обвинения потонули в теле-, радио- и газетных дебатах по данному вопросу. Источник вещания обнаружить так и не удалось. Публичные обсуждения в конце концов были обнародованы. Частные — нет, что придает еще большую историческую ценность приводимым ниже выдержкам.

КРЕМЛЬ.

Резнов: — Я не радиоинженер. Вот товарищ Гриновский — радиоинженер. На его месте я тотчас отправился бы в школу еще лет на десять. Это лучше, чем на десять лет загнать в Сибирь.

Гриновский: — Похоже, товарищ Резнов лучше меня разбирается в научных проблемах.

Болов: — Наглость, товарищ Гриновский, не заменяет компетентности. Товарищ Резнов — марксист, что позволяет ему проникать в самую суть дела.

Гриновский: — Вы тоже марксист, товарищ Болов, да к тому же министр связи. Почему же вы еще не проникли в самую суть дела?

Резнов: — Кончайте пререкаться. В вашем распоряжении — все возможности советской науки, товарищ Гриновский. Это не просто помехи на радиолиниях, это покушение на основные принципы нашей философии.

Гриновский: — Мы уже использовали все возможности советской науки.

Резнов: — И к чему же вы пришли?

Гриновский: — Ни к чему. Мы не знаем, откуда исходит сигнал.

Резнов: — Товарищ Болов, что вы можете предложить в свете заявления товарища Гриновского?

Болов: — Мы можем расстрелять товарища Гриновского, а можем пригласить зайти сюда митрополита. Он ожидает в приемной.

Резнов: — Кто вызвал митрополита?

Гриновский (слегка улыбаясь): — Я.

БЕЛЫЙ ДОМ.

Президент: — Где Билли? Я же предупредил его, что мы начнем в два часа. Где же он?

Госсекретарь: — Я лично звонил ему. Пока мы можем выслушать профессора Фостера из Массачусеттского технологического института.

Президент: — Я хочу, чтобы Билли слышал, что скажет профессор Фостер.

Профессор Фостер: — У меня очень короткое сообщение. Оно напечатано в нескольких экземплярах. Я могу отдать один Билли или прочесть еще раз.

Министр юстиции: — Уверяю вас, за всем этим скрывается Си-би-эс. ЦРУ согласно со мной.

Федеральный министр связи: — Си-би-эс не скрывается за этим. Думаю, нам следует выслушать профессора Фостера. Он работает на переднем крае науки.

Президент: — Где Билли, черт возьми?

Министр обороны: — Должны послушать профессора Фостера. Если у него короткое сообщение, он еще раз зачитает его Билли.

(Открывается дверь. Входит Билли.)

Билли: — Приветствую всех. Да благословит вас Бог.

Министр юстиции: — Вы уверены, что говорите от его лица?

Президент: — Профессор Фостер имеет сообщить нам кое-что. Всю прошедшую неделю он провел в совещаниях с моей специальной ученой комиссией. Зачитайте ваше сообщение, профессор.

Профессор Фостер: — Зачитываю. «Несмотря на все наши усилия, нам не удалось выявить источник сигнала».

Президент: — Это все?

Профессор Фостер: — Да, сэр. Это все.

Министр юстиции: — Черт возьми, сэр, уж вы-то должны знать, откуда исходит сигнал. Из космоса? С Земли? Это проделки русских?

Профессор Фостер: — Я придерживаюсь своего заявления.

Президент: — Итак, от нас требуют обоснования. Билли, мы можем дать обоснование?

Билли: — Я думаю об этом.

Президент: — Да или нет?

(Молчание.)

ИЕРУСАЛИМ.

Премьер-министр: — По предложению профессора Гольдберга я пригласил на это собрание раввина Коэна.

Министр иностранных дел: — Зачем? Чтобы еще больше усложнить эту мистификацию?

Премьер-министр: — Давайте слушаем профессора Гольдберга.

Профессор Гольдберг: — Мы безуспешно работали над этой проблемой денно и нощно, затем связались с американцами. Они тоже не могут определить источник сигнала. Полагаю, нам следует выслушать раввина Коэна.

Премьер-министр: — Раввин, что делать неевреям — это их проблемы. У нас более личный интерес, поскольку, если поразмыслить, наш народ уже сталкивался однажды с подобной проблемой. Мы стоим перед необходимостью дать обоснование. Мы можем дать обоснование?

Раввин Коэн (печально): — Боюсь, что нет.

УАЙТХОЛЛ.

Начальник службы безопасности: — Я подключил четырех наших лучших сотрудников. Мы забрасываем их на север через афганскую границу.

Премьер-министр: — Что вы от них узнали?

Начальник службы безопасности: — Связь с ними потеряна.

Премьер-министр: — Думаю, вам следует связаться с архиепископом.

Начальник службы безопасности: — Этим займется один из моих лучших сотрудников.

(Многозначительное молчание.)

ВАТИКАН.

Первый кардинал: — Никак не могу поверить. После стольких лет усилий...

Второй кардинал: — Изнурительных усилий.

Первый кардинал: — И ни слова благодарности. Давайте обоснование, и все тут.

Второй кардинал: — Вы беседовали с юридическим отделом?

Первый кардинал: — О да... да, конечно. Он не превысил своих полномочий.

Приведенные выше выдержки являются всего лишь примером того, что происходило в высших правительственных кругах разных стран.

Ватикан и Израиль, вследствие исключительности своего прошлого, попытались выяснить, сколько времени дано на размышление, и им по меньшей мере четырежды дали возможность воспользоваться мощнейшим передатчиком «Голоса Америки», как на средних, так и на коротких волнах; но их неистовые обращения типа «Сколько нам осталось времени?» просто-напросто игнорировались. День за днем гулкий и могучий голос в один и тот же час, в одну и ту же минуту призывал людей Земли найти обоснование.

По прошествии третьей недели Россия, Китай и зависимые от них государства обнародовали совместное заявление, в котором назвали обращение безвкусной буржуазной выходкой, нацеленной на разрушение духовного единства миролюбивых стран; они признавали, что источник сигнала еще не обнаружен, но утверждали, что его выявление — вопрос короткого времени. Однако усилия Москвы заглушить голос

оказались тщетными, и Китай в конце концов обвинил Москву в причастности к западному заговору, направленному на то, чтобы всучить восточной цивилизации свою примитивную антропоморфную концепцию библейского Бога.

Между тем реакция людей колебалась в широчайших пределах: от откровенного презрения и безразличия до гнева, бунта и паники. Президент Соединенных Штатов имел долгую и серьезную беседу со своим другом Билли. Нам известны только результаты этой беседы, и ее содержание мы реконструируем. Тем не менее, вполне можно предположить, не погрешив против истины, что она протекала приблизительно так:

— Я прочитал твой отчет, Билли. Он не слишком-то убедителен, — сказал президент.

— Да? Впрочем, я и сам его не очень высоко ставлю.

— Думаю, ты мог бы написать что-нибудь получше.

— Может быть, да. Может быть, нет. Я не люблю, когда мне приказывают давать обоснования. Я вообще не убежден, что такие требования конституционны.

— Они конституционны, — заверил его президент. — Я долго говорил об этом с председателем Федерального суда. Он уверяет, что это вполне соответствует конституции.

— Я говорю в широком смысле слова. Это нельзя понимать слишком узко.

— Человек ко всему привыкает, — признался президент. — Ты должен согласиться, что мы всегда выступали на стороне Бога.

— Вопрос в том, на нашей ли Бог.

— Ты разуверился, Билли?

— Мне кажется, он просто испытывает нашу веру.

— Он должен быть на нашей стороне, — упорствовал президент. — Об этом говорит даже само требование обоснования. Наша страна первой применила прием юридических обоснований. С их помощью мы положили конец подрывным забастовкам задолго до того, как остальной мир задумался о применении этого инструмента. А что касается нас самих — в какой еще стране мира гарантируется такая же свободная и изобильная жизнь, как в Америке?

— Думаю, сейчас эта тема не совсем уместна.

— Билли, я никогда раньше не видел тебя в таком состоянии. Похоже, ты самый самонадеянный человек на Земле. Ты хочешь, чтобы я отстранил тебя и передал дела министру юстиции? У него отличный штат юристов, и если они подумают вместе, то придут к заключению, которое покажется вполне убедительным суду присяжных.

— При чем тут суд присяжных. От нас требуют прямого обоснования. Это момент истины.

— У нас и раньше бывали моменты истины, и мы их благополучно переживали.

— Это совсем другое.

— Почему?

Билли посмотрел на президента, а президент — на Билли; наконец, не выдержав противостояния, президент кивнул головой.

— Положение безнадежно?

— Я кое-что придумал, — произнес Билли.

— Что именно? Я предоставляю в твое распоряжение все ресурсы страны.

— Если как следует разобраться, — сказал Билли, — то самое трудное — это найти обоснование. Одно дело — проповедовать на большом стадионе в Хьюстоне, но когда выступаешь, например, в ООН, то все твои аргументы не выдерживают никакой критики.

— Не выдерживают, черт возьми.

— Ну, с Англией и Гватемалой — еще куда ни шло, но где то подавляющее большинство, которое мы имели десять лет назад?

— Мы ничуть не хуже любой другой страны и уж гораздо лучше красных.

— В этом вся сложность.

— Ты сказал, что что-то придумал.

— Да. Давай воспользуемся большим компьютером в Хьюстоне. Начнем программировать его. Мы заложим в него все — хорошее и плохое... используем лучших программистов и будем вводить в него все факты, скажем, в течение целой недели или десяти дней.

— Мы не знаем, сколько времени осталось в нашем распоряжении.

— Нам придется надеяться на то, что Он знает, какие действия мы предпринимаем, и подождет, пока мы не закончим работу над обоснованием.

— Разве это не преднамеренный риск?

— Я бы сказал, что это в большей степени научная догадка. Боже мой, он ведь располагает всем временем в мире. Это он придумал его.

— Тогда почему бы нам не подключить к этому делу Ай-би-эм? Они соединят все свои компьютеры, и наши проблемы покажутся детской забавой.

— Правительству придется оплатить все расходы. Я не уверен, что Ай-би-эм смотрит на происходящее нашими глазами.

Идея с Ай-би-эм была реализована. Фирме разрешили использовать не только свои собственные вычислительные центры, но и те, что принадлежали министерству обороны. Прошло не более двух недель, и ученые приступили к программированию.

Денно и ночью информация вводилась в гигантский компьютерный комплекс. Этим занимались более трехсот лучших специалистов-программистов. Ровно через тридцать три дня работа была завершена. В компьютерный комплекс была заложена вся доступная информация, касающаяся роли человечества на планете Земля.

Пробило три часа утра. На центральном пульте управления поджидали результатов страдающий бессонницей президент, весь кабинет министров, около двух дюжин местных светил, а также представители иностранных государств.

Весь мир замер.

— Ну, что там, Билли? — спросил президент.

— Мы заложили в машину проблему и исходные данные. Теперь ждем ответа. — Он повернулся к главному инженеру Ай-би-эм. — Ваша очередь.

Главный инженер кивнул и решительно нажал на кнопку. Колоссальный вычислительный комплекс ожил, загудел, замерцал огоньками. Ему потребовалась целая минута, чтобы переварить введенную информацию, и еще десять секунд — чтобы отпечатать ответ на ленту.

Все замерли на своих местах.

Президент посмотрел на Билли.

— Давайте, — подбодрил его тот.

— Вам действовать, — сказал Билли.

Президент медленно подошел к машине, оторвал ленту. Прочитав написанное, он повернулся к Билли и молча передал ему ленту.

На ленте было напечатано «ГАРВИ ТИТТЕРСОН».

— Гарви Титтерсон, — произнес Билли.

Подошел министр юстиции и взял из рук Билли ленту.

— Гарви Титтерсон, — повторил он.

— Гарви Титтерсон, — сказал президент. — Миллион долларов вложено в крупнейший компьютерный проект — и что же мы имеем?

— Гарви Титтерсон, — сказал госсекретарь.

— Кто такой этот Гарви Титтерсон? — поинтересовался британский посол.

Кто же он, в самом деле? Два часа спустя президент Соединенных Штатов и его друг Билли сидели в Белом доме, глядя на бульдожье лицо директора ФБР.

— Гарви Титтерсон, — сказал президент. — Мы хотим, чтобы вы нашли его.

— Кто это? — спросил стареющий директор ФБР.

— Если бы мы знали, кто это, мы не обратились бы к вам, — объяснил президент медленно и почтительно. Он всегда был почтителен в разговоре с директором ФБР. — Мы просто хотим узнать, где он находится. Желательно, чтобы его не беспокоили и не тревожили никоим образом; строго говоря, мы бы предпочли, чтобы он остался в полном неведении насчет специального наблюдения. Мы просто хотим выяснить, кто он и где он находится.

— А в телефонную книгу вы не заглядывали?

— Мы связывались с телефонной компанией, — ответил президент. — Вы должны понять, что, зная, до какой степени ваше ведомство загружено работой, мы сочли, что телефонная компания может облегчить нашу задачу. Однако у Гарви Титтерсона нет телефона.

— Может быть, номер просто не внесен в справочник?

— Нет. Телефонная компания оказала нам огромную помощь. У него вообще нет телефона.

— Я сообщу вам о результатах, господин президент, — заверил директор ФБР. — Я задействую двести лучших агентов.

— Постарайтесь не терять времени.

— Хорошо, сэр.

Следует отдать должное ФБР и проницательности его директора. Через три дня на стол президента лег доклад. Папка была помечена грифом «Конфиденциально, совершенно секретно, для служебного пользования и лично Президенту Соединенных Штатов».

Президент пригласил Билли в кабинет.

— Билли, — мрачно сказал он, — это твоя епархия. Я имел дело с Россией и красным Китаем, но в этой области дипломатии принимать решение должен ты. Мы прочтем доклад вместе.

Он открыл папку и увидел:

«Специальный секретный доклад о Гарви Титтерсоне, 22 лет, сыне Фрэнка Титтерсона и Мэри Титтерсон (Бентли). Родился в Плейнфилде, шт. Нью-Джерси. Закончил среднюю школу в Плейнфилде и Калифорнийский университет в Беркли. Специальность — философия.

Дважды арестовывался за хранение марихуаны. В первый раз исполнение приговора отсрочено. Во второй раз осужден на тюремное заключение сроком 30 суток. В настоящее время проживает по адресу: 921, 8-я Ист-стрит, Нью-Йорк. Род занятий неизвестен».

— Так вот он какой, Гарви Титтерсон, — сказал президент. — Странно он ведет себя.

— Я бы не стал винить его, — сказал Билли. — На нашем горизонте Гарви появился благодаря компьютерам.

— Предлагаю тебе взять это дело в свои руки, — сказал президент. — Я дам тебе исключительные полномочия. Если потребуется, в твоём распоряжении будут ВВС, а также мой личный вертолёт. Это твоя миссия, и не стоит лишний раз напоминать, что на карту поставлено слишком многое.

— Сделаю все, что в моих силах, — пообещал Билли.

Через два часа черный правительственный лимузин остановился у дома номер 921 по 8-й Ист-стрит — старого многоквартирного здания без горячего водоснабжения. Из машины вылез Билли, поднялся на четвертый этаж и постучал в дверь.

— Входи, брат, — раздался голос.

Билли открыл дверь и вошел в комнату, в которой находились стол, стул, односпальная кровать и коврик. На коврике, скрестив ноги, сидел молодой человек в очень старых протертых джинсах и футболке. Рыжеватые усы и борода, золотистые волосы, падавшие на плечи, ярко-голубые глаза делали его похожим на духовного наставника Билли.

Билли пристально посмотрел на молодого человека, который ответил ему тем же, и любезно произнес:

— Ты явно не легавый и не домовладелец, поэтому ты, наверное, ошибся дверью.

— Вы Гарви Титтерсон?

— Точно. По крайней мере, порой мне кажется, что я — это он. Установление личности — непростое дело.

Билли назвал себя, и молодой человек понимающе ослабил:

— Ты не отстаешь от моды, приятель.

— Позвольте мне перейти к делу, — сказал Билли, — нельзя терять ни минуты. Я пришел к вам, пытаюсь разрешить основную дилемму.

— По поводу войны во Вьетнаме?

— Нет, я имею в виду обоснование, которое мы должны дать.

— Ты сбиваешь меня с толку, приятель. Какое еще обоснование?

— Разве вы не читаете газет? — изумился Билли.

— Никогда.

— Но уж наверняка слушаете радио... смотрите телевизор.

— У меня нет ни того, ни другого.

— Общаетесь с людьми на работе. Об этом повсюду говорят.

— Я не работаю.

— Так чем же вы занимаетесь?

— Ты слишком прямолинеен, дружище, — заметил Гарви Титтерсон. — Я покуриваю травку и медитирую.

— А на какие средства вы живете?

— Состоятельные родители. Они терпят меня.

— Но вся эта заваруха тянется уже несколько недель. Вы не могли об этом не слышать. Вы, наверно, были в отъезде.

— Да, я совершал длительное медитативное путешествие.

— Так вы сектант? — проявил эрудицию Билли, подпустив в голос нотку уважения.

— Нет, не думаю. У меня свой путь.

— Тогда позвольте ввести вас в курс дела. Несколько недель назад в одно и то же время по всем информационным каналам мира стал звучать голос, вещающий: «Вы должны обосновать, почему население Земли не может быть уничтожено. Аз есмь Господь Бог ваш». Вот что он говорил.

— Круто, — сказал Гарви, — просто круто.

— Так повторяется каждый день. Тот же самый голос, те же самые слова.

— Круто.

— Можете представить себе результаты, — сказал Билли.

— Должно быть, паника.

— Китай, Россия — по всему миру.

— Трудно представить, — согласился Гарви.

— Мы с президентом — друзья...

— Да?

— Я убедил его, что ответ найти будет непросто. В подобных вопросах он полагается на меня. Это большая честь, но в данном случае задача оказалась непосильной.

— Это точно, — снова согласился Гарви.

— И вот я выдвинул идею. Мы собрали крупнейший в мире компьютер и ввели в него всю имеющуюся информацию. Всю. А вместо решения он выдал нам ваше имя.

— Брось! Ты меня разыгрываешь.

— Даю честное слово, Гарви.

— Потрясающе.

— Теперь вы понимаете, что вы значите для нас, Гарви. Вы наша последняя надежда. Вы можете дать обоснование?

— Трудно... очень трудно.

— Может, вам нужно время?

— Вы сами просто не хотите думать об этом, — сказал Гарви.

Билли промолчал.

Гарви Титтерсон надолго закрыл глаза, потом взглянул на Билли и сказал просто:

— Мы те, кто мы есть.

— Что?

— Мы те, кто мы есть.

— Как это?

— Ты должен знать это, дружище. Подумай. «И сказал Бог Моисею: «Я тот, кто я есть»».

Билли посмотрел на часы. Было без трех минут одиннадцать.

Быстро поблагодарив, он выскочил из комнаты, бросился вниз по лестнице и вскочил в большой черный лимузин.

— Включай радио! — закричал он шоферу. — Настраивай на восемьсот восемьдесят килогерц!

Шофер нервно завертел ручки.

— Восемьсот восемьдесят... что ты мешкаешь?

— Говорит Колумбийская радиовещательная компания, — раздался голос диктора. — Радио Си-би-эс, Нью-Йорк. Как и все последнее время, мы освобождаем эфир для специального сообщения.

Потом наступила тишина. Тишина. Минуты шли одна за другой. Тишина. Неуверенно зазвучал голос диктора:

— Очевидно, сегодня нас не будут перебивать...

На четвертом этаже старого дома Гарви Титтерсон свернул сигарку и затянулся.

— Псих, — беззлобно произнес он.

ВСЕ ДЕЛО В РАЗМЕРАХ

Жена Герберта Куки, миссис Эбигейл Куки, была женщиной, обладавшей обостренным чувством общественного долга и справедливости. Пять поколений ее предков жили в Новой Англии, и все были преисполнены чувством общественного долга и справедливости — качествами, широко распространенными в Новой Англии еще с конца эпохи сожжения ведьм.

Она жила в красивом старом доме в колониальном стиле, стоявшем на участке в пятнадцать акров в Реддинге, штат Коннектикут; она запрещала опрыскивать сад любыми химикатами и занималась экологически чистым садоводством. Она твердо верила в перегной, органические удобрения, законность требований «новых левых» и, тихо живя со своими детьми-подростками (муж имел адвокатскую практику в Денбери), много раз жертвовала свое сердце и мелкие чеки на добрые дела. Она была привлекательной женщиной, еще не достигшей сорока лет, и всегда твердо выступала за гражданские права. Склонность к истерике ей совсем не была свойственна.

Одним прекрасным летним утром она сидела на заднем крыльце без навеса и лушила горох. Внезапно она заметила на полу мелкую движущуюся точку. Позже она утверждала, что точка была похожа на муху.

Хозяйка взяла мухобойку и прихлопнула ее. Потом она глянула на комочек, прилипший к мухобойке, и тут у

нее началась настоящая истерика. Когда же к ней вернулось самообладание, она поблагодарила Бога, что дети были в дневном лагере, и, все еще не в силах унять рыдания, позвонила мужу.

— Я убила человека, — объявила она ему.

— Да ты что? Погоди-ка, — ответил он. — Возьми себя в руки. С тобой все в порядке?

— Все в порядке.

— А дети?

— Они в дневном лагере.

— Хорошо. Хорошо. Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

— Да. Я немного переволновалась...

— Я не ослышался — ты сказала, что убила человека?

— Да. Я немного переволновалась... Да. О Боже мой... да.

— Пожалуйста, возьми себя в руки, слышишь, Эбби? Я хочу, чтобы ты взяла себя в руки и рассказала мне, что же произошло.

— Я не могу.

— Кого ты, по-твоему, убила? Грабителя?

— Нет.

— Ты вызвала полицию?

— Нет. Я не могу.

— Почему? Эбби, с тобой все в порядке? У нас в доме нет оружия. Как ты могла убить кого-нибудь?

— Пожалуйста... пожалуйста, приезжай. Прямо сейчас. Пожалуйста.

Через полчаса Герберт Куки примчался к дому, выскочил из машины и обнял свою все еще дрожащую жену.

— Что же все-таки случилось? — настойчиво спросил он.

Она молча помотала головой, потом схватила его за руку, провела на заднее крыльцо и показала на мухобойку.

— Ну и что, мухобойка как мухобойка, — нетерпеливо сказал он. — Эбби, какая муха тебя укусила?

— Посмотри на нее повнимательнее, — попросила она, снова пускаясь в слезы.

— Перестань плакать. Перестань!

Придя к убеждению, что у жены нервное потрясение, он решил, что лучше во всем потакать ей, поднял мухобойку и внимательно рассмотрел ее. Он разглядывал ее долго, а потом прошептал:

— Боже мой!.. Это же черт знает что такое! — Потом, не поднимая глаз, сказал жене: — Эбби, дорогая, в верхнем ящике моего стола лежит увеличительное стекло. Принеси-ка его, пожалуйста.

Она зашла в дом и вернулась с лупой.

— Только не проси меня смотреть, — простонала она.

Герберт осторожно положил мухобойку на стол и поднес к ней лупу.

— Боже мой, — вновь прошептал он, — Боже всемогущий! Провалиться мне сквозь землю! Помимо всего прочего, это белый человек.

— А что это меняет?

— Ничего... совсем ничего. Только... Боже мой, Эбби, он всего полдюйма ростом. Превосходно сложен, удар не смял его, голова, волосы, черты лица... голый, в чем мать родила...

— Не надо больше. Я убила его. Разве этого мало?

— Возьми себя в руки, дорогая.

— Я думала, это муха. Я заметила его краем глаза. Заметила и сразу прихлопнула. Меня сейчас стошнит.

— Прекрати. Ты убила не человека. Не бывает людей ростом в полдюйма.

— Меня сейчас стошнит.

Она побежала в дом, а Герберт Куки принялся исследовать мухобойку дальше.

— Черт побери, — вполголоса проговорил он. — Самый настоящий человек. Пять пальцев, правильные черты лица, светлые волосы... красивая козьявка. Представляю, чем ему показалась мухобойка... как стальной плитой прихлопнули. Помяли немножко...

Бледная, но теперь уже в большей степени владеющая собой, Эбигейл вернулась на крыльцо и сказала:

— Все рассматриваешь этот ужас?

— Это не ужас, Эбби.

— Нельзя ли как-нибудь от него избавиться?

Герберт оторвался от лупы и задумчиво посмотрел на жену.

— Неужели ты этого хочешь?

— Хочу.

— Эбби, это самое загадочное происшествие в нашей жизни, а может, и в истории всего человечества. Я имею в виду, что людей ростом в полдюйма не бывает.

— А у нас тут кто?

— Совершенно верно, — согласился Герберт. — Кто он такой? Откуда он взялся? Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду? — сказал он мягко и кротко.

— Что именно? — спросила она, и в ее голосе слышались холодные нотки.

— Я — юрист, Эбби. Я — работник суда. Это моя жизнь, и я не могу позабыть об этом.

— А я — твоя жена, но об этом ты, похоже, уже забыл.

— Вовсе нет. Ты не сделала ничего плохого. Ничего. Клянусь своей юридической карьерой.

— Продолжай.

— Но у нас здесь лежит труп. Он всего полдюйма ростом, но это все равно труп. Нам придется вызвать полицию.

— Зачем? Все кончено. Я убила беднягу. Мне и так придется жить с камнем на душе. Тебе этого мало?

— Не драматизируй, дорогая. Мы не знаем, что это такое. Может, ты прихлопнула насекомое. Мы знаем только, что это — некое подобие насекомого.

— Дай мне посмотреть в лупу!

— Ты действительно хочешь?

— Сейчас я спокойна.

Он передал ей лупу, и она взглянула сквозь нее.

— Это не насекомое, — заметила она. — Что скажут дети? Ты же знаешь, какие они... Помнишь, когда ты хотел отравить кроликов, которые погрызли наш салат.

— Детям не надо знать об этом. Я позвоню начальнику полиции Брэдли — когда-то я оказал ему услугу.

Брэдли сидел в своем кабинете и смотрел на мухобойку.

— Никак не могу собраться с духом и отделить его от мухобойки, — пожаловался Герберт. — К тому же я забыл дома увеличительное стекло.

Шеф полиции неторопливо вынул из ящика стола лупу и поднес ее к мухобойке.

— Черт возьми, — прошептал он. — Ни за что бы не подумал, что придется увидеть что-нибудь подобное. Самый настоящий человек, правда?

— Не бывает людей ростом в полдюйма.

— А пигмеи?

— Четыре фута. Это сорок восемь дюймов — ровно в девяносто шесть раз больше.

— Ну...

— Что ты имеешь в виду, говоря, что ни за что бы не подумал, что придется увидеть что-нибудь подобное? Похоже, тебя это не очень удивило.

— Ну, я слегка удивлен, Герб.

— Недостаточно.

— Может быть, полицейскому труднее изобразить удивление. На этой работе привыкаешь ко всему.

— Только не к этому.

— Хорошо, Герб. Дело в том, что Эбигейл была не первым человеком, встретившим это. Я никогда не видел ничего подобного, но к нам поступали сообщения. Перепуганные дети, домохозяйки, старик Эзра Бин с фермы в Ньютауне, испуганная старуха в Бетеле — она уверяла, что ее собака съела целую кучу этих существ; другая женщина в Ричфилде говорила, что, когда ее пес наткнулся на них, они утыкали его нос стрелами в четверть дюйма длиной; их пришлось извлекать оттуда пинцетом. Конечно, никто из очевидцев не верил всерьез тому, что видел, и остальные тоже не верили. — Он вновь посмотрел в лупу. — Я сам не знаю, верю во все это или нет.

— А луки и стрелы?

— Крошка совсем голый. Трудновато в это поверить.

— Луки и стрелы означают наличие разума, — озабоченно произнес Герберт Куки.

— Кто знает? Может, собака просто ткнулась носом в куст ежевики.

— Эбигейл сильно расстроена. Говорит, что убила человека.

— Вздор.

— Я могу сказать ей, что она чиста с юридической точки зрения.

— Конечно. Это простая случайность.

— Что ты собираешься сделать с этим? — спросил Куки, кивая в сторону мухобойки.

— Снять и положить в формальдегид. Тебе вернуть мухобойку?

— Думаю, не надо. А что ты будешь делать потом?

— Не знаю. Может, это дело ФБР, хотя я ничего не слышал об этом за пределами Коннектикута. Я посоветуюсь с судьей Биллингзом. У него могут появиться кое-какие мысли на этот счет. Передай Эбби, чтобы она не беспокоилась.

— Успокоить ее не так просто, — отозвался Герберт.

На следующий день, когда после работы Герберт Куки вернулся домой, жена встретила его с окаменевшим лицом и затуманенным взглядом.

— Я хочу продать дом и уехать отсюда, — объявила она.

— Подожди, Эбби. Ты, разумеется, шутишь. При чем тут наш дом?

— Я хочу продать наш дом.

— Ты опять расстроена.

— Не опять, а все еще. Я не спала прошлой ночью, а сегодня Билли занозил ногу.

— Бывает. Дети повсюду бегают босиком.

— Я хочу показать тебе занозу. Я сохранила ее, — она проводила его к столу, развернула лист бумаги и подала ему увеличительное стекло. — Взгляни.

Он всмотрелся сквозь лупу на крошечную щепочку меньше четверти дюйма в длину.

— Боже мой!

— Да.

— Невероятно.

— Да, — повторила жена.

— Наконечник... возможно, металлический. По крайней мере, похоже на металл.

— Меня не интересует, металл это или нет. Меня не интересует, как он выглядит. Я хочу продать дом и навсегда уехать отсюда.

— Ты слишком эмоциональна, — заверил он ее самым спокойным тоном, на какой только был способен.

— Я вообще эмоциональный человек.

— Зря ты так переживаешь черт знает из-за чего. Даже в «Путешествии Гулливера» рост лилипутов был три-четыре дюйма.

— Меня могут расстроить и полдюйма. Кроме того, мне тяжело жить с мыслью о том, что я убила человека мухой.

Через несколько дней после этого разговора Эбигейл прочитала в местной газете редакционную статью. В ней в весьма легкомысленном и не лишенном издевки тоне говорилось:

«Правда ли, что на наших землях поселились эльфы? Ряд жителей, до сих пор всегда отличавшихся здравым рассудком, по секрету сообщили нам, что видели крохотных человечков. Сколь крохотных? От половины до 3/4 дюйма. Такие размеры могут посрамить даже Гулливеровы приключения. Нам самим такие крошки еще не встречались, но одна ирландская бабушка утверждает, что неоднократно видела подобных в Старом Свете. Сеем заверить, что ирландское виски, принятое в достаточных количествах, произведет подобный эффект и в любом другом месте».

В комнате были дети, и Эбигейл молча передала газету мужу. Он прочел статью, а потом сказал:

— Я попросил зайти к нам преподобного Сомерса.

— Неужели?

— Это моральный вопрос, разве не так? Я думал, что это тебя успокоит.

Дочь с любопытством слушала их разговор. От детей ничего не скроешь.

— Почему теперь вы не разрешаете мне играть в лесу? — желал знать Билли.

— Потому что я так сказала, — ответила Эбигейл. Раньше она никогда не позволяла себе так обращаться с детьми.

— Эффи Джонс говорит, что в лесу живут маленькие человечки, — продолжил Билли. — Эффи Джонс говорит, что случайно раздавила одного из них.

— Эффи Джонс — лгунишка, об этом знают все вокруг, — вмешалась сестра.

— Я слышать не хочу, как ты называешь кого-нибудь лгунишкой, — неловко произнес Герберт. — Это не очень-то красиво.

«Мы такие приятные люди», — сказала сама себе Эбигейл. Как бы то ни было, когда вечером появился преподобный Сомерс, Эбигейл испытала известное облегчение. Сомерс был исключительно благоразумным человеком и смотрел на мир без предвзятости и без отвращения, что стало совсем не простой задачей в 70-е годы.

Сомерс отведал хереса, похвалил его и сказал, что ему приятно находиться в компании таких славных людей, лучших его прихожан.

— Однако следует заметить, — сказал Герберт, — что мы никогда не бываем слишком счастливы.

— Я не знаю ни одного места в Библии, где счастье трактовалось бы как нормальное состояние человечества.

— На прошлой неделе я была счастлива, — сказала Эбигейл.

— Позвольте мне немного углубиться в теологию, — прямолинейно сказал Герберт. — Вы верите, что Бог создал человека по своему образу и подобию?

— С точки зрения антропологии — нет. В широком смысле слова — да.... Как вы думаете, Герберт, что это за слухи о маленьких человечках?

— Вы слышали о них?

— Знаю. Слышал. Об этом говорят повсюду, Герберт.

— И вы верите в это?

— Мм-м... Не знаю...

— Верьте, Ваше преподобие. Эбби недавно прихлопнула одного из них. Мухобойкой. Убила. Я отнес его начальнику полиции Брэдли.

— Не может быть.

— Может, — резко вмешалась Эбигейл.

— Ну и каков он? — поинтересовался священник.

— Как сказать, — печально ответил Герберт. — Под увеличительным стеклом это человек. Настоящий человек, величиной чуть больше муравья. Белый.

— Что тебя заиклило на том, что он белый? — вскипела Эбигейл.

— Потому что именно так оно и было! Это был белый человек.

— Похоже, вы оба сходитесь в том, что это был человек, — подытожил священник.

— Я подумала сначала, что это муха, — опять вставила замечание Эбигейл. — Бог свидетель — он был не крупнее мухи.

— Верно, — согласился Герберт.

— Вы оба имеете в виду, — медленно произнес Сомерс, — что он выглядел как человек.

— Ну... да.

— Где он сейчас?

— Брэдли поместил его в формальдегид.

— Надо бы взглянуть на него. Вы говорите, он похож на человека. Но что делает человека человеком? Разве не наличие души, прежде всего?

— Это спорное положение.

— Неужели, дорогая моя? Мы знаем человека с двух сторон: таким, как он есть, и через божественное откровение. Эти два аспекта в сумме и составляют сущность человека. Все остальное относится к флоре или фауне. Всем известно, что человек есть существо наших размеров. И божественное откровение...

— Только не из космоса, — перебила Эбби.

— О чем вы?

— О том, что из космоса Земля выглядит величиной с апельсин, и человек уже не кажется таким большим, разве не так?

— Остановись, ради Бога, — взмолился Герберт, — ты доводишь дело до абсурда. Ты говоришь о наблюдении с большого расстояния, но размеры человека от этого не меняются. Они останутся прежними, как бы далеко в космос ты ни забралась.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, пытаясь обезоружить собеседника.

— Дорогая моя, дорогая моя, — сказал Сомерс, — вы расстроены, мы тоже расстроены, и, может статься, нам еще многое придется пережить, пока с этим не будет покончено. Но я думаю, что вы должны знать чувство меры. Человек таков, каким его создал Бог и каким мы его знаем. Я никак не могу считать себя равнодушным: вы прекрасно знаете, что я никогда не менял своих взглядов на эту проклятую войну во Вьетнаме... несмотря на все трудности с сохранением численности моего прихода. Я обращаюсь к вам не как какой-нибудь библейский фундаменталист, а как человек, верующий в Бога, не поддающегося объяснению.

— Если он не поддается объяснению, значит, он довольно большой, не так ли? Если он простирается в космос на миллионы световых лет, то каковы наши размеры по отношению к нему?

— Эбби, вы спорите без всякого на то основания.

— Разве? — она развернула кусок бумаги и подала Сомерсу вместе с лупой. Он посмотрел сквозь увеличительное стекло и сказал, что крошечная деревянная щепочка, которая там находилась, похожа на стрелу.

— Это и есть стрела. Я вытащила ее из большого пальца левой ноги Билли. Нет, пока он не видел, кто стрелял в него, но как долго это будет продолжаться? Скоро он наступит на одного из них.

— Несомненно, всему этому должно быть какое-то объяснение — может быть, это новое насекомое, удивительно похожее на человека. Обезьяны тоже похожи на людей, но никому в голову не приходит назвать их таковыми.

— Насекомое со светлыми волосами, белой кожей, двумя руками и ногами, к тому же пускающее стрелы — это уж слишком, Ваше преподобие.

— Что бы это ни было, Эбби, это часть природы. Если кого-нибудь из них случайно убьют, так что же, это часть нашего бытия, точно такая же, как стихийные бедствия, которым подвергается человечество: наводнения, землетрясения, гибель городов...

— Вы имеете в виду, что мухобойка для них сродни стихийному бедствию?

— Если вам угодно, да.

За исключением небольшого памфлета в «Нью-Йорк таймс» о странном поведении сумасбродных жителей северной части округа Фэрфилд, известиям о существовании маленьких человечков не придавалось особого значения, и большинство местных жителей приписывало эти рассказы вполне объяснимому влиянию жаркого, засушливого лета. Чета Куки не продала свой дом, но Эбигейл бросила свою привычку прогуливаться по лесу, и даже высокая трава теперь останавливала ее. Она обнаружила, что все чаще и чаще смотрит себе под ноги и все хуже и хуже спит по ночам. Герберт Куки поймал однажды полевую мышь, густо утыканную крохотными стрелами. Жене он об этом ничего не сказал.

Однажды ему позвонил судья Биллингз.

— Зайди ко мне около четырех, Герб,— попросил он. — У меня в кабинете будет несколько гостей. Думаю, тебе будет интересно.

Биллингз еще раньше дал понять Герберту, что, по его мнению, тот будет отличным кандидатом в депутаты конгресса, когда нынешний конгрессмен, которому было уже около семидесяти пяти лет, оставит свой мандат.

Куки понравилось, что Биллингз назвал его Гербом. Он полагал, что вызов в кабинет судьи имеет какое-то отношение к предстоящим выборам. Поэтому он был весьма удивлен, застав там Брэдли и еще двоих мужчин: Добсона из ФБР и профессора Чаннинга из Йельского университета, который был представлен как энтомолог.

— Вот и Герб, — сказал судья и пояснил: — Это тот самый парень, чья жена прихлопнула этого клопа — первого из обнаруженных нами. Сейчас их у нас уже более дюжины.

Чаннинг достал из кармана плоский деревянный ящичек примерно шести дюймов в длину и шести в ширину. Он открыл его и показал несколько предметных стекол для микроскопа, между которыми были плотно зажаты мертвые человечки. Куки взглянул на них и почувствовал, что его начинает тошнить; усилием воли он взял себя в руки.

— Кроме того, — продолжил судья, — у Герба чертовски умная голова на плечах. Он скоро станет нашим кандидатом в палату представителей и будет жутко важной персоной в округе. Я подумал, что он тоже должен присутствовать.

— Вы должны понять, — сказал агент ФБР, — что мы уже обсуждали этот вопрос на высшем уровне. С губернатором и другими высокопоставленными лицами штата. Слава Богу, информация пока не вышла за пределы штата, поэтому мы и приехали сюда.

— Дело в том, — сказал Чаннинг, — что эти существа появились совсем недавно. Мы примерно определили место их первоначального расположения — в лесу около Саугатукского водохранилища. Оттуда они уже успели расселиться на шесть-семь миль во всех направлениях. Это расстояние не слишком впечатляет, но если сопоставить его с их размерами, еще лучше, перевести это расстояние на наши мерки, то окажется, что в нашем масштабе они уже заняли площадь диаметром более пятнадцати тысяч миль. Значит, эти существа представляют собой мобильную силу с колоссальным потенциалом.

— Кто же они такие, черт возьми? — спросил Брэдли.

— Мутация... эволюционное отклонение, уродство — кто знает?

— Это люди или нет? — спросил судья.

— Нет, нет, нет, конечно же, это не люди. По телосложению они очень похожи на людей, но мы анатомизировали их и обнаружили, что во внутреннем строении есть весьма существенные отличия.

У них совершенно другие взаимосвязи сердца, печени и легких. Над ушами у них есть некое подобие усиков, весьма напоминающих те, что имеются у насекомых.

— Тем не менее, это разумные существа, не так ли? — спросил Герберт Куки. — Луки и стрелы...

— Совершенно верно, и потому они очень опасны.

— Разве разум не делает их людьми? — удивился судья.

— Размеры и строение мозга дельфина свидетельствуют о том, что он почти столь же разумен, как и мы с вами, но разве это делает его человеком?

Чаннинг носил короткую бородку и тяжелые очки. Говорил он уверенным поучающим тоном, что немного успокоило Герберта.

— Чем же они опасны? — поинтересовался он, подозревая, что Чаннинг уже давно ждал этого вопроса.

— Они появились всего год-два назад, не более того, а у них уже есть лук и стрелы. Мы предполагаем, что они существуют в другом, совершенно отличном от нашего, субъективном масштабе времени. Полагаю, это относится и к насекомым. Насекомое может жить день, всего несколько часов, но для него это весь отпущенный ему срок существования, субъективно столь же долгий, как наша собственная жизнь. Если эта догадка соответствует действительности, то за истекшие несколько лет у этих существ могло смениться сто поколений. Пройдет еще шесть месяцев, и они изобретут пушки. Сколько времени у нас останется до того момента, когда у них появится что-нибудь вроде атомной бомбы? А рождаемость? Помните легенду о шахматной доске? Положите одну песчинку на первую клетку, две на вторую, четыре на третью, восемь на четвертую. Для того чтобы положить необходимое количество песчинок на последнюю клетку, не хватит песка со всех пляжей мира.

Обсуждение продолжалось, но Герберт Куки чувствовал себя очень неуютно. Его глаза все время натыкались на предметные стекла, лежавшие на столе.

— Как только это распространится... — произнес судья.

— Это не должно распространиться, — отрезал агент ФБР. — Решение уже принято. Стоит только представить,

как к этому отнесется молодежь, хиппи... нет, это просто вопрос времени. Когда? Слово за вами.

— Как можно скорее, — вставил Чаннинг.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Герберт.

— Применение ДДТ повсеместно запрещено, но в данном случае будет сделано исключение. Мы уже экспериментировали с различными концентрациями ДДТ...

— Экспериментировали?!

— Мы поймали восемнадцать особей живыми. ДДТ необычайно эффективен. Даже при небольшой концентрации они умирают в течение пятнадцати минут.

— Мы используем сорок вертолетов, — объяснил агент ФБР. — Распылим яд с воздуха и закончим все дело между тремя и четырьмя часами утра. Люди будут спать, и большинство из них так и не узнает, что произошло.

— Это нанесет серьезный вред пчелам и некоторым животным, но у нас нет выбора.

— Ты только подумай, что вытворяет эта молодежь, — повернулся Брэдли к Герберту. — Ты знаешь, что они уже проводят демонстрации за мир, и не где-нибудь, а в Нью-Милфорде? Одно дело, когда хиппи каждые полчаса выходят на улицы Нью-Йорка, Вашингтона и Лос-Анджелеса, другое — когда все это творится на наших собственных задворках. Знаешь, что получится, если молодежь проникнет, что мы опылили этих жучков?

— Как они умирают? — спросил Герберт. — Я имею в виду, когда их опрыскивают, как они умирают?

— Дело в том, Герб, — вступил в разговор судья Биллингз, — что нам нужен твой имидж. Раньше он иногда даже раздражал нас — я имею в виду времена, когда твоя жена разъезжала по всей округе с наклейкой «Матери мира — за мир», прилепленной на бампер автомашины, устраивала пикетирование и тому подобное, не говоря уже о распространяемых ею экологических петициях — ох уж мне эта экология! Но у каждой медали есть две стороны. Не можем же мы истребить сразу целое поколение молодежи; черт возьми, их нельзя даже посадить под замок. С ними приходится иметь дело, и вот в этом и заключается одно из твоих достоинств, Герб. Ты умеешь обращаться с ними.

У тебя есть имидж, это имидж честного человека, и мы его ценим на вес золота. Волнения непременно начнутся, но мы должны удержать их на как можно более низком уровне. Кое-кто уже подогревает страсти. Они не прочь расстроить осиное гнездо. Мы посоветовались и решили, что ты бы мог с ними справиться.

— Я хотел узнать, как они умирают, когда их опрыскивают, — повторил Герберт.

— Нет ничего проще, — с готовностью отозвался Чаннинг. — Длительных объяснений не потребуется. Оказалось, ДДТ почти мгновенно парализует их, даже если воздействует не напрямую. Они перестают двигаться, бурют и сохнут. Остается что-то бесформенное и съездившееся. Взгляните-ка на это стекло.

Он взял одно из стекол и поднес к нему лупу. Присутствующие сгрудились в кучу, чтобы рассмотреть получше. Герберт сделал то же самое.

— Похоже на таракана, сдохшего еще в прошлом году, — заметил Брэдли.

— Мы хотим, чтобы вы назначили время, — сказал Добсон, агент ФБР. — Это ваша территория, вам и карты в руки.

— Как насчет последствий применения ДДТ?

— Преувеличены... сильно преувеличены... Мы, разумеется, ни в коем случае не рекомендуем возвращаться к его применению, да и Министерство сельского хозяйства заняло твердую позицию по этому вопросу, но так уж сложилось, что мы использовали ДДТ в течение многих лет. Еще одно распыление ничего не изменит. К восходу солнца все закончится.

— Чем скорее, тем лучше, — сказал Брэдли.

В эту ночь Герберт Куки был разбужен пульсирующим гулом вертолетов. Он встал, зашел в ванную и посмотрел на часы. Шел четвертый час утра. Стоило ему вернуться в спальню, как проснувшаяся Эбигейл спросила его:

— Что это?

— Похоже на вертолет.

— Похоже на сотню вертолетов.

— Это так кажется, потому что очень тихо.

Через несколько минут она прошептала:

— Боже мой, когда же это кончится?

Герберт закрыл глаза и попытался уснуть.

— Когда же это кончится? Герб, когда же это кончится?

— Когда-нибудь да кончится. Эбби, попробуй заснуть.

Это наверняка какие-нибудь учения. Волноваться нечего.

— Рев такой, будто они висят прямо над нами.

— Спи, Эбби.

Прошло какое-то время, и вот шум вертолетов начал стихать, а потом и совсем исчез. Тишина стояла полнейшая — абсолютная тишина.

Герберт Куки лежал в постели и вслушивался в тишину.

— Герб!

— Я думал, ты спишь.

— Не могу заснуть. Я боюсь.

— Нечего бояться.

— Я стараюсь вспомнить, сколь велика Вселенная.

— В каком смысле?

— Ты помнишь книгу сэра Джеймса Джина, астронома?

По-моему, это он сказал, что Вселенная имеет протяженность в двести миллионов световых лет от начала до конца...

Герберт вслушивался в тишину.

— Герб, а мы — большие? — Эбигейл теребила его за плечо. — Мы — большие?

ТАЛАНТ ГАРВИ

Гарви Кеплмен никогда бы не подумал, что обладает каким-нибудь талантом, пока однажды в воскресенье за завтраком не выхватил хрустящую пресную булочку прямо из воздуха.

Это уравнило Вселенную, это выправило порядок вещей.

Согласитесь, очень обидно дожить до сорока лет и не обнаружить у себя никакого таланта. Тем не менее, Гарви Кеплмен был до такой степени бесталанным человеком (до сегодняшнего утра), что соответствующий ярлык был приклеен к нему вполне заслуженно.

Про Гарви всегда говорили: ничего особенного. Никакого таланта. Никакой индивидуальности. Бесцветность. Серость. Никаких увлечений. Никаких способностей.

Это был тихий сладкоречивый человек среднего роста с посредственной внешностью, карими глазами и равномерно редующими каштановыми волосами; у него были сносные зубы с хорошими пломбами и чистые ногти. Он работал бухгалтером и имел годовой доход восемнадцать тысяч долларов.

Вот и все. Он не был подвержен приступам ярости, частым сменам настроения или депрессиям, и если бы кто-нибудь захотел прокомментировать жизнь Гарви, то, наверное, мог бы назвать его довольно жизнерадостным человеком. Его жену звали Сьюзи. Мать Сьюзи однажды спросила у нее:

— Гарви у тебя всегда такой неунывающий?

Мать Сьюзи очень хотела знать это.

— Неунывающий? Вот уж никогда бы не подумала, что Гарви — неунывающий.

Все остальные думали точно так же, и объяснялось это тем, что никто никогда всерьез не задумывался о Гарви. Если бы у него были дети, у них могло бы сложиться свое собственное мнение об отце, но брак его оказался бездетным. Не слишком несчастным, не слишком счастливым. Просто бездетным.

Тем не менее, Сьюзи была довольна. Низкорослая, темноволосая, достаточно привлекательная, она была вполне достойна Гарви. Из них обоих никто не протестовал. Жизнь была такой, какой она была.

Воскресное утро тоже было таким, каким оно было. Они вставали поздно, но не слишком. Они завтракали ровно в одиннадцать часов. Сьюзи подавала к столу тосты, яичницу из двух яиц и по три ломтика жареной ветчины каждому, апельсиновый сок и кофе. Кроме того, она ставила на стол две банки с джемом: одну с импортным конфитюром, который любил Гарви, и одну с виноградным желе, которое любила сама.

В это воскресное утро Гарви вдруг подумал, что неплохо было бы съесть поджаристую пресную булочку.

— Правда? — удивилась Сьюзи. — Ни за что бы не подумала, что тебе нравятся булочки. Ты ведь любишь тосты.

— О да, — согласился Гарви. — Я люблю тосты.

— Я имею в виду, что мы всегда едим тосты.

— Я и на ленч ем тосты, — сказал Гарви.

— Я могла бы купить булочек.

— Нет, я говорю о таких особых, пресных булочках. Я ел их в детстве. Они были очень хрустящими и воздушными и стоили всего пять центов за пару. Ты можешь себе представить две булочки всего за пять центов?

— Нет. Никак не могу.

— Да уж, нет больше хрустящих воздушных булочек по пять центов за пару, — вздохнул Гарви. — Хорошо

бы было, если бы я мог просто протянуть руку и выхватить такую булочку из воздуха!

Иллюстрируя свою мысль, Гарви протянул руку и достал хрустящую, поджаристую пресную булочку прямо из воздуха. Он так и застыл на месте с вытянутой рукой и раскрытым ртом, уставившись на булочку; потом он медленно опустил руку и положил булочку перед собой на стол, не отрывая от нее глаз.

— Очень остроумно, Гарви, — обрадовалась Сьюзи. — Какой сюрприз! У тебя отлично получилось.

— Что получилось?

— Ты выхватил эту булочку прямо из воздуха. Помнишь фокусника, который развлекал гостей на вечеринке у Люси Гордон? Он проделывал то же самое с белыми голубями. Но, по-моему, у тебя с булочкой получилось ничуть не хуже, и это такой сюрприз. Можно представить, сколько ты тренировался.

— Я не тренировался.

— Гарви!

— Я действительно достал эту булочку из воздуха!

— Так точно, мистер фокусник! — гордо сказала Сьюзи. Она ощутила приятное чувство гордости за Гарви — совершенно новое для нее чувство. Ей никогда не приходилось краснеть за него, но и гордости она никогда не испытывала.

— Я сам не знаю, как это у меня вышло.

— О, Гарви, не разыгрывай меня. Я поражена. Честное слово.

Гарви отломил кусочек булочки и попробовал. Это был очень вкусный, свежий, настоящий хлеб, точно такой же, как и у тех булочек по пять центов за пару, которые он ел в детстве.

— Намажь ее маслом, — предложила Сьюзи.

Гарви намазал свой кусок маслом и положил сверху немного джема. От удовольствия он даже облизнулся. Сьюзи налила ему еще чашечку кофе.

Гарви доел булочку (Сьюзи только попробовала) и задумчиво покачал головой.

— Странно, черт возьми, — сказал он. — Я просто протянул руку и достал ее из воздуха.

— О, Гарви...

— Но я сделал это. Именно это я сделал.

— У тебя яичница остынет, — напомнила Сьюзи.

Он покачал головой:

— Нет... этого не могло быть. Тогда откуда же она взялась?

— Хочешь, я положу яичницу обратно на сковородку?

— Послушай, Сьюзи. Ты только послушай меня. Я подумал о булочках, которые ел в детстве, и сказал себе, что было бы неплохо съесть одну прямо сейчас, просто протянуть руку и взять ее из воздуха... вот так, — и, подкрепляя слово делом, выхватил из воздуха еще одну булочку и тут же выронил ее на стол, будто в руку ему попал не хлеб, а пылающая головешка.

— Видишь, что я имею в виду?

Сьюзи захлопала в ладоши:

— Чудесно! Прекрасно! Я смотрела не отрываясь, но так и не увидела, как ты это сделал.

Гарви взял со стола вторую булочку.

— Я этого не делал, — уныло произнес он. — Я не тренировался на ловкость рук. Ты же знаешь меня, Сьюзи. Я не в состоянии исполнить простейшего фокуса с картами.

— Тем лучше! Значит, все эти качества дремали в тебе, а теперь они проявились.

— Нет... нет. Помнишь, как бывает, когда мы играем в покер, я должен сдавать и никак не могу перетасовать карты, и все гости дружно смеются, когда я пытаюсь проделать это, потому что карты рассыпаются по всему столу. Я никогда не одолею эту науку.

Глаза у Сьюзи расширились. Она только теперь поняла, что ее муж сидит за столом в одной футболке без рукавов и у него нет никакого снаряжения, если не считать яичницы и трех ломтиков ветчины.

— Гарви, ты имеешь в виду...

— Именно это я и имею в виду, — сказал он, — да.

— Но откуда? Булочная Джетлсона находится в четырех кварталах отсюда.

— В булочной Джетлсона не пекут пресных булочек.

Они немного посидели молча.

— Может быть, это проявился твой талант, — нарушила наконец молчание Сьюзи.

Они еще помолчали.

— А ты можешь доставать только булочки? — спросила Сьюзи. — Одни только булочки? Может, тебе стоит попробовать с датскими пирожными?

— Я не люблю датские пирожные, — жалобно ответил Гарви.

— Тебе нравятся те, что с начинкой из чернослива. Как раз их я и имею в виду: они хрустят и в них много чернослива, а вовсе не те, что сделаны из мягкого хлюпающего теста.

— Таких теперь не достанешь.

— Ну, а ты помнишь, как мы ездили в Вашингтон и остановились в мотеле неподалеку от Балтимора, и там нам сказали, что у них есть шеф-повар, который работал раньше в большом отеле в Германии, только он вовсе не нацист и все такое, и он делал нам датские пирожные, которые тебе очень понравились. Подумай о таком датском пирожном, в котором полно начинки из чернослива.

Гарви подумал. Дрожащей рукой он потянулся к какой-то точке пространства, и оно тут же оказалось у него между большим и указательным пальцами — датское пирожное, так немыслимо заполненное сладкой начинкой, что оно чуть было не развалилось у него в руке. Он выронил его прямо на остывшую яичницу.

— Ой, ты испортил яичницу, — сказала Сьюзи.

— Она все равно холодная.

Гарви сунул палец в начинку и глубокомысленно облизал его. Потом он отломил кусочек пирожного, не обращая внимания на прилипший желток, и пожевал.

— Вкусно? — спросила Сьюзи.

— Великолпно.

Срывая голос, Сьюзи нервно потребовала, чтобы он объяснил, откуда взялось датское пирожное.

— Ты же видела. Ты же сама попросила меня достать датское пирожное.

— О Боже мой, Гарви!

— Мне так кажется. Чертовски странно, а?

— Ты достал это датское пирожное прямо из воздуха?!

— Именно это я и пытаюсь тебе втолковать.

— Значит, это был не фокус, — сказала Сьюзи. — Ой, меня сейчас стошнит, Гарви, меня сейчас вырвет.

Она встала из-за стола и удалилась. Гарви с грустью услышал звук сливаемой в унитаз воды. Потом она почистила зубы. Они оба были очень чистоплотными и опрятными людьми. Вернувшись, Сьюзи взяла себя в руки и сухо сообщила Гарви, что читала статью в приложении к «Нью-Йорк таймс», в которой говорилось о том, что так называемые чудеса и религиозные феномены прошлого на самом деле представляют собой превратно истолкованные научные факты, полностью объяснимые в свете современных знаний.

— Повтори, что ты сказала, дорогая, — попросил ее Гарви.

— Ведь это датское пирожное должно было откуда-то появиться.

— Из Балтимора, — согласился Гарви.

— Может, попробуешь еще с чем-нибудь?

— Нет. Не хочу.

— Тогда, мне кажется, надо позвать моего брата Дэйва.

— Зачем?

— Затем, — объяснила Сьюзи, — я не хочу обидеть тебя, Гарви, но... просто дело в том, что Дэйв знает, что делать.

— С чем?

— Я знаю, ты не любишь Дэйва...

Дэйв был грузным, властным, высокомерным, равнодушным человеком. Гарви он просто презирал.

— Я его недолюбиваю, — признался Гарви. Ему было неловко, что он испытывал к кому бы то ни было враждебное чувство. — Но я могу ладить с ним, — добавил он. — Сьюзи, ты представить себе не можешь, как часто я пытаюсь полюбить Дэйва, потому что он твой брат, но стоит мне его увидеть...

— Гарви, — перебила она, — я все знаю. — Сьюзен позвонила Дэйву.

Дэйв всегда съедал на завтрак три яйца. Гарви сидел за столом и в унынии наблюдал за тем, как Дэйв набивал живот, и слушал, как его жена Рути объясняла, какое у Дэйва пищеварение. Дэйв никогда не принимал слабительное.

— Девиз Дэйва, — говорила Рути, — «скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты».

— Мозг нуждается в пище, тело нуждается в пище, — согласился Дэйв. — Что с тобой, Гарви? Ты расстроен. Стоит мне увидеть расстроенного человека, как я уже в точности знаю, что произошло. Вверх и вниз — вот секрет жизни. Все так просто. Вверх. Все так просто. У тебя не найдется еще ветчины, Сьюзи?

Сьюзи принесла ветчину, села за стол и осторожно растолковала гостям, что произошло сегодня утром. Дэйв ухмыльнулся, не переставая жевать.

— Мне кажется, ты меня не понял, — сказала Сьюзи.

Дэйв дожевал кусок, проглотил его и поздравил чету Кеплмен.

— Рути, — призвал он жену в свидетельницы, — сколько раз я говорил тебе, что все беды у Кеплменов оттого, что у них нет никакого чувства юмора. Сколько раз?

— Пожалуй, раз пятьдесят, — дружелюбно ответила Рути.

— Это, конечно, не самая остроумная шутка в мире, — снисходительно произнес Дэйв, — но все же ничего, сойдет. Гарви достает предметы из воздуха. Неплохо.

— Не предметы. Пресные булочки и датские пирожные.

— А что такое пресные булочки? — заинтересовалась Рути.

— Ну, — стал неловко объяснять Гарви, — их пекли, когда я еще был ребенком. Поджаристые снаружи и мягкие внутри.

— Вот половинка второй булочки, — сказала Сьюзи, подавая ее Рути. Та осмотрела ее и осторожно попробовала.

— Помнишь, как папа ронял такие же в кофе? — обратилась Рути к Дэйву.

— Сначала намажь ее маслом, — посоветовал Дэйв, — давай, попробуй.

— Он не поверил ни одному моему слову. — Сьюзи повернулась к мужу. — Давай, Гарви. Покажи им.

Гарви кивнул.

— Давай, Гарви, давай, — сказал Дэйв. — Что тебе терять?

Впервые за это утро Гарви почувствовал себя хорошо, по-настоящему хорошо. Он протянул руку через стол и прямо из воздуха перед носом шуринка извлек теплую, поджаристую булочку из непросеянной муки, подержал ее несколько секунд, а потом положил на тарелку Дэйва.

— О Боже мой! — воскликнула Рути.

Сьюзи улыбнулась от удовольствия, а Дэйв, раскрыв рот, уставился на булочку. Он глядел, не издавая ни звука.

— Она еще теплая. Кушай, — снисходительно сказал Гарви. Он впервые разговаривал с Дэйвом снисходительным тоном.

Дэйв изумленно покачал головой.

Гарви разломил булочку и намазал ее маслом, которое сразу стало таять на горячем белом мякише. Дэйв осторожно попробовал.

— Недурно, недурно, — к нему стало возвращаться самообладание. — Ты ведь не разыгрываешь меня, а, Гарви? — спросил он. — Нет, нет, это невозможно. Ты ведь самый неуклюжий сопляк, который только когда-либо пытался тасовать карточную колоду. Значит, это не ловкость рук. Тогда что же это, Гарви?

Гарви безнадежно покачал головой.

— Это талант, — сказала Сьюзи.

— Ты чувствовал, как он у тебя появился, Гарви? — стал допытываться Дэйв. — Он что, завладел тобой?.. Или как?

— Он может доставать только булочки? — поинтересовалась Рути.

— Еще датские пирожные.

— Какие датские пирожные?

— Датские пирожные с начинкой из чернослива.

— Я хочу видеть это, — произнес Дэйв, и Гарви тут же достал из воздуха датское пирожное. Дэйв пристально

посмотрел на него, кивнул головой и откусил кусочек. — Только булочки и датские пирожные?

— Больше я ничего не пробовал.

Хитрая улыбка растеклась по лицу Дэйва. Он сунул руку в карман и выудил пачку банкнот. Оттуда он вытащил десятидолларовую купюру и положил на стол.

— Как насчет этого?

— Это может доставить нам много неприятностей, — задумчиво произнес Гарви.

— Каким образом?

— Подделка.

— Да брось, Гарви. Какая подделка? Ты что, подделываешь булочки? Датские пирожные?

— Булочки — это другое дело. А тут — жульничество.

Женщины слушали и смотрели, широко разинув рты, но ничего не говорили.

— Еще не родился бухгалтер, который бы не жульничал. Давай, Гарви!

Гарви помотал головой.

— Это талант, — объяснила Сьюзи. — Это сверхъестественная способность. Думаю, тебе не стоит уговаривать Гарви делать то, чего он не хочет. Ты же не хочешь делать этого, правда, Гарви? — спросила она у мужа. — Если ты, конечно, действительно не хочешь.

— Послушай, Гарви, признайся честно, — сказал Дэйв, — ты делал что-либо подобное раньше? Ты давно подбирался к этому? Подумай, ты можешь начать большое дело... большое дело, Гарви. Если это дар Божий, знаешь, внезапный, то ты никому ничего не обязан. Ты можешь извлечь из воздуха датское пирожное. А можешь — десятидолларовую банкноту. Какая разница?

— Подделка, — сказал Гарви.

— Чуть. Булочки — что, поддельные или настоящие?

— Все равно подделка.

— Гарви, ты совсем спятил со своим правдолюбием. Послушай, ты сидишь в кругу семьи — самых близких, любимых людей. Ты в полной безопасности. Сьюзи — твоя жена. Я — ее брат. Рути — моя жена. Плоть от плоти, кровь от крови. Кто тебя выдаст? Я — зачем мне сворачивать

шею курице, которая несет золотые яйца? Рути — да я ей за это все кости переломаяю.

— Это уж точно, — с готовностью поддакнула Рути. — Я это подтверждаю. Он мне все кости переломает.

— Сьюзи? Сьюзи, ты выдашь Гарви?

— Ни за что, черт возьми.

— Жена не может свидетельствовать против своего мужа. Вот что я говорю тебе. Плоть от плоти, кровь от крови, — продолжил Дэйв.

— Представь себе, — сказала Сьюзи, — что это просто шуточное развлечение. Представь, что мы играем в монополию, или что-то в этом роде. Сделай это как бы для смеха. Дэйв говорит: «Достань из воздуха десятидолларовую купюру». Ты достаешь. Ну и что тут такого?

— Может быть, один доллар? — предложил Гарви, поскольку доводы были слишком убедительными.

— Хорошо, — сказал Дэйв и достал из кармана однодолларовую бумажку. — Я бы сам мог догадаться, Гарви. Сегодня один доллар ничего не стоит. Ничего, ничего. Все равно что пустышка, — он расправил банкноту на столе. — Знаешь, когда я был ребенком, на это еще можно было что-то купить. Но не сейчас. Увы.

Гарви кивнул, глубоко вздохнул, протянул руку и выхватил из воздуха долларовую банкноту.

Сьюзи взвизгнула от удовольствия, а Рути радостно захлопала в ладоши. Дэйв ухмыльнулся, взял у Гарви купюру, положил рядом с той, что уже была на столе, и внимательно сравнил. Потом он покачал головой.

— Ты дал маху, Гарви.

— Что ты имеешь в виду, говоря что я «дал маху»?

— Это похоже на долларовую купюру, но и только. Портрет Вашингтона вышел хорошо, есть надпись «один доллар», но цвет не совсем такой, слишком уж зеленый...

— Ты упустил мелкий шрифт, — воскликнула Рути. — Вот здесь, где говорится, что она является законным средством уплаты всех долговых обязательств, государственных и частных... ты упустил это.

Гарви тоже заметил разницу. Узоры сильно отличались, печать министерства финансов имела тот же цвет, что и

вся банкнота. Что же касалось оборотной стороны, то она напоминала подлинную купюру лишь очень отдаленно.

— О'кей, о'кей... не волнуйся, — сказал Дэйв. — Нельзя было ожидать, что у тебя все получится с первого раза. Тебе надо только как следует рассмотреть подлинный доллар, а потом попробовать снова.

— Мне что-то не хочется.

— Давай, Гарви, давай. Не трусь. Хочешь попробовать с десяткой?

— Нет, лучше опять с одним долларом.

Он протянул руку в воздух и добыл еще одну долларовую бумажку. Все присутствующие с интересом осмотрели ее.

— Хорошо, хорошо, — сказал Дэйв. — Не очень совершенно, Гарви... ты немножко оплошал с печатью, да и бумага не та. Но на этот раз гораздо лучше. Держу пари, эту банкноту можно пустить в обращение.

— Нет! — Гарви схватил обе фальшивые банкноты и сунул в карман.

— Хорошо, хорошо... не расхолаживайся, Гарви. Попробуем еще раз.

— Нет.

— Почему «нет»?

— Я устал. Мне надо подумать. Я почти схожу с ума от всего этого. Представь, если бы это произошло с тобой.

— О Господи, да я бы скупил весь «Дженерал моторс» еще до конца недели.

— Ну, а я не уверен, что хочу купить «Дженерал моторс». Надо подумать.

— Гарви прав, — вставила словечко Сьюзи. — Ты слишком напорист, Дэйв. Гарви имеет право подумать обо всем.

— Пока он думает, талант пропадет.

— С чего ты взял?

— Он проявился внезапно? Внезапно! Значит, и исчезнуть может внезапно.

— Все равно, — преданно сказала Сьюзи. — Гарви имеет право подумать.

— О'кей! Я не хочу выглядеть безрассудным. Единственное, о чем я тебя прошу — когда он надумает, позвони

мне. Я подберу несколько двадцати- и пятидесятидолларовых бумажек.

— Я позвоню тебе.

— О'кей. Только не забудь.

Когда Дэйв с Рути уехали, Гарви спросил у жены, почему она согласилась позвонить.

— Я видеть не хочу Дэйва, — сказал он. — Вы оба относитесь ко мне, как к слабоумному.

— Я согласилась, чтобы только выпроводить его.

— Хочется верить, что ты на моей стороне, а не на его.

— Это нечестно! Я всегда на твоей стороне. Ты прекрасно знаешь об этом.

— Не знаю.

— Хорошо, давай раздуем из этого большой скандал! Они ушли, а ты думай что хочешь. — Сьюзи гордо прошептывала в спальню, хлопнула дверью и включила телевизор.

Гарви сел в гостиной и погрузился в мрачные раздумья. Потом он достал неудавшиеся долларовые банкноты, взглянул на них, порвал на кусочки, пошел в ванную и спустил обрывки в канализацию.

Полдень уже давным-давно миновал. Начинался вечер, и стало смеркаться, так что он почувствовал голод. Он пошел на кухню, взял пива и хлеба с ветчиной. Между тем ему сильно хотелось гамбургера, но не такого, каких было много в холодильнике — безвкусного и жесткого, а мягкого, сочного и с розовой серединой. С грустью подумав о том, что женился на плохой стряпухе, он выхватил великолепный гамбургер прямо из воздуха. Только он успел откусить кусочек, как вошла Сьюзи.

— Ты совсем обо мне не думаешь, — заявила она. — Я, может, умираю с голоду, а ты тут сидишь и набиваешь себе брюхо.

— С каких это пор ты умираешь с голоду?

— Где ты взял гамбургер?

Он достал из воздуха еще один и положил перед ней.

— В нем полно лука, — заявила Сьюзи. — А ты знаешь, что лук я терпеть не могу.

Гарви резко поднялся и выбросил гамбургер в мусорное ведро.

— Гарви, что ты делаешь?

— Ты же не любишь лук.

— Стоило из-за этого выбрасывать целый гамбургер!

— А почему бы и нет? — Гарви понял, что сильно изменился. Еще вчера он ни за что не позволил бы себе спросить: «А почему бы и нет?» Почему бы и нет? Он выхватил из воздуха новый гамбургер: без лука, сухой и жесткий, такой же, каких полно было в холодильнике.

— Угощайся, — произнес он.

Она откусила здоровый кусок и с набитым ртом сообщила ему, что он ведет себя очень странно.

— Как это — странно?

— Ты просто странно ведешь себя, Гарви. Ты должен признать, что ведешь себя странно.

— А сама ты не видишь, в каком я оказался положении?

— В каком?

— Во мне появилось что-то новое... Я могу извлекать предметы из воздуха. Это совсем... Это что-то совсем необыкновенное. Хочешь, например, шоколадного пирога? — он протянул руку, достал кусок слоеного шоколадного пирога и положил его перед Съюзи. — Каков он на вкус? Попробуй.

— Гарви, я еще не доела гамбургер; но ты не думай, что я не понимаю, что эти твои способности — очень необычное явление.

— Это слишком не похоже на меня — на большого ребенка, — сказал Гарви. — На сорокалетнего неудачника.

— Ты вовсе не неудачник, Гарви.

— Не обманывай себя. Я неудачник! Что у нас есть?.. Пять тысяч долларов на банковском счете, небольшая четырехкомнатная квартира... Детей нет, нет ничего, совершенно ничего. Я всего лишь огромный жирный нуль, а мне уже сорок один год.

— Мне не нравится, когда ты так говоришь, Гарви.

— Я говорю всего лишь о том, что мне надо как следует осознать все это. Мне надо привыкнуть к тому, что я могу доставать предметы из воздуха, к моему не-

обычному таланту. Мне надо убедиться в собственных способностях.

— Зачем? Разве ты в них не веришь?

— И да, и нет. Вот почему мне надо подумать.

Сьюзи кивнула.

— Я понимаю. — Она как раз доела шоколадный пирог, после чего вновь пошла в спальню и включила телевизор.

Гарви прошел вслед за ней.

— Ну разве ты поняла меня? Почему ты всегда говоришь мне, что понимаешь?

Она пыталась сосредоточиться на телеэкране и помотала головой.

— Выключи ты этот чертов ящик! — не выдержав, заорал Гарви.

— Не кричи на меня!

— Тогда послушай меня. Ты видишь, как я достаю вещи из воздуха, и говоришь, что понимаешь меня. Я взял из воздуха кусок шоколадного пирога, и ты говоришь, что понимаешь меня. Я сам не понимаю, а ты говоришь, что понимаешь.

— Так уж получается, Гарви. Люди летают на Луну, и я знаю об этом ничуть не больше твоего, но уж такова наука. Думаю, это очень хорошо, что ты умеешь доставать предметы из воздуха, но разобраться в этом вряд ли сможет даже самый большой компьютер.

— Так чего же ты все время твердишь, что все понимаешь?

— Я понимаю только то, что тебе надо хорошенько обо всем подумать. Посидеть дома и поразмыслить.

Гарви закрыл дверь спальни, вернулся в гостиную и задумался. По сути дела, он впервые за всю свою жизнь серьезно задумался о прошлом. Его голова переполнилась мыслями. Большинство из них оказалось откровенным воплощением его давнишних разочарований. Если бы кто-нибудь сказал Гарви днем раньше, что на пятьдесят процентов он состоит из кипящей массы разочарований, он с жаром отверг бы обвинения. Теперь эта сторона жизни предстала перед ним в самом неприкрытом виде. Гарви был разочарован своей жизнью, работой, домом, женой, своим прошлым и

своим будущим. Он никогда не хотел становиться бухгалтером — это вышло как-то само собой. Он всегда мечтал жить в большом, просторном загородном доме, а сам ютился в жалкой квартире с тонюсенькими стенами на шестом этаже огромного дома, выстроенного на скорую руку. Его прошлое было скучным и бесцветным, а будущее не сулило никаких перемен к лучшему. Его жена?..

Он подумал о своей жене. Не то чтобы он не любил Сьюзи; он ничего не имел против нее, он просто не слишком высоко ценил свои с ней отношения. Сьюзи была невысокой, темноволосой и довольно привлекательной женщиной, но Гарви так и не смог припомнить, что и как заставило его жениться на ней. Всю жизнь он заглядывался на крупнотелых блондинок. Он обожал высоких, полногрудых, красивых блондинок. Он мечтал о таких женщинах, он оборачивался, заведя их на улице; он думал о них, ложась спать и пробуждаясь ото сна.

Сейчас он тоже представлял себе такую женщину. Вдруг на лице Гарви появилась улыбка: его осенила новая идея. Он приподнялся в кресле, пристально посмотрел на дверь в спальню. Там гремел телевизор. Гарви выпрямился.

— Была не была! — сказал он.

Это был уже новый Гарви Кеплмен. Он расправил плечи.

— Высокая, светловолосая, красивая... — прошептал он и заколебался, столкнувшись со слабым сопротивлением рассудка. — Черт с ним, с рассудком!

Он вытянул перед собой обе руки, и женщина появилась так неожиданно, что Гарви даже не сумел удержать ее, и она упала на пол, громко стукнувшись головой о паркет. Перед Гарви лежала прекрасная пышногрудая блондинка, нагая и... мертвая.

Гарви замер, не сводя с нее глаз.

Дверь спальни распахнулась, и на пороге появилась Сьюзи, которая тоже застыла на месте.

— Что это?! — воскликнула она.

Ответ напрашивался сам собой. Гарви сглотнул слюну и склонился над блондинкой.

— Не трогай ее!

— Кажется, она мертва,— безнадежно произнес Гарви,— надо посмотреть, так это или нет.

— Кто она такая? Откуда она взялась?

Гарви обернулся, и их взгляды скрестились.

— Не может быть!

Гарви утвердительно кивнул.

— Нет. Не верю. Эта? — Сьюзи подошла к крупнотелой блондинке поближе. — В ней семь футов росту, ни дюйма меньше. Гарви, какой же ты гадкий!

Гарви незаметно для Сьюзи коснулся тела женщины прямо под огромными грудями. Она была холодна, как замороженная рыба.

— Ну как?

— Она холодна, как дохлая макрель, — мрачно ответил Гарви.

— Пощупай ее пульс.

— Она мертва. Взгляни на ее глаза, — он пощупал пульс. — Пульса нет.

— Замечательно, — сказала Сьюзи. — Просто замечательно, Гарви. У меня в доме лежит мертвая блондинка семи футов росту с огромными грудями, и что прикажешь с ней делать?

— Думаю, сначала тебе следует укрыть ее, — смиренно предложил Гарви.

— Ты прав, черт возьми, мне следует укрыть ее, — Сьюзи решительно прошла в спальню и вернулась с простыней, которая едва прикрыла огромное тело.

— Что же мне теперь делать? — сказал Гарви.

— Верни ее туда, откуда взял.

— Ты, должно быть, шутишь.

— Ничуть, — сказала Сьюзи совершенно незнакомым тоном, холодно и ядовито. — Если ты смог достать ее из воздуха, значит, сможешь отправить обратно.

— Как? Может, подскажешь, раз уж ты так хорошо во всем разбираешься?

— Я не развращенка.

— «Извращенка», ты хотела сказать. Кто это здесь извращенец?

Сьюзи сорвала простыню.

— Взгляни на нее.

— Да видел я ее, видел! Что делать-то с ней будем?

— «Будешь», а не «будем»!

— О'кей, о'кей, что же мне с ней делать?

— Подними ее с пола и отправь обратно.

— Куда?

— Туда, откуда ты доставал все эти чертовы предметы, все твои паршивые булочки и датские пирожные.

Гарви покачал головой.

— Мы уже давно женаты, Сьюзи, и ты никогда так не разговаривала со мной.

— Ты тоже никогда не дарил мне мертвую блондинку семи футов ростом.

— Это верно, — согласился Гарви, протянул руку и достал датское пирожное с начинкой из чернослива.

— Зачем ты это делаешь?

— Хочу попробовать отправить его обратно.

— Послушай, Гарви, — сказала Сьюзи, немного смягчившись, — тебе не пирожное надо отправлять назад. Тебе надо отправить эту... Эту Большую Бертю.

Гарви между тем тыкал в воздух датским пирожным.

— Гарви, оставь в покое пирожное.

Он разжал пальцы, надеясь, что оно вернется туда, откуда взялось, но вместо этого пирожное звонко шлепнулось на одну из огромных грудей, разбрызгав начинку чуть ли не по всему телу. Гарви, сбегав за салфеткой, стал неистово стирать капли, но только испортил дело. Сьюзи с влажной губкой и пачкой бумажных полотенец присоединилась к нему.

— Дай я помогу.

Она занялась грудью великанши. А Гарви тем временем попробовал оторвать от пола длинные мясистые ноги.

— Легко сказать: «отправь его обратно», — проворчал он. — Сьюзи, я не могу даже приподнять ее. Для этого нужен подъемный кран. Она весит не меньше двухсот пятидесяти фунтов.

— По-моему, ты всю жизнь мечтал об этом. Знаешь, она холодна как лед.

— Думаешь, это я ее убил? — горестно спросил Гарви.

— Не знаю. Пожалуй, надо позвонить Дэйву.

— Зачем?

— Он знает, что надо делать.

— Лучше бы это твой братец валялся голым у нас на полу, а не эта туша.

— Конечно. Ты и мне того же желаешь.

— Я никогда не желал твоей смерти. Я говорю о твоём брате, Дэйве.

— По крайней мере, у него могут появиться какие-нибудь идеи.

— У меня уже появилась, — сказал Гарви. — Моя идея проста и как нельзя лучше подходит к ситуации. Вызови полицию.

— Что? Гарви, ты что, с ума сошел от своей порядочности? Она мертва, и виноват в этом ты. Ты убил ее.

— Итак, я убил ее. Что же мне делать? Разрезать ее на кусочки и спустить в канализацию? Мы даже вида крови не вынесем. Отвезти на какой-нибудь пустырь? Даже вместе с твоим паршивым братцем Дэйвом мы не сможем оторвать ее от пола.

— Гарви, — взмолилась она, — надо подумать.

Они подумали, а потом Гарви вызвал полицию.

Мертвое тело, как обнаружил Гарви, вызвало небольшой ажиотаж. По их маленькой квартире рыскали девять человек: врачи скорой помощи, полицейские в униформе, специалист по отпечаткам пальцев, судебно-медицинский эксперт, фотограф и другие. Девятым был широкоплечий мужчина в штатском. Его звали лейтенант Серпио, он сурово отдавал приказы и совсем не улыбался. Гарви и Сьюзи сидели рядышком на кушетке и наблюдали за ним.

— Хорошо, увезите ее, — распорядился Серпио.

Подчиненные попытались сделать это.

— Никогда не видел ничего подобного, — пробормотал судебно-медицинский эксперт. — В ней никак не меньше семи футов роста.

— Келли, не стой столбом, помоги им! — крикнул Серпио одному из полицейских в форме.

Келли присоединился к врачам скорой помощи, и вместе с еще одним полицейским они уложили тело блондинки на носилки. Когда процессия протискивалась в дверь, Сьюзи сказала мужу:

— Ты не извращенец, Гарви. Ты — паршивый эгоист. Я долго думала, кто ты такой, и наконец поняла — ты просто кобель.

— Великолепно, — согласился Гарви. — Я никому ничего не сделал, а теперь на меня всех собак вешают.

— Ты просто кобель, — повторила она.

— Вот уж никак не могу поверить в это.

— А ты попробуй. Привыкнешь.

— Отчего она умерла, док? — поинтересовался лейтенант Серпио у судебно-медицинского эксперта.

— Один Бог знает отчего. Может, сломала себе позвоночник, пока несла свой бюст. Поеду к себе, поковыряюсь в ней немного, а потом дам вам знать.

Квартира опустела. Остались Серпио и один из полицейских в униформе. Серпио стоял перед Гарви и Сьюзи, задумчиво рассматривая их.

— Расскажите все с самого начала, — попросил лейтенант.

— Я уже все вам рассказал.

— Расскажите еще раз. У меня уйма времени. Раньше мне казалось, что за двадцать лет работы в этом проклятом городе я повидал все. Выходит, что нет. Этот случай разнообразит мою практику. Так кто же она такая?

— Не знаю.

— Откуда она взялась?

— Я извлек ее из воздуха.

— Понятно. Вы достали ее из воздуха. Я бы мог отправить вас в сумасшедший дом, но я просто заинтригован. И давно вы извлекаете предметы из воздуха?

— Нет, сэр, — вежливо ответил Гарви. — С сегодняшнего утра.

— А вы? — обратился лейтенант к Сьюзи. — Вы тоже достаете предметы из воздуха?

Она отрицательно замотала головой.

— Это у Гарви такие способности.

— А что еще Гарви достает из воздуха? — терпеливо попытывался Серпио.

— Датские пирожные.

— Датские пирожные?

— Датские пирожные с начинкой из чернослива, — объяснил Гарви.

Лейтенант обдумал услышанное.

— Понятно. Скажите, мистер Кеплмен, а почему именно датские пирожные с начинкой из чернослива? Вы можете ответить на этот вопрос?

— Я объясню, — встряла Сьюзи. — Видите ли, мы были в Балтиморе...

— Пусть он сам объяснит.

— Они мне нравятся, — изрек Гарви.

— А при чем тут Балтимор?

— Там их умеют делать, — сказал Гарви.

— Датские пирожные?

— Да, сэр.

— А теперь скажите мне, кто эта блондинка?

— Не знаю.

— Отчего она умерла?

— Не знаю.

— Врач говорит, что смерть наступила много часов назад. Когда она здесь появилась?

— Я уже сказал вам.

— Где ее одежда, Гарви?

— Я уже объяснил. Я достал ее именно в таком виде.

— Хорошо, Гарви, — произнес лейтенант со вздохом. — Мне придется арестовать вас вместе с женой и отвезти обоих в город, поскольку подобные объяснения не оставляют мне другого выбора. Вы имеете право... Впрочем, черт с ним. Вот что я скажу вам, Гарви... Вы с женой поедете со мной в полицию, мы пока не будем вас арестовывать, а просто посмотрим, смогут ли там выяснить, отчего она умерла. Понятно?

Гарви и Сьюзи грустно кивнули.

По дороге они шепотом спорили между собой, сидя на заднем сиденье машины лейтенанта Серпио.

— Покажи ему датское пирожное, — все время шептала Сьюзи.

— Нет.

— Почему нет?

— Не хочу.

— Но он же тебе не верит. Это так просто. Если ты достанешь датское пирожное, то, может быть, он тебе поверит.

— Нет.

— А гамбургер?

— Нет.

Лейтенант Серпио провел их в контору, где находилось много полицейских в форме и несколько в штатском, подвел к скамейке и с некоторой долей заботливости в голосе сказал:

— Сидите здесь, успокойтесь и не нервничайте. Если захотите чего-нибудь, попросите вот того парня за столом.

Потом он подошел к столу и тихо переговорил с сидящим за ним полицейским. Прошло около минуты, потом полицейский встал из-за стола, подошел к Сьюзи с Гарви и сказал:

— Расслабьтесь, не нервничайте. Все будет в порядке. Гарви, хотите датское пирожное с черносливом?

— Зачем?

— Может вы проголодались. Ничего особенного. Я пошлю мальчика, и через пять минут он принесет пирожное с черносливом. Ну, как?

— Нет, — отказался Гарви.

— Думаю, нам следует позвонить нашему адвокату, — сказала Сьюзи.

Полицейский отошел, и Гарви спросил у нее, кому она хотела звонить, ведь своего адвоката у них никогда не было.

— Не знаю, Гарви. В таких случаях всегда звонят адвокату. Я боюсь.

— Они сочтут меня либо сумасшедшим, либо убийцей. Так всегда бывает. Лучше бы я никогда не видел твоего паршивого братца.

— Гарви, ты начал выхватывать пирожные из воздуха еще до того, как мой брат переступил порог нашей квартиры.

— Верно, — согласился Гарви.

В эту самую минуту судебно-медицинский эксперт сидел перед лейтенантом Серпио и начальником полиции и объяснял им следующее:

— Данный случай нельзя расценивать как убийство, поскольку эта светловолосая киска никогда не была живой.

— Послушайте, я занятой человек, — сказал начальник полиции. — Сегодня вечером у нас произошло одиннадцать убийств — всего за один воскресный вечер. Я уже не говорю о двух самоубийствах. Так что прошу меня не запутывать вашими загадками.

— Я сам запутался.

— Хорошо. Что там у вас насчет этой мертвой блондинки?

— Она мертва только с формальной точки зрения. Как я уже сказал, она никогда не была живой. Это какая-то невероятная конструкция, созданная полоумным доктором Франкенштейном. Снаружи у нее почти все в порядке, если не считать того, что ее создатель забыл про ногти на пальцах ног, но у нее нет и не было сердца, почек. Нет желудка, легких, сосудистой системы и практически нет крови, а та жидкость, которая заменяет ей кровь, на самом деле таковой не является, поскольку у нее все не так, как у людей.

— Тогда что же у нее внутри?

— Что-то вроде сырого бифштекса.

— О чем вы говорите, черт возьми? — крикнул начальник полиции.

— Что слышали, то и говорю, — грубо ответил судебно-медицинский эксперт.

— Ну-ну. Я даю вам на исследование мертвую блондинку семи футов ростом, от одного вида которой вы подпрыгиваете до потолка, хоть она и мертвая, а теперь вы утверждаете, что она никогда не жила. Поверьте, на своем веку я повидал достаточно трупов, в том числе и трупов красивых блондинок, но все они когда-то были живыми.

— Только не эта. У нее нет даже позвоночника, так что она никогда не смогла бы подняться. Я напишу о

ней статью и, если получится, опубликую в Англии. Знаете, опубликовав такую статью в Англии, можно снискать себе уважение. Здесь — никогда.

— Кто привез труп? — поинтересовался начальник полиции.

— Серпио привез.

— Голую?!

— Как есть, — подтвердил Серпио. — Мы обнаружили ее распластавшейся на полу квартиры Гарви и Сьюзи Кеплмен. Гарви Кеплмен — бухгалтер. Сейчас они оба сидят наверху.

— Им предъявлено обвинение?

— А что мы можем им предъявить?

— Невероятно красивая, — вмешался судебно-медицинский эксперт. — Вкальываешь на этой проклятой работе и не видишь ничего интересного. Где они ее откопали? Что они говорят?

— Этот Гарви Кеплмен, — ответил Серпио, — говорит, что достал ее из воздуха.

— Да?

— Черт возьми, Серпио! — опять вскипел начальник полиции.

— Это он говорит, а не я. Он говорит, что достает из воздуха датские пирожные и что ее он достал оттуда же.

— Датское пирожное? Что — такое, с черносливом?

— Да. Датское пирожное.

— Хорошо, — подытожил начальник полиции. — Мне остается надеяться, что вы в здравом уме и не пьяны. Если вы сошли с ума, вас будут лечить. Если вы напились, вас уволят. Итак, ведите их обоих ко мне в кабинет.

— Я тоже поприсутствую, — сказал судебно-медицинский эксперт. — Мне надо быть там.

На этот раз Серпио назвал Гарви «мистер Кеплмен».

— Мистер Кеплмен, — вежливо обратился он, — начальник полиции приглашает вас в свой кабинет.

— Я устала, — пожаловалась Сьюзи.

— Еще немного — и мы, может быть, все уладим... что такое, мистер Кеплмен?

— Я хочу, чтобы вы знали, — сказал Гарви, — со мной раньше ничего подобного не случилось. У меня хорошие рекомендации. Я работаю в одной и той же фирме шестнадцать лет.

— Мы знаем об этом, мистер Кеплмен. Мы не отнимем у вас много времени.

Через несколько минут у начальника полиции собрались: Гарви, Сьюзи, Серпио, сам хозяин кабинета и судебно-медицинский эксперт. Начальник налил всем кофе.

— Прошу вас, мистер и миссис Кеплмен, — начал он. — У вас был тяжелый день, — голос его звучал мягко и успокаивающе. — Кстати, мне сказали, что вы умеете доставать из воздуха датские пирожные. Я могу послать за ними, но к чему это, если вы можете извлечь их свеженькими прямо из воздуха. Попробуем?

— Ну...

— Гарви вообще-то не очень любит доставать предметы из воздуха, — сказала Сьюзи. — Он считает, что это неправильно. Разве не так, Гарви?

— Ну, — неловко начал Гарви, — ну... Я всю свою жизнь не отличался талантами. Мою мать звали Рут Кеплмен... — он заколебался, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Продолжайте, Гарви, — подбодрил его начальник полиции. — Расскажите нам все, что считаете нужным.

— Она была художницей. Она написала много картин и все время твердила друзьям: «У Гарви нет ни единой творческой жилки».

— А как насчет датского пирожного, Гарви?

— Ну, мы с Сьюзи ехали через Балтимор...

— Детектив Серпио уже рассказал мне об этом. Я думал, что уж коли мы все сейчас сидим здесь и пьем кофе, а время уже за полночь, то, может быть, вы протянете руку и достанете нам из воздуха датское пирожное?

— Вы мне не верите? — жалобно произнес Гарви.

— Скажем так: мы хотим вам поверить, Гарви.

— Вот почему мы просим показать нам это, Гарви, — сказал Серпио. — Чтобы мы поверили и закрыли это дело.

— Минуточку, — вступил в разговор судебно-медицинский эксперт. — Вы когда-нибудь изучали биологию, Гарви? Физиологию? Анатомию?

Гарви покачал головой.

— Как же так? — не отставал эксперт.

— Когда я был маленьким, мы все время переезжали с места на место. Я просто пропустил эти предметы.

— Понятно. Ну, давайте, Гарви, достаньте пирожное.

Гарви вытянул руку и сжал кулак, но... Ничего не произошло. Он просто схватил воздух. Лицо Гарви выразило смущение и разочарование. Он попробовал второй и третий раз, но рука оставалась пустой.

— Гарви, попробуй с пресными булочками, — посоветовала Сьюзи.

Он сосредоточился, но рука все равно оставалась пустой.

— Пожалуйста, Гарви, — попросила Сьюзи, но потом, поняв, что все кончилось, повернулась к полицейским и заявила, что талант Гарви пропал по их вине, что она вызовет адвоката, пригрозила возбудить дело.

— Серпио, отряди полицейского с машиной, чтобы он отвез Кеплменов домой, — приказал начальник полиции, а когда Серпио, Сьюзи и Гарви ушли, повернулся к эксперту и посетовал: — Если здоровье позволит долго работать в полиции, насмотришься такого... Но теперь-то я точно повидал все, что только можно. Скажите, док, вы сняли отпечатки пальцев у этой красотки?

— У нее нет отпечатков.

— Да?!

— Так рушатся наши надежды, — сказал судебно-медицинский эксперт. — Мечта каждого американского парня — семь футов росту и бюст сорок шестого размера. Как мне оформить свидетельство о смерти женщины, которая никогда не была живой?

— Это уж ваши проблемы. Как вы думаете, может, нам следовало задержать тех двоих?

— За что?

— В том-то все и дело. Вы религиозный человек, док?

— Иногда мне хочется быть таковым.

— Не могу избавиться от ощущения, что вокруг творятся какие-то чудеса.

— Все на свете есть чудеса: рождение, смерть, сумасшествие...

— Да. Так и быть, оформи ее как неопознанный труп и засунь подальше в холодильник, пока репортеры не пронюхали.

— Да, это все, что требуется, — согласился судебно-медицинский эксперт.

Тем временем в четырехкомнатной квартире на шестом этаже безутешно плакала Сьюзи. Гарви пытался ее успокаивать, заверяя, что теперь, сколько бы он ни старался, ему ни за что не справиться с десятидолларовыми купюрами.

— Да кому они нужны, эти чертовы купюры? — всхлипывала Сьюзи.

— В чем же тогда дело, милая?

— Милая! Мы прожили вместе столько лет, а ты, оказывается, не хочешь ничего, кроме этой огромной семифутовой блондинки с бюстом сорок шестого размера.

— Это все потому, что у меня никогда не было того, о чем я мечтал, — пытался объяснить Гарви.

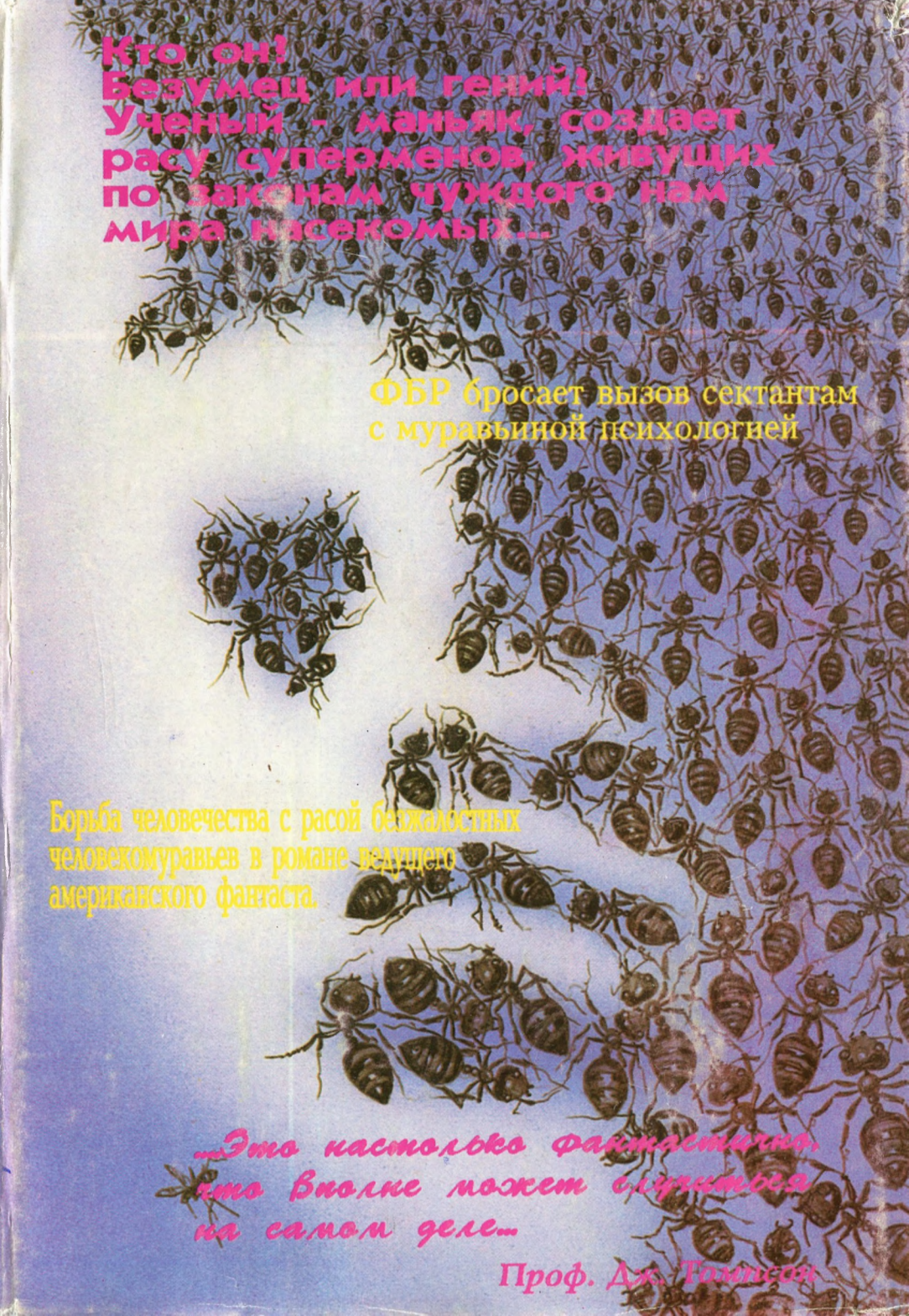
— Даже меня?

— Кроме тебя, милая.

Вскоре они легли спать, и стоило им только сделать это, как вещи заняли свои места и жизнь снова стала такой же прекрасной, какой была до этого злополучного утра.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ф Херберт МУРАВЕЙНИК ХЕЛЛСТРОМА	3
Г. Фаст РАССКАЗЫ	309

Кто он!
Безумец или гений!
Ученый — маньяк, создает
расу суперменов, живущих
по законам чуждого нам
мира насекомых...

ФБР бросает вызов сектантам
с муравьиной психологией

Борьба человечества с расой безжалостных
человекомуравьев в романе ведущего
американского фантаста.

...Это настолько фантастично,
что вполне может случиться
на самом деле...

Проф. Дж. Тейлор